МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

№ 1 (20)

ВОЛГОГРАД — 2012

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

№ 1 (20) 2012

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской академии МВД России. Выпуск 1 (20) 2012 : научно-методический журнал. — Волгоград : ВА МВД России, 2012. — 256 с.

Учредитель и издатель — Волгоградская академия МВД России

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Аннотации статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки **(www.elibrary.ru)**

Регистрационный номер в Нижневолжском управлении Росохранкультуры — **ПИ № ФС9** — **0869** от 9 июня 2006 г.
Подписной индекс в каталоге «Роспечать» — **22761**

© Волгоградская академия МВД России, 2012

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА И РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА

Главный редактор журнала — заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, начальник Волгоградской академии МВД России В. И. Третьяков.

Заместитель главного редактора — заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук Н. В. Павличенко.

Состав редакционного совета:

1. В. И. Третьяков, начальник Волгоградской академии МВД России, д. ю. н., доцент.
2. Ю. С. Чичерин, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по учебной работе), к. ю. н., доцент.
3. П. В. Анисимов, профессор кафедры теории права и прав человека Волгоградской академии МВД России, д. ю. н., профессор.
4. В. Г. Бирюлькин, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, к. ю. н., доцент.
5. М. В. Бобовкин, профессор кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, д. ю. н., профессор.
6. В. Г. Глебов, начальник кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, к. ю. н., профессор.
7. Н. И. Грачев, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, д. ю. н., профессор.
8. В. В. Денисенко, профессор кафедры административного права Ростовского юридического института, д. ю. н., профессор.
9. Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права Волгоградской академии МВД России, д. ю. н., доцент.
10. С. Г. Еремин, профессор кафедры предварительного расследования Волгоградской академии МВД России, д. ю. н., доцент.
11. Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, д. ю. н., профессор.
12. Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России, к. ю. н., доцент.
13. А. Н. Ильяшенко, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе, д. ю. н., профессор.
14. С. А. Комаров, начальник аналитического отдела правового управления Государственной думы РФ, д. ю. н., профессор.
15. В. И. Косяченко, профессор кафедры тактико-специальной подготовки Волгоградской академии МВД России, к. п. н., доцент.
16. И. В. Латышов, начальник кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, к. ю. н., доцент.
17. В. А. Летяев, проректор по науке Волжского гуманитарного института (филиал Волгоградского государственного университета), д. ю. н., профессор.
18. Е. А. Матвиенко, начальник кафедры философии, к. ф. н., доцент.
19. А. И. Овчинников, начальник кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института, д. ю. н., профессор.
20. В. А. Овчинников, начальник кафедры боевой и физической подготовки Волгоградской академии МВД России, к. п. н., доцент.
21. Г. А. Печников, профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, д. ю. н., доцент.
22. А. Н. Попович, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, к. филос. н., доцент.
23. Н. С. Прокурова, профессор кафедры русского языка Волгоградской академии МВД России, д. филол. н., профессор.
24. В. А. Рудковский, профессор кафедры теории права и прав человека Волгоградской академии МВД России, д. ю. н., доцент.
25. В. А. Ручкин, профессор кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, д. ю. н., профессор.
26. С. И. Рябов, заведующий отделом аппарата главы администрации Волгоградской области, д. и. н., профессор.
27. И. Н. Сенякин, профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной академии права, д. ю. н., профессор.
28. Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России, д. ю. н., профессор.

29. И. В. Федюкин, начальник факультета заочного обучения Волгоградской академии МВД России, к. ю. н.
30. П. М. Филиппов, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, д. ю. н., профессор.
31. Н. Н. Шведова, начальник учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, к. ю. н., доцент.

Состав редакционной коллегии:

1. А. П. Алексеев, начальник кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, к. ю. н.
2. А. П. Алексеева, доцент кафедры уголовного права Волгоградской академии МВД России, к. ю. н., доцент.
3. Ю. П. Доронин, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, к. и. н., доцент.
4. О. С. Колосович, доцент кафедры уголовного процесса, к. ю. н., доцент.
5. Н. В. Котельников, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, к. ю. н.
6. И. А. Крепкова, начальник отделения полиграфической и оперативной печати Волгоградской академии МВД России, к. и. н.
7. В. И. Медведев, начальник кафедры тактико-специальной подготовки Волгоградской академии МВД России, к. ю. н.
8. Е. В. Пантелеев, и. о. начальника кафедры теории права и прав человека Волгоградской академии МВД России, к. и. н.
9. Н. Л. Радаева, начальник отделения информационно-пропагандистского обеспечения Волгоградской академии МВД России, к. ю. н.
10. А. В. Саенко, старший редактор редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России.
11. А. С. Самоделкин, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники, к. ю. н.
12. О. В. Стрилец, начальник кафедры уголовного права Волгоградской академии МВД России, к. ю. н.
13. А. А. Тимофеева, начальник учебного отдела.
14. А. А. Тихонов, начальник редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России, к. филос. н.
15. Е. Н. Трофимов, доцент кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России, к. м. н., доцент.
16. А. Г. Фастов, ученый секретарь ученого совета Волгоградской академии МВД России, к. ю. н., доцент.
17. А. В. Харченко, начальник адъюнктуры (докторантуры) Волгоградской академии МВД России, к. ю. н., доцент.
18. Н. В. Ходякова, начальник кафедры информатики и математики Волгоградской академии МВД России, к. п. н., доцент.

Технический редактор *Л. Н. Портышева*

Корректор *С. Н. Ненькина*

Перевод *А. А. Кафтановой*

Компьютерная верстка *Н. А. Доненко*

Дизайн обложки *Н. Н. Грибановой*

Волгоградская академия МВД России. Редакционно-издательский отдел.
400089, Волгоград, ул. Историческая, 130.

ОПиОП ВА МВД России. 400131, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано в печать 27.03.2012 г. Формат 60Х84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Печать офсетная. Физ. печ. л. 32,0. Усл. печ. л. 29,8. Тираж 500. Заказ 14.

СОДЕРЖАНИЕ

О ГЛАВНОМ

Глазунов В. Ю. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ — ОДНА ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ ЗАДАЧ ПОЛИЦИИ…. 11

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Ходарева Т. В. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА……. 16

КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Булгакова Е. В. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ …… 21

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Аширбекова М. Т. О НОВЫХ ПОВОДАХ К ВОЗБУЖДЕНИЮ УГОЛОВНОГО ДЕЛА…….. 27
Герасименко Н. С. ПРОБЛЕМА СМЕРТНОЙ КАЗНИ И ЗАКОННОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА ЖИЗНЬ……. 33
Кривошеин П. К. АБОРТ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ …… 38
Кривошеин П. К., *Ахмедова С. Ш.* БУДЕТ ЛИ РЕАБИЛИТАЦИЯ ПОВТОРНОСТИ КАК ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО ПРАВА? …….. 48
Сазонова О. А. АРБИТРАЖНЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ КАК СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 2 СТ. 195 УК РФ …….. 53
Симоненко А. В. СИСТЕМА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В МЕХАНИЗМЕ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ …….. 58
Третьяков В. И., Бугера М. А. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИХ ХИЩЕНИЯМ …….. 62

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Белокобыльская О. И., *Белокобыльский М. Е.* ТАКТИКА ДОПРОСА ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППАМИ …… 69
Белокобыльская О. И., Закатов А. А. ПРОСЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППАМИ…….. 74
Вехов В. Б. ТАКТИКА ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ О СОЕДИНЕНИЯХ МЕЖДУ АБОНЕНТАМИ И (ИЛИ) АБОНЕНТСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ…… 79
Гусев В. А. ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, ОГРАНИЧИВАЮЩИХ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА, В СЛУЧАЯХ, КОТОРЫЕ НЕ ТЕРПЯТ ОТЛАГАТЕЛЬСТВА …….. 82
Еремин С. Г. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННО-ФИНАНСОВЫХ ОПЕРАЦИЙ В БУХГАЛТЕРСКОМ УЧЕТЕ ОРГАНИЗАЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ…… 86

Еремин С. Г., *Резван А. П.* ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ
О ХИЩЕНИИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЗАПАСОВ В БУХГАЛТЕРСКОМ УЧЕТЕ
ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ …… 91
Замылин Е. И. РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ
УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ОДНО ИЗ ОСНОВАНИЙ ПРИМЕНЕНИЯ
МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ …….... 97
Закатов А. А., *Замылин Е. И.* ЗАВЕДОМО НЕДОСТОВЕРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ
В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С НЕЮ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС) ……. 103
Колосович М. С. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ ПРОКУРОРА…….. 110
Колосович М. С., *Резван А. П.*, *Закатов А. А.* О НЕОБХОДИМОСТИ ДАЛЬНЕЙШЕГО
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОВОДОВ ВОЗБУЖДЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА…….. 116
Колотушкин С. М. ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ, ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЕМ НЕФТИ ПРИ ЕЕ ТРАНСПОРТИРОВКЕ
ВОДНЫМ ТРАНСПОРТОМ……... 120
Луговик В. Ф. ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ
РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА …….. 129
Овсянников И. В. ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ……. 136
Печников Г. А., Резван А. П., Назаров С. Д. ОБ ОСНОВНЫХ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЯХ,
ВЕДУЩИХ К ОБЪЕКТИВНО-ИСТИННОМУ РЕЗУЛЬТАТУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ …… 142
Прокуров Е. В. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ РАЗРАБОТКА ВЕРОЯТНОСТНО-СТАТИСТИЧЕСКОГО
МЕТОДА ОЦЕНКИ ЧАСТНЫХ ПРИЗНАКОВ ПОЧЕРКА…… 149
Серый Ф. Г. О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ…….. 155
Смагоринский Б. П., *Вехов В. Б., Мартынов А. Н.* ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ
И ОБОРОТА МАТЕРИАЛОВ С ПОРНОГРАФИЧЕСКИМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ…… 159
Смагоринский Б. П., Павленко И. А. О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ
ХИЩЕНИЙ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БАНКОВСКИХ КАРТ
НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ…… 166
Смагоринский Б. П., *Огородникова Е. Г.* СПЕЦИФИКА ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ…….. 172
Шаова Т. Г., *Прокуров Е. В.* ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩИХ ПРИЗНАКОВ ПОЧЕРКА
И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ…… 176
Широ С. В. ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ-СИРОТ, НАХОДЯЩИХСЯ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ
УЧРЕЖДЕНИЯХ …… 183
Шматов М. А., Балконский А. Г., *Дмитриенко С. А.* СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ В ПРОЦЕССЕ
ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ…….. 186

А К Т У А Л Ь Н Ы Е П Р О Б Л Е М Ы В Ы С Ш Е Й Ш К О Л Ы

Коломок О. И., Винокурова С. А. ФОРМИРОВАНИЕ У СТУДЕНТОВ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ
К СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМУ КОМПОНЕНТУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ……. 190

Феофанова Л. Н., *Ермакова А. А.*, *Тарасова И. А.* О ДИАГНОСТИКЕ В ПЕДАГОГИКЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ…… 195
Щербакова М. В. КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА ВУЗА КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ…… 200

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ

Катаргулов А. Н. ПОСТРОЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ВУЗЕ…….. 206

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ОВД

Долинко В. И. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СФЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СИСТЕМЫ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СНАБЖЕНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ И РОЛЬ ОВД В ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИИ …….. 210
Медведев А. И. ПРИМЕНЕНИЕ МЕР НАСИЛЬСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ…… 216
Ручкин В. А. СОВРЕМЕННЫЕ БОЕПРИПАСЫ В КРИМИНАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ: ТЕНДЕНЦИИ ИХ РАЗВИТИЯ…….. 219

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Гулевский А. Н. ГЕНЕРАЛ-МАЙОР МИЛИЦИИ ДОРОХОВ ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ…….. 222
Лихолетов А. А. ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА АЗАРТНЫХ ИГР В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ ДО ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. …….. 229

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

Кибак И. А. ПСИХОЛОГИЯ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ…… 235

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ …… 242

CONTENTS

KEY ISSUES

Glazunov V. Y. COMBATING EXTREMISM AS ONE OF THE POLICE PRIORITIES …….. 11

CURRENT PROBLEMS OF STATE AND LAW

Khodareva T. V. LEGAL CULTURE AS A FACTOR OF EFFECTIVE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS ….. 16

CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE LAW

Bulgakova E. V. PECULIARITIES OF DEVELOPMENT OF INFORMATION LEGISLATION
OF THE VOLGOGRAD REGION …… 21

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Ashirbekova M. T. ABOUT NEW REASONS FOR INITIATING CRIMINAL PROCEEDINGS …….. 27
Gerasimenko N. S. DEATH PENALTY AS THE PEOPLE'S WAR AGAINST ONE CITIZEN …… 33
Krivoshein P. K. ABORTION: SOCIAL AND LEGAL ASPECT …… 38
Krivoshein P. K., Akhmedova S. Sh. WILL THERE BE THE REHABILITATION OF REPEATABILITY
AS AN INSTITUTE OF CRIMINAL LAW? …….. 48
Sazonova O. A. COURT-APPOINTED MANAGER AS A PERPETRATOR OF A CRIME STIPULATED
BY PART 2 ARTICLE 195 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION …… 53
Simonenko A. V. SYSTEM OF VALUES IN THE MECHANISM OF CRIMINAL BEHAVIOR
OF AN INDIVIDUAL …… 58
Tretyakov V. I., Bugera M. A. HISTORY OF DEVELOPMENT OF CELLULAR COMMUNICATION MEANS
AND COUNTERACTION AGAINST THEIR STEALING …….. 62

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, AND OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

Belokobylskaya O. I., Belokobylsky M. E. TACTICS OF QUESTIONING ON CASES
OF MURDER COMMITTED BY ORGANIZED GROUPS …… 69
Belokobylskaya O. I. Zakatov A. A. PROCEDURAL ASPECTS OF INTERACTION DURING INVESTIGATION
OF MURDERS COMMITTED BY ORGANIZED GROUPS …… 74
Vekhov V. B. TACTICS OF OBTAINING INFORMATION ABOUT CONNECTION BETWEEN SUBSCRIBERS
AND (OR) SUBSCRIBER UNITS …….. 79
Gusev V. A. PECULIARITIES OF THE CONDUCT OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES
RESTRICTING HUMAN AND CIVIL CONSITUTIONAL RIGHTS IN CASES THAT ADMIT OF NO DELAY ….. 82
Eremin S. G. COMMON FACTORS OF EXPRESSION OF CRIMINAL ECONOMIC AND FINANCIAL
OPERATIONS' SPECIFIC FEATURES IN BUSINESS ACCOUNTING OF CATERING ORGANIZATIONS…… 86
Eremin S. G., Rezvan A. P. COMMON FACTORS OF REPRESENTATION OF INFORMATION
ABOUT STEALING OF PRODUCTION RESERVES IN BUSINESS ACCOUNTING
OF ECONOMIC ENTITIES …… 91

Zamylin E. I. IMPLEMENTATION OF THE STATE FUNCTION TO PROVIDE SAFETY FOR CRIMINAL PROCEEDINGS PARTICIPANTS AS ONE OF THE GROUNDS FOR APPLYING MEASURES OF RESTRICTION 97
Zakatov A. A., Zamylin E. I. INTENTIONALLY UNRELIABLE INFORMATION IN THE COURSE OF INVESTIGATION AND PROBLEMS OF STRUGGLING AGAINST IT (HISTORICAL INSIGHT) 103
Kolosovich M. S. THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE BY THE PROSECUTOR'S ORDER 110
Kolosovich M. S., Rezvan A. P., Zakatov A. A. ABOUT THE NECESSITY TO FURTHER IMPROVE LEGAL REGULATION OF REASONS FOR INITIATING A CRIMINAL CASE 116
Kolotushkin S. M. PROBLEMS OF PREVENTION, DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO OIL STEALING DURING ITS TRANSPORTATION BY WATER 120
Lugovik V. F. OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM 129
Ovsyannikov I. V. PROBLEMS OF REFORMING THE INITIAL STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS 136
Pechnikov G. A., Rezvan A. P., Nazarov S. D. ABOUT BASIC GNOSEOLOGICAL REQUIREMENTS LEADING TO OBJECTIVELY TRUE RESULTS IN CRIMINAL PROCEDURE 142
Prokurov E. V. EXPERIMENTAL DEVELOPMENT OF STOCHASTIC AND STATISTICAL METHOD OF EVALUATION OF HANDWRITING SPECIFIC FEATURES 149
Sery F. G. ABOUT SOME APPROACHES TO THE DEFINITION OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL SUPPORT FOR OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT BODIES 155
Smagorinsky B. P., Vekhov V. B., Martynov A. N. PECULIARITIES OF INVESTIGATION OF PRODUCTION AND TRADE IN MATERIALS WITH PORNOGRAPHIC IMAGES OF JUVENILES MADE WITH THE USE OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES 159
Smagorinsky B. P., Pavlenko I. A. ABOUT THE CURRENT STATE OF INVESTIGATION OF MONEY THEFT WITH THE USE OF BANK CARDS IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION 166
Smagorinsky B. P., Ogorodnikova E. G. SPECIFIC CHARACTER OF DETECTION OF SEXUAL CRIMES COMMITTED TOWARDS JUVENILES 172
Shaova T. G., Prokurov E. V. PROBLEMS OF EXAMINATION OF GENERAL FEATURES OF HANDWRITING AND WAYS OF THEIR SOLVING 176
Shiro S. V. LEGAL EDUCATION OF ORPHAN CHILDREN IN SPECIALIZED INSTITUTIONS 183
Shmatov M. A., Balkonsky A. G. Dmitrienko S. A. JUDICIAL REVIEW IN THE COURSE OF PRE-TRIAL AGREEMENT FOR COOPERATION 186

URGENT PROBLEMS OF HIGH SCHOOL

Kolomok O. I., Vinokurova S. A. DEVELOPMENT OF STUDENTS' VALUE ATTITUDE TOWARDS SOCIAL AND HUMANITARIAN COMPONENT OF PROFESSIONAL EDUCATION 190
Feofanova L. N., Ermakova A. A., Tarasova I. A. ABOUT DIAGNOSING IN HIGH SCHOOL PEDAGOGY..... 195
*Scherbakova M. V.*CORPORATE CULTURE OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION AS A FACTOR OF STUDENTS' PROFESSIONAL EDUCATION 200

INFORMATION TECHNOLOGIES IN TRAINING

Katargulov A. N. DEVELOPMENT OF THE INFORMATION EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION 206

VOCATIONAL TRAINING OF LAW ENFORCEMENT OFFICIALS

Dolinko V. I. IMPROVEMENT OF THE SPHERE OF ECONOMIC SECURITY OF THE LOGISTICS SYSTEM OF LAW ENFORCEMENT BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN SPECIAL CONDITIONS AND THEIR ROLE IN ITS PROVIDING …….. 210
Medvedev A. I. APPLICATION OF COERCIVE MEASURES WHEN APPREHENDING DELINQUENTS ……. 216
Ruchkin V. A. UP-TO-DATE AMMUNITION IN CRIMINAL PRACTICE: DEVELOPMENT TRENDS …….. 219

PAGES OF HISTORY

Gulevsky A. N. VICTOR ALEXANDROVICH DOROKHOV, MAJOR GENERAL OF MILITIA ……. 222
Likholetov A. A. HISTORICAL DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW PROHIBITION OF GAMBLING GAMES IN THE RUSSIAN LEGISLATION BEFORE THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917 ……. 229

SCIENTIFIC DISCUSSION

Kibak I. A. LAW-MAKING PSYCHOLOGY: PROBLEMS AND WAYS OF DEVELOPMENT ……. 235

ABOUT THE AUTHORS 242

В. Ю. Глазунов

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ — ОДНА ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ ЗАДАЧ ПОЛИЦИИ

В статье дано определение экстремизма, раскрыты причины возникновения экстремистских проявлений, рассмотрены проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности на примере СКФО, ЮФО и, в частности, Волгоградской области.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, межнациональные отношения, межрелигиозные конфликты, неформальные молодежные объединения.

V. Y. Glazunov

COMBATING EXTREMISM AS ONE OF THE POLICE PRIORITIES

In the article the author defines the extremism, finds out the causes of extremist activities, and analyzes the problems of combating extremist crimes by the example of the North Caucasian Federal District, the Southern Federal District, and the Volgograd region in particular.

Keywords: extremism, terrorism, international relations, interreligious conflicts, informal youth groups.

Происходящие на территории Российской Федерации и, в частности, на территории Волгоградской области процессы со всей очевидностью свидетельствуют о том, что вопросы борьбы с экстремизмом и его крайним проявлением — терроризмом — в настоящее время приобрели особую актуальность. Экстремизм и терроризм нередко становятся основными инструментами, используемыми религиозными, политизированными и просто преступными группами для реализации своих целей.

В 2011 г. Президент России Дмитрий Медведев среди первостепенных задач, стоящих перед сотрудниками МВД, определил и борьбу с терроризмом и экстремизмом. Что касается экстремизма, то Президент потребовал: «Жестоко пресекать экстремистские выступления, попытки разжигания межнациональной и межрелигиозной вражды», указал: «Нельзя давать экстремистам ни малейшего шанса дестабилизировать обстановку в стране, особенно в период общественно значимых мероприятий», подчеркнув, что все необходимые законодательные и другие возможности у МВД России есть.

22 марта 2011 г. на заседании расширенной Коллегии МВД Министр МВД России Рашид Нургалиев особо отметил рост экстремистских проявлений во всех федеральных округах, сопровождаемых увеличением числа жертв, изощренностью, дерзостью преступлений, углублением целей преступных посягательств, обозначив в качестве приоритетной задачи совершенствование оперативной и профилактической работы по борьбе с экстремизмом, а также усиление безопасности на объектах массового пребывания граждан.

Анализ террористических проявлений бандподполья свидетельствует о том, что экстремисты делают ставку на нагнетание напряженности на Северном Кавказе, прежде всего, в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии. Не устранена террористическая угроза и в центральных городах Российской Федерации. Теракт в аэропорту Домодедово показал, что терроризм и экстремизм продолжают оставаться системной угрозой национальной безопасности. В условиях многонациональной и поликонфессиональной страны, каковой является Россия, такого рода преступления, а равно как и правонарушения экстремистской направленно-

сти, наносят колоссальный вред, способный разрушить любое общество.

По данным Национального антитеррористического комитета, в 2011 г. в России (по состоянию на 1 октября) совершено 10 террористических актов: подрыв сотрудников силовых ведомств при исполнении ими своих должностных обязанностей — 2; подрыв мест дислокации войсковых частей, ОВД, КПП на федеральных трассах — 2; подрыв в местах массового пребывания людей — 5; обстрел сотрудников силовых ведомств при исполнении ими своих должностных обязанностей — 1. **География совершения террористических актов:** Республика Дагестан — шесть терактов (погибли одиннадцать, ранены — 126 человек), из которых два совершили террористы-смертники; Чеченская Республика — два теракта (погибли семь, ранен — 21 человек), из которых один совершили два террориста-смертника; Московская область — один теракт (погибли 36, ранен — 191 человек) совершил террорист-смертник. Хабаровский край — один теракт (ранен один человек).

В октябре кровавая статистика пополнилась: 14 ноября в г. Тырнауз (КБР) неизвестные бросили гранату в сотрудника ГИБДД. Полицейский получил тяжелые ранения, но смог ответным огнем из табельного оружия уничтожить одного из нападавших. Несмотря на это имеются яркие примеры эффективной организации работы и реализации получаемой оперативной информации: 28 марта в районе ингушского села Верхний Алкун в результате скоординированных действий правоохранительных органов и вооруженных сил России была уничтожена база по подготовке террористов-смертников. В ходе операции, по данным Национального антитеррористического комитета, были задержаны два участника теракта в аэропорту «Домодедово», 21 ноября в Нальчике — три участника НВФ, планировавшие террористический акт, были блокированы и уничтожены спецназом.

Хочу добавить, что принимаемые правоохранительными органами во взаимодействии с органами государственной власти, местного самоуправления и контролирующими структурами организационные и практические меры по противодействию проявлениям экстремизма и терроризма позволили добиться изменений в положительную сторону. Так, в ноябре текущего года начальник управления Генпрокуратуры РФ Ю. Алексеев в своем интервью ИТАР-ТАСС отметил, что волна экстремистских преступлений в России впервые за пять лет пошла на спад, однако анализ обстановки и правоприменительной практики свидетельствует, что еще имеется ряд нерешенных проблем: актуальным остается вопрос обеспечения должного уровня антитеррористической защищенности объектов особой важности и жизнеобеспечения, недостаточное внимание уделяется деятельности общественных объединений и организаций, использующих несовершенство законодательства для почти открытой пропаганды национальной ненависти и вражды, информационное противодействие идеологии экстремизма находится на низком уровне. Результат не заставляет себя ждать: в последнее время наблюдается активизация экстремистских группировок, использующих в своих интересах националистические настроения участников некоторых неформальных молодежных объединений, а в качестве средства мобилизации — «социальные сети».

В качестве примера напомню о декабрьских событиях 2010 г. 11 декабря 2010 г. несанкционированный митинг, связанный с гибелью фаната «Спартака», перерос в массовые драки и столкновения с милицией на Манежной площади в Москве. В митинге принимали участие футбольные фанаты и активисты националистических группировок. Во время и после митинга агрессивно настроенные участники акции избили несколько лиц неславянской внешности. В результате стычек пострадали 10 человек, несколько десятков фанатов были задержаны. В рамках уголовного дела по факту нарушения общественного порядка были задержаны четыре человека, трое из которых — активисты политизированного движения «Другая Россия». В г. Ростов-на-Дону 12 декабря 2010 г. было организовано шествие под лозунгами националистического характера, ставшее одним из самых массовых за последние годы, в котором приняло участие более 2,5 тыс. чел. Несмотря на провокации и призывы к массовым беспорядкам, благодаря слаженным действиям сотрудников милиции, удалось избежать серьезного осложнения оперативной обстановки. Подобные акции

проводились в Нижнем Новгороде, Владимире, Липецке, Самаре, Саратове. По аналогичному сценарию в г. Волгограде 18 декабря 2010 г. участниками групп и объединений националистической направленности была предпринята попытка проведения незаконной публичной акции: в центральной части Волгограда собралось около 200 человек в возрасте 16—25 лет для участия в несанкционированном шествии. Стараясь избежать ответственности за возможное совершение противоправных действий, участники акции закрыли лица медицинскими масками и шарфами. Скандировались лозунги: «Россия для русских», «Волгоград — русский город» и т. п.

Только благодаря жестким, решительным действиям ГУВД, ФСБ, налаженному взаимодействию с органами власти и управления стало возможным на ранней стадии предупредить возникновение конфликтов, не допустить резкого обострения ситуации и взять обстановку под контроль. В соответствии с ранее разработанным планом действий попытки провести организованное шествие пресечены, принятыми мерами задержано и доставлено в территориальные ОВД 193 человека, из них 75 — несовершеннолетних. Наиболее активные участники привлечены к административной ответственности: 42 лица подвергнуты административному аресту, 29-ти лицам назначен штраф.

Президент России Дмитрий Медведев, оценивая произошедшее на Манежной площади, отметил, что возбуждение ненависти и вражды по признакам национальности или религии особо опасно, поскольку угрожает устойчивости государства, определив для правоохранительных органов принятие неотложных упреждающих мер, направленных на предупреждение преступлений, совершаемых на почве межконфессиональной и межнациональной нетерпимости. «Бардака на улицах и в общественных местах быть не должно», — заявил Президент.

К сожалению, и Волгоградская область не остается в стороне от тревожной статистики экстремистских проявлений.

В июле 2010 г. Следственным комитетом при прокуратуре г. Москвы закончено расследование сложного уголовного дела, фигурантами которого являлись неонацисты, жители г. Волгограда: 18-летний Давид Башелутсков и 19-летний Станислав Лухмырин. Им предъявлено обвинение в терроризме, незаконном изготовлении и хранении взрывчатых веществ, а также 12 убийствах. Руководила группировкой 19-летняя москвичка Евгения Жихарева, которая была идеологом группы. Жихарева в 2009г. уже осуждена на 7 лет за участие в убийствах и покушениях в составе другой националистической группировки. Обвиняемые именовали себя «славянскими сепаратистами». Согласно обвинительному заключению подельники совершили десять убийств, пять покушений и четыре взрыва в Москве с сентября 2008 г. по январь 2009 г. Фигуранты находились в розыске с июня 2007 г. за совершение в г. Волгограде зверского убийства 60-летнего местного жителя — уроженца Азербайджана. После этого убийства преступники скрылись в Москве, перебравшись туда через Ставропольский край и Кабардино-Балкарию.

Несмотря на то, что на территории Волгоградской области нет исторических предпосылок для межнациональной и межрелигиозной вражды, в 2010 г. и за истекший период 2011 г. в нашем регионе произошло несколько инцидентов с участием лиц разных национальностей. Этому в немалой степени способствует изменяющаяся структура сельскохозяйственного производства области — сокращаются посевы зерновых и растет доля пастбищного животноводства. Это привлекает переселенцев из регионов СКР, что, в свою очередь, вызывает недовольство местных жителей, чьи экономические возможности в результате указанного процесса сокращаются. Проведенные проверки показали, что конфликты возникали именно на почве бытовых или хозяйственно-экономических разногласий, и хотя происшествия не повлекли возникновения напряженности в межнациональных отношениях, предпосылки к этому были, и лишь своевременные профилактические мероприятия, осуществленные ГУВД во взаимодействии с УФСБ и Следственным комитетом прокуратуры Волгоградской области, позволили стабилизировать ситуацию и локализовать конфликты.

Особо хочу обратить внимание на складывающуюся ситуацию в межнациональной сфере. В текущем году отделом информации и общест-

венных связей ГУВД по Волгоградской области организовано интернет-исследование общественного мнения по проблеме межнациональных отношений. Респондентам на условиях анонимности предлагалось ответить на вопрос: «Сталкивались ли Вы с ситуациями в Волгоградской области, когда человек подвергался насилию или унижению своего достоинства из-за национальности или вероисповедания?» Участниками опроса явились лица трудоспособного возраста от 20 до 60 лет, из которых 54,4 % — мужчины, 45,6 % — женщины. По результатам исследования 10,4 % от общего числа принявших в опросе подвергались насилию или унижению своего достоинства из-за национальности или вероисповедания; более 27,2 % из опрошенных были свидетелями проявления насильственных действий или унижения достоинства граждан из-за их принадлежности к определенной национальности или вероисповеданию; аналогичному количеству опрошенных, или 27,2 %, информация о проявлении насилия на национальной и религиозной почве стала известна от знакомых или из публикаций в СМИ. Таким образом, 64,8 % от общего числа респондентов непосредственно сталкивались с проблемой проявления межнациональной и религиозной нетерпимости. Только 30,4 % от опрошенных не сталкивались с подобными проблемами и менее 5 % от опрошенных предпочитают не обращать внимания на подобные проявления.

Проведенный анализ результатов свидетельствует, что межнациональные или межрелигиозные конфликты остаются актуальной проблемой для жителей Волгоградской области.

Практика свидетельствует, что акты насилия на почве национальной ненависти совершаются преимущественно молодыми людьми с еще не устоявшимися взглядами и этому предшествует своего рода идеологическая «накачка» в виде постоянного целенаправленного внушения, что все плохо именно потому, что в их страну, в их города «понаехали» т. н. «гости», которые заняли рабочие места, отобрали у молодежи будущее.

Такая пропаганда опасна тем, что в экстремистские движения вовлекаются новые, свежие силы, в первую очередь, из числа несовершеннолетних и молодежи, поскольку данные категории являются наиболее уязвимыми, поддающимися различным провокационным идеям. Под этим идеологическим воздействием молодежь фактически подталкивают, провоцируют на преступления. Более того, насилие в их глазах становится мотивированным и оправданным.

Поэтому в российском законодательстве установлена уголовная ответственность не только за насильственные преступления, но и за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Аналогичная ответственность установлена за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии.

Вызывает озабоченность процесс экспансии радикального ислама. В последний период в ряде регионов страны активную деятельность развернули ячейки международных экстремистских организаций, таких как «Общество социальных реформ», «Хизб-ут-Тахрир», «Таблиг джамаат», а также религиозные группы ваххабитского толка. В связи с этим самого пристального внимания заслуживает деятельность выпускников зарубежных теологических центров, в которых за последнее время проходили обучение девять жителей Волгоградской области: уроженцы Быковского, Суровикинского, Светлоярского, Калачевского и Палласовского районов. Возраст выезжающих на обучение — до 30 лет, т. е. молодежь.

Всего же в России, по экспертным оценкам, к настоящему времени такое обучение прошли уже около 1,2 тыс. человек. Наиболее агрессивные из них, встав во главе экстремистских «джамаатов», в ряде случаев принимают участие в боевых действиях и подготовке терактов.

Продолжают оказывать существенное негативное влияние на криминогенную ситуацию в регионах СКФО и ЮФО такие объединения радикальной направленности и политизированные движения, как «Другая Россия», ДПНИ, различные группы: от неоязычников до националистов всех мастей. Прикрываясь лозунгами об обеспечении благополучия населения, они осуществляют деятельность, направленную на эскалацию напряженности.

В настоящее время в радикальной среде наблюдаются активные объединительные процессы: образованы «Национальная ассамблея», «Левый фронт», т. н. «Единое праволиберальное движение “Солидарность”», ультранационалистическая «Русская платформа», пытавшаяся недавно организовать массовые протестные акции под лозунгом «Хватит кормить Кавказ!». Несмотря на разноплановость целей и задач, идеологические различия и политические предпочтения объединяются представители разных групп и движений: от «обманутых вкладчиков» до «футбольных фанатов», что указывает на смену стратегических приоритетов для сил, заинтересованных в дестабилизации общественно-политической обстановки: разрозненные и малочисленные, часто маргинализированные группы различной направленности не способны провести резонансные акции, которые возможны при объединении усилий. Объединение возможно под привлекательными патриотическими и националистическими лозунгами. Так называемые «патриоты» активно пробуют свои силы: проводят шествия, собирают митинги, организуют демонстративные провокационные «Акции прямого действия» в целях максимального привлечения внимания общественности и средств массовой информации.

Не является исключением и Волгоградская область.

За 11 месяцев т. г. участниками объединений деструктивного характера предпринято 12 попыток проведения несанкционированных протестных акций, в которых инициаторами заявлялось участие до 300 чел., за нарушение порядка организации и проведения публичных мероприятий составлено 26 протоколов об административном правонарушении. Активистами радикальных объединений планировались выезды в другие регионы для участия в проводимых акциях протеста.

В 2011 г. во взаимодействии с правоохранительными структурами регионов Южного и Центральных федеральных округов в ходе совместной реализации оперативно значимой информации не допущена организация массовых драк с участием волгоградских «футбольных фанатов» на территориях Воронежской, Тульской, Астраханской областей и Краснодарского края.

Подводя итоги, определим экстремизм как форму радикального отрицания существующих общественных норм и правил в государстве со стороны отдельных лиц или групп. Его причины лежат в социальной дезориентации части граждан, их недостаточном образовании, кризисном состоянии общества, слабых институтах общественного контроля. Это острая проблема, которая на сегодняшний день продолжает проявляться в политической, экономической, социальной, религиозной и других сферах общественной жизни как в Российской Федерации в целом, так и на территории ЮФО, СКФО. Экстремистские проявления достаточно разнообразны: от возбуждения гражданской ненависти или вражды до функционирования многочисленных незаконных вооруженных формирований, ставящих перед собой цели изменения конституционного строя Российской Федерации и нарушения ее территориальной целостности.

Существующие реалии в сфере экстремистской преступности требуют жестких мер по пресечению действий антигосударственной направленности и привлечению лиц, причастных к их совершению, к ответственности по всей строгости закона. В сочетании с качественной информационно-пропагандистской работой, соответствующей серьезности новых исторических вызовов, это позволит решать практические задачи по противодействию экстремизму по-настоящему эффективно.

© В. Ю. Глазунов, 2012

* * *

Т. В. Ходарева

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В статье автором рассматривается культура прав человека в качестве одного из факторов эффективности судебной защиты. Проводится общий анализ понятия культуры прав человека, правосознания и его правового воспитания, уделяется внимание правовой культуре при осуществлении правосудия, отмечается необходимость повышения уровня правовой культуры в деятельности правозащитных органов, в частности судей.

Ключевые слова: правовая культура, правосознание, правоприменение, правовое воспитание, защита прав человека, правосудие, судья, правовое государство.

T. V. Khodareva

LEGAL CULTURE AS A FACTOR OF EFFECTIVE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS

The article focuses on the culture of human rights as one of the factors of the judicial defence efficiency. The author makes a general analysis of the concept of culture of human rights, legal consciousness and legal education, pays attention to legal culture when executing justice, and emphasizes the necessity to increase the level of legal culture in human rights agencies' activities, judges in particular.

Keywords: legal culture, legal consciousness, law enforcement, legal education, protection of human rights, justice, judge, legal state.

В настоящее время одной из наиболее важных тенденций развития российской правовой системы вполне оправданно признается существенное повышение роли судебной власти. Представляя собой, в соответствии с господствующими теоретическими концепциями, независимую объективную инстанцию, призванную разрешать социальные конфликты, суд становится тем социальным институтом, который должен нести на себе основную нагрузку по практическому обеспечению и защите прав и свобод личности.

Закрепление в Конституции РФ прав и свобод человека в качестве непосредственно действующих элементов правовой системы стало не только вехой в развитии отечественного законодательства, знаменующей смену господствующей идеологической парадигмы, но и своеобразной нормативной предпосылкой для замещения доминирующих правовых ценностей и приоритетов в правосознании [6, с. 50].

Правильное воспитание каждой отдельной личности ведет к созданию культурного, социально активного и законопослушного общества. В российском современном обществе, надо признать, правовое воспитание становится общегосударственной задачей, так как показатели и качество правовой воспитанности граждан напрямую влияют на развитие страны, особенно это важно для развития правового государства [12, с. 25].

О важности воспитания, в особенности воспитания политического, П. Н. Милюков в свое время писал: «Нужно научиться правильно наблюдать и делать выводы самому; нужно тому же самому научить и всякого рядового гражданина. Методы усвоения, методы передачи, методы проверки излагаемого: таково содержание политического воспитания, необходимого для общества, живущего сознательной жизнью… Полусознательная, иррациональная внушаемость и возбудимость должны уступить место систематическому самонаблюдению и критическому анализу мотивов собственно-

го поведения. А для этого прежде всего борьба против эмоционального, «религиозного типа» психики и насаждение прочных «научных привычек» должны стать главными задачами гражданского воспитания передовых демократий» [7, с. 376].

Одним из факторов эффективности судебной защиты является высокий уровень культуры прав человека. Высокий уровень культуры прав человека влияет на формирование адекватного отношения человека, социальных групп и общества к конституционно-правовым институтам. Культура прав человека позволяет развивать гражданские качества личности, необходимые для формирования конституционного правосознания; способствует преодолению деформаций конституционного правосознания, изменяет отношение к конституционным механизмам защиты прав человека, формирует навыки их использования и уверенность в их эффективности [9, с. 12].

Правовая культура, наряду с политической культурой, играет существенную роль в обществе, государстве, характеристике личности. Знание и обеспечение прав и свобод человека и гражданина, выполнение ими своих обязанностей оказывают значительное влияние на социально-политическую стабильность общества, во многом определяют состояние законности и правопорядка. Более того, по мнению специалистов, эффективность государственной власти также находится в прямо пропорциональной зависимости от правовой культуры граждан [4, с. 54].

В. И. Каминская и А. Р. Ратинов еще в 1974 г. предложили понимать под правовой культурой систему овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права, и их отражение в сознании и поведении людей [5, с. 43]. В последующем специалисты стали более полно формулировать определение правовой культуры.

Так, А. П. Семитко под ней понимает обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой действительности, юридических актов, в правосознании и в целом в уровне правового развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также в степени гарантированности государством и гражданским обществом прав и свобод человека [14, с. 213].

Правовая культура, по мнению С. В. Поленина и Е. В. Скурко, это состояние общественного сознания и социальной практики, сложившееся на основе многократного повторения определенной деятельности, систематического функционирования и взаимодействия различных элементов нормативной системы общества — права, морали, традиций, обыкновений и т. п. [11, с. 2]. Краткое определение правовой культуры дает В. И. Червонюк, который определяет ее как часть общей культуры отдельной личности, общества, цивилизации, всю совокупность ценностей, выработанных обществом [15, с. 465].

Некоторыми специалистами предлагается значительно более полное и глубокое определение правовой культуры общества как качественного состояния правовой жизни общества, выражающегося в достигнутом уровне совершенства правовых норм, правовой и правоприменительной деятельности, правосознания и правового развития личности, а также в степени свободы ее поведения и взаимной ответственности государства и личности, положительно влияющих на общественное развитие и поддержание самих условий существования общества.

Высокий уровень правовой культуры, безусловно, является одним из важнейших признаков правового государства. Анализируя различные понятия правовой культуры и отмечая ее сущностные элементы, в целом следует согласиться с выводом о том, что правовая культура составляет внутреннюю, ментально-духовную сторону правовой жизни, системы общества и глубоко пронизывает правосознание, правотворческую, правоприменительную и любую иную юридическую деятельность.

Практика показывает, что совершенствование механизма реализации важнейших конституционных положений, в том числе касающихся прав, свобод и обязанностей человека, в первую очередь связано с повышением качества законодательной и правоприменительной деятельности, работы государственного аппарата, всех должностных лиц. Вместе с тем в обеспечении этих элементов правового статуса личности немаловажное

значение имеет знание их самими гражданами [8, с. 21].

Однако многочисленные социологические исследования и правоприменительная практика свидетельствуют о низком уровне правовой культуры граждан. Во многом это стало следствием недостаточного внимания государства к проблеме образования в области прав и свобод человека, способов их защиты, в то время как их изучение все более актуализируется, поскольку [10, с. 57]:

— происходит постоянное реформирование различных отраслей законодательства;

— создаются все новые органы государства как на федеральном, так и на региональном уровнях, функциональной обязанностью которых является защита прав и свобод человека (конституционные (уставные) суды, комитеты по правам человека, уполномоченные по правам человека);

— Совет Европы постоянно «достраивает» не только законодательство, но и европейскую систему защиты прав человека все новыми институтами, знание которых является обязательным условием эффективной защиты прав и свобод;

— существуют международные обязательства России, вытекающие из Декларации, принятой Комитетом министров Совета Европы в 1999 г.

В связи со сказанным знание прав, свобод и обязанностей не только расширяет возможность правовой защиты своих законных интересов, но и характеризует уровень правовой культуры личности.

Высокого уровня правовой культуры требует юридическая профессия, связанная с нормативно-правовым регулированием общественных отношений, обеспечением правопорядка, правовой оценкой поведения членов общества. От уровня правовой культуры напрямую зависит результат правотворческой и правоприменительной деятельности, совершенство деятельности правозащитных органов [12, с. 25]

Профессиональная деятельность судьи как представителя судебной власти, основной функцией которой является правосудие, требует высокого уровня правовой культуры от человека, занимающего должность судьи, поскольку от этого зависит эффективность правосудия как средства обеспечения и защиты прав и законных интересов личности.

М. С. Строгович писал: «При применении любой процессуальной нормы может возникнуть вопрос этического порядка, любое правовое предписание в той или иной связи, близко или отдаленно, непосредственно или опосредовано может оказаться связанным с нравственным принципом, моральным предписанием» [13, с. 30]. Стоит отметить также мнение Н. А. Захарченко о существовании специфических комплексов нравственных норм, выражающих моральные обязанности субъектов определенной формы деятельности, правомерно говорить в силу того, что любая деятельность, помимо своего основного назначения, имеет нравственный аспект и подлежит моральному регулированию. «Подлинный профессионализм неизбежно включает в себя известную нравственную доминанту, реализующуюся в глубоком понимании специалистом своего профессионального долга, в самом щепетильном отношении к вопросам профессиональной чести, в высокой мере профессиональной ответственности» [3, с. 114].

От уровня профессиональной правовой культуры судьи зависит его отношение к собственной профессиональной деятельности, правосудию, участникам судебных процессов, а также и то, будет ли он совершать проступки, порочащие честь судейской мантии, или даже преступления в сфере правосудия. Важным является восприятие судьи с точки зрения его человеческих и профессиональных особенностей в качестве лица, осуществляющего правосудие, гражданами, которые обращаются в суды за судебной защитой.

Профессиональное поведение судьи при осуществлении правосудия зависит от его объективных возможностей воспринимать правовую культуру и присущих ей ценностей как условий осуществления правосудия, что обусловлено психологическими свойствами его личности. Однако, если перспектива воздействия на судью в целях восприятия им правовой культуры как одной из направляющих его деятельности посредством воспитательной функции права представляется весьма туманной, то учет нравственных свойств личности и уровня правовой культуры субъекта, занимающего судейскую должность, видится нам действенным средством воздействия на его про-

фессиональную деятельность и, следовательно, на эффективность правосудия [1, с. 98].

Для определения возможности повышения общего уровня правовой культуры целесообразным представляется выявление нравственных и профессионально-культурных качеств субъекта еще на этапе выдвижения им своей кандидатуры на должность судьи, а также осуществление последующего периодического контроля за профессиональным поведением в ходе его работы в должности.

Образование в области прав человека может быть определено как усилия по образованию, обучению и информированию, которые предпринимаются для воспитания всеобщей культуры прав человека. Всестороннее образование в области прав человека не только служит источником знаний о правах человека и механизмах их защиты, но и позволяет привить навыки, необходимые для поощрения, защиты и применения прав человека в повседневной жизни. Образование в области прав человека воспитывает мировоззренческие подходы и поведенческие модели, необходимые для отстаивания прав человека применительно ко всем членам общества [2, с. 96].

В Венской декларации и Программе действий в области прав человека отмечается, что «обучение, подготовка кадров и информирование общественности в области прав человека являются существенно важными для поощрения и установления стабильных и гармоничных отношений между общинами и для укрепления взаимопонимания, терпимости и мира».

Для повышения эффективности защиты прав человека необходимо в максимальной степени задействовать возможности органов государственной власти и институтов гражданского общества, развивать взаимосвязи между ними в рамках формирования культуры прав человека.

Закрепление в действующем законодательстве возможности выявления психологических свойств личности кандидата в судьи, оценки его способности заниматься профессиональной деятельностью по осуществлению правосудия, возможности реально оценивать создавшуюся правовую ситуацию и принимать правильное решение позволит повысить результативность процесса судебной защиты прав граждан в РФ, эффективность правосудия и уровень доверия к нему со стороны общества.

Совершенствовать и содействовать осуществлению исследовательских работ по актуальным проблемам совершенствования образовательной деятельности по вопросам соблюдения и защиты прав человека, формированию культуры прав человека.

Особое значение требуется уделить правовому просвещению населения, так как только знающие о своих правах, существующих способах их реализации и защиты граждане могут в полной мере и своевременно реализовать и отстоять их, обращаясь как в вышестоящие инстанции, так и в суд. Повышение уровня правовой грамотности населения, несомненно, повысит активность граждан в защите своих прав, что неизбежно приведет к более качественной работе должностных лиц.

Список библиографических ссылок

1. Абросимова Е. Б. Суд в системе разделения властей: российская модель (конституционно-теоретические аспекты). М., 2002. С. 98.

2. Есипова И. А. Бездействие власти как форма нарушения прав граждан // Право как ценность и средство государственного управления обществом: сб. науч. тр. Волгоград, 2005. Вып. 2.

3. Захарченко Н. А. Мораль в механизме уголовно-процессуального регулирования: дис. … канд. юрид. наук. Л., 1983. С. 114.

4. Иванников И. А. Правовая культура государственных служащих: состояние и пути повышения // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2008. № 3.

5. Каминская В. И., Ратинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974. С. 43.

6. Мазеина Ю. В. Особенности соотношения культуры прав человека и конституционного правосознания // Евразийский юрид. журнал. 2010. № 23. С. 50—52.

7. Милюков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вопросы философии. 1991. № 1. С. 376.

8. Павленко Е. М. Особенности конституционного правосознания современного российского общества // Вестник Моск. городского пед. ун-та. Сер.: Юридические науки. 2009. № 1. С. 15—27.

9. Павленко Е. М. Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006.

10. Пересыпкин А. С. Некоторые аспекты исследования конституционного правосознания // Гос-во и право. 2005. № 1.

11. Поленина С. В., Скурко Е. В. Право и культура: от правовой культуры к культурным правам // Рос. юстиция. 2007. № 12. С. 2.

12. Редько А. А. Место и роль правового воспитания в правозащитной политике // Вестник Волгоградской академии МВД России. № 1 (12). Волгоград, 2010. С. 24—28.

13. Строгович М. С. Нормы нравственности в отправлении правосудия по уголовным делам. Проблемы судебной этики. М., 1974. С. 30.

14. Теория государства и права / под ред. В. Д. Перевалова. М., 2004. С. 213.

15. Червонюк В. И. Теория государства и права. М., 2006. С. 465.

© Т. В. Ходарева, 2012

* * *

Е. В. Булгакова

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящей статье проанализировано состояние информационного законодательства Волгоградской области в период середины XX — начала XXI вв. Выявлены проблемы правового регулирования отношений в информационной сфере и предложены механизмы по их устранению.

Ключевые слова: информационное законодательство, правовой мониторинг, Волгоградская область.

E. V. Bulgakova

PECULIARITIES OF DEVELOPMENT OF INFORMATION LEGISLATION OF THE VOLGOGRAD REGION

In the article the author analyzes the state of information legislation of the Volgograd region in the period from the middle of the 20th century to the beginning of the 21st century, reveals the problems of legal regulation of relations in the information sphere, and offers the mechanisms to resolve them.

Keywords: information legislation, legal monitoring, the Volgograd region.

Состояние информационного законодательства субъектов Российской Федерации является зеркальным отражением федерального, а уровень последнего, по мнению И. Л. Бачило [1, с. 411—412], достаточно тонок и не охватывает все предметные сферы реальных отношений в этой области; ряд федеральных законов устарел и требует обновления или принятия новых. Федеральное законодательство слабо развито в подзаконных актах, которые предусмотрены этими законами и должны обеспечить их реализацию. На протяжении десятилетий мы могли наблюдать диссонанс в развитии федерального и регионального информационного законодательства, увы, не в пользу последнего. Отсутствие единой модели создания и функционирования регионального информационного законодательства привело к индивидуальной картине развития нормотворчества в субъектах Российской Федерации, которая характеризуется автономизацией и индивидуальной мотивацией, породив при этом немало проблем. Обращение автора статьи к изучению особенностей развития регионального информационного законодательства не случайно, ведь те проблемы, которые стоят на пути правотворчества, правоприменения тормозят развитие экономики, препятствуют успешному государственному управлению, негативно влияют на реализацию правовой и административных реформ, не в полной мере удовлетворяют потребности социальной жизни общества.

В научных работах по информационному праву, докладах Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации «О состоянии законодательства в Российской Федерации», концепциях, государственных программах, иных нормативных актах различного уровня постоянно муссируется общая постановка проблем развития регионального информационного законодательства и указывается на необходимость создания соответствующих эффективных механизмов, но до сих пор не уделено должного внимания выявлению закономерностей, порождающих данные проблемы. На этом фоне заслуживает внимания работа А. В. Туликова [2, с. 57—63], в которой были обозначены проблемы регионального информационного законодательства и предложены рекомендации по их устранению.

Таким образом, всецело этот вопрос не изучен и требует комплексного подхода и выявления причин низкого уровня развития регионального информационного законодательства.

Так как же происходило развитие регионального информационного законодательства? Проследим этот процесс на примере Волгоградской области.

Анализ законодательства можно осуществлять, применяя привычные, стандартные методы, однако информационные технологии предоставили нам возможность внедрения эффективного инструмента, позволяющего по определенным критериям определять количественные и качественные характеристики применения правовых норм, делать выводы об уровне развития законодательства в конкретном регионе. Речь идет о внедрении правового мониторинга [3, с. 420] нормативных правовых актов органов самоуправления и правоприменения законов и иных законодательных актов на территории субъектов Российской Федерации, который может прояснить «реальную» картину состояния информационного законодательства. На основе научных исследований по созданию модели правового мониторинга Министерство юстиции Российской Федерации осуществляет постоянный сбор соответствующих данных, на основании которых происходит дальнейшее реформирование информационного законодательства. В Волгоградской области также действует электронная система мониторинга законодательства [4].

Обратимся к основным вехам становления информационного законодательства Волгоградской области и попытаемся выявить сопутствующие проблемы в зависимости от регулирования конкретных предметных областей в информационной сфере и характеристик принятых актов. Определим этапы развития информационного законодательства Волгоградской области.

Первые нормы, регулирующие отношения в информационной сфере, можно отнести к концу XX — началу XXI вв. Ориентированы они были на законодательное закрепление самых «острых» вопросов, касающихся обеспечения доступа к информации, «прозрачности» информационных потоков во взаимодействии граждан с органами власти, формирования и рационального использования государственных информационных ресурсов, надлежащего информационного обеспечения деятельности органов власти в целях эффективной управленческой деятельности, закрепления правового механизма формирования информационных ресурсов. Детальному исследованию подвергалось информационное законодательство Волгоградской области указанного периода, и были выделены следующие общие закономерности: была введена некорректная модель права собственности на информационные ресурсы при отсутствии механизмов реализации такой модели, законодательные новеллы не отличались системным подходом, форма и содержание информационных норм сильно отличалось от уже устоявшихся представлений (проблема методологии и организации законодательного регулирования общественных отношений) [5, с. 134—146; 6]. Это осложняло их понимание и применение, создавало безнадежное отставание в принятии соответствующего информационного регионального законодательства относительно Федерального [7].

Заимствование норм у других субъектов Федерации привело к коллизиям с остальным местным законодательством, а многие новоиспеченные нормы противоречили и федеральному законодательству. Неприятие положительного опыта зарубежных стран в решении этого вопроса также не лучшим образом отразилось на общей картине развития информационного законодательства.

К негативным факторам, характеризующим этот этап, можно отнести и низкий уровень информатизации, и в принципе отсутствие механизмов, определяющих эти показатели, неготовность общества к правоприменению информационных норм. Приведем основные законодательные акты этого периода: Закон Волгоградской области от 17 марта 1998 г. № 157-ОД «О гарантиях юридической помощи и о распространении правовых знаний среди населения Волгоградской области»; Распоряжение Главы Администрации Волгоградской области от 27 апреля 2000 г. № 377-р «Об организации в международной информационной сети Интернет Web-сервера Администрации Волгоградской области»; Закон Волгоградской области «О порядке предоставления информации

органами государственной власти Волгоградской области» от 28.01.2003 г. № 782-ОД (принят обл. Думой 26.12.2002 г.) // Волгоградская правда. 2003. 7 февр.; Постановление Администрации Волгограда от 11 ноября 1999 г. № 1478 «Об официальном информационно-справочном сервере Волгограда»; Постановление Администрации Волгограда от 10 июля 2003 г. № 873 «О совете по защите информации Администрации Волгограда и постоянно действующей технической комиссии по защите информации администрации Волгограда» (в ред. Постановления Администрации Волгограда от 6 февраля 2004 г. № 113); Выписка из Постановления от 21 ноября 2006 г. № 3113 «О постоянно действующей технической комиссии по защите информации Администрации Волгограда»; Постановление Главы Администрации Волгоградской области от 5 февраля 2007 г. № 108 «Об утверждении Концепции информатизации Волгоградской области (2007—2010 годы)» и др.

Начало современного этапа развития регионального информационного законодательства можно соотнести со вступлением в законную силу основных федеральных законов в этой области, стратегий развития информационного общества, государственных программ, концепций и др. [8]. Заданные органами власти векторы стратегического развития нашего государства подразумевали создание соответствующей современной информационной законодательной базы, обеспечивающей эффективное взаимодействие гражданина и государства, основанной на концептуальном подходе [9]. Развитие информационных технологий позволило вывести информационные законодательные посылы на принципиально иной уровень. Сегодня стало возможным функционирование «Электронного государства» как инновационного инструмента развития конституционно-правовой модели эффективного государственного управления. Создание в регионах электронного правительства, отраслевых электронных информационных систем, порталов органов власти предусматривает наличие постоянно обновляющейся правовой базы, регулирующей эти процессы, идущей в ногу со временем и соотносящейся с нормами федерального законодательства.

Бум развития информационного законодательства Волгоградской области приходится на период с 2006 г. по настоящее время. Так, полагаясь на Федеральный закон № 149-ФЗ, Концепцию региональной информатизации, Типовую программу развития и использования информационных и телекоммуникационных технологий субъекта Российской Федерации, Концепцию формирования в Российской Федерации электронного правительства и других нормативных актов были изданы: Постановление от 14.03.2011 г. № 600 «О внесении изменений в Постановление Главы Волгограда от 29 декабря 2009 г. № 3436 «Об информации о деятельности Администрации Волгограда, размещаемой в сети Интернет»; Постановление Главы Администрации Волгоградской области от 5 февраля 2007 г. № 108 «Об утверждении Концепции информатизации Волгоградской области», Постановление Главы Администрации Волгоградской области от 1 апреля 2009 г. № 317 «О портале исполнительных органов государственной власти Волгоградской области — подсистеме комплексной информационной системы «Электронное правительство Волгоградской области», Правовой гарантией доступа к информации и порядка ее получения стал Закон Волгоградской области «О порядке предоставления информации органами государственной власти Волгоградской области» от 28.01.2003 г. № 782-ОД (принят обл. Думой 26.12.2002 г.) // Волгоградская правда от 07.02.2003 г. и в частности ст. 22. Информирование общественности о реализации настоящего Закона, было принято решение о создании «Постоянно действующей технической комиссии по защите информации Администрации Волгограда (Выписка из Постановления от 21 ноября 2006 г. № 3113), «Об образовании Совета по информатизации Волгоградской области» (Постановление Администрации Волгоградской области от 14.07.2008 г. № 39-п) и др.

Следует отметить, что по сравнению с предыдущим этапом, развитие регионального информационного законодательства набирает темп и своевременно, в соответствующих нормах, отображает федеральные новеллы. С 1 января 2010 г. вступил в силу Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации

о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», что привело к соответствующим изменениям регионального законодательства. Так, в Волгоградской области действует Закон Волгоградской области № 2061-ОД от 25 июня 2010 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Государственных органов Волгоградской области».

Законодательная инициатива по реформированию регионального информационного законодательства направлена не только на создание новых норм. Тщательному анализу подверглись действующие нормы. В частности, Закон Волгоградской области от 14 апреля 2011 г. № 2173-ОД «О внесении изменений в Закон Волгоградской области от 17 марта 1998 г. № 157-ОД «О гарантиях юридической помощи и о распространении правовых знаний среди населения Волгоградской области» содержит изменения, соответствующие потребностям современного общества и соотносятся с действующим законодательством. Следует отметить, что в Волгоградской области при поддержке Администрации успешно функционируют организации, предоставляющие справочно-консультационные правовые услуги: ООО «Агентство правовой информации Волгоград», которое разработало информационно-правовой блок «Законодательство Волгоградской области»; «Информационный ключ» — система действует с 1992 г. и представляет законодательство Волгоградской области в справочно-консультационной системе ГАРАНТ; «ИНФОКОМ» — Волгоградский информационный центр сети Консультант Плюс; «Центр информационных технологий Волгоградской области», что самым позитивным образом сказывается на информационном правосознании граждан.

Анализ информационного регионального законодательства показал, что главной проблемой в его развитии остается недостаточно прописанные по содержанию нормы федерального законодательства в части подробных рекомендаций по регулированию информационных процессов. Практическое отсутствие четкого правового инструментария привело к несоответствию регионального законодательства конституционным нормам, региональные законодательные акты субъектов Российской Федерации значительно отличаются по форме и содержанию. На сегодняшний день можно констатировать, что развитие регионального законодательства в данной сфере осуществляется по усмотрению самих субъектов Российской Федерации. Ярким подтверждением такой практики служат принесение протестов органами прокуратуры об отмене ряда региональных законов, многие признаны утратившими силу.

Таким образом, одной из особенностей развития регионального законодательства является четкое разграничение характера общественных отношений и, соответственно, их отнесение к предмету ведения Федерации или ее субъектов, возможности определения правового регулирования информационных общественных отношений законодательством субъектов Российской Федерации.

Законодательная инициатива в информационной сфере находится в ведении Российской Федерации согласно п. «и» ст. 71 Конституции Российской Федерации и ч. 1 ст. 4 Закона № 149-ФЗ предусматривает, что законодательство Российской Федерации об информации, информационных технологиях и защите информации состоит исключительно из федеральных законов. В этой связи нормотворчество субъектов Российской Федерации существенно ограничено, и, тем не менее, практически во всех федеральных законах содержатся нормы, открывающие возможность субъектам Российской Федерации создавать региональное информационное законодательство. Так, например, в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» вопросы, относящиеся в соответствии с федеральными законами к ведению и полномочиям субъекта Российской Федерации, регулируются законом субъекта Российской Федерации. Федеральное законодательство предписывает отдельные полномочия органам государственной власти субъектов Российской Федерации в информационной сфере, о чем упомянуто и в государственной Программе «Информационное общество (2011—2020 гг.)» от 20 октября 2010 г. № 1815-р.

Таким образом, региональное информационное законодательство и его применение должно быть подвергнуто тщательному, всестороннему исследованию в целях создания эффективных законодательных механизмов, регулирующих информационные отношения, с учетом потребностей современного общества.

Будущее развитие информационного регионального законодательства следует связывать с созданием многофункциональных центров информационного взаимодействия [2, с. 63], обеспечивающих интеграцию государственных информационных систем и ресурсов, межведомственный и межрегиональный информационный обмен, увеличение объемов и качества предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде, их администрирование и стандартизацию.

Примечания

1. Бачило И. Л. Информационное право. 2-е изд., перераб. и доп. Сер.: Магистр. М.: Юрайт; ИД Юрайт, 2011.

2. Туликов А. В. Проблемы развития регионального информационного законодательства // Условия реализации прав граждан и организаций на основе информационных технологий. М.: Институт гос-ва и права РАН, ИПО «У Никитских ворот», 2010.

3. Мониторинг является комплексным правовым институтом в силу связи его со всеми отраслями законодательства и правоприменения, и одновременно — специальным институтом информационного права по средствам обеспечения методов и приемов учета, классификации, оценки динамики нормативных правовых актов всех видов и уровней на основе использования информационных технологий и средств обработки данных деятельности субъектов мониторинга по выявлению и оценке состояния правовой системы и перспектив ее развития. См.: Бачило И. Л. Указ. соч.

4. http://www.garantkey.ru/volgoduma.RU (дата обращения: 24.02.2012).

5. Методологические проблемы развития законодательства были затронуты в докладах Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2004 г. «О состоянии законодательства в Российской Федерации». М., 2005. С. 134—146.

6. Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2007 г. «О состоянии законодательства в Российской Федерации». М., 2008.

7. Так, в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в целях обеспечения открытости и доступности информации о деятельности Администрации Волгограда, развития информационного пространства Волгограда, руководствуясь статьей 39 Устава города-героя Волгограда, было принято Постановление от 29 декабря 2009 г. № 3436 «Об информации о деятельности Администрации Волгограда, размещаемой в сети Интернет». Или еще один пример: В соответствии с Федеральными законами от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи», от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Концепцией административной реформы в Российской Федерации в 2006—2010 годах, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 г. № 1789-р было принято Постановление от 22 сентября 2009 г. № 1108 «Об использовании электронной цифровой подписи в специализированных информационных системах Волгоградской области».

8. СЗ РФ. 2003. № 7. Ст. 658; СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448; СЗ РФ. 2006. № 30. Ст. 3419; СЗ РФ. 2007. № 28. Ст. 3462; СЗ РФ. 2008. № 20. Ст. 2372; СЗ РФ. 2009. № 12. Ст. 1429; Рос. газ. 2008. 16 февр. № 34; СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776; Об электронной цифровой подписи: федер. закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ: Информационное общество (2011—2020 гг.): гос. программа от 20 октября 2010 г. № 1815-р.

9. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утв. Распоряжением Президента Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № Пр-212).

© Е. В. Булгакова, 2012

* * *

М. Т. Аширбекова

О НОВЫХ ПОВОДАХ К ВОЗБУЖДЕНИЮ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Статья посвящается актуальным вопросам, связанным с новациями в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, а именно с появившимися в последние годы в УПК РФ новыми поводами к возбуждению уголовного дела. Обстоятельно рассмотрены указанные новые поводы, которые, безусловно, требуют осмысления с точки зрения их правой природы и вопроса о том, насколько обоснованно определять указанную в ст. 140 УПК РФ совокупность поводов как систему.

Автор делает вывод о том, что применительно к поводам возбуждения уголовного дела, предусмотренным в новой редакции ст. 140 УПК РФ, есть основания для вывода о том, что они на самом деле разнородные. В одном случае, это — реализация субъективного права заинтересованных субъектов на доступ к правосудию, в другом — исполнение уполномоченными должностными лицами обязанности по принятию мер к исправлению нарушений уголовного закона.

Ключевые слова: поводы для возбуждения уголовного дела, уголовно-процессуальное право, органы предварительного расследования, надзорные полномочия прокурора, уголовное преследование, правоприменительный акт, подследственность, уголовно-правовые меры защиты публичных интересов, судебное обжалование, налоговое правонарушение.

M. T. Ashirbekova

ABOUT NEW REASONS FOR INITIATING CRIMINAL PROCEEDINGS

The article is devoted to the urgent issues related to novations in the Russian Federation legislation of criminal procedure i.e. new reasons for initiating criminal proceedings which have been recently included in the Russian Federation Code of Criminal Procedure (RF CCP). The author makes a detailed analysis of the mentioned reasons which beyond any doubt require consideration from the viewpoint of their legal nature and grounds for defining the whole of these reasons contained in Article 140 of the RF CCP as a system.

The author comes to a conclusion that as applied to reasons for initiating criminal proceedings stipulated by the revised version of Article 140 of the RF CCP there are certain grounds to conclude that they are in fact heterogeneous. On the one hand it implies exercise of interested persons' legal right to access to the courts; on the other hand it means discharge of authorized officials' duty to take measures in order to correct criminal law violations.

Keywords: reasons for initiating criminal proceedings, law of criminal procedure, preliminary investigation bodies, prosecutor's supervisory powers, criminal prosecution, enabling legislation, investigative jurisdiction, criminal law public interests protection measures, court appeal, tax offence.

За десятилетнюю историю существования УПК РФ шесть раз вносились изменения и дополнения в законодательную регламентацию процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела. Большинство из этих изменений и дополнений, пришедших на 2002—2008 гг., касались процессуального режима доследственной проверки в плане попыток придать процессуальный характер некоторым проверочным действиям, причем наиболее простым способом — указанием на них как на таковые в ст. 144 УПК РФ. Обновление же законодательной регламентации поводов к возбуждению уголовного дела пришлось на 2010—2011 гг.

Во-первых, Федеральным законом от 28.12. 2010 г. № «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с со-

вершенствованием деятельности органов предварительного следствия»в ч. 1 ст. 140 УПК РФ был внесен дополнительный четвертый пункт, который предусматривает в качестве повода постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании [1].

Во-вторых, Федеральным законом от 6 декабря 2011 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» ст. 140 УПК РФ дополнилась новой частью 1.1 [2].

В указанной части устанавливается, что поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198—199.2 УК РФ, служат только те материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Указанные новые поводы, безусловно, требуют осмысления с точки зрения их правой природы и вопроса о том, насколько обоснованно определять указанную в ст. 140 УПК РФ совокупность поводов как систему. Отметим, что в науке уголовно-процессуальное право предусмотренные законом поводы отдельными авторами рассматриваются как система [3].

На наш взгляд, вряд ли оправданно рассматривать совокупность поводов как систему, поскольку они по сути своей имеют различную правовую природу и, кроме того, не являются взаимосвязанными и взаимообусловленными элементами. Скорее всего, существующие поводы представляют собой различающиеся правовые средства, посредством которых те или иные субъекты обращаются в органы предварительного расследования за защитой нарушенного личного или публичного интереса.

Так, заявление о преступлении — правовое средство, обеспечивающее реализацию заинтересованными лицами их субъективного права на доступ к правосудию. Явка с повинной (п. 2 ч. 1 ст. 140 УПК РФ) также является правовым средством обеспечения интересов лиц, причастных к преступлению, направленного на смягчение возможного наказания. Сообщения должностных лиц и организаций, полученные из иных источников (п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ), также выступают правовым средством защиты нарушенных прав и законных интересов. Перечисленные поводы как правовые средства реализуются частными лицами и различными негосударственными и немуниципальными учреждениями, организациями на основе общих конституционных положений (ст. 33, 45 Конституции РФ), не являясь результатом исполнения ими каких-либо должностных обязанностей. В этом смысле в литературе обоснованно отмечается, что такие поводы высвечивают частное начало в уголовном судопроизводстве [4].

Однако сообщения о совершенных или готовящихся преступлениях могут поступать от государственных и муниципальных органов и учреждений. Такие сообщения в правоохранительные органы направляются по фактам обнаруженных ими нарушений уголовного закона в ходе исполнения уставных обязанностей, связанных с их хозяйственной, организационно-управленческой или контрольно-ревизионной деятельностью. Примером может служить направление Счетной палатой в следственные органы материалов проводимых проверок, по результатам которых обнаружились признаки хищения бюджетных средств. Именно такая информация нередко служит поводом для возбуждения уголовного дела. К примеру, в 2010 г. Счетной палатой России в правоохранительные органы было направлено 217 материалов по проверке нарушений в бюджетно-финансовой сфере, связанных с коррупционными проявлениями, по результатам которых было возбуждено 41 уголовное дело [5].

Понятно, что Счетная палата не должна давать уголовно-правовую оценку установленным нарушениям, констатировать наличие в них признаков коррупционных преступлений.

К такому роду сообщений близко по своей цели постановление прокурора в порядке п. 1 ч. 1 ст. 140 УПК РФ и материалы налоговой проверки, направляемые налоговым органом в порядке ч. 1.1. ст. 140 УПК РФ. Однако по своей природе названные новые поводы отличаются от традиционных поводов, предусмотренных в пп. 1—3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ.

Обратимся к постановлению прокурора как к поводу, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ.

Надо заметить, что указание на него появилось в законе несколько раньше, то есть в результате масштабных изменений и дополнений, внесенных в УПК РФ Федеральным законом от 5 июня 2007 г. №87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [6].

Именно этим законом в круг надзорных полномочий прокурора было включено полномочие о вынесении мотивированного постановления о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Соответственно и на практике такого рода постановления служили фактически поводом для возбуждения уголовного дела и до внесения соответствующих изменений в ст. 140 УПК РФ.

Особенностью рассматриваемого постановления (п. 2 ч. 2 ст. 37, п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ) является то, что в нем фактически происходит предварительное применение норм уголовного закона. Иными словами, такое постановление — правоприменительный акт по своей сути. Кроме того, оно в отличие от иных поводов носит универсальный характер, поскольку пригодно в качестве повода по всем преступлениям, за исключением преступлений, предусмотренных ст. 198—199.2 УК РФ с учетом введения нового «налогового» повода. В описательной части постановления прокурора отражается описание нарушений, юридическая формулировка и квалификация преступления, признаки которого обнаружены прокурором. Именно это обстоятельство позволяет определить подследственность, а значит и конкретный орган предварительного расследования, куда направляется постановление прокурора. Понятно, что в силу этого, а также в силу прямого указания уголовно-процессуального закона (п. 2 ч. 3 ст. 37, п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ) такое постановление является уголовно-процессуальным актом. Таким образом, получается, что применение норм уголовного закона субъектом уголовно-процессуальной деятельности происходит фактически до принятия решения о возбуждении уголовного дела. То обстоятельство, что вывод по уголовно-правовой оценке установленных прокурором нарушений содержится в описательной, а не в резолютивной части такого рода постановления, как думается, не меняет его сути как правоприменительного акта. Очевидны и результаты фактоустановительной деятельности прокурора, и правовая оценка этих результатов, и собственно властное решение прокурора в резолютивной части постановления о направлении материалов проверки в органы предварительного расследования.

Особенностью такого рода постановления является то, что основания для отражаемого в нем правоприменительного вывода возникают фактически в рамках прокурорско-надзорных отношений. В ч. 2 ст. 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» указывается, что «при наличии оснований полагать, что нарушение прав и свобод человека и гражданина имеет характер преступления, прокурор принимает меры к тому, чтобы лица, его совершившие, были подвергнуты уголовному преследованию в соответствии с законом». При этом в ст. 27, 28 Закона о прокуратуре РФ ничего не говорится о постановлении, о котором идет речь в п. 2 ч. 3 ст. 37, п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ. Не указывается рассматриваемое постановление и в числе актов прокурорского реагирования в иных отраслях надзора, хотя оно является таким же требованием о восстановлении нарушений закона, как и постановление прокурора о возбуждении производства об административном правонарушении (ч. 2 ст. 22, 25 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»).

Тем не менее, думается, что в первую очередь рассматриваемое постановление является по природе актом прокурорского реагирования на нарушения закона, обнаруженные в результате прокурорских проверок исполнения закона в сферах деятельности, которые охватываются отраслями прокурорского надзора; во вторую очередь — уголовно-процессуальным актом, обязывающим орган предварительного расследования разрешить вопрос о возбуждении уголовного дела.

Значение рассматриваемого акта заключается в том, что он «переформатирует» возникшие прокурорско-надзорные отношения в уголовно-процес-

суальные, что обусловлено общим назначением прокуратуры осуществлять от имени Российской Федерации такое направление прокурорской деятельности, как уголовное преследование (чч. 1 и 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»). Но такое «переформатирование» не безосновательное: выводы прокурора опираются на собранные в результате прокурорской проверки доказательства, которыми, по крайней мере, устанавливаются событие преступления, причины наступивших вредных последствий, другие обстоятельства, характеризующие объективную сторону преступления. В этом смысле постановление прокурора и материалы прокурорской проверки, на которых оно основывается, не могут рассматриваться только лишь как информация о преступлении, то есть исключительно как повод. В них отражаются основания возбуждения уголовного дела. По сути, эти документы есть отражение результатов непосредственного обнаружения признаков преступления — итога фактоустановительной деятельности уполномоченного субъекта как правоприменителя.

По-иному обстоит дело с новым «налоговым поводом», предусмотренным ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ, который обладает признаком исключительности, что дает основание определять его как специальный повод. Данная особенность проявляется в том, что возбуждение уголовного дела по данному поводу возможно только по определенным преступлениям и только по материалам, направляемым налоговым органом в порядке ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ, но не иначе. Отсюда следует, что даже если в других поводах будут содержаться сведения о признаках преступлений, предусмотренных ст. 198—199.2 УК РФ, то такие поводы не могут претендовать на статус законных и, следовательно, порождать процессуальную обязанность субъектов, ведущих досудебное производство, предпринимать проверочные действия в порядке ст. 144 УПК РФ.

Кроме того, специфичность «налогового» повода (ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ) заключается в его содержательной стороне. Такой повод должен нести сведения о признаках налоговых преступлений. Однако уголовно-процессуальный закон не поясняет, что именно должны включать в себя эти материалы. Ответ на этот вопрос содержится в нормах чч. 1 и 4 ст. 101 НК РФ. Из этих норм следует, что таковые материалы должны содержать: акты налоговых проверок; материалы дополнительных мероприятий налогового контроля; протоколы допроса свидетеля; заключение эксперта; иные документы, подтверждающие факты нарушений законодательства о налогах и сборах; письменные возражения лица, в отношении которого проводилась проверка, а также и собственно постановление руководителя (заместителя руководителя) налогового органа о привлечении к налоговой ответственности того или иного лица. Такое постановление также является актом правоприменения, констатирующим налоговое правонарушение и описание последнего со ссылкой на документы и иные сведения, подтверждающие фактические обстоятельства правонарушения, доводы, приводимые лицом, в отношении которого проводилась проверка, в свою защиту, а также результаты проверки этих доводов (ч. 5 ст. 101 НК РФ). Как акт правоприменения, решение о привлечении налогоплательщика к налоговой ответственности должно содержать указание и на нормы НК РФ, предусматривающие данные правонарушения, применяемые меры ответственности, а также размер выявленной недоимки и соответствующих пеней, денежных сумм, подлежащих уплате в качестве штрафа (ч. 8 ст. 101 НК РФ).

Понятно, что такого рода постановление — продукт реализации административно-правовых отношений. Потому в этом постановлении руководитель (заместитель руководителя) налогового органа как субъект административного процесса не дает официальной уголовно-правовой оценки установленному правонарушению. В то же время нельзя отрицать того, что уголовно-правовая оценка на уровне предположения о совершении правонарушителем преступлений, предусмотренных ст. 198—199.2 УК РФ, все же руководителем (заместителем руководителя) налогового органа дается, что и является причиной направления таковых материалов в следственный орган. Понятно, что критерием таковой оценки выступают суммы неуплаченных налогов и сборов, определяемые уголовным законом как крупный и особо крупный размер (примечание к ст. 198 УК РФ). Иными сло-

вами, в материалах проверки и в сопроводительном письме делается вывод о таких фактических обстоятельствах, которые должны «подвинуть» следователя к выводу об установлении объекта и объективной стороны общественно опасного деяния. Собственно таковых признаков достаточно для возбуждения уголовного дела [7]

Ни НК РФ, ни УПК РФ не указывают, в какой форме должно отражаться решение налогового органа о направлении соответствующего материала в следственные органы. Данный вопрос разрешался ведомственной инструкцией, согласно которой такие материалы должны были оформляться сопроводительным письмом руководителя (его заместителя) налогового органа [8].

Практика показывает, что решение о возбуждении уголовного дела принимается не во всех случаях направления налоговым органом таковых материалов. «В течение ряда лет процентное соотношение количества возбужденных уголовных дел по налоговым преступлениям к количеству материалов, поступивших из налоговых органов, колебалось на среднем уровне в 6,2 %» [8].

Конечно, приведенная цифра — не самая впечатляющая, хотя по отдельным регионам она несколько выше [10] Видимо, положительное решение о возбуждении уголовного дела должно предопределяться качеством материалов, подготавливаемых именно налоговым органом. Собственно в этом и состоит весь смысл определения специального повода.

Безусловно, особенностью регламентации нового повода является и ссылка в тексте уголовно-процессуального закона на законодательство о налогах и сборах. Это дает понимание того, что должна быть некая административно-правовая предыстория, формирующая этот повод. Появление рассматриваемого повода является следствием исполнения налоговым органом своей обязанности в порядке ч. 3 ст. 32 НК РФ: при соблюдении определенных условий налоговый орган должен направить соответствующие материалы в следственный орган для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

При этом условия исполнение этой обязанности, как следует из содержания указанной нормы налогового законодательства, носят процедурно-процессуальный и материальный характер и связаны с результатами уже проведенного административного производства по факту налогового правонарушения.

К процедурно-процессуальным условиям относятся: истечение двухмесячного срока исполнения требования об уплате налога (сбора), направленного налогоплательщику (плательщику сбора, налоговому агенту), которое выписывается на основании решения о привлечении лица к ответственности за совершение налогового правонарушения; соблюдение 10-дневного срока, в ходе которого таковые материалы должны быть направлены налоговым органом в следственный орган. При этом 10-дневный срок начинает свое исчисление с момента истечения указанного выше двухмесячного срока. Очевидно, указанные сроки могут быть использованы налогоплательщиком для оспаривания решения налогового органа в рамках административной юрисдикции и в судебном порядке. В то же время надо признать, что возможность судебного обжалования такого решения у лица, привлеченного к административной ответственности, остается (ч. 4 ст. 198 АПК РФ).

К материальным условиям относится факт неуплаты в полном объеме указанных в требовании конкретных сумм налогов и сборов, что дает основание для налогового органа оценивать это обстоятельство как признак состава преступлений, предусмотренных ст. 198—199.2 УК РФ, и соответственно принять решение о «подключении» уголовно-правовых мер защиты публичных интересов. Таким образом, направление материалов в порядке ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ во взаимосвязи с ч. 3 ст. 32 НК РФ — запасной, и, что важно, заменяющий способ разрешения налогового спора, когда административное производство своей цели не достигло.

Перечисленные признаки «налогового» повода обнаруживают, что его регламентация суть дальнейшее продвижение уголовной политики в сфере контроля экономических преступлений и одна из ступеней формирования специального процессуального режима для рассматриваемого вида «беловоротничковых» преступлений.

Применительно ко всем поводам к возбуждению уголовного дела, предусмотренным в новой

редакции ст. 140 УПК РФ, есть основания для вывода о том, что они на самом деле разнородные. Поводы по своей природе являются различными правовым средствами защиты личного или публичного интересов, охраняемых уголовным законом. В одном случае, это — реализация субъективного права заинтересованных субъектов на доступ к правосудию, в другом — исполнение уполномоченными должностными лицами обязанности по принятию мер к исправлению нарушений уголовного закона.

Примечания

1. О внесение изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия: федер. закон от 28.12.2011 г. // Рос. газ. 2010. 30 дек.

2. О внесении изменений в ст. 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 06.12.2011 г. // Рос. газ. 2011. 9 дек.

3. Кузьменко Е. С. Система поводов к возбуждению уголовного дела: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 13; Козилов Е. Н. Поводы к возбуждению уголовного дела: юридическая природа, система. Пути совершенствования // Уголовное судопроизводство. 2007. № 2. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 14.11. 2011).

4. В литературе правильно отмечается, что поводы могут быть рассмотрены в призме соотношения публичного и частного начал. Об этом см.: Кузьменко Е. С. Указ. соч. С. 9.

5. Степашин С. В. Тезисы выступления на 3-й конференции ЕВРОСАИ-АРАБОСАИ «Роль ВОФК в гармонизации социальных отношений» (Абу-Даби, 29 марта 2011 год). Официальный сайт Счетной палаты РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.ach.gov.ru/ru/chairman (дата обращения: 11.01. 2012).

6. Рос. газета. 2007. 8 июля.

7. Уголовный процесс / под ред. З. Ф. Ковриги, Н. П. Кузнецова. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2003. С. 195; Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. СПб., 2004. С. 324.

8. Требования к оформлению таких материалов содержались в Инструкции о порядке направления материалов налоговыми органами в органы внутренних дел при выявлении обстоятельств, позволяющих предполагать совершение нарушения законодательства о налогах и сборах, утв. приказом МВД России и ФНС России от 30.06.2009 г. № 495/ММ-7-2-347. Данная инструкции утратила силу в соответствии с Приказом МВД РФ № 1144, ФНС РФ № ММВ-7-2/774@ от 14.11.2011 г. / Официальный сайт ФНС России [Электронный ресурс]. URL: http://www.nalog.ru/ (дата обращения: 11.01.2012).

9. Соловьев И. Апофеоз или очередной шаг к окончательной декриминализации налоговых преступлений [Электронный ресурс]. URL :http : // pravo.ru /review (дата обращения: 02.11.2011).

10. О ходе работы следственных органов Следственного комитета России по Свердловской области по уголовным делам о налоговых преступлениях [Электронный ресурс]. URL: http://www.sled-uso.ru/news (дата обращения: 26.08.2011); Следственные и налоговые органы повышают эффективность взаимодействия [Электронный ресурс]. URL: http://www.r20.nalog.ru/ns/ (дата обращения: 30.11.2011).

© М. Т. Аширбекова, 2012

* * *

Н. С. Герасименко

ПРОБЛЕМА СМЕРТНОЙ КАЗНИ И ЗАКОННОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА ЖИЗНЬ

Научное исследование посвящено актуальной проблеме смертной казни как законному ограничению права на жизнь. В статье рассмотрены основные подходы к системе наказаний, в общем, и смертной казни, в частности. Внесены предложения по совершенствованию российского уголовного законодательства. Выводы автора могут быть использованы в нормотворческой деятельности.

Ключевые слова: права человека, право на жизнь, жизнь, смертная казнь, закон.

N. S. Gerasimenko

DEATH PENALTY AS THE PEOPLE'S WAR AGAINST ONE CITIZEN

The scientific research is devoted to the urgent problem of death penalty as a legal restriction of a right to life. The article focuses on the main approaches to the penal system in general and the death penalty in particular. The author comes up with proposals to improve the Russian criminal legislation. The author's conclusions can be used in rule-making activities.

Keywords: human rights, right to life, life, death penalty, law.

Известный русский юрист Н. С. Таганцев в начале XX в. писал, что «недалеко то время, когда смертная казнь исчезнет из уголовных кодексов и для наших потомков сам спор о ее целесообразности будет казаться столь же странным, каким представляется теперь для нас спор о необходимости и справедливости колесования или сожжения преступников» [1].

С того времени, когда само явление смертной казни стало исследоваться юристами, не стихают дискуссии о допустимости и невозможности применения смертной казни как одного из видов уголовного наказания.

Любое наказание, будь то штраф или законное лишение жизни человека, есть отражение степени цивилизованности общества, показатель силы и слабости государства. Наказание как мера уголовно-правового воздействия назначается по приговору суда лицу, признанному виновным в совершении им общественного опасного деяния, предусмотренного в санкциях норм Уголовного кодекса Российской Федерации.

Наказание является показателем ценностей общества и государства. Справедливо отмечал И. Я. Фойницкий по этому поводу: «Выбор карательных мер определяется состоянием культуры, государственными и общественными условиями данной эпохи» [2].

Вместе с тем проблема смертной казни сегодня — это не просто проблема одного из видов уголовного наказания. Это вопрос о ценности человеческой жизни, вопрос о справедливости и человечности, сколь неподходящими не казались бы таковые определения по отношению к убийцам.

На сегодняшний день более половины государств во всем мире либо отменили смертную казнь в законодательном порядке, либо не применяют ее на практике. Более 90 государств отменили смертную казнь за все преступления, более 10 — за преступления, совершенные в мирное время. Около 35 государств не применяют смертную казнь на практике, законодательно закрепляя подобную меру наказания.

В 2010 г. отмечено снижение количества смертных приговоров, о которых официально известно, что они приведены в исполнение: с 714 казней в 2009 г. до 527 в 2010 г. [3].

Сегодня в России в соответствии с ч. 2 ст. 20 Конституции Российской Федерации смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливать-

ся федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. Таким образом, Конституцией Российской Федерации установлен временный и исключительный характер применения смертной казни в виде наказания. Указание на исключительный характер смертной казни имеется также в ст. 59 Уголовного кодекса Российской Федерации, закрепляющей, что смертная казнь как исключительная мера наказания может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь.

Уголовным кодексом Российской Федерации ограничены пределы применения смертной казни по кругу лиц. Так, смертная казнь не назначается женщинам, лицам моложе 18 лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора 65-летнего возраста. Кроме того, в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации, смертная казнь не назначается при вердикте присяжных о снисхождении (ч. 1 ст. 65), за неоконченное преступление (ч. 4 ст. 66), не применяется или подлежит замене срочным лишением свободы, если суд сочтет возможным применить сроки давности (ч. 4 ст. 78, ч. 3 ст. 83).

В соответствии с ч. 3 ст. 59 Уголовного кодекса Российской Федерации смертная казнь в порядке помилования может быть заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок 25 лет. При наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса Российской Федерации, и отсутствии отягчающих обстоятельств, а также в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 3, 4 ст. 61) смертная казнь не применяется.

28 апреля 1983 г. страны, входившие в Совет Европы, подписали Дополнительный протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, касающихся смертной казни, ст. 1 которого гласит: «Смертная казнь отменяется. Никто не может быть ни приговорен к этому наказанию, ни казнен». Исключение сделано только за преступления, совершенные во время войны или в условиях, приближенных к ней.

Из 21 государства, входившего в Совет Европы на момент составления данного протокола, его подписали 13. Россия при вступлении в Совет Европы также взяла на себя обязательство в течение трех лет отменить смертную казнь, заменив ее пожизненным заключением, а до отмены ввести мораторий на ее применение.

Так, в 1996 г. был принят Указ Президента Российской Федерации от 16.05.1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» [4].

Во исполнение решения Совета Европы о предоставлении России трех лет на ратификацию Протокола № 6 Президент Российской Федерации принял распоряжение от 27.02.1997 г. № 53-рп «О подписании Протокола № 6 (относительно отмены смертной казни) от 28 апреля 1983 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.» [5], которым был объявлен мораторий на исполнение смертной казни. Мораторий — правоприменительный акт, основанный на Венской конвенции о праве международных договор 1969 г. и обязательствах России, закрепленных в Конституции.

Ратифицировать Протокол № 6 Государственная дума должна была до 5 мая 1999 г. Однако он до сих пор так и не ратифицирован. А Россия продолжает придерживаться моратория на исполнение смертных приговоров, используя в качестве альтернативы смертной казни пожизненное заключение или 25 лет лишения свободы на следующем основании.

Конституционным судом Российской Федерации в Постановлении от 02.02.1999 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 г. «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда по жалобам ряда граждан» [6] был установлен запрет на назначение смертной казни до введения в действие соответ-

ствующего федерального закона, обеспечивающего на всей территории Российской Федерации каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

Получается, что в России фактически действуют два моратория на применение смертной казни: один — введен Президентом Российской Федерации, другой — Конституционным судом Российской Федерации.

На страницах юридической литературы довольно часто поднимается вопрос о существовании у России международно-правовых обязательств по отмене смертной казни. Многие противники высшей меры наказания убеждены, что такие обязательства возникли у нашей страны с момента подписания Протокола № 6, в силу чего он является непосредственно действующим [7].

Однако, как отмечает О. П. Сауляк, согласно п. 5 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5, если международным договором установлены иные правила, чем федеральным законом, то согласие на обязательность такого договора для Российской Федерации должно быть выражено в форме федерального закона. Пункт 8 указанного выше постановления не менее четко фиксирует следующую правовую позицию: приоритет в применении в отношении законов Российской Федерации имеют только правила международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято в форме федерального закона.

Поскольку никакого федерального закона российским парламентом об обязательности Протокола № 6 не принималось, следовательно, и положения последнего не могут иметь какого-либо приоритета в отношении уголовного и уголовно-процессуального законов, действующих в нашей стране.

Представляется, что все разговоры о недопустимости применения смертной казни в нашей стране, участники которых позволяют себе игнорировать положения ч. 2 ст. 20 Конституции Российской Федерации, лишь размывают конституционные основы правопорядка. Есть только один законный способ запретить смертную казнь — внести в установленном порядке необходимые изменения в текст самой Конституции и законодательство страны. Другой вопрос — сложились ли в обновленной России все необходимые предпосылки для того, чтобы институт высшей меры наказания навсегда остался в прошлом? [8].

Тем не менее, несмотря на нератификацию Протокола № 6, в Российской Федерации наказание в виде смертной казни с 1999 г. не назначается, а с 1996 г. — не приводятся в исполнение смертные приговоры.

Полемика о необходимости применения или отмены смертной казни как высшей меры наказания ведется давно. Она породила две противоположные точки зрения. Каждая из сторон имеет свои весомые аргументы.

Нам же представляется, что в стране, которая стремится стать правовым государством, проблема смертной казни должна быть решена однозначно в пользу ее законодательной отмены, в обоснование чего проведем краткий анализ наших аргументов.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это соотношение таких понятий, как «смертная казнь» и «убийство».

Смертная казнь есть лишение человека жизни в качестве наказания. Убийство в соответствии со ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации есть умышленное причинение смерти другому человеку.

Не происходит ли здесь частичная подмена понятий? Ведь и смертная казнь, и убийство есть лишение человека жизни. Только первая выступает как высшая мера наказания, а второе — как преступное деяние. Конечно, это не аргумент против смертной казни и возможности рассматривать ее как убийство, а лишь недоработка законодателя. Тем не менее некая параллель между наказанием и убийством налицо.

В связи с этим нам представляется необходимым дополнить определение убийства признаком противоправности. Поскольку именно противоправность отграничивает убийство как преступное деяние от смертной казни как высшей меры наказания.

Сегодня смертная казнь как мера наказания не соответствует современному правосознанию и не удовлетворяет требованиям современной теории наказаний: казнь не индивидуальна, поскольку тяжело переносится близкими преступника, неделима, а потому не может быть назначена по мере вины, не служит цели исправления и непоправима в случае судебной ошибки.

Если проследить ход истории, то станет очевидно, что постепенно Россия подошла к обоснованному сужению пределов применения смертной казни. Отмена данного вида наказания уже подготовлена исторической тенденцией. В цивилизованном мире, где высшей социальной ценностью являются права человека, где гарантируется и защищается право каждого на жизнь, не может применяться «принцип талиона», каковым, по сути, и является смертная казнь.

Вспоминаются слова В. Соловьева о том, что смертная казнь — это «последняя важная позиция, которую варварское уголовное право… еще отстаивает в современной жизни» [9].

Но общество будет цивилизованным лишь тогда, когда каждый его гражданин будет уверен в том, что жизнь есть высшая ценность, и государство принимает все необходимые меры для ее сохранения и защиты. В основу должен быть положен тезис о бесценности любой человеческой жизни. И провозглашение в качестве высшей социальной ценности жизни преступника вовсе не свидетельствует о признании ничтожной социальной значимости жизни законопослушных граждан.

И суть здесь даже не в часто приводимом общефилософском утверждении о том, что не нами дано и не нам отнимать, а в том, что у нас очень часто были и есть сегодня судебные ошибки [10]. А цивилизованное общество допустить, с одной стороны, одновременного признания жизни высшей ценностью, а, с другой стороны, ошибочного лишения человека этого блага просто не в праве.

Кроме того, применение смертной казни в качестве высшей меры наказания ставит под сомнение такой признак права человека на жизнь, как ее неотчуждаемость.

Нам представляется, что отмена смертной казни — это официальное признание приоритета прав человека перед интересами общества и государства. А смертная казнь — это не что иное как «опасный институт, подрывающий нравственные и правовые устои общества» [11].

Справедливо замечает О. И. Лепешкина, что сохранение в Уголовном кодексе Российской Федерации смертной казни может служить основанием отказа в удовлетворении заявки России в экстрадиции (экстрадиция — это выдача иностранному государству лица, нарушившего законы этого государства). В соответствии с Европейской конвенцией о выдаче 1957 г., участницей которой является Россия, если преступление, в связи с которым запрашивается выдача, наказуемо смертной казнью в соответствии с законом запрашивающей Стороны и если в отношении такого преступления смертная казнь не предусматривается законом запрашиваемой Стороны или обычно не приводится в исполнение, в выдаче может быть отказано, если запрашивающая Сторона не предоставит таких гарантий, которые запрашиваемая Сторона считает достаточными для того, что смертный приговор не будет приведен в исполнение (ст. 11). Напротив, в выдаче не может быть отказано, если преступление наказуемо пожизненным лишением свободы, поскольку Уголовный кодекс Российской Федерации допускает возможность условно-досрочного освобождения лиц, отбывающих наказание [12].

Таким образом, на государство возложена обязанность оберегать жизни как законопослушных, так и преступных лиц, находящихся на его территории.

Кроме того, сторонники смертной казни утверждают, что ее отмена способствует разгулу преступности, а также появлению случаев самосуда [13]. Однако, как показывает практика, применение смертной казни не оказывает большего мотивирующего воздействия по сравнению с пожизненным лишением свободы и не влияет на количество совершаемых преступлений.

В России неоднократно проводились исследования, направленные на выявление корреляции между уровнем убийств и применением смертной казни. Однако до сих пор доказательства того, что применение смертной казни ведет к снижению уровня преступности, отсутствуют.

Таким образом, действие моратория на смертную казнь не привело к росту числа убийств, как,

в свою очередь, не скажется на увеличении преступлений и отмена данного вида наказания, поскольку на уровень преступности оказывают влияние социальные, экономические, политические причины, а не жесткость того наказания, которое установлено за совершение преступления.

Кроме того, исполнение смертной казни необратимо, как и необратимы последствия ее применения в случае судебной ошибки.

Судебные ошибки составляют более 10 % от общего числа рассмотренных уголовных дел [14].

Справедлив был известный юрист Ч. Беккария, заметив, что «смертная казнь не дозволена никаким правом, а есть не что иное, как война целого народа против одного гражданина, умерщвление которого почитается нужным и полезным для сохранения общества» [15].

Поэтому нам представляется необходимой замена смертной казни как исключительной меры наказания пожизненным лишением свободы без права помилования и досрочного освобождения.

Конечно, отчасти справедлива точка зрения Н. В. Кальченко о том, что не лишено также оснований утверждение, что пожизненное лишение свободы — как альтернатива смертной казни — негуманно и по отношению к самому заключенному, и к обществу в целом. Это крайне тяжелое и мучительное наказание, возможно, даже более строгое, чем смертная казнь, своего рода смертная казнь в рассрочку. Не случайно некоторые приговоренные к смертной казни лица посылали ходатайства в Комиссию по помилованию при Президенте РФ с просьбой не заменять им исключительную меру наказания пожизненным лишением свободы [15].

Однако, если будет выяснено, что человек осужден в результате судебной ошибки и невиновен, ему, конечно, никто не вернет годы, проведенные в камере, но хотя бы он не будет лишен жизни.

Мы считаем, что из Уголовного кодекса Российской Федерации и законодательных актов, которыми еще предусмотрена смертная казнь, положения о данном виде наказания должны быть исключены. Кроме того, по нашему мнению, отбывать наказание преступник должен не в лагере или колонии, а в тюрьме строгого режима.

Часть 1 статьи 57 Уголовного кодекса Российской Федерации предлагаем изложить в следующей редакции: «Пожизненное лишение свободы без права помилования и досрочного освобождения в качестве исключительной меры наказания устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против общественной безопасности».

Список библиографических ссылок

1. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Тула, 2001. Т. 2.

2. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М., 2000. С. 7.

3. Смерная казнь [Электронный ресурс]: Доклад Amnesty International «Смертная казнь в 2010 году: за последнее десятилетие стран-палачей осталось гораздо меньше»: сайт http://amnesty.org.ru/node/1804 (дата обращения: 12.01.2012).

4. СЗ РФ. 1996. № 21. Ст. 2468.

5. СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1092.

6. ВКС РФ. 1999. № 3.

7. Маргелов М. В. Смертная казнь и политическая воля // Рос. газ. 2007. 10 окт.

8. Сауляк О. П. Обязана ли Россия отменить смертную казнь: конституционные и международно-правовые аспекты проблемы // Мировой судья. 2010. № 5. С. 12.

9. Соловьев В. С. О смертной казни // Против смертной казни. М., 1906. С. 3.

10. Миронов С. М. Я принципиальный противник смерной казни // Закон. 2009. № 10. С. 10.

11. Сахаров А. Д. Письмо в организационный комитет симпозиума по проблеме смертной казни (1977 г.) // Неправосудные приговоры к смертной казни. Системный анализ допущенных ошибок. СПб., 2004. С. 371.

12. Лепешкина О. И. Перспектива смертной казни в России // Человек и закон. 2009. № 10. С. 57.

13. Дементьев С. И. Четверть века в лагерях и колониях Советского Союза: правда и вымысел. Краснодар, 2002. С. 324.

14. Солопов Д., Артемкина Е. Смертная казнь // Вольная Кубань. 1997. 19 апр.

15. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. СПб., 1803. С. 138.

© Н. С. Герасименко, 2012

* * *

П. К. Кривошеин

АБОРТ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Статья посвящена проблеме определения правомерности производства аборта и вопросам совершенствования законодательной регламентации ст. 123 УК РФ. Автор рассматривает допустимость совершения аборта с точки зрения объективных и субъективных факторов, влияющих на данную проблему.

Ключевые слова: аборт, декриминализация производства аборта, жизнь человека, материнство, отцовство, самооборт.

P. K. Krivoshein

ABORTION: SOCIAL AND LEGAL ASPECT

The article is devoted to the problem of determination of abortion lawfulness and the issues of improvement of legislative regulation of Article 123 of the Russian Federation Criminal Code. The author analyzes the abortion acceptability from the viewpoint of objective and subjective factors exerting influence upon this problem.

Keywords: abortion, abortion decriminalization, human life, maternity, paternity, self-abortion.

В ч. 1 ст. 20 Конституции РФ закреплено: «Каждый имеет право на жизнь». Однако вопрос о том, какая жизнь имеется в виду — жизнь как физиологическое состояние человека (с момента зачатия и до наступления смерти) или только как социальная действительность, бытие и поныне остается открытым. А он, как нам представляется, является заглавным в проблеме «быть или не быть аборту». В теологии, например, не беспочвенно утверждают, что человек как божественное создание одарен тремя жизнями: первая жизнь протекает в утробе женщины (сугубо физиологическое состояние); вторая жизнь определяется послеродовым периодом, основывающимся на внутриутробном развитии (социально обусловленная жизнь — бытие); третья жизнь наступает после смерти (жизнь человеческой души). Очевидно, что не о вечной жизни, которая наступает после смерти, проявлена конституционная забота и, стало быть, ею презюмируется внутриутробная и послеродовая, т. е. биологическая жизнь. Если принять это умозаключение, то юридический аспект заявлен-

ной здесь проблемы жизни заключается лишь в том, чтобы установить, вправе ли хоть кто-либо, кроме Природы (при зарождении новой жизни Природа допускает до пяти процентов генетического «брака») [1], лишить другого не родившегося человека (не родившийся человек уже человек) [2] права на жизнь? Точнее, вправе ли женщина, носящая в своем чреве человеческий зародыш, убить его сама или в соучастии с кем-либо? Ответ на поставленный вопрос видится, на наш взгляд, в уяснении следующего: во-первых, если внутриутробный человеческий организм признать составной частью женского организма (как например, руки, почки и т. д.), то ответ может быть положительным; если этот организм не сопоставим с организмом будущей биологической матери, самостоятелен, то и ответ, во-вторых, должен быть отрицательным. К сожалению, именно эта сторона проблемы аборта (быть ему или не быть) полностью осталась за пределами внимания его исследователей. Нам же он представляется ключевым в разрешении многовекового спора об искусственном прерывании беременности.

Российское законодательство, в том числе и уголовное, этот вопрос оставило без своего внимания. Не нашлось ему места и в нормативно-правовых актах, специально призванных охранять здоровье человека. Имеются в виду недавно отмененные Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, принятые 22.07.1993 г., и вновь принятый Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации», в которых имеются специальные статьи (соответственно 36 и 56) под одним наименованием «Искусственное прерывание беременности» и скрытым смыслом — безнаказанного убийства только что зарожденной жизни [3]. Объективность решения данного вопроса требует обращения к его истории, поскольку без истории предмета не бывает и его теории, а также и к другим отраслям человеческого знания. Но за основу все-таки надо взять Природу, ибо в ней все гениально просто: Природа гениально просто разделила созданное ею человечество на две примерно равные части — мужчин и женщин, гениально просто наделив их репродуктивной функцией и примерно равными внешними и внутренними органами и т. д. Лишь одно отличает женщину от мужчины — это одарение ее способностью к воспроизводству, т. е. к зачатию, вынашиванию и деторождению. И здесь Природа поступила мудро, создав и особые формы женского тела, и целый внутренний механизм сохранения другой жизни, и первый земной «домик» (для ее взращивания) с «дверцами» для своевременного его покидания. Эти аллегорические параллели приводят нас к выводу о том, что человеческий зародыш на любой стадии своего развития, начиная с момента смешения мужского и женского ядер — это новая и самостоятельная жизнь, имеющая свою душу и свое тело, хотя и неразрывно связанное со своей колыбелью — телом женщины-матери.

«Ребенок, — говорится в Конвенции о правах ребенка, принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г., — ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в надлежащей правовой защите как до, так и после рождения», признавая тем самым самостоятельность человеческого зародыша с момента его зачатия до достижения им 18-летнего возраста. В специальных науках (эмбриологии, генетике, биологии, перинатальной нейропсихологии) решение этого вопроса не вызывает особых затруднений. Биологи, например, убеждены, что жизнь человека как биологического индивидуума начинается с момента слияния ядер мужских и женских половых клеток. Ярко и убедительно эту мысль сформулировал А. П. Попов. Он пишет: «Жизнь человека начинается не с момента рождения, а с момента зачатия. Уже первая клетка-зигота является неповторимой личностью и содержит полную информацию о человеке: пол, рост, цвет волос, черты лица, группу крови и другие особенности. Несколько дней после зачатия формируются дыхательные органы. Сердце начинает биться через 18 дней, после 21 дня начинает работать его особая система кровообращения, кровь ребенка не смешивается с кровью матери и может отличаться от нее по кровяной группе. В течение всего внутриутробного развития новый человеческий организм нельзя считать частью тела матери. Нельзя его сопоставлять с организмом матери. Поэтому ясно, что аборт в любой стадии беременности яв-

ляется намеренным прекращением жизни человека как биологического индивидуума» [4]. Доктора биологических наук В. А. Голиченков и Д. В. Попов также утверждают: «С точки зрения современной биологии (генетики и эмбриологии) жизнь человека как биологического индивидуума начинается с момента слияния ядер мужских и женских половых клеток и образования единого ядра, содержащего неповторимый генетический материал» [5].

Представляется, что и вышеизложенного достаточно для того, чтобы признать: новый человеческий организм, развивающийся в теле женщины, не является его составной частью, которой женщина вольна распоряжаться по своему усмотрению. Он — самостоятельное божественной создание, управляемое своим геномом вплоть до окончания биологической жизни. И, следовательно, посягательство на эту жизнь посредством аборта есть убийство квалифицированное.

К такому же выводу приводит и исторический анализ интересующей нас проблематики. Он свидетельствует, что запрет на абортирование наложен задолго до нового летоисчисления. В частности, в клятве Гиппократа (V—IV вв. до н. э.), которую принимает на себя каждый молодой врач, имеется профессиональное обязательство: «… я не вручу никакой женщине абортивного пессария». В римском праве позднего периода аборт трактовался как преступление против родителей. Христианская религия с момента своего возникновения утверждала и утверждает поныне, что истребление плода лишает его благодати будущего крещения и, следовательно, является тяжким грехом: аборт приравнивается к тяжкому преступлению, аналогичному убийству родственника. В разделах XII.2 и XIII Основ социальной концепции Русской православной церкви закреплено: «Церковь с древнейших времен рассматривает намеренное прерывание беременности (аборт) как тяжкий грех» [6]. Под влиянием христианской церкви почти во всех европейских государствах производство аборта каралось смертной казнью, впоследствии замененной каторжными работами и тюремным заключением, которые применялись и к врачу, и к абортируемой женщине. В России смертная казнь была введена в 1649 г., но спустя примерно два столетия в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. смертная казнь была заменена лишением свободы на срок от 4-х до 6-ти лет [7].

Первым на Земле государством, легализовавшем аборт, стала Советская Россия. В совместном постановлении Наркомздрава и Наркомюста от 18 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщин» говорилось о бесплатном производстве операции по искусственному прерыванию беременности в обстановке советских больниц, производимой по желанию женщины [8]. Чтобы понять всю пагубность этого «исторического» документа и его иезуитский характер, надо вспомнить время принятия этого нормативно-правового акта — это время Гражданской войны и массового умерщвления людей, приверженных национальным интересам России, унесших десятки миллионов человеческих жизней. Согласно статистике ВЧК только одним этим органом (на территории России кроме ВЧК действовала 13 революционных трибуналов, наделенных правом применения смертной казни) в течение 1918—1919 гг. было приведено в исполнение, не считая расстрелянных без суда и следствия, погибших в боях, умерших от голода и болезней, 1 млн 766 тыс. смертных приговоров. Из них: 915 тыс. крестьян, 198 тыс. рабочих, 8 800 врачей, 6 575 священников, 28 епископов и архиепископов и многие сотни тысяч представителей других сословий [9]. Всего же, по подсчетам А. П. Столешникова, только в революцию 1917 г. по 1923 г. погибло не менее 30 млн человек, опять-таки, не считая жертв организованного Голодомора (примерно 15 млн человек), Соловков и т. н. политических репрессий 1937—1940 гг. [10], количество жертв которых нам установить не удалось. В 1924 г. были созданы «абортные комиссии», которые выдавали разрешение на бесплатный аборт, никому фактически не отказывая, но, соблюдая при этом определенную «классовую» очередность. Для женщин, не получивших разрешение на аборт, он был платным [7]. Цель создания этих комиссий не называлась. Полагаем, они потребовались не для сохранения генотипа нации, но для организованного ее умерщвления в зародышевом состоянии, подтверждая тем самым антинародную политику богоборческого режима.

27 июня 1936 г. ЦИК и СНК СССР приняли совместное постановление, которым налагался запрет на производство абортов «как в больницах и специальных лечебных заведениях, так и на дому у врачей и на частных квартирах беременных». Аборт разрешался лишь в исключительных случаях, когда «продолжение беременности представляет угрозу жизни или грозит тяжелым ущербом здоровью беременной женщины … и только в обстановке больниц и родильных домов» [11]. И вновь следует напомнить, что это государственной важности постановление было принято во время, когда коренные нации России остро нуждались в своем воспроизводстве, что стало возможно после разгрома «троцкистов», организовавших в 1929 г. убийственную для крестьянства (население России примерно на 90 % состояло из крестьян) коллективизацию, сопряженную с массовым его переселением в отдаленные и необжитые районы Сибири [10]. Политика запрещения абортов позитивно и, по существу, незамедлительно сказалась на режиме воспроизводства населения. Так, если в 1950 г. коэффициент рождаемости составил 26,9, то к 1968 г. он упал до 14,08. То есть фактически за один и тот же промежуток времени (14 и 13 лет) коэффициент рождаемости уменьшился вдвое [12].

Запрет на аборт действовал более 19 лет и был разрешен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещения абортов» [13]. Производство операции искусственного прерывания беременности разрешалось всем женщинам, изъявившим на это свое желание, что, полагаем, привело к тому, что суммарный коэффициент рождаемости в 2010 г. упал до 1,6 [12]. Во все последующие годы и поныне вопрос о запрещении абортов на законодательном уровне не ставился, несмотря на глубочайший демографический кризис, поразивший Россию в последнюю четверть прошлого и текущего столетий, несмотря на то, что в России ежегодно убивают 3,5 млн неродившихся человеческих жизней, а страна занимает первое место в мире по числу искусственных прерываний беременности [14]. Правда, в 2009 г. депутаты Госдумы РФ предложили ужесточить уголовную ответственность врачей за незаконные аборты и правила лицензирования частных клиник, предлагающих услуги по прерыванию беременности, обещая внести соответствующий законопроект на рассмотрение Госдумы весной 2010 г. [17] К сожалению, в прессе отсутствуют сведения о дальнейшей судьбе этого популистского (судя по аннотации) законопроекта и правовое регулирование абортов по-прежнему осуществляется уголовным законодательством РФ (ст. 123 УК) и Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации», еще более упрочившего права женщин на аборт. Кроме того, наряду с ними действуют и другие нормативно-правовые акты: постановление Правительства РФ № 485 от 11 августа 2003 г. «О перечне социальных показаний для искусственного прерывания беременности» [15]; приказ Министерства здравоохранения РФ от 14 октября 2003 г. «Об утверждении инструкций о порядке разрешения искусственного прерывания беременности в поздние сроки по социальным показаниям и проведения операции искусственного прерывания беременности»; приказ Минздравсоцразвития РФ № 736 от 3 декабря 2007 г. «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности».

В соответствии со ст. 56 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве и поэтому искусственное прерывание беременности проводится по ее желанию при сроке беременности до двенадцати недель. Это положение настолько императивно, что позволяет в качестве альтернативы предположить, будто бы законодатель не ведает, что зарождение новой жизни невозможно без мужского начала и что параллельно с материнством и совместно с ним живет отцовство. Следовательно, волевое отстранение отца от решения этой жизненно важной проблемы есть ничто иное, как ущемление его гражданских прав, гарантированных ст. 19 Конституции РФ. Кроме того, в нем подспудно имеется установка на безнаказанное умерщвление жизнеспособного плода по любым основаниям, лишь бы было проявлено на то желание беременной женщины.

Аборт разрешен и при сроке беременности до 22 недель при наличии т. н. социальных показа-

ний, их перечень определен постановлением Правительства РФ № 485 от 11 августа 2003 г. Это: наличие решения суда о лишении или ограничении родительских прав; беременность в результате изнасилования; пребывание женщины в местах лишения свободы; наличие инвалидности I—II группы у мужа; смерть мужа во время беременности. Не остро критически можно принять лишь одно из этих пяти показаний — «беременность в результате изнасилования». Другие, как говорится, притянуты: отсутствие жилья или работы, например, не менее социально значимое обстоятельство, чем пребывание женщины в местах лишения свободы, а пожизненное лишение свободы мужа перевешивает, думается, любую группу его инвалидности.

Перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности утвержден приказом Минздравсоцразвития России № 736 от 3 декабря 2007 г. Он состоит из 17 классов заболеваний по МКБ (международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем), суммарно представляющих почти 140 форм заболеваний. Среди них: туберкулез всех активных форм; краснуха; сахарный диабет; психические расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ; расстройства настроения (аффективные расстройства); дистония, эпилепсия, расстройства сна; пороки сердца 45 наименований, в т. ч. аритмия; болезни органов пищеварения 10 наименований, в т. ч. язва желудка и грыжа брюшной стенки и т. д. В перечень медицинских показаний входит и «состояние физиологической незрелости беременной женщины до достижения возраста 15 лет» [17], что представляется не только глубоко безнравственными, но и откровенно преступным, поскольку преждевременное прерывание беременности в раннем возрасте является, по общему мнению, первопричиной бесплодия и последующих тяжких, в том числе и онкологических болезней, которые приравниваются к тяжкому вреду здоровья.

Анализ заболеваний, включенных в этот перечень, приводит к неутешительному выводу о том, что жизнь человеческого зародыша вообще находится вне сферы правового регулирования, и ею вольно могут распорядиться не только женщина, вынашивающая его в своем чреве, но и, в некоторых исключительных случаях, врачи. В частности, в примечании № 2 рассматриваемого перечня указывается, что прерывание беременности при сроке более 12 недель по жизненным показаниям решается индивидуально консилиумом врачей. Это положение конкретизируется Инструкцией, утвержденной вышеназванным приказом Минздрава России от 14.10.2003 г. № 484, где закреплено: «При наличии других противопоказаний (заболевания, состояния, при которых прерывание беременности угрожает жизни или наносит серьезный ущерб здоровью) вопрос решается индивидуально в каждом конкретном случае» [21]. Даже глубоко не вдаваясь в смысл показанных положений (практически любое заболевание беременной женщины может нанести серьезный ущерб ее здоровью), можно уверенно заявить, что аборт как таковой — это реальная опасность для жизни человеческого зародыша. Она подстерегает его на любой стадии развития, и жизнь этого самостоятельного существа полностью зависит от желания (прихоти, каприза) вынашивающей его женщины, которую государство сознательно или по недоумию наделило ничем не ограниченным правом на безнаказанное лишение жизни другого человека. Кстати будет сказать, что источником всего вышеназванного абортивного права является ч. 2 ст. 17 Конституции РФ, провозгласившей: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». Подчеркнем, не с момента зачатия новой жизни, а от рождения младенца. Если же к сказанному добавить, что УК РФ предоставляет каждому гражданину по «добровольному согласию» заражать друг друга ВИЧ-инфекцией (примечание к ст. 122 УК), добровольно не выдавать и потреблять наркотики (примечание к ст. 228 УК), где угодно, кем и когда угодно делать аборты (ст. 123 УК), то окажется, что в современной России фактически отсутствует уголовно-правовая охрана здоровья нации, а лидеры государственной власти выстраивают внутреннюю демографическую политику страны не на ее реалиях, а, вероятно, на рекомендациях Римского клуба (мальтузианская глобалистская организация), установившего для России квоту в 50 млн человек [18]. Высказанная мысль отчасти позаим-

ствована из Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации», в ч. 7 ст. 56 которого закреплена норма, разрешающая суду принимать решение о производстве аборта у женщины, признанной им недееспособной, не испрашивая даже ее согласия на проведение этой операции.

Проблема сохранения репродуктивного потенциала нации потребует принятия ряда радикальных мер по отношению к абортам, в числе которых: безоговорочное признание права неродившегося ребенка на жизнь и лишение женщин прав на аборт по их желанию. При положительном решении этого вопроса Россия уже через 10 лет могла бы прирасти на 35 млн своих сограждан [14], а может быть, и на все 80 [19]. Для достижения этой грандиозной цели надо признать, что и упомянутая ч. 2 ст. 17 Конституции РФ, и все вытекающие из нее абортные законы — это очередная попытка навязать обществу антинародную мораль революционерок Розы Люксембург и Клары Цеткин, т. е. мораль, построенную на аморальности, на превращении «нравственной патологии в норму и даже в предмет гордости» [20]. В современной России внутриутробная человеческая жизнь осознается только воцерковленной аудиторией, фактически являющейся маргинальной и потому неугодной правительственным СМИ, представляемыми в своем подавляющем большинстве безнравственными и русофобски ориентированными личностями.

На современном этапе развития правовой мысли относительно определения юридического статуса эмбриона единого мнения не достигнуто. Уголовно-правовая доктрина, опирающаяся на закон, считает, что внутриутробная жизнь человека не предмет уголовного права, признавая при этом необходимость совершенствования правового регулирования репродуктивных прав человека. Начало же уголовно-правовой защиты жизни человека определяют моментом выхода плода из утробы женщины [21]. Поэтому якобы и аборт относится к числу преступлений, посягающих на здоровье, но не на жизнь человека. Мы же не находим принципиальной разницы между убийством нерожденного человека, убийством новорожденного младенца и убийством зрелого лица.

Диспозиция ст. 123 УК «Незаконное производство аборта» относится к числу бланкетных, и правоприменитель во избежание квалификационных ошибок при оценке содеянного вынужден обращаться к соответствующим нормативно-правовым актам, каковыми являются вышеназванные: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ; постановление Правительства РФ от 11 августа 2003 г. № 485; приказ Минздрава России от 14 октября 2003 № 484; приказ Минздравсоцразвития России от 3 декабря 2007 г. № 736. Однако ни в одном из названных документов (ни в наименовании, ни в тексте) слово «аборт» не используется, и определения ему, естественно, не дается. В них говорится об искусственном прерывании беременности. Вряд ли такое расхождение в разъяснении и уяснении одного и того же понятия и социального явления можно объяснить ставшим уже привычным небрежным отношением современного законодателя к букве закона, поскольку содержание этой уголовно-правовой нормы по объему не соответствует ее наименованию. То есть в диспозиции статьи отсутствует указание на незаконность аборта. Практическое использование такого законодательного материала может привести к принятию непредсказуемого процессуального решения. Допустим, установлен факт преждевременного прерывания беременности с участием постороннего лица (супруга, соседей, других, по случаю оказавшихся лиц). Причины преждевременных родов семейно-бытовые (поднятие тяжести, чрезмерное употребление психоактивных веществ, падение с высоты, перегрев тела беременной женщины и т. д.). Фактически произошло преждевременное прекращение беременности и самопроизвольное изгнание плода, т. е. аборт [22], и следовательно, лицо, не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля, непосредственно содействующее женщине в плодоизгнании, должно быть признано субъектом преступления, предусмотренного ст. 123 УК. Абсурд, но таков закон, из текста которого исключено указание на незаконность этого действия. Поэтому сам факт искусственного прерывания беременности независимо от медицинских показаний, места и условий его осуществления может

породить уголовно-правовые отношения. И только врач-гинеколог не входит в сферу их действия.

Другая не менее значимая проблема, прямо закрепленная в основном составе рассматриваемого преступления в виде бомбы направленного действия, заключается в фактической декриминализации производства аборта. Даже в УК РСФСР 1960 г. (ст. 116), принятого вскоре после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещения абортов», когда аборт разрешался каждой женщине, пожелавшей прервать беременность, в диспозиции этой статьи указывалось на двух субъектов незаконного аборта: врача и лицо, не имеющее высшего медицинского образования. В статье же 123 УК назван лишь один субъект — лицо, не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля. И вновь возникает необходимость в исторической справке. Дело в том, что указание на лицо, не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля, было сделано в УК РФ 1996 г., т. е. во время, когда сокращение рождаемости было столь значительным, что уместны аналогии с революцией и Гражданской войной, и именно в это лихолетье принимается закон, еще более усугубляющий демографическую обстановку в стране, которая из года в год обостряется. Положение же, когда государство катастрофическими темпами теряет свое население — свой экономический, политический, оборонный и т. д., т. е. стратегический ресурс и при этом принимает закон, прямо и непосредственно направленный на увеличение этих потерь, нельзя признать нормальным. Наше государство, если его деятельность рассматривать с патриотических позиций прироста населения, за всю свою историю приняло два антинародных закона — это совместное постановление Наркомздрава и Наркомюста от 18 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщины» и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещения абортов». Именно их человеконенавистническая суть «пришлась ко двору» современному законодателю, регулирующему рождаемость посредством массовых убийств нерожденных людей. К этому выводу приводит преемственная политика последовательной декриминализации производства абортов. Так, в первоначальной редакции незаконным признавался аборт, совершенный вне стационарного лечебного учреждения или при наличии противопоказаний для его производства врачом или лицом, не имеющим высшего медицинского образования. Одним из квалифицирующих обстоятельств признавался аборт, совершенный неоднократно, т. е. два и более раза, либо проведенный лицом, ранее судимым за аналогичное преступление. С принятием УК РФ 1996 г. признак неоднократности был исключен, а точнее, сужен до специального рецидива, т. е. квалифицированным признавался только аборт, совершенный лицом, ранее судимым за такое же деяние. Был сужен и круг субъектов — им стало признаваться лишь лицо, не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля. Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ рецидив как квалифицирующий признак был также исключен из ст. 123 УК. Главным же декриминализирующим аборт фактором является увод главного действующего лица — врача-гинеколога от уголовной ответственности. Это законодательное решение трудно переоценить: лицо, совершившее деяние, соответствующее всем признакам преступления и элементам его состава, для закона оказалось недосягаемым. Вне его действия пребывают лица, к которым, как правило, обращаются женщины с просьбой прервать беременность, и нередко гибнущие (в результате абортов ежегодно в мире гибнет от 70 до 200 тыс. женщин [23]) вместе со своим плодом от рук этих специалистов «соответствующего профиля». В условиях, когда СМИ бесконтрольно внедряют в сознание российской молодежи зарубежные образцы семейного, репродуктивного и сексуального поведения, целесообразность абортов, которые выполняются высококвалифицированными специалистами «быстрыми и безопасными методами» [12], женщине, пожелавшей прервать беременность, весьма не просто будет установить лицо, «не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля». Кроме того, современные женщины, из которых все теми же СМИ почти выбиты гены скромности, стыда и целомудрия, не утратили еще чувства самосохранения и вряд ли рискнут отдать свое здоровье на заклание случайному или непрофессиональному абортопроизводителю. Поэтому на врачей-гинекологов в первую очередь должна быть возложена ответственность за незаконное производство абортов и вообще за прове-

дение этой операции как на отступников от известной клятвы Гиппократа и соучастников-исполнителей убийства внутриутробной жизни. В силу своей профессии, теоретических знаний и практических навыков врачи-гинекологи лучше, чем кто-либо осведомлены о вреде абортов. Они не могут не знать, что аборт это не только нравственная патология, но главное — это травматическое вмешательство в работу всего женского организма, которое сопровождается механическим повреждением матки, бесплодием, развитием спаечных и онкологических процессов, гормонального дисбаланса и т. д. Доказано, что после аборта по организму как бы прокатывается своеобразная взрывная волна. Она проходит по яйцеклеткам и изменяет их ДНК [24], что может негативно отразиться на репродуктивных способностях будущих поколений — внучках и правнучках [24].

Они лучше, чем кто-либо знают и о последствиях аборта, к числу которых, в первую очередь, относится нарушение детородной функции и у самой абортируемой, и у ее потомства. Поэтому прав Д. Рогозин, обеспокоенно заявив, что нормальных родов сейчас в России менее 30 %, а из родившихся детей более половины больны, что «возможно, еще хуже — нация вырождается не только количественно, но и качественно, производя на свет все больше физически и умственно отсталых детей» [1]. Гинеколого-акушерские исследования показывают, что аборт: в 41 % случаев является причиной вторичного бесплодия и почти в 50 % случаев предшествует внематочной беременности; после аборта частота самопроизвольных выкидышей увеличивается в 8—10 раз; около 60 % первородящих женщин старше 30 лет страдают невынашиванием беременности вследствие предшествующих абортов, а вероятность выкидыша при последующей беременности возрастает в зависимости от числа прежде сделанных абортов — при одном аборте риск составляет 26 %, при двух — 32 %, при трех и более — 41 % [2].

По данным психоматической медицины аборт приводит к личностному кризису, угнетает психику, ослабляет иммунную систему и в целом способствует возникновению и росту злокачественных образований — раку молочных желез, шейки матки, толстой кишки [2, с. 64]. Объясняется это тем, что самой Природой в женщину заложена потребность рожать и кормить грудью новорожденных детей. Поэтому при нормальной беременности происходят закономерные изменения в тканях молочных желез и создаются условия к выработке молока для кормления младенца. То есть в организме запускается своеобразный молокотворный механизм, рассчитанный в среднем на два года (беременность и кормление в послеродовый период). Аборт же бесцеремонно останавливает развитие этих клеток, сбивает их генетическую программу, чем и способствует образованию злокачественных опухолей.

Нынешняя Россия как никакая другая держава нуждается в государственно-правовом регулировании рождаемости, и поэтому на все ее ветви власти народ вправе возложить обязанность по спасению от вымирания государствообразующей нации. Политика «здравоохранения массовых абортов», а точнее, политика здравозахоронения привела к тому, что значительную часть здоровых и сильных человеческих существ убивают в утробе женщины, а многие больные и слабые выживают. Такая политика сама по себе преступна, но ее антирусская (русские — самый многочисленный этнос — около 80 % от всего населения [27]) суть неизмеримо возрастает от участия в ее реализации каждого налогоплательщика, оплачивающего аборт и этим соучаствующего в убийстве людей эмбрионального возраста. И в этой связи трудно не согласиться с мыслью Паисия Святогорца о том, что если Божественную заповедь нарушает один человек, то ответственность падает только на него. Если же грех возводит в закон государство — кара Божия постигнет весь народ [28]. И российский народ уже много десятилетий страдает от того, что позволил недальновидным и порочным политикам государства возвести грех в закон и, более того, укрыть от уголовной ответственности лиц, непосредственно творящих это зло, усугубляемое их корыстными устремлениями.

Итак, показанные выше богословские, психологические, медицинские, генетические и правовые взгляды на аборт смыкаются в одной точке — аборты нужно прекратить, признав их преступными и в высшей степени безнравственными. Запрет на аборт, учитывая его человеконенавистническую сущность, предпочтительнее всего закрепить в конституционной норме, не допуская никаких ни медицинских, ни, тем более, социальных показаний. Позволительно лишь одно исключение — со-

хранение плода подвергает опасности жизнь беременной женщины и вынашиваемого ею ребенка. Предположим, при медицинском обследовании у беременной обнаружен рак тела матки. Осуществлять химиотерапию, смертоносно облучая и женщину, и находящееся в ее теле человеческое существо, бесполезно и, стало быть, безумно. Выход один — удалить матку вместе с эмбрионом, сохраняя при этом жизнь женщине. Здесь срабатывает известное правило: «Из двух зол выбирается одно — меньшее». Законным следует признать и преждевременное прерывание беременности при внематочной беременности, поскольку самой Природой определено место вынашивания плода. Стало быть, внематочная беременность — это патология, несущая серьезные осложнения женскому организму и, безусловно, гибель плода, развивающегося в нечеловеческих условиях. По существу, аналогичное положение имеется и в «Основах Русской Православной Церкви». В них закреплено: «… когда существует прямая угроза жизни матери при продолжении беременности, особенно при наличии у нее других детей, в пастырской практике рекомендуется проявлять снисхождение. Женщина, прервавшая беременность в таких обстоятельствах, не отлучается от евхаристического общения с Церковью…» [29]. Если процитированное переложить на уголовно-правовой язык, то право на искусственное прерывание беременности возникает лишь в случае, когда опасность для жизни беременной женщины не могла быть устранена другими средствами. То есть аборт возможен только в условиях крайней необходимости (ст. 39 УК). Однако, если женщина, будучи осведомленной о неизлечимости своей болезни и ее последствиях, все-таки пожелает родить ребенка, то никто не вправе принуждать ее к аборту. Такое принуждение надо признать преступным в виде подстрекательства к убийству, а в случае производства аборта — действия подстрекателя будут соответствовать признакам преступления, предусмотренного ст. 111 УК.

Общесоциальная и криминальная проблема аборта неотрывна от проблемы самоаборта, ибо и первая, и вторая прямо и непосредственно связаны с умерщвлением новой человеческой жизни. Отличаются они друг от друга тем, что при аборте у беременной женщины имеются соучастники, т. е. это всегда групповое деяние, при самоаборте женщина действует в одиночку. В дореволюционной России самоаборты всегда были под запретом. Преступлением самоаборт признавался и в советское время, начиная с 1936 г., но вновь был декриминализирован с принятием УК РСФСР 1960 г. Прерывание беременности, в том числе и самоаборт, признается преступлением против внутриутробной жизни и приравнивается к убийству в десятках стран мира (Афганистан, Венесуэла, Иран, Ирландия, Колумбия, Сирия, Чили и др.). А УК Японии жизнь плода оценивает выше жизни и здоровья его матери. В одном из комментариев к УК Японии сказано, что охраняемым правовым благом в первую очередь является жизнь и здоровье человеческого плода, находящегося в чреве матери, вторичным охраняемым правовым благом может быть названа безопасность жизни и здоровья матери [30]. В этом патриотическом высказывании обнаруживается и признание эмбриона самостоятельным человеческим существом, и людская забота о его жизни и здоровье, и озабоченность сохранением национального генотипа. Этим-то и отличается особая ментальность японской нации, проявляющаяся в сплоченности, взаимовыручке и жертвенности в угоду национальных интересов. Не пора ли и россиянам обратиться к своим истинно национальным корням и поступать с разрушителями своего этноса — абортопроизводителями, как поступали наши пращуры.

Список библиографических ссылок

1. Рогозин Д. Ястребы мира: дневник русского посла. М., 2010. С. 246.

2. Тертуллиан К. С. Ф. Антология VIII в. Т. 8: Богословские труды: сб. 25. М., 1984. С. 181.

3. Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW:n=121895 (дата обращения: 02.01.2012).

4. Попов А. П. Право неродившегося человека на жизнь // Гражданское право. 2004. № 12. С. 34.

5. Ковлер А. И. Антропология права. М., 2002. С. 456.

6. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2001. С. 90.

7. Криминальный (незаконный) аборт [Электронный ресурс]. URL: http://www.kid.ru/akusher/68.php3 (дата обращения: 05.08.2011); Капинус О. С., Додонов В. Н. Современная уголовная политика в отношении абортов. М., 2008.

8. СУ РСФСР. 1920. № 90. Ст. 471

9. Грачева Т. В. Когда власть не от бога. М., 2010. С. 239.

10. Столешников А. П. Реабилитации не будет! (Антиархипелаг). М., 2011. С. 453—454.

11. СЗ СССР. 1936. Ст. 309.

12. Демографическая ситуация в Российской Федерации // Википедия [Электронный ресурс] http://ru.wikipedia.org/wiki/ %Д0%9Д%Д0%В0%Д1%8 %Д0%В5%Д%ВВ%Д0%... (дата обращения: 03.07.2010).

13. Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 22. Ст. 425.

14. Право на смертную казнь: сб. ст. / под ред. А. В. Мялько. М., 2004. С. 126.

15. Российская газета. 2003. 15 авг.

16. Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 9.

17. Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2003. № 52.

18. Грачева Т. В. Невидимая Хазария. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. М., С. 71.

19. Грачева Т. В. Когда власть не от бога. М., 2010. С. 59.

20. Грачева Т. В. Память русской души. Рязань: «Зерна-Слово», 2011. С. 69.

21. Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3 / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л., 1973. С. 480; Красиков А. Н. Преступления против личности. Саратов, 1999. С. 18—19; Попов А. Н. Умышленные преступления против жизни: Проблемы законодательной регламентации и квалификации: дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2003.

22. Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. С. 19.

23. Приказ Минздрава СССР от 22 апреля 1981 г. № 430.

24. Во всем мире // 2001. № 6. С. 14—15.

25. Зорин К. В. Что скрывают от молодых. Соблазны и болезни века. М., 2009. С. 87—88.

26. Бройтичам В., Кристиан П., Рад М. Психоматическая медицина: краткий учебник / пер. с нем. Г. А. Обухова, А. В. Бруенка. М., 1999. С. 237.

27. Считаем оскорбительным для целого этноса умалчивание Росстатом числа евреев, проживающих в России. Судя же по их представительству во всех эшелонах власти, в науке, образовании, медицине, банковской системе, СМИ (особенно на телевидении) и других тому подобных структурах, то лиц еврейской национальности может быть даже больше русского населения, и тогда росстатовскую справку о русских как государствообразующей нации придется признать недостоверной.

28. Старец Паисий Святогорец. Слова. Т. IV. Семейная жизнь. М., 2004. С. 86.

29. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Деяние Юбилейного Освещения Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о Соборном прославлении новомучеников и исповедников российских XX века. М., 2001. С. 364—365.

30. Уголовное право зарубежных стран. Особенная часть: учеб. пособие. М., 2004. С. 465.

© П. К. Кривошеин, 2012

П. К. Кривошеин, С. Ш. Ахмедова

БУДЕТ ЛИ РЕАБИЛИТАЦИЯ ПОВТОРНОСТИ КАК ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО ПРАВА?

Статья посвящена историческому анализу института повторности в уголовном праве России и проблемам нормативного регулирования указанного института на современном этапе развития уголовного законодательства.

Ключевые слова: повторность, рецидив, совокупность преступлений, множественность наказаний, спидтеррористы, институт повторности преступлений, декриминализация.

P. K. Krivoshein, S. Sh. Akhmedova

WILL THERE BE THE REHABILITATION OF REPEATABILITY AS AN INSTITUTE OF CRIMINAL LAW?

The article is devoted to the historical analysis of the institution of repeatability in the Russian criminal law and the problems of statutory regulation of the mentioned institute at the modern stage of criminal legislation development.

Keywords: repeatability, recidivism, cumulative crime, multiple sentences, institute of crime repeatability, decriminalization.

История русского уголовного законодательства показывает, что круг обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность и наказание, даже в сравнительно небольшие промежутки времени претерпевал значительные изменения. Перечень отягчающих обстоятельств то признавался исчерпывающим, то допускалось его расширительное толкование, число их то увеличивалось, то сокращалось, нередко смягчающие обстоятельства признавались отягчающими и наоборот. Лишь понятие повторности неизменно включалось в этот перечень. «Просматривая историю права, — писал Н. С. Таганцев, — изучая те отрывки, которые дошли до нас от прошедшей жизни разных народов, мы всегда встретим указания на то, что повторение более или менее отчетливо отличалось от других преступлений, что оно всегда влекло усиление наказания» [1].

Действительно, повторность как институт уголовного права имеет глубокие исторические корни. Первые упоминания об ответственности лиц, совершивших несколько преступлений, обнаруживаются в Римском праве [2]. Указания на повторность преступлений имеются в старофранцузском, старогерманском и в законодательствах других древних государств. А каноническое право сравнивало повторность преступлений с раной, которая «быв едва залечена, снова открылась и которую вновь залечить несравненно трудно» [1].

Среди правовых документов XIV в. обращает на себя особое внимание Двинская Уставная грамота, созданная в 1397—1398 гг. Исторически непреходящее значение этого нормативного акта заключается в том, что им фактически была открыта история русского уголовного права, определены признаки преступления и порожден институт повторности преступлений. Статья 5 Двинской Уставной грамоты гласит: «А кто у кого что познает татебное … татя впервые продати противу полично-го; а в другие уличат, продадут его не жалуя; а уличат в третье — ино повесити; а татя всякого пятнити» [3]. Если эту норму рассматривать с позиции современной дефиниции преступления, сформулированной в ст. 14 УК РФ, то в ней выделяются: общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость, т. е. все признаки, объективно присущие преступлению. Не вдаваясь в анализ содержания этой статьи на предмет

определения признаков преступления, отметим лишь, что законодатели Русского государства в период превращения его в централизованное под повторностью понимали совершение двух или более правонарушений, за одно из которых оно подвергалось наказанию. Об этом же свидетельствует и ст. 8 Псковской Судной грамоты, действовавшей примерно в тот же временной период (дата издания и поныне не бесспорна): «Если что-либо будет украдено на посаде, то дважды вора милуя, не лишать жизни, а, уличив (в воровстве), наказать в соответствии с его виною; если же он будет уличен в третий раз, то в живых его не оставлять (также), как вора, обокравшего Кремль» [4].

Первый кодекс Русского централизованного государства под названием «Судебник» был принят в 1497 г. Его создатели внесли существенные изменения в институт повторности преступлений. Теперь под повторностью понимается не только рецидив, но и фактическое совершение двух и более преступлений. Так, в ст. 13 Судебника говорится: «А с поличным приведут впервые, а взмолвят на него человек пять или шесть по великого князя по крестному целованию, что он тать ведомой, и преж того неодинова крадывал, ино того казнити смертною казнию …» [5].

Новый крупный вклад в развитие института повторности преступлений внесен Соборным Уложением царя Алексея Михайловича 1649 г. В нем количество статей, предусматривающих повторность в качестве квалифицирующего обстоятельства, значительно увеличилось. Кроме различных видов воровства повторность была введена в статьи, предусматривающие ответственность за кормчество (противозаконное изготовление и сбыт вина), незаконную продажу табака, ложный донос и ряд других статей. Повторность, как обобщающее понятие, была дифференцирована на три разновидности: совокупность, собственно повторность и рецидив. В ст. 12 гл. XXI «О разбойных и татиных делах» предписывалось: «А приведут татя, доведут на него татьбы три или четыре, или больше: и того татя пытав, казнити смертью». Аналогичные меры воздействия применялись и за совершение повторного мошенничества — «чинить тот же указ» (ст. 11), повторного грабежа (ст. 15) [6]. Лишь разбойники, которые «ходят по улицам, людей режут и грабят, и шапки срывают», подвергались смертной казни не за третье, а за второе разбойное нападание [7].

Анализ содержания Соборного Уложения позволяет сделать следующие выводы:

— повторность присуща лишь малой части и только тех преступлений, которые представляли существующему тогда феодальному строю повышенную общественную опасность;

— повторность во всяком случае влекла усиление наказания, хотя и не являлась общим его условием; усиление наказания — обязанность, но не право суда;

— для повторности преступлений характерна множественность наказаний (тюрьма, телесные наказания, смертная казнь);

— повторность предполагала совершение двух и более юридически тождественных или однородных преступлений независимо от наличия судимости и сроков давности.

Русское право в форме Свода законов было кодифицировано в 1832 г. Уголовное законодательство «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» составило 15 том этого Свода. В ст. 124 Свода впервые в истории русского уголовного права давалось определение повторности преступлений: «Повторением преступления считается то, когда преступник, будучи наказан за преступление, учинил то же самое в другой или третий раз» [8]. Как видно, с этого времени повторность признавалась общим условием уголовной ответственности, влекущим более строгое наказание, и под ней понимался специальный рецидив. Однако в Своде имелось и понятие «стечение преступлений» (ст. 123). Им охватывались случаи совершения как юридически тождественных, так и однородных и разнородных деяний, ни за одно из которых виновный еще не понес наказания.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предписывалось увеличивать меру наказания во всех случаях совершения повторного преступления: «Суд назначает всегда самую высшую меру наказания за повторение оного» (ст. 132 Уложения). Параллельно с Уложением действовал Устав о наказаниях, применяемых мировыми судьями (Мировой Устав), в ст. 16 которого говорилось, что «совокупность проступков счи-

тается во всяком случае обстоятельством, увеличивающим вину». Понятие совокупности было включено в 1857 г., а его определение давалось в ст. 152 Уложения 1885 г. (далее — Уложение). В этом Уложении использовались и такие разновидности повторности, как преступный промысел (ст. 931), и лица, обратившие совершение преступлений в промысел, признавались особо опасными и подлежали самому суровому наказанию (ст. 64 Уголовного Уложения 1903 г.). В соответствии с ч. 2 ст. 336 Уложения повышенная мера уголовной ответственности устанавливалась в отношении должностных лиц, уличенных в неоднократном непредставлении в установленный срок официальных документов, требуемых на законном основании. Всего же в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. повторность преступлений как квалифицирующее обстоятельство предусматривалась более чем в 200 из 1711 статей. Слово «рецидив» в Уложении не использовалось, он выражался фразой: «Учинение другого после суда и наказания за первое» (ст. 131). Более конкретно о рецидиве говорится в п. 8 ст. 170 Мирового Устава: «… когда кража совершена лицом, уже однажды осужденным за кражу или мошенничество».

Анализ норм о повторных преступлениях, включенных в законодательные акты дореволюционной России, позволяет сделать следующие выводы:

— первые упоминания о повторности преступлений относятся к концу XIV в., а его обобщенное определение было сформулировано спустя более четырех столетий, т. е. в Своде Законов Российской Империи 1832 г.;

— повторность преступлений независимо от формы ее проявления всегда влекла усиление наказания;

— по мере поступательного развития общества круг деяний, предусматривающий признак повторности, расширяется, мера ответственности увеличивается;

— институт повторности и система наказания за повторное совершение преступлений получили достаточно обстоятельное развитие в конце XIX — начале XX вв.

В результате революции 1917 г. в России было создано государство нового типа — государство диктатуры пролетариата (население России на 90 % составляли крестьяне [9]), породившее новые, в т. ч. и уголовно-правовые отношения в обществе. Вместо законов издавались постановления и декреты, которые, по меткому заявлению В. И. Ленина, «служили формой пропаганды» [10], в которых, однако, устанавливалась повышенная уголовная ответственность за спекуляцию в виде промысла, за вторичный побег, а в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. предписывалось при назначении наказания учитывать, «совершено ли деяние профессиональным преступником (рецидивистом) или первичным». Из 227 статей УК РСФСР 1922 г. в 17в качестве квалифицирующего обстоятельства предусматривалась та или иная разновидность повторности: собственно повторность — ч. 2 ст. 79^2; рецидив — ст. 142 и ст. 183; промысел — ст. 146, 181 и в других статьях УК. Понятия систематичности и неоднократности были введены в УК 1922 г. соответственно в июне 1923 г. и в августе 1925 г [11]. С принятием УК РСФСР 1926 г. число статей, предусматривающих признак повторности, увеличилось почти вдвое (36 статей), и повторность становится общим условием усиления наказания (п. «г» ст. 47).

В УК РСФСР 1960 г. институт повторности получил свое дальнейшее развитие. В отличие от прежнего в новом законодательстве содержание повторности преступлений раскрывалось в Общей (ст. 41) и в Особенной (примечание к ст. 89 и 144) частях УК РСФСР. Значительно увеличилось количество норм, предусматривающих повторность в качестве квалифицирующего обстоятельства и как структурный элемент основного состава преступления. Период 50—60-х гг. характеризуется активизацией научной деятельности, институт повторности становится одним из основных предметов научных исследований. В этот период выходит ряд фундаментальных работ В. Н. Кудрявцева, Н. А. Стручкова, А. М. Яковлева, А. С. Никифорова и др. Они стали надежным основанием для более глубокой разработки проблем повторности, вызвали к жизни обширную литературу, побудили острую полемику по ключевым понятиям повторности (понятие, разновидности, их содержание, влияние на дифференциацию ответственности

и персонификацию наказания). В результате был создан полноценный и эффективно действующий механизм борьбы с наиболее опасным сегментом преступности — повторной преступностью, лежащей наряду с групповой в основе всех направлений организованной преступности. Мы не переоцениваем значение этого механизма, поскольку в любом, даже, казалось бы, самом совершенном найдутся те или иные конструктивные недоработки. Повторность потому так называется, что отражает факт социальной действительности, выраженной в неоднократности конкретных преступных действий человека. Следовательно, кратности повторения преступлений, но не ее терминологической разнообразности (повторно, неоднократно, систематически, промысел, рецидив, совокупность) в первую очередь должна соответствовать санкция закона, предусматривающего повторность в качестве квалифицирующего обстоятельства. Разнообразие понятий, обозначающих одно и то же социальное явление (повторное совершение преступлений), не может существенно повлиять ни на оценку личности повторного преступника, ни на правильность понимания уголовного закона и однозначность его применения. Поэтому содержание института повторности можно было бы наполнить лишь двумя его составляющими — повторностью («…то же деяние, совершенное повторно…») и промыслом, а точнее, преступной деятельностью, отражающей одновременно и преступный профессионализм и преступный образ жизни в целом, которые в современной России все более и более актуализируются.

УК РСФСР 1960 г. действовал 36 лет. За это время в него было внесено примерно 750 изменений и дополнений, за что Кодекс подвергался жесткой критике. Очередное революционное потрясение постигло Россию в 1991 г. Началась коренная ломка всего уклада жизни россиян, приведшая к их обнищанию. Качественные изменения произошли и в преступности: революционными темпами росла профессиональная и организованная преступность. Многие же положения действующего уголовного законодательства не отвечали и не могли отвечать непредсказуемым политическим и экономическим «преобразованиям». В этой связи возникла острая необходимость в коренном реформировании Уголовного кодекса. В создании нового механизма регулирования наиболее важных общественных отношений работало несколько творческих коллективов. В результате 24 мая 1996 г. Госдумой РФ был принят новый Уголовный кодекс Российской Федерации. В первоначальной редакции он выгодно отличался от своего предшественника. Его составители, в частности, учли научные наработки исследователей проблем повторности преступлений, закрепив в УК в качестве квалифицирующих обстоятельств лишь неоднократность (предполагалась повторность) и рецидив. Места же преступной деятельности в новом УК не нашлось по той, вероятно, простой причине, что к этому времени разграбление национального достояния России и неразрывно связанная с этим процессом коррупция представляли собою именно преступную деятельность, субъектами которой были отнюдь не «несуны» в лице рабочих и крестьян, и не мздоимцы — медработники, учителя и милиционеры. Однако уже к 2003 г. рецидив был лишен этого качества. Он сохранился лишь в значении обстоятельства, отягчающего наказания (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК), а вскоре, т. е. 8 декабря 2003 г. Федеральным законом № 162-ФЗ такая же участь постигла и неоднократность, и более того, она была лишена и этого отягчающего обстоятельства. Вряд ли стоит удивляться такому отношению к институту повторности преступлений и в целом к уголовному законодательству со стороны «демократического» руководства страны. На наш взгляд, такая перспектива была заложена революционными младодемократами, которые и поныне остаются у кормила власти. Иначе как объяснить тот факт, что за 14 лет действия УК 1996 г. в него внесено более тысячи изменений и дополнений, многие из которых — результат сугубо субъективного и непрофессионального отношения к уголовному закону. В частности, благодаря Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ в УК появились новеллы, имеющие откровенно идеологическую и русофобскую подоплеку с установлением уголовной ответственности не за совершение конкретных деяний, а за мысли и убеждения (ст. 280, ст. 282 и ст. 282^2). УК продолжает пополняться заведомо «мертвыми» и дублирующими нормами (ст. 141—142^1, 184, ч. 5 ст. 291^1

и ряд др.; ст. 238 и ст. 263^1, ст. 263 и 263^1 и др.). Из него целенаправленно и последовательно исключались нормы, сдерживающие корыстную, корыстно-насильственную и организованную преступность: одновременно аннулированы квалифицирующая неоднократность (повторность) и конфискация преступно приобретенного имущества (Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ); до минимума за совершение этих же преступлений снижен предел наказания в виде лишения свободы (Федеральный закон от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ); все большую честь приобретает штраф, которым с легкостью откупаются от реального наказания заведомо лихие (особо опасные) ненасытные стяжатели. Список подобных новшеств можно продолжать и продолжать. Более того, современная уголовная политика демократического государства стимулирует рост преступлений, посягающих на нравственные начала нации. В частности, законодатель сознательно, полагаем, «увел» от уголовной ответственности главного виновника абортов, в т. ч. и криминальных, — лицо, «имеющее высшее медицинское образование соответствующего профиля», т. е. врача-гинеколога (ст. 123 УК); лиц, занимающихся развратом детей на профессиональной основе (ст. 135 УК); лиц — спидотеррористов (ст. 122 УК с примечанием); матерей-убийц своих новорожденных детей (ст. 106 УК); в декабре 2011 г. декриминализированы клевета и оскорбление (Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ). Нравственные устои нации подрываются и всепоглащающей коррупцией (бесспорный фактор морально-нравственного разложения государственного аппарата управления), о бескомпромиссной борьбе с которой лишь говорят первые лица государства, а деяния их, в т. ч. и в нормотворчестве, — прямо противоположные.

Если подытожить все вышеизложенное, соизмерив его с современной уголовной политикой государства, то перспектив на возрождение и совершенствование института повторности в уголовном праве не имеется. Этот пессимистический вывод — не столько плод исторического анализа закона, сколько убежденность в том, что имплементация повторности в УК станет существенным правовым фактором противодействия чуждой россиянам идеологии стяжательства, идеологии порабощения ничтожным и, по сути, антироссийским меньшинством всего населения России.

Список библиографических ссылок

1. Таганцев Н. С. О повторении преступлений: Исследование. СПб., 1867. С. 43.
2. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. 1. С. 292.
3. Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 162—163.
4. Там же. М., 1953. Вып. 2. С. 303.
5. Там же. М., 1955. Вып. 3. С. 348.
6. Там же. М., 1957. Вып. 6. С. 384—385.
7. Там же. Вып. 6. С. 386.
8. ЦГИАЛ. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 308. Л. 152.
9. Столешников А. А. Реабилитации не будет! (Анти-Архипелаг). М.: Профессионал, 2011. С. 427.
10. Кривошеин П. К. Повторность в советском уголовном праве (теоретические и практические проблемы). Киев, 1990.
11. СУ РСФСР. 1923. № 150; 1925. № 58.

© П. К. Кривошеин, С. Ш. Ахмедова, 2012

* * *

О. А. Сазонова

АРБИТРАЖНЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ КАК СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 2 СТ. 195 УК РФ

В данной статье изложена проблема определения арбитражного управляющего как руководителя юридического лица, и соответственно, как субъекта преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 195 УК РФ. Рассматриваются возможные варианты ответственности по уголовному праву России.

Ключевые слова: банкротство, арбитражный управляющий, временный управляющий, административный управляющий, внешний управляющий, конкурсный управляющий, ответственность.

O. A. Sazonova

COURT-APPOINTED MANAGER AS A PERPETRATOR OF A CRIME STIPULATED BY PART 2 ARTICLE 195 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article concentrates on the problem of defining a court-appointed manager as the head of a legal entity and as a perpetrator of a crime stipulated by Part 2 Article 195 of the Russian Federation Criminal Code accordingly. The author analyzes possible types of responsibility according to the Russian criminal law.

Keywords: bankruptcy, court-appointed manager, temporary manager, administrative manager, external manager, bankruptcy manager, responsibility.

Арбитражный управляющий является обязательным участником процесса несостоятельности и присутствует на всех стадиях процедуры банкротства. Без участия арбитражного управляющего совершить такое деяние, как неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов за счет имущества должника, практически невозможно.

Закон «О несостоятельности (банкротстве)» [1] наделяет арбитражного управляющего очень широкими полномочиями, особенно с момента отстранения от должности руководителя юридического лица. В этой связи арбитражный управляющий обладает реальной возможностью совершения им преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 195 УК РФ [2]. Об имеющейся возможности выполнения объективной стороны такого преступления, как неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов за счет имущества должника — юридического лица, арбитражным управляющим положительно высказалось 80 % опрошенных мною практических работников, 10 % ответили отрицательно, 10 % затруднились с ответом [3].

В то же время в диспозиции ч. 2 ст. 195 УК РФ [2] прямого указания на такого субъекта преступления, как арбитражный управляющий, нет, из-за чего как в теории, так и на практике по данному вопросу возникают споры.

Одни ученые, к примеру, И. В. Шишко и Г. Н. Хлупина, считают, что арбитражных управляющих следует «…причислить к разряду руководителей организации — должников» [4, с. 130; 5, с. 229]. Аналогичного мнения придерживается и П. С. Яни [6, с. 229]. Обосновывая свой вывод, авторы ссылаются на определение «руководителя», изложенное в ст. 2 ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)», а именно как на «иное лицо, осуществляющее в соответствии с федеральным законом деятельность от имени юридического лица без доверенности» [1].

Напротив, Н. А. Лопашенко [7, с. 15—16; 8, с. 311, 314], И. Ю. Михалев [9, с. 160—163], Е. А. Бондарь [10, с. 203] считают, что на арбит-

ражных управляющих положения, предусмотренные ч. 2 ст. 195 УК РФ, распространяться не могут. Свою позицию они обосновывают тем, что арбитражный управляющий назначается не для выполнения функций исполнительного органа, а для проведения процедур банкротства, и его нельзя признать рядовым руководителем организации, выполняющим управленческие функции. «То обстоятельство, что в обязанности арбитражного управляющего не входит организация производства и получение прибыли, свидетельствует о том, что его, как организатора осуществления процедуры банкротства, нельзя отождествлять с руководителем организации — должника» [7, с. 15]. А. Н. Классен [11, с. 29], поддерживая данную позицию, указывает на то, что эти незаконные действия арбитражных управляющих подпадают под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ. По мнению М. Х. Хакулова, «арбитражный управляющий не подпадает под категорию руководителей по следующим основаниям: во-первых, управляющий назначается арбитражным судом, его правовая суть и функции отличны от руководителя; во-вторых, в ходе осуществления процедуры управления руководитель организации отстраняется, а не полностью складывает свои полномочия, т. е. частично осуществляет свои функции наряду с арбитражным управляющим; в-третьих, управляющий в отличие от руководителя не может совершать все действия, входящие в компетенцию руководителя» [12, с. 94].

Необходимо уяснить, кто же такой арбитражный управляющий. Для этого обратимся к закону «О несостоятельности (банкротстве)», согласно абз. 22, ст. 2 которого арбитражный управляющий — это «гражданин Российской Федерации, являющийся членом саморегулируемой организации арбитражных управляющих» [1].

На разных стадиях производства дела о банкротстве арбитражный управляющий имеет свой правовой статус, соответствующий конкретной процедуре дела. Так, на стадии наблюдения арбитражный управляющий будет иметь статус временного управляющего, на стадии финансового оздоровления — административного управляющего, на стадии внешнего управления — внешнего управляющего, при конкурсном производстве — конкурсного управляющего. Как временный, так и административный, внешний, конкурсный управляющие назначаются и утверждаются судом в соответствии со ст. 45, 65, 83, 96, 127 ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] для проведения соответствующей процедуры в деле о банкротстве.

В соответствии с абз. 6 ст. 2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» руководитель должника — это единоличный исполнительный орган юридического лица или руководитель коллегиального исполнительного органа, а также иное лицо, осуществляющее в соответствии с федеральным законом деятельность от имени юридического лица [1].

Так, на стадии процедуры наблюдения в деле о банкротстве закон о несостоятельности в п. 1 ст. 64 прямо указывает на то, что введение данной процедуры не является основанием для отстранения руководителя должника и иных органов управления должника от управления последним. Руководитель должника продолжает осуществлять свои полномочия лишь с некоторыми ограничениями [1]. Временный же управляющий хоть и наделен определенными правами и обязанностями, предусмотренными статьями 66 и 67 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1], но по своей сущности не имеет статуса руководителя. Временного управляющего на данной стадии процесса в деле о банкротстве можно отнести к надзирающей, контролирующей инстанции.

На стадии финансового оздоровления (что видно из главы 5 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1]) руководители и иные органы управления должника от управления должником не отстраняются, а административный управляющий так же, как и при процедуре наблюдения, выполняет контрольные функции.

В соответствии с п. 1 ст. 94 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] на стадии внешнего управления полномочия руководителя должника прекращаются, управление делами должника возлагается на внешнего управляющего. Прекращаются полномочия органов управления должника и собственника имущества должника — унитарного предприятия, полномочия руководителя должника и иных органов управления должника переходят к внешнему управляющему, за исключением полномочий органов управления должника и соб-

ственника имущества должника — унитарного предприятия, предусмотренных пунктами 2 и 3 ст. 94 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Органы управления должника, временный управляющий, административный управляющий в течение трех дней с даты утверждения внешнего управляющего обязаны обеспечить передачу бухгалтерской и иной документации должника, печатей и штампов, материальных и иных ценностей внешнему управляющему.

В соответствии с п. 1 ст. 96 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] внешний управляющий утверждается арбитражным судом одновременно с введением внешнего управления.

Полномочия внешнего управляющего в соответствии с п. 1 ст. 123 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] прекращаются при прекращении производства по делу о банкротстве или при принятии арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства.

В соответствии с п. 2 ст. 96 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] на стадии внешнего управления до даты утверждения внешнего управляющего исполнение его обязанностей и осуществление прав последнего арбитражный суд возлагает на лицо, исполнявшее обязанности временного управляющего, административного управляющего или конкурсного управляющего должника. В связи с чем при данных обстоятельствах вышеуказанные лица наделяются функциями руководителя юридического лица.

На стадии конкурсного производства в соответствии с п. 2 ст. 126 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства прекращаются полномочия руководителя должника, иных органов управления должника и собственника имущества должника — унитарного предприятия (за исключением полномочий общего собрания участников должника, собственника имущества должника принимать решения о заключении соглашений об условиях предоставления денежных средств третьим лицом или третьими лицами для исполнения обязательств должника). Полномочия руководителя должника и иных органов управления должника, а также собственника имущества должника — унитарного предприятия в пределах, порядке и на условиях, которые установлены ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», осуществляет конкурсный управляющий. Руководитель должника, а также временный управляющий, административный управляющий, внешний управляющий в течение трех дней с даты утверждения конкурсного управляющего обязаны обеспечить передачу бухгалтерской и иной документации должника, печатей, штампов, материальных и иных ценностей конкурсному управляющему.

В соответствии со ст. 127 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] конкурсный управляющий утверждается арбитражным судом при принятии решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства. Конкурсный управляющий действует до даты завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу о банкротстве. При внесении записи о ликвидации должника в единый государственный реестр юридических лиц конкурсное производство по делу о банкротстве считается завершенным. Основанием для внесения записи о ликвидации должника в единый государственный реестр юридических лиц является определение арбитражного суда о завершении конкурсного производства. Определение о прекращении производства по делу о банкротстве выносится в случае погашения требований кредиторов в соответствии со ст. 125 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Исходя из изложенного, видно, что арбитражный управляющий на таких стадиях процесса дела о банкротстве, как внешнее управление и конкурсное производство, выполняет функции руководителя юридического лица.

Кроме того, в соответствии с п. 6 ст. 20 и абз. 1 п. 1 ст. 20-2 Закона «О несостоятельности (банкротстве)» [1] работой на руководящих должностях признается … деятельность в качестве арбитражного управляющего при условии исполнения обязанностей руководителя должника; в случае, если в соответствии с Законом «О несостоятельности (банкротстве)» на арбитражного управляющего возлагаются полномочия руководителя должника, на него распространяются все требования, установленные Федеральным зако-

ном и иными нормативными правовыми актам РФ для руководителя такого должника, и по отношению к нему применяются все меры ответственности, установленные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ для руководителя такого должника. А в ч. 3 ст. 195 УК РФ [13], прямо указывается на то, что имеют место случаи, когда функции руководителя юридического лица возложены на арбитражного управляющего.

В этой связи стоит вспомнить определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 14 августа 1998 г. по жалобе Бурякова [14 с. 5]. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ, удовлетворяя жалобу арбитражного управляющего АООТ «Голубая ОКА» Бурякова, указала, что последний действовал как руководитель АООТ в пределах полномочий, представленных ему Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)», и в силу ст. 43 ГПК РСФСР, действовавших на тот момент, никаких других доказательств предоставления ему полномочий на ведение в суде заявленного требования не нужно.

Таким образом, как внешний, так и конкурсный управляющие, а также лица, на которых возложено исполнение этих обязанностей, выступают в роли руководителя юридического лица, а следовательно, будут являться субъектами преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 195 УК РФ. Аналогичного мнения придерживаются также и другие ученые, такие как Л. Можайская [15, с. 45], Е. Н. Журавлева Е. Н [16, с. 123], А. В. Пустяков [17, с. 148—150], А. Г. Кудрявцев [18, с. 26], В. С. Белых [19, с. 61], Б. В. Волженкин [20, с. 395], занимающиеся изучением названной проблемы.

Д. А. Кузьминов [21, с. 176—177] также считает, что «арбитражный управляющий вполне подпадает под понятие руководителя должника». Однако он не отмечает того обстоятельства, что не любой арбитражный управляющий является субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 195 УК РФ. Следовательно, в этой части с позицией Д. А. Кузьминова по обстоятельствам, изложенным выше, согласиться трудно.

На стадии наблюдения и при финансовом оздоровлении руководитель организации должника и иные органы управления должником могут совершать неправомерные действия при банкротстве с «молчаливого согласия» арбитражного управляющего или же при непосредственном его соучастии. В то же время на данных стадиях процесса банкротства арбитражный управляющий не является ни руководителем, ни иным органом управления организации, и сам по себе, в связи с отсутствием возможностей, в одиночку, не может совершить преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 195 УК РФ. Таким образом, в настоящее время в случае сговора арбитражного управляющего с субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 195 УК РФ, последний на таких стадиях процесса, как наблюдение и финансовое оздоровление, может быть привлечен к уголовной ответственности лишь как иной соучастник данного преступления. Поэтому нельзя согласиться с мнением А. Г. Кудрявцева, считающего, что в данном случае действия временного и административного управляющих охватываются составом преступления, предусмотренным ст. 201 УК РФ [18, с. 26], во-первых, по приведенным мною доводам ранее, а во-вторых, в связи с тем, что в нашем случае основным объектом охраны преступления являются интересы кредиторов должника, его учредителей, а объект главы 23 УК РФ (куда входит ст. 201 УК РФ) защищает интересы самой организации, полномочиями в отношении которой лицо злоупотребляет.

В научной литературе также существует мнение о необходимости криминализации противоправной деятельности внешнего и административного управляющих путем внесения соответствующих изменений в ст. 195 УК РФ в отношении ее субъектов. Данная позиция обосновывается тем, что внешний, административный управляющие наделены весьма обширными функциями и правами по отношению к соответствующему юридическому лицу [16, с. 124].

Данное утверждение спорно, поскольку ни внешний, ни административный управляющие не являются ни руководителем, ни иным органом управления соответствующего юридического лица, так как последние не могут сами или своим решением произвести неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов, а также они не уполномочены давать

обязательные для исполнения указания. В этой связи у последних отсутствует возможность самостоятельно совершить преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 195 УК РФ. Привлечь же данных лиц к уголовной ответственности как соучастников преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 195 УК РФ, крайне проблематично, это показывает и анализ изучения уголовных дел данной категории (а именно отсутствием привлеченных к уголовной ответственности внешних и административных управляющих как соучастников преступления ч. 2 ст. 195 УК РФ).

В рассмотренных нами ситуациях как внешний, так и административный управляющие могут проявлять бездействие. И в большинстве случаев это не удивительно, так как арбитражный управляющий выполняет свои функции одновременно в нескольких организациях, и как показывает практика, а также анализ изучения арбитражных дел о банкротстве, последний в своей деятельности совсем не стремится вывести предприятия из «долговой ямы». По мнению Н. Егоровой [22, с. 25], в случаях бездействия арбитражного управляющего, при невыполнении возложенных на него законом обязанностей к последнему должна быть применена ст. 201 УК РФ. Данное утверждение представляется несколько спорным, так как уже упоминалось выше, что основным объектом охраны преступления являются интересы кредиторов должника, его учредителей, а объект главы 23 УК РФ (куда входит ст. 201 УК РФ) защищает интересы самой организации, полномочиями в отношении которой лицо злоупотребляет. Поэтому целесообразнее было бы ввести в УК РФ ответственность внешнего и административного управляющих за ненадлежащее выполнение возложенных на них обязанностей, предусмотрев уголовную ответственность последних в случае сговора их с лицами, непосредственно выполнившими объективную строну преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 195 УК РФ.

Примечания

1. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 15 октября 2002 г. № 127-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

2. Часть 2 ст. 195 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».

3. Опрос проведен старшим следователем СУ при УВД по г. Волгограду О. А. Сазоновой в период с января 2011 г. по сентябрь 2011 г. в подразделениях: следственного управления УВД по г. Волгограду, Главного следственного управления ГУВД по Волгоградской области, управлении по борьбе с экономическими преступлениями ГУВД по Волгоградской области (в опросе участвовало 100 человек).

4. Горелик А. С., Шишко И. В., Хлупина Г. Н. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Красноярск, 1998.

5. Шишко И. В. Экономические правонарушения. Вопросы юридической оценки и ответственности. СПб., 2004.

6. Яни П. С. Сложности квалификации преступлений, связанных с банкротством // Законодательство. 2007. № 8.

7. Лопашенко Н. А. Неправомерные действия при банкротстве // Законность. 1999. № 4.

8. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности (Комментарий к гл. 22 УК РФ). Ростов н/Д,1999.

9. Михалев И. Ю. Криминальное банкротство. Спб., 2001.

10. Бондарь Е. А. Уголовная ответственность за нарушение законодательства о несостоятельности (банкротстве): дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002.

11. Классен А. Н. Проблемы ответственности за неправомерные действия при банкротстве (социальный и уголовно-правовой аспекты): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.

12. Хакулов М. Х. Неправомерное (преднамеренное и фиктивное) банкротство: дис. … канд. юрид. наук. Кисловодск, 2000.

13. Часть 3 ст. 195 Уголовного кодекса РФ (в ред. от 29 декабря 2010 г.).

14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 14 августа 1998 г., по жалобе Бурякова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 5.

15. Можайская Л. Арбитражный управляющий как субъект преступных банкротств (ст. 195, 196 УК РФ) // Уголовное право. 2003. № 3.

16. Журавлева Е. Н. Криминальное банкротство: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2006.

17. Пустяков А. В. Банкротство: уголовно-правовой аспект: дис. … канд. юрид. наук. М., 2007.

18. Кудрявцев А. Г. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, связанные с банкротством, на современном этапе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.

19. Белых В. С. Правовые основы банкротства юридических лиц. Екатеринбург, 1996.

20. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007.

21. Кузьминов Д. А. Уголовно правовая характеристика преступлений связанных с банкротством: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.

22. Егорова Н. Некоторые вопросы ответственности арбитражных управляющих по УК РФ // Уголовное право. 2001. № 4.

© О. А. Сазонова, 2012

* * *

А. В. Симоненко

СИСТЕМА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В МЕХАНИЗМЕ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается система ценностных ориентаций личности, определяется ее место в механизме преступного поведения личности. Определены характеристики ценностных ориентаций и дана их криминологическая оценка.

Ключевые слова: личность, культура, преступное поведение, ценностные ориентации.

A.V. Simonenko

THE SYSTEM OF PERSONALITY VALUE ORIENTATIONS IN THE MECHANISM OF CRIMINAL BEHAVIOUR

The article deals with the system of personality value orientations, determines the personality's position in the mechanism of criminal behaviour. Characteristics of personality value orientations are defined, their criminological evaluation is given.

Keywords: personality, culture, criminal behaviour, value orientations.

Действиями человека управляют глубинные регуляторы — потребности, ценности, интересы, роль которых особенно велика в условиях быстро развивающегося и меняющегося общества [1]. Ценности как обобщенные значения объектов, как выражение фундаментальных норм, которые помогают осуществить выбор поведения (правомерного или противоправного) в жизненно важных ситуациях. Система ценностей создает внутренний стержень культуры, духовную квинтэссенцию потребностей и интересов, влияющую на их реализацию в криминогенном или антикриминогенном направлении.

Ценности — это обобщенные цели и средства их достижения, исполняющие роль фундаментальных норм. Система ценностей, с одной стороны, отражает потребности и интересы личности, а с другой — оказывает влияние на социальные интересы и потребности, выступая одним из важнейших мотиваторов их действия и поведения.

В зависимости от того, какие потребности и интересы отражает система ценностей, в каком ключе формирует социальные интересы и потребности, во многом зависит выбор способа поведения (преступного или непреступного) лица по достижению поставленных целей.

Ценностное отношение формируется в процессе деятельности и реализуется через деятельность. Сама эта деятельность может быть как социально полезной, так и вредной, как правомерной, так и противоправной. Человек выбирает цель, формирует стратегию своего будущего поведения, исходя из индивидуальной системы ценностей.

Изучение ценностных ориентаций личности дает возможность выявить степень ее адаптации лица к новым социальным условиям. Такой анализ имеет важное криминологическое значения, когда изучению подвергаются лица, находящиеся в местах социальной изоляции или освободившиеся из них, а также иные лица, выступающие объектами индивидуальной профилактики.

При анализе ценностных ориентаций в криминологическом аспекте необходимо учитывать действие двух механизмов — преемственности и изменчивости. Искусственная смена общественной модели, когда процесс формирования ценностей идет сверху, приводит к несовпадению общественных и индивидуальных изменений. Так, правовые ценности для преступников не являются даже потенциальными ценностями.

Изменение социальных условий, в которых находится человек вследствие помещения его в места социальной изоляции, вхождения в криминальную субкультуру, ведет к тому, что механизм воспроизводства ценностных ориентаций перестает быть ведущим, уступая место адаптационным механизмам. Динамика этого процесса может проявляться в следующих формах:

— сохранение прежней ценностной системы: сформированная в процессе прошлого криминального опыта индивидуальная система ценностных ориентаций служит своеобразным фильтром для поступающей извне ценностной информации;

— расстройство индивидуальной ценностной системы: состояние, которое означает индивидуальный ценностный вакуум, отчуждение;

— развитие: изменение в ценностно-ориентационной системе личности, когда обогащается внутреннее содержание ценностных ориентаций с помощью механизма адаптации к изменившейся социокультурной сфере [2], в т. ч. путем принятия ценностей криминальной субкультуры.

Базовыми ценностями, составляющими стержень исследования системы ценностных ориентаций индивидов и их групп, являются:

1) жизнь человека как высшая ценность, самоценность;

2) свобода, т.е. способность реализации социально позитивных потребностей и способностей;

3) нравственность как качество поведения человека в соответствии с морально-этическими нормами;

4) общение в семье, с друзьями и другими людьми, взаимопомощь;

5) семья, личное счастье, благополучие близких, продолжение рода;

6) работа (учеба) как самоценный смысл жизни, как средство достижения целей, как средство для заработка;

7) благополучие — доходы, комфорт своей жизни, здоровье;

8) инициативность, предприимчивость, способность выразить себя, выделиться;

9) традиционность — уважение к традициям, жить как все, зависимость от окружающих обстоятельств;

10) независимость, способность быть индивидуальностью, жить по своим критериям;

11) самопожертвование как готовность помогать другим даже в ущерб себе;

12) авторитетность — способность оказывать влияние на других, иметь власть над ними, конкурировать и добиваться успеха, победы;

13) законность как установленный государством порядок, который обеспечивает безопасность индивида, равноправие его отношений с другими;

14) вольность как архаичная свобода, свобода от каких-либо ограничений волеизъявления индивида, тяготеющая к вседозволенности.

У каждого индивида, социальной группы и народа в целом формируется своя иерархия ценностей. Эта иерархия во многом определяет доминанты поведения людей: правомерного или противоправного, преступного и непреступного.

Система ценностных ориентаций, потребности и интересы личности во многом определяют характер ее поведения, а культура выступает основой формирования указанных свойств личности. Человек своей деятельностью воздействует на культуру, а культурная среда, находящаяся в динамике, воздействуя на личность человека, определяет характер его будущего поведения (рис. 1).

Таким образом, ценностные ориентации служат ведущими компонентами мотивационной сферы личности, являющейся важнейшим фактором детерминации его активности, в том числе преступного поведения. Они выступают одним из ключевых звеньев в механизме индивидуального преступного поведения. При определении линии своего поведения личность опирается на систему своих ценностных представлений (ориентаций), в которых одни ценности располагаются выше других, им отдается предпочтение по сравнению с другими, а это, в свою очередь, влияет на мотивацию поступка, выбор целей и средств их достижения.

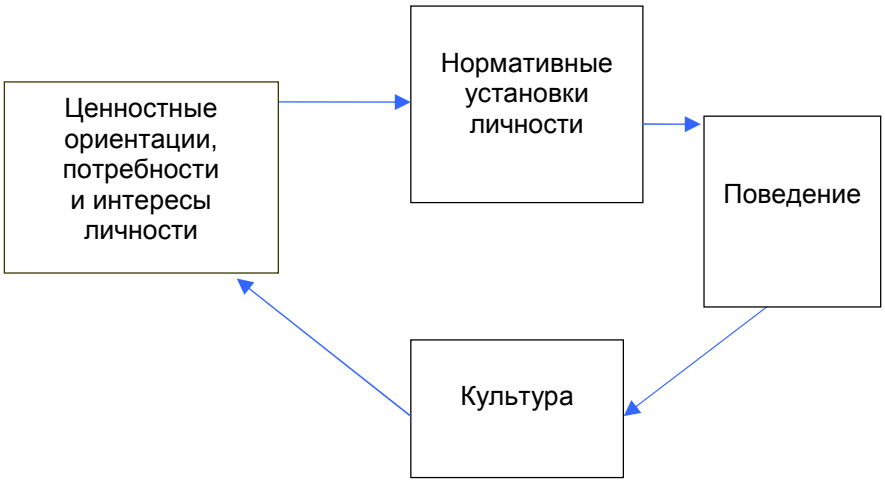

Рис. 1. Культура, ценностные ориентации и поведение человека

Определяющая роль в формировании ценностных ориентаций личности принадлежит культуре. Следовательно, существует зависимость между воздействием на культуру и процессом формирования ценностных ориентаций личности, которые способны быть устойчивым барьером в работе механизма преступного поведения. «Для того, чтобы те или иные потребности, интересы, влечения или эмоции сформировали мотив преступления, субъект психологически должен преодолеть еще один внутренний “барьер” — систему так называемых ценностных ориентаций» [3].

Господствующая в обществе культура должна обеспечивать формирование высоконравственных

ценностных ориентаций. Однако в условиях кризиса (экономического, социального, политического, духовного) содержание культуры деформируется, на первое место выходят ценности потребления, бессознательные животные инстинкты, увеличивается количество социальных групп, у членов которых ценностные ориентации несут в себе криминогенный потенциал.

Мотивированное поведение, в том числе преступное, есть результат действия двух факторов — личностного и ситуационного. Личностными причинами преступного поведения являются особенности мотивационно-ценностных ориентаций личности, в свою очередь задаваемые средой и ближайшим окружением.

Исходя из этого, основной задачей является диагностика ценностных ориентаций, на фоне которых происходит генезис и развитие механизма преступного поведения.

Проведенное нами изучение ценностных ориентаций несовершеннолетних преступников и их криминологическая оценка выявили ряд закономерностей. Несовершеннолетние преступники находятся в состоянии расстройства индивидуальной ценностной системы. На доминирование претендуют сразу несколько терминальных ценностей, низка их дифференциация. Ни одна из четырех ценностей, находящихся в ядре ценностной структуры, не может претендовать на абсолютное лидерство. На формальном первом месте находится интегрирующая ценность «семья», которая в условиях социальной изоляции подростков становится центром притяжения их душевных и физических сил. На 2—3-м местах двойственная ценность работы и дифференцирующая ценность «благополучие». На 4-м месте двойственная ценность «жизнь человека». Настораживают высокие ранги ценностей «работа» и «благополучие», которые выступают ценностями потребительского характера, что не свойственно традиционным общероссийским социокультурным параметрам ценностей.

Ценности интегрирующего резерва этой группы («традиционность», «нравственность», «инициативность») находятся в неопределенном, хаотичном состоянии, имеют практически идентичные ранги. Дифференцирующие ценности «традиционность» и «инициативность» соседствуют с интегрирующей ценностью «нравственность».

Обращает на себя внимание наличие высокого ранга ценностей «вольность» и «авторитетность», свойственных для традиционного «хвоста». Низкие ранги наблюдаются у обычно высокоранговых ценностей «общение» и «законность», которые в идеале должны составлять ядро базовых ценностей. Это говорит о низкой степени удовлетворенности несовершеннолетних преступников качеством имеющихся межличностных отношений.

В «хвосте» находятся ценности, которые призваны составлять основу интегрирующего резерва в нормальной социокультурной ситуации: «самопожертвование», «независимость», «свобода».

Таким образом, система ценностных ориентаций несовершеннолетних преступников характеризуется ее расстройством, аномией. В данном случае нельзя говорить о деформации ценностных ориентаций таких подростков, т. к. их ценностная система полностью не сформирована, а находится на пути от расстройства к деформационному развитию. Можно предположить, что вектор такого развития криминогенный в силу крайне высокого рейтинга ценностей «благополучие», «инициативность», «вольность», «авторитетность» и крайне низких предпочтений ценностей «общение», «законность», «самопожертвование», «независимость» и «свобода». О высокой степени ценностной аномии говорит и низкая степень дифференциации доминирующих ценностей.

Выявленные закономерности обусловлены негативным воздействием на систему ценностных ориентаций несовершеннолетних преступников со стороны криминальной субкультуры и массовой вульгарно-потребительской культуры, исключенностью подростков из сферы воздействия традиционных институтов социализации.

Следовательно, негативную криминологическую оценку должна получить система ценностных ориентаций, характеризующаяся следующими свойствами:

— расстройство системы ценностных ориентаций, когда на доминирование претендуют сразу несколько терминальных ценностей, низка их дифференциация;

— ни одна из ценностей, находящихся в ядре ценностной структуры, не может претендовать на абсолютное лидерство;

— высокие ранги ценностей, которые не свойственны традиционным общероссийским социокультурным параметрам ценностей;

— ценности интегрирующего резерва находятся в неопределенном, хаотичном состоянии, имеют практически идентичные ранги;

— высокие ранги ценностей «вольность» и «авторитетность», свойственных для традиционного «хвоста», и низкие ранги у обычно высокоранговых ценностей «общение» и «законность», которые в идеале должны составлять ядро базовых ценностей;

— нахождение в «хвосте» ценностей, которые призваны составлять основу интегрирующего резерва в нормальной социокультурной ситуации: «самопожертвование», «независимость», «свобода»;

— высокий рейтинг ценности «благополучие» и низкий ценности «самопожертвование».

Таким образом, криминологическое познание структуры ценностных ориентаций позволяет получить ценную криминологическую информацию о центральном компоненте в системе их социального действия и поведения. Криминологическая оценка динамики ценностных ориентаций может существенно повысить эффективность системы криминологического прогнозирования.

Список библиографических ссылок

1. Лапин Н. И. Социальные ценности и реформы в кризисной России // Социологические исследования. 1993. № 9. С. 22.

2. Гаврилюк В. В., Трикоз Н. А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 98.

3. Кудрявцев В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М., 2007. С. 25.

© А. В. Симоненко, 2012

* * *

В. И. Третьяков, М. А. Бугера

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИХ ХИЩЕНИЯМ

В статье рассматриваются этапы развития системы сотовой связи и противодействия хищениям средств сотовой связи в России, а также эволюция нормативно-правового регулирования, направленного на предотвращение данного вида преступлений.

Ключевые слова*:* технические и программные средства, система сотовой связи, хищения, профилактика, противодействие.

V. I. Tretyakov, M. A. Bugera

HISTORY OF DEVELOPMENT OF CELLULAR COMMUNICATION MEANS AND COUNTERACTION AGAINST THEIR STEALING

In the article the authors analyze the evolution of statutory legal regulation of the cellular communication system operation and, in particular, communication means such as «technical and software tools used to form, re-

ceive, process, keep, transfer, and deliver telecommunication messages or postal items and other technical and software tools used while rendering communication services or providing communication network operation».

Keywords: technical and software tools, cellular communication system, stealing, prevention, counteraction.

К средствам сотовой связи относятся технические и программные средства, обеспечивающие телефонные соединения между абонентами сетей сотовой связи и других сетей связи путем использования подвижных радиотелефонных средств, а также иные услуги для функционирования сотовой связи. Их интенсивное проникновение на российский рынок повлекло конкуренцию продаж, престиж владения, сбыта и, как результат, повышение уровня их хищений. В связи с чем в целях принятия необходимых законодательных решений, обязывающих разыскивать и изымать похищенные средства сотовой связи, профилактики и разъяснения проблемных вопросов квалификации необходимо иметь представление об эволюции сотовой связи и нормативного сопровождения, определяющего статус и возможности использования ее потенциала.

В 2000-х гг. мир вступил в бурную и насыщенную важными событиями фазу крупных перемен в политике и экономике, внешне сопровождающихся стабилизацией, оживлением экономики, усилением роли государства в различных сферах общественной жизни.

Россия в фазе потрясений с некоторым запаздыванием воспринимала и внедряла важные для данной эпохи новые технические достижения и формы организации, в т. ч. и системы мобильной связи, которые уже применялись в развитых странах Европы [1, с. 32].

Развитие мобильной связи в России начинается с 40-х гг. XX в., когда в СССР отечественные ученые И. Захарченко и Г. Шапиро провели успешные испытания автомобильного радиотелефона с дальностью действия до 20 км (в это же время в США сотрудники американской фирмы Bell Д. Ринг и Р. Янг предложили принцип шестиугольных ячеек для мобильной телефонии). В 1957 г. отечественный инженер Л. И. Куприянович создал и публично продемонстрировал первый опытный носимый мобильный телефон ЛК-1 весом 3 кг, радиусом действия 20—30 км и временем работы без смены батарей 20—30 ч. В 1958 г. им же были созданы опытные образцы компактных мобильных телефонов весом всего 500 г и размером с папиросную коробку (вес современных мобильных телефонов составляет в среднем 100 г.).

Развитие мобильной связи в СССР отмечается созданием в начале 60-х гг. гражданского (ведомственного) сервиса автомобильных телефонов «Алтай». В конце 60-х гг. страна на выставке «Интероргтехника-66» продемонстрировала промышленный комплект мобильной связи, состоящий из мобильных телефонов РАТ-0,5 и АТРТ-0,5 и базовой станции РАТЦ-10, рассчитанной на одновременную работу 6 мобильных телефонов.

Первый в мире коммерческий портативный сотовый телефон выпущен 6 марта 1983 г. компанией Motorola. Аппарат DynaTAC 8000X, на который было потрачено более 100 млн долларов, разрабатывался 15 лет. Телефон весил 794 г и имел размеры 3,3 х 4,4 х 8,9 см. Заряда аккумуляторов хватало на 8 ч работы в режиме ожидания или на один час в режиме разговора. В розницу телефон стоил 3 995 долларов США.

В 1984 г. пользователей мобильной связи на земле было около 300 тыс. человек. В 2003 г. мобильные переговорные системы обслуживали уже более чем 1,2 млрд человек. Согласно отчету аналитического агентства ACaM Consulting в 2011 г. число абонентов сотовой связи в РФ (по числу SIM-карт) по итогам августа 2011 г. составило 225,1 млн, а абонентская база выросла на 0,3 % с июля 2011 г. [3, 4].

В России начало массовой телефонизации средствами сотовой связи пришлось на 90-е гг. прошлого столетия. В этот период ситуация в стране характеризовалась как крайне тяжелая. Страна пережила дефолт, обесценились денежные накопления граждан. Россия представляла собой «лоскутную» территорию. В большинстве

субъектов Федерации действовали законы, противоречащие Конституции России. Подводилась юридическая база под территориальные претензии одних субъектов Российской Федерации к другим. И таких спорных территорий, по заявлению В. В. Путина, у нас было более двух тысяч [2].

Государственная власть была малоэффективна. Свидетельством тому стало ослабление всех государственных институтов и пренебрежение законом. Отечественные СМИ нередко действовали в интересах отдельных корпоративных групп, по их экономическому и политическому заказу. Значительная часть экономики контролировалась олигархическими или откровенно криминальными структурами. В глубочайшем кризисе оказалось сельское хозяйство. Финансы страны практически полностью зависели от внешних заимствований, что в итоге привело к дефолту 1998 г., который обернулся разорением многих предприятий, ростом бедности и безработицы. Инфляция в России в 1999 г. составляла 36,5 %, треть населения имела доходы ниже прожиточного минимума [2], т. е. треть наших граждан обнищала полностью, и т. д.

Однако именно в этот период в России стала активно развиваться сеть сотовой связи. В 1992 г. была основана компания «Билайн», в 1993 г. — компания «Мобильные ТелеСистемы», в 2002 г. — компания «МегаФон».

Большая стоимость аппаратов сотовой связи не позволяла пользоваться ими широкому кругу абонентов, однако рост числа продаж ежегодно увеличивался, обогнав компьютерную индустрию.

Сибирский федеральный округ занимает одно из первых мест в России по количеству абонентов сотовой связи и владельцев сотовых телефонов. С 2005 г. по настоящее время в число самых крупных операторов в данном регионе вышли МТС — 33 %, «ВымпелКом» — 25 %, «Сибирьтелеком» — 22 %, «МегаФон» — 12 %, «Теле2» — 8 %, которые стабильно удерживают позицию ведущих операторов сотовой связи в Сибирском федеральном округе. По данным аналитиков, за период с 2005 по 2011 гг. уровень проникновения мобильной связи в СФО увеличился со 106 до 143 % [5].

Экономический кризис, начавшийся в 2008 г., внес свои коррективы и в сотовую связь. Конкуренция, которая практически сошла на нет в середине 2007 г., обострилась вновь. Маркетологи сотовых операторов уверены, что после кризиса проникновение сотовой связи стало еще шире. В апреле 2010 г. эта отметка уже достигла 125 %. К примеру, только в СФО в 2010 г. абонентская база достигла 24,88 млн человек, а средний уровень проникновения сотовой связи в Сибири составил 121 % [6].

В связи с распространением в личном пользовании сотовых телефонов они стали очень привлекательны для преступников, которые прекрасно понимали, что сотовые телефоны не только легко украсть, но и продать, так как они пользуются спросом. Кроме того, их сразу стали использовать при совершении других преступлений, в т. ч. особо тяжких.

В Европе уже в 90-е гг. решили проблему розыска похищенных телефонов путем запрета регистрации телефонов с разыскиваемыми IMEI, однако это не остановило преступников, с помощью специального оборудования можно было изменить программное обеспечение любого телефона, а вместе с тем и IMEI, а при сбыте краденых мобильных телефонов IMEI приходилось менять.

В России в связи с огромным количеством похищенных телефонов с измененными идентификационными номерами операторы сотовых сетей регистрировали несколько десятков сотовых телефонов с одинаковыми IMEI. Однако им было невыгодно брать на себя полицейские функции, так как любой абонент — это, прежде всего, клиент, который платит за его обслуживание и способствует развитию сети сотовой связи.

В России 7 июля 2003 г. был принят Федеральный закон № 126-ФЗ «О связи» [7], п. 5 ст. 64 которого устанавливал, что при проведении уполномоченными государственными органами следственных действий операторы связи обязаны оказывать этим органам содействие в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства.

Согласно Федеральному закону от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УПК РФ» в п. «б» ч. 4 ст. 21 УПК РФ

наряду с прокурором было разрешено делать запросы на информацию следователю и руководителю следственного органа, которые стали обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами [8]. Следователь в пределах своих полномочий мог обратиться в организацию связи с письменным IMEI-запросом в целях получения сведений об абоненте. Если IMEI-запрос ограничивается персональными данными абонента, собранными оператором при оказании услуг связи, и их раскрытие не нарушает тайну телефонных переговоров, то эти сведения могли быть представлены по запросу следователя без судебного решения [9].

В 2006 г. в оборот введено понятие «персональные данные», которое было раскрыто в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [10]. Частью 1 ст. 7 данного закона стала определяться конфиденциальность персональных данных, которая должна была соблюдаться третьими лицами, получившими доступ к таким данным. При истребовании персональных данных у оператора связи, которые включают в себя фамилию, имя, отчество, реквизиты документа, удостоверяющего личность, следователь являлся таким третьим лицом. Так как эти данные следователь получал в рамках предварительного расследования, то они в соответствии со ст. 161 УПК РФ не подлежали разглашению, что, в свою очередь, обеспечило их конфиденциальность. Статья 23 Конституции Российской Федерации применительно к вопросам сохранения тайны связи гарантирует право на тайну телефонных переговоров и устанавливает, что ограничение данного права возможно только на основании судебного решения [12].

С нарастанием количества сотовых телефонов в личном пользовании граждан Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ по-своему отреагировал на ситуацию, связанную с обеспечением конституционного права граждан на тайну телефонных переговоров. Конституционный суд Российской Федерации в своем определении от 2 октября 2003 г. № 345-О разъяснил, что «информацией, составляющей тайну телефонных переговоров, считаются любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи» [13, с. 58].

При определении пределов конституционного права на тайну телефонных переговоров у ученых и практиков возникло много проблемных вопросов. Одним из них стал вопрос о субъектах такого права в ситуациях, связанных с хищением сотовых телефонов: приобретает ли такое право человек, неправомерно завладевший мобильным телефоном? Ответ на такой вопрос может быть только отрицательным. Как справедливо отмечают О. А. Вагин, А. П. Исиченко, А. Е. Чечетин, «в соответствии с общеправовым принципом «jus ex injuria non uritur» право не может возникнуть из правонарушения, а поэтому у похитителя мобильного телефона права на тайну переговоров по этому аппарату быть не может.

Таким образом, переговоры по похищенному телефонному аппарату находятся за границами права на тайну телефонных переговоров и не могут входить в объект конституционной защиты. В связи с этим контроль за похищенным мобильным телефоном, включая запись и прослушивание ведущихся по нему переговоров, не может ограничивать ничьих конституционных прав, а поэтому судебного решения для этого не требуется» [14, с. 54]. Комитет Государственной думы РФ по энергетике, транспорту и связи в марте 2006 г. также обсуждал законопроект о создании федерального реестра утраченных средств сотовой связи и федерального таможенного реестра средств сотовой связи [15].

По мнению В. Ф. Васюкова, такая база данных обеспечивала бы более оперативное взаимодействие для получения информации об утраченных телефонах между органами МВД и операторами сотовой связи [16, с. 23].

Несомненно, особую роль в деле борьбы с хищениями сотовых телефонов сыграла возможность использования данных централизованных оперативно-справочных, криминалистических и разыскных учетов. Однако в своей повседневной работе сотрудники ОВД довольно часто сталкива-

лись с необходимостью получения дополнительной информации, которую невозможно было почерпнуть из информационных массивов федерального или регионального уровней.

В целях улучшения эффективности информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений, а также профилактической работы в информационных подразделениях горрайлинорганов с 2005 г. по настоящее время по инициативе начальников горрайлинорганов в форме баз данных компьютерных систем ведутся местные учеты, созданные в инициативном порядке, которые по своему назначению имеют справочно-вспомогательный характер [17, с. 135]. Объектом данных учетов является информация, позволяющая эффективно решать поставленные перед ОВД задачи.

В связи с резким увеличением с начала 2000-х гг. и по настоящее время случаев краж, грабежей и разбойных нападений в целях завладения сотовыми телефонами в органах внутренних дел крупных городов РФ созданы АИПС «Похищенные сотовые телефоны». В базу данных такого учета введены сведения о фактах хищения сотовых телефонов, зарегистрированных в течение дежурных суток. Ввод производится через экранную форму учета похищенных, утраченных и изъятых номерных вещей. АИПС дала возможность осуществлять проверку и розыск сотовых телефонов сотрудниками уголовного розыска, отдела по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка и исполнения административного законодательства, патрульно-постовой службы и другими подразделениями ОВД еще до момента занесения информации о них в базу данных похищенных, утраченных и изъятых номерных вещей. Так, только в 2009 г. в УВД г. Иркутска в результате исполненных запросов по АИПС «Похищенные сотовые телефоны» было идентифицировано свыше 100 телефонов, находившихся в розыске [18].

27 декабря 2007 г. Пленум Верховного суда РФ принял постановление № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», значение которого в практике привлечения к уголовной ответственности за хищение сотовых телефонов нельзя не отметить, так как к тому времени возникла необходимость разъяснения проблемных вопросов квалификации хищений сотовых телефонов [19, с. 23—24].

В п. 17 данного постановления рассмотрен интересующий практику случай разграничения составов хищения при незаконном завладении средством сотовой связи. Здесь обсуждалась та ситуация, когда изъятие сотового телефона заканчивалось открыто: посягатель осознает, что собственник или другие лица адекватно воспринимают его незаконные действия. Стоит только уточнить то, что Пленум называл использованием обмана для облегчения доступа к чужому имуществу, не обязательно требующим квалификации содеянного как мошенничества, и в том случае, если замысел виновного не был раскрыт до завершения посягательства присутствующими при этом лицами. Такое разъяснение напрямую касалось случаев хищений сотовых телефонов.

Возникшие проблемы квалификации хищений средств сотовой связи в дальнейшем вызывали научный интерес и полемику. Позже, в 2008 г., П. С. Яни отметил: «…передача вещи из рук в руки не означает окончания хищения, а утрата собственником возможности владения, равно как и получение посягателем возможности распорядиться вещью, происходит не в результате обмана и заслуживает квалификации как кража» [20, с. 14—15].

В данном пункте постановления также указывается на то, что содеянное следует квалифицировать и как грабеж, если обман используется виновным лишь для облегчения доступа к чужому имуществу, а когда в ходе его изъятия обнаруживается, что виновный, сознавая это, продолжал удерживать мобильный телефон против воли его владельца, то он тем самым совершает открытое хищение чужого имущества [21, с. 216].

Ретроспективный анализ развития сети сотовой связи и противодействия хищениям средств сотовой связи в России показал, что ее появление в России отставало от ее появления в Европе на 25 лет, а модель развития повторила европейскую, показав интенсивные темпы роста количества обслуживающих компаний, зон обслуживания и количества хищений сотовых телефонов.

Распространение сотовых телефонов привело к повышению уровня их хищений и проблемам розыска, так как легко менялись их программное

обеспечение, IMEI-номера; регистрировались десятки сотовых телефонов с одинаковым IMEI-номером, несмотря на запрет, в целях сохранения клиентов.

В основном хищения сотовых телефонов, начиная с 90-х гг., совершались открытым способом в общественных местах, при единоличном завладении, в целях дальнейшего сбыта или личного пользования, что и сейчас имеет место в большинстве случаев, свидетельствуя о закономерности данных проявлений.

Реакцией на частоту хищений средств сотовой связи было принятие ряда законодательных решений, направленных на оптимизацию противодействия им, обязывающих содействовать правоохранительным органам в розыске сотовых телефонов, дающих разрешение сотрудникам правоохранительных органов на получение информации о владельцах сотовых телефонов, определяющих значение персональных данных абонентов, создающих федеральный реестр утраченных средств сотовой связи, утверждающих единую электронную базу данных об утраченных сотовых телефонах и разъясняющих проблемные вопросы квалификации их хищений.

Список библиографических ссылок

1. Чубарин А. Н. Аспекты долгосрочного прогнозирования, их междисциплинарная взаимосвязь и взаимообусловленность // Экономический анализ: теория и практика. 2007. № 14. С. 32.

2. Путин В. В. О стратегии развития России до 2020 г. // Рос. газ. 2005. 9 февр.

3. Чиркова А. С. Особенности деятельности защитника по делам о хищениях мобильных телефонов // Адвокат. 2008. № 12. С. 44.

4. Отчет компании Advanced Communications & Media (ACM-Consulting) [Электронный ресурс]. URL: http://www.acm-consulting.com (дата обращения: 29.09.2011).

5. Забайкальское информационное агентство «Забинфо». [Электронный ресурс]. URL: http://www.zabinfo.ru (дата обращения: 23.12.2011).

6. Бизнеспортал. Континент Сибирь. Online. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ksonline.ru (дата обращения: 24.08.2010).

7. О связи: федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

8. О внесении изменений и дополнений в УПК РФ: федер. закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ // Парламентская газ. 2008. № 80—82.

9. Вайпан В. А., Гладких С. Р. Взаимодействие операторов связи с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

10. О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2009 г.) (принят ГД ФС РФ 8 июля 2006 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

11. Портал развития межрегионального и международного делового сотрудничества. «Бизнес России. Центральный федеральный округ». [Электронный ресурс]. URL: http://cfo.allbusiness.ru (дата обращения: 14.09.2010); Отчет аналитического агентства ACaM Consulting [Электронный ресурс]. URL: http://www.amobile.ru (дата обращения: 05.03.2012).

12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Рос. газ. 2009. 21 янв.

13. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 г. «О связи»: определение Конституционного суда РФ от 2 октября 2003 г. № 345-О // Вестник Конституционного суда РФ. 2004. № 1. С. 58.

14. Вагин О. А., Исиченко А. П., Чечетин А. Е. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» // Деловой двор. 2009. № 11. С. 54.

15. После принятия нового закона ворованные мобильники не будут работать в сотовых сетях. 16 марта 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.securitylab.ru/news/264039.php (дата обращения: 07.09.2010).

16. Васюков В. Ф. Сведения об абонентах связи как криминалистически значимая информация при раскрытии и расследовании грабежей и разбоев, совершаемых на открытой местности // Правовые вопросы связи. 2008. № 2. С. 23.

17. Усманов Р. А. Информационные основы предварительного расследования. М., 2006.

18. Кашина Е. Сотовая карта Сибири // Континент Сибирь. 2009. 30 апр.

19. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 // Законность. 2008. № 4. С. 23—24.

20. Яни П. С. Постановление Пленума Верховного суда о квалификации мошенничества, присвоения и растраты: объективная сторона преступления // Законность. 2008. № 4. С. 14—15.

21. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного суда Российской Федерации по уголовным делам / под ред. В. М. Лебедева. М., 2008.

© В. И. Третьяков, М. А. Бугера, 2012

* * *

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

О. И. Белокобыльская, М. Е. Белокобыльский

ТАКТИКА ДОПРОСА ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППАМИ

Статья посвящена одному из самых распространенных следственных действий при расследовании преступлений — допросу. Рассмотрены проблемы, связанные с его производством по делам об убийствах, совершенных организованными преступными группами.

Ключевые слова: допрос, убийство, организованная группа, тактические приемы допроса, психологический контакт, допущение легенды, вызов на допрос, внезапность, последовательность.

O. I. Belokobylskaya, M. E. Belokobylsky

TACTICS OF QUESTIONING ON CASES OF MURDER COMMITTED BY ORGANIZED GROUPS

The article is devoted to one of the most wide-spread investigative actions during criminal investigation that is the questioning. The authors analyze the problems related to its conduct on cases of murder committed by organized criminal groups.

Keywords: interrogation, murder, organized group, tactical techniques of interrogation, psychological contact, assumption of a cover story, calling in for questioning, suddenness, consistency.

Допрос является самым распространенным и сложным следственным действием. Его сложность заключается, во-первых, в системе психологических отношений общения, обусловленного строгими процессуальными рамками. Во-вторых, в необходимости учета ситуации, когда общение следователя и допрашиваемого протекает в условиях пристального внимания (прямого или косвенного) со стороны защиты, лиц, противодействующих расследованию.

Успех в расследовании убийств, совершенных организованными группами, во многом зависит от умения правильно определить тактические условия, приемы допроса с учетом индивидуальных особенностей допрашиваемого, его манеры общения [1], склонности к даче ложных показаний, ролевой характеристики в групповом действии и др.

Выбор тактических приемов допроса по анализируемой категории преступлений зависит от правильной оценки складывающейся следственной ситуации, которая возможна при объективной информативности следователя о личности допрашиваемого, взаимоотношениях в преступной группе, оперативной возможности ее разоблачения и др. Важное значение имеют временные параметры расследования вообще и конкретного допроса, в частности, организационные и психические ресурсы [2] проведения тактической комбинации.

Моделирование предстоящего допроса предполагает прогнозирование развития ситуации с участием определенных лиц, участвующих в следственном действии, и варианты поведения следователя по укреплению ситуации [3] как руководителя расследования по уголовному делу. Таким образом, теоретическая и тактическая концепции допроса складываются из трех блоков: правового, тактико-психологического и организационно-технического. Для исходных положений тактики допроса определяющими служат: процессуальная процедура допроса каждого участника уголовного судопроизводства; учет ситуации расследования; характеристика личности допрашиваемого (занимаемая позиция в преступной группе); линия поведения на предварительном следствии; возможная «схема» противодействия расследованию.

Допрос представляет собой один из важнейших способов собирания доказательственной и ориентирующий информации. Только при допросе такая информация может быть получена путем применения тактических приемов, в основе которых лежат логико-психологические модели воздействия.

Среди разнообразия *тактических приемов* допроса можно выделить: установление психологического контакта; определение методов убеждения; стимулирование психологических процессов памяти; предъявление доказательств; тактические комбинации по предупреждению ложных показаний, ложного алиби, самооговора, лжесвидетельства; тактические решения по управлению потенциальными аргументами защиты.

С психологической точки зрения допрос — «это управляемый допрашивающим процесс общения, в ходе которого от допрашиваемого получается информация, необходимая для расследования» [4].

Знание психологических закономерностей восприятия, умение осуществлять психологический анализ всегда помогают следователю правильно оценить ситуацию расследования, установить психологический контакт с допрашиваемым. Психологические аспекты построения тактики допроса получили свою фундаментальную разработку в трудах В. П. Бахина, И. Е. Быховского, Ф. В. Глазырина, А. А. Закатова, Е. И. Замылина, Л. М. Карнеевой, В. С. Комаркова, Н. И. Кулагина, Н. И. Порубова, А. Б. Соловьева, Д. А. Сорокотягина, В. Ю. Шепитько.

Одним из важнейших условий использования знаний психологии в допросе является проблема установления психологического контакта.

Психологический контакт — это согласованное деловое взаимоотношение следователя с допрашиваемым, которое возникает на основе правильной процессуальной позиции следователя и поведения допрашиваемого, соответствующего или не противоречащего задачам уголовного судопроизводства [5]. Психологический контакт с допрашиваемым важно не только установить, но и поддержать его на протяжении всего допроса. Установление психологического контакта не означает возникновения симпатии, готовности к уступкам. Его возникновению способствует объективность следователя, стремление к неуклонному соблюдению прав и законных интересов допрашиваемого, готовность к установлению истины. В то же время психологический контакт — это неотъемлемый элемент тактики допроса в целом.

Исследуя психологические аспекты допроса подозреваемых, необходимо остановиться на вопросе участия в процессе защитника, присутствие которого часто изменяет всю ситуацию допроса. Защитник, во-первых, представляет интересы допрашиваемого; во-вторых, выступает не просто лицом, заинтересованным в исходе дела, а как специалист, под наблюдением которого происходит деятельность следователя. В таких случаях следователь должен осознавать, что он становится объектом пристального изучения защитника, стремящегося выяснить наличие и характер информации, которой располагает следователь. Для этого избирается иная линия поведения, ведущая к сужению возможностей использования тактических приемов. Для подозреваемого, обвиняемого, дающего ложные показания, участие защитника является огромной поддержкой, и он будет использовать присутствие своего союзника, ориентируясь не только на реплики и вопросы, но и на жесты, мимику и т. д.

При подготовке к допросу следователь должен определить место для защитника, чтобы исключить визуальный контакт, а самому иметь возможность наблюдать за допрашиваемым и защитником. Кроме того, защитнику рекомендуется предоставлять возможность задавать вопросы только тогда, когда допрос закончен и протокол подписан.

Допрос с участием защитника в определенной степени лишает следователя такого важного компонента, как психологический контакт, без которого ведение следствия затруднительно. Однако воздействие следователя на психику участвующих в деле лиц всегда возможно и является одним из элементов следственной тактики. Следователь постоянно влияет на людей своими властными предписаниями, воспитательными мерами, процессуальными средствами принуждения.

В отличие от непосредственного предъявления допрашиваемому доказательств в психологических приемах допроса преобладает создание предпосылок, обеспечивающих реализацию минимальной доказательственной информации в условиях

ее недостаточности с целью побудить недобросовестного допрашиваемого к отказу от лжи.

Основным руководящим положением, определяющим пределы допустимости психологического воздействия, является уголовно-процессуальный закон, содержащий запрет домогаться показаний путем насилия, угроз и других незаконных мер. Помимо исчерпывающих предписаний закона, следователь обязан предвидеть возможность наступления в процессе допроса негативных последствий и принимать меры к их предотвращению. Использование тактико-психологических приемов допроса допустимо лишь при условиях: неукоснительного соблюдения закона; применения для установления объективной истины; недопущения вредных последствий; избирательности воздействия.

Прием и способ психологического воздействия допрашивающего на допрашиваемого в целях получения от последнего информации, имеющей значение для дела, должны быть адекватными ситуации. Выбор же конкретного приема зависит от множества факторов, которые, в свою очередь, находятся в сложной взаимозависимости.

В специальной литературе освещены тактико-психологические приемы допроса в различных ситуациях [6]. При расследовании убийств, совершенных организованными группами, наиболее приемлемы следующие тактико-психологические приемы допроса, используемые в конфликтных ситуациях: допущение легенды; вызов; внезапность; последовательность; отвлечение внимания; форсированный темп; замедленный темп; создание напряжения; создание определенного представления об осведомленности следователя; повторность.

Допущение легенды. Лица, участвовавшие в убийстве, совершенном организованной группой, как правило, дают ложные показания в отношении своей роли и роли других соучастников. При этом они прибегают к легенде, которая способствовала бы их минимальной ответственности за совершенное преступление или вообще исключала ее. В этих случаях следователь предоставляет возможность каждому допрашиваемому изложить легенду, максимально сосредоточивая внимание на деталях («мелочах»). Таким образом, в процессе последовательных допросов каждого соучастника могут быть выявлены противоречия с их прежними показаниями, показаниями других лиц и точно установленными по делу фактами. Со стороны следователя важно играть роль лица, доверяющего показаниям-легенде. Он дает возможность каждому участнику убийства высказать все, что он желает сообщить, и детально это фиксирует. Затем, демонстрируя противоречия, приводя установленные из других источников факты и име-ющиеся доказательства, следователь разоблачает ложные показания. Разрушение легенды застигает допрашиваемого врасплох, он не успевает подготовить новый вариант ложных показаний, что, в конце концов, вынуждает его к даче правдивых показаний.

Вызов, как психологический прием допроса, имеет особое значение при допросах по делам анализируемой категории. Виновные в таких преступлениях не склонны вступать в рассуждения и вообще давать показания по предмету допроса. Поэтому важно вовлечь каждого из соучастников в беседу, например, акцентированием на слабо доказанных обстоятельствах, небесспорных фактах, которые легко опровергаются или соответствуют легенде допрашиваемых. Втянутому в разговор допрашиваемому затем сообщаются существенные факты, приводятся доказательства и уличающие показания других соучастников и свидетелей по делу об убийстве. Попытки опровергнуть их, как правило, оказываются безрезультатными, а доказательства — неоспоримыми.

Фактор внезапности и неожиданности лишает его возможности продумать ту или иную версию, выработать какую-либо линию поведения. Когда следователь планирует при допросе предъявить подозреваемому доказательство его вины, оно не должно вызывать сомнения в своей достоверности. Если следователь не убежден в его достоверности, то пользоваться им нельзя.

До предъявления таких доказательств убийства обвиняемый должен быть уже допрошен в связи с данными обстоятельствами. При наличии нескольких взаимосвязанных доказательств их надлежит предъявлять раздельно.

Использование внезапности, как и других психологических приемов, требует учета специфики определенной ситуации и хотя бы минимального

количества достоверных доказательств и правдивой информации. Находящийся на допросе любой из соучастников совершенного убийства, какими бы волевыми качествами он не обладал, находится в большом психологическом напряжении. Он стремится быстрее ответить на все вопросы следователя, при этом желаемое выдать за действительное и скрыть свое внутреннее состояние.

Применить этот прием можно на любой стадии допроса, но следователь, применяя его, должен обоснованно предполагать, что добьется желаемого результата, иначе при отсутствии других доказательств преступник может быть не изобличен.

При внезапной постановке вопросов огромное значение имеет наблюдение следователя за реакцией допрашиваемого до и после постановки вопроса. Внезапность может быть достигнута следующими способами: немедленным допросом после задержания с поличным или обнаружения и изъятия изобличающих допрашиваемого предметов и следов; имитацией неинформированности следователя на предыдущей стадии свободного рассказа с последующей внезапной постановкой вопроса, показывающего, что он много знает о событии преступления и его участниках; постановкой прямых вопросов сразу же при выявлении улик, нервозности допрашиваемого, его «проговорок», противоречий в показаниях [7].

Прием последовательности применяется тогда, когда следователю нужно добиться постепенного нарастания психического напряжения допрашиваемого, дающего ложные показания. Этот психологический прием наиболее эффективен, так как в отличие от ситуации при использовании внезапности в данном случае следователь должен располагать рядом доказательств. Тактическая особенность этого приема заключается не только в предъявлении допрашиваемому доказательств с нарастающей силой. Он также характеризуется постепенным переходом в беседе с допрашиваемым от обстоятельств, наименее для него значимых, к обстоятельствам, прямо относящимся к совершенному убийству. «Хорошо продуманные вопросы в значительной мере способствуют получению правдивых показаний. Особое внимание следует уделять формулировке вопросов по наиболее важным, сложным и вместе с тем противоречивым, сомнительным данным» [8].

Расследование преступлений, совершенных организованными группами, тем и осложняется, что все его участники умышленно совершали определенные действия, готовились к ним, на допросах после задержания, как правило, прибегают к заранее продуманным ложным показаниям.

В таком случае проведение допроса крайне затруднительно, так как отсутствие необходимых доказательств не позволяет сразу получить правдивые показания. Подозреваемые обычно ведут себя настороженно, постоянно ожидая от следователя основных вопросов относительно факта совершенного убийства. В подобной ситуации следователь должен вести себя выдержанно, допрашивая подозреваемого по заранее подготовленным вопросам. Эти вопросы должны быть внешне малозначимыми для допрашиваемого, акцентироваться необходимо в большей степени на соучастниках убийства и на вопросах, не имеющих существенного значения. Таким образом отвлекается внимание допрашиваемого от основной цели вопроса, а вопросы, имеющие решающее значение, «растворяются» среди остальных. В то же время ответы на них позволяют следователю получить ответ и на основной вопрос. Поскольку упор при этом делается не на случайную оговорку допрашиваемого, а на проговорку его об обстоятельствах, которые могут быть известны лишь причастному к событию преступления лицу, применение этого приема представляется вполне допустимым.

В случае задержания группы или отдельных ее участников, подозреваемых в убийстве, совершенном организованной группой, допросу в обязательном порядке предшествует тщательное изучение личности задержанных. Главным в изучении личности должно быть выявление физического и психического статуса, интеллектуальных особенностей лица, его убеждений, способностей, знаний с применением при этом методов, разработанных логикой, психологией и педагогикой. Только уяснив процесс формирования личности, его психический и моральный облик, можно приступать к допросу.

Создавая напряжение при допросе, например обвиняемого, следователь должен стремиться стимулировать у него чувство раскаяния. Напоминание допрашиваемому о тяжести совершенного убийства, наступлении тяжких последствий, лицах, втянувших его в преступление и сыгравших роковую роль в его судьбе, вызывают у него критическое эмоциональное напряжение. В сочетании с демонстрацией следователем чувства сопереживания такая тактика может вызывать у допрашиваемого предпосылки к даче правдивых показаний.

При задержании членов преступной группы, подозреваемой в совершении убийства, сознание наступления уголовной ответственности, сомнения в стойкости соучастников, возникшее чувство сожаления и раскаяния нередко создают благоприятную психологическую обстановку, результатом которой является получение достоверных данных. Суть психологического приема состоит в демонстрации подозреваемому отдельных фактов или сведений, известных только участникам убийства. Оглашение таких фактов возможно только в случае их полной достоверности, так как даже небольшое искажение действительности может укрепить позицию подозреваемого давать ложные показания.

Находясь в изоляции, каждый из участников убийства в очередной раз дает ложные показания о фактах, требующих уточнения и комментирования их другими подозреваемыми. Тактика допроса используется практически по всем уголовным делам анализируемой категории, так как всегда возникает необходимость установления ролей и правдоподобности показаний в целом.

Чтобы успешно провести допрос, следователь должен четко представлять себе, какую информацию и с помощью каких приемов и средств он намерен получить от свидетелей, потерпевших, подозреваемого, обвиняемого.

Добытая в ходе успешного допроса информация нередко содержит достаточно полное отражение обстоятельств совершенного преступления. По своему объему и содержанию информация, полученная в ходе одного допроса, нередко превосходит всю информацию, полученную в процессе других следственных действий.

Список библиографических ссылок

1. Макаренко О. Н. Тактико-психологические особенности допроса обвиняемых в убийствах: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 1996. С. 9.

2. Гусаков А. Н., Филющенко А. Н. Следственная тактика. Екатеринбург, 1993. С. 13.

3. Волчецкая Т. С. Ситуационное моделирование в расследовании преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1991. С. 16.

4. Ефимичев С. П., Кулагин Н. И., Ямпольский А. Е. Допрос. М., 1978. С. 12.

5. Гайбович М. В., Бирюлькин В. Г. Организационно-тактические особенности раскрытия убийств, совершенных по найму // Специфика производства допросов и очных ставок при их расследовании: учеб. пособие. Волгоград, 2003. С. 56.

6. Доспулов Г. Г. Психология допроса на предварительном следствии. М., 1976. С. 72—84; Лушечкина Н. А. Роль психических состояний обвиняемого в тактике допроса // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11: Право. 1982. № 3. С. 78—79.

7. Закатов А. А., Цветков С. И. Тактика допроса при расследовании преступлений, совершаемых организованными преступными группами. М., 1998. С. 21.

8. Закатов А. А. Ложь и борьба с нею. Волгоград, 1984. С. 83.

9. Питерцев С. К., Степанов А. А. Тактические приемы допроса. СПб., 1994. С. 42.

10. Глазырин Ф. В. Новый УПК России и проблемы криминалистической науки // УПК РФ. Проблемы практической реализации. Краснодар, 2002. С. 83.

© О. И. Белокобыльская, М. Е. Белокобыльский, 2012

* * *

О. И. Белокобыльская, А. А. Закатов

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППАМИ

В статье рассмотрены уголовно-процессуальные вопросы взаимодействия следователя с органами дознания при расследовании убийств, совершенных организованными группами. Особое внимание уделено правовой основе и принципам взаимодействия.

Ключевые слова: взаимодействие, следователь, органы дознания, принципы, формы, правовая основа, ОРД, УПК РФ.

O. I. Belokobylskaya, *A. A. Zakatov*

PROCEDURAL ASPECTS OF INTERACTION DURING INVESTIGATION OF MURDERS COMMITTED BY ORGANIZED GROUPS

The article focuses on the criminal and procedural issues of interaction between the investigator and the inquest bodies during investigation of murders committed by organized groups. The special attention is paid to the legal basis and principles of interaction.

Keywords: interaction, investigator, inquest bodies, principles, forms, legal basis, operational search activities, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

«Взаимодействие», как следует из значения слов русского языка, означает взаимную поддержку.

Важнейшим условием эффективного раскрытия и расследования убийств, совершенных организованными группами, является грамотное, согласованное организационно-тактическое взаимодействие следователя с органами дознания, направленное на быстрое раскрытие преступления, а также его полное, объективное и всестороннее расследование [1].

При определении направления и содержания работы по взаимодействию учитываются особенности складывающихся следовых информационных ситуаций и «технологические» возможности выполнения различных тактических операций по обнаружению лиц, совершивших преступление, нейтрализации действий по уничтожению материальных и идеальных следов.

Правовой основой взаимодействия следователя и органа дознания являются положения Конституции РФ, международных договоров Российской Федерации по вопросам взаимодействия правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью, положения уголовного и уголовно-процессуального кодексов РФ, Федеральный закон «О полиции», Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и другие нормативные акты. Наиболее детально взаимодействие между различными подразделениями и ведомствами, том числе и между следователем и оперативным работником, регламентируется ведомственными инструкциями.

Одной из наиболее полно разработанных и сыгравших свою, несомненно, позитивную роль в укреплении взаимодействия между следственными и оперативными подразделениями органов внутренних дел стала «Инструкция о взаимодействии следователей, оперативных работников УР, БХСС и дежурных частей при возбуждении уголовных дел и расследовании преступлений», утвержденная приказом МВД СССР № 64 от 20.02.1979 г.

Среди других нормативных актов следует отметить совместное указание Генерального прокурора СССР и МВД СССР № 31/15-1985 г., которым утверждена «Типовая инструкция об организации работы постоянно действующих следственно-оперативных групп по расследованию умышлен-

ных убийств». В 1993 г. была введена в действие новая «Типовая инструкция об организации работы постоянно действующих следственно-оперативных групп по расследованию умышленных убийств», утвержденная совместным указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России № 315-16-93 от 02.06.1993 г.

Одним из основных нормативных актов, регулирующих процесс взаимодействия дознания и предварительного следствия ОВД, в настоящее время является утвержденное приказом МВД России от 26 марта 2008 г. № 280 Положение об организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии и расследовании преступлений». Данный приказ имеет гриф «ДСП», что не дает возможности ознакомиться с данным актом. Прежний приказ МВД РФ от 20 июня 1996 г. № 334 «Об утверждении инструкции по организации взаимодействия подразделений и служб внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений» не давал определения взаимодействия, но определял его основополагающие принципы.

Появление данной инструкции было обусловлено развитием новых форм взаимодействия, внедрением специализации сотрудников, совершенствованием опыта создания следственно-опера-тивных групп по отдельным направлениям деятельности, оправдавшей себя практикой организации специализированных подразделений в оперативных службах и следствии.

И следователи, и сотрудники органов дознания отмечают неслаженность отдельных этапов взаимодействия. Это связано и с отсутствием четкой законодательной регламентации самого понятия «взаимодействие», и с некачественным выполнением поручений сотрудниками органа дознания.

Если говорить о комплексных действиях уполномоченных государственных органов, то это должна быть система честных и ответственных взаимоотношений, направленная на реализацию уголовно-процессуальных возможностей по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений [2]. Необходимо отметить, что такой важный фактор в расследовании, как аналитическая работа подразделений органов дознания, не нашла своего признания как специальная оперативно-разыскная функция.

По мнению В. Д. Зеленского и Л. П. Плесневой, УПК РФ в организации расследования преступлений выделяет четыре основных *формы взаимодействия*: 1) своевременный обмен информацией между заинтересованными службами; 2) дача поручений следователем органу дознания; 3) привлечение оперативных работников к совместному производству следственных действий; 4) использование специальных знаний и специальных технико-криминалистических средств и коммуникаций (компьютерные базы данных, криминалистические и иные учеты) [3].

Эффективность взаимодействия при расследовании убийств во многом зависит от согласованности действий его участников, которая достигается четким совместным планированием работы по уголовному делу. Необходимо подчеркнуть, что главной объединяющей фигурой взаимодействия является следователь. Он определяет формы, направления и пределы взаимодействия [4].

Практика показывает, что при расследовании анализируемой категории преступлений приходится проводить огромный объем работы следственно-оперативного характера. Результаты обмена информацией позволяют сформировать методическую и логическую схему оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, внести необходимые коррективы, наметить характер действий, связанных с использованием помощи специалистов требуемого профиля [5].

Следует отметить, что без быстрого и организованного ввода тактического потенциала оперативных служб раскрыть убийство, совершенное организованной группой лиц, практически невозможно. Нужно согласиться с мнением А. М. Ларина, что для проникновения в тайну тщательно замаскированных преступлений требуются негласные оперативно-разыскные меры, жесткие и неожиданные для подозреваемых действия [6].

Основополагающими *принципами* взаимодействия должны быть: соответствие деятельности по взаимодействию требованиям закона; организующая роль и ответственность следователя за своевременность и качество принятия решений; самостоятельность органов дознания в выборе опе-

ративно-разыскных тактических решений в рамках действующего законодательства; плановость и непрерывность взаимодействия в ходе предварительного следствия.

Соблюдение законности обеспечивается четкой правовой регламентацией деятельности участников, контролем со стороны руководителей органов следствия и дознания, прокурорским надзором. Главное требование — участники действуют строго в пределах своей компетенции, определяемой законом, который не допускает смешения следственной и оперативно-разыскной деятельности [7].

Правовой основой взаимодействия следователя с работниками органов дознания являются п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ и ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [8]. В то же время нельзя не отметить, что проблемы законодательных возможностей использования при расследовании преступлений, совершенных организованными группами, результатов оперативно-разыскной деятельности привлекают внимание как ученых, так и практических работников.

Суть проблемы заключается в том, что в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 г. в ст. 11 записано следующее: «Результаты ОРД … могут также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующего собирание, проверку и оценку доказательств».

В межведомственной инструкции (утвержденной приказами ФСНП, ФСБ, МВД, ФСО, ФПС, СВР и Генеральным прокурором РФ 25 декабря 1997 г.) «О порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд» также отмечалось, что результаты ОРД могут … использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств».

Однако в ст. 89 вступившего в действие с 1 июля 2002 г. УПК РФ записано: «В процессе доказывания запрещается использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом».

Разделяем позицию Т. В. Аверьяновой о том, что в УПК РФ не создан механизм реализации в уголовном судопроизводстве оперативной информации, в результате чего важнейшие оперативные данные остаются нереализованными и не используются в целях раскрытия преступлений [9]. В отдельных публикациях делаются попытки несколько смягчить проблемность вопроса, отмечая, что взаимодействие следователя с оперативным аппаратом не сводится к использованию результатов оперативно-разыскной деятельности.

«Суть» вопроса совершенно в другом. Речь идет о комплексном использовании оперативно-разыскных и уголовно-процессуальных средств расследования конкретных преступлений в целях достижения значимых для государства результатов борьбы с преступностью.

В этой связи мы разделяем точку зрения В. Ф. Статкуса, согласно которой часть вторую действующего УПК РФ «Досудебное производство» необходимо дополнить разделом «Оперативно-розыскная деятельность», ст. 89 УПК РФ должна быть отменена [10]. В УПК РФ необходимо ввести отдельную статью, изложив ее в следующей редакции: «Результаты ОРД используются в доказывании по уголовным делам и приобщаются к материалам уголовного дела путем вынесения постановления следователя». Это позволит устранить некоторые причины неэффективности взаимодействия: задействование для раскрытия убийств сил и средств, не отражающих степени их способности; несвоевременное использование оперативной информации для определения тактики проверки версий о совершении убийства конкретными лицами; недостаточность постоянного оперативного сопровождения работы по раскрытию убийств. Кроме того, следователь как руководитель следственно-оперативной группы должен строго выполнять предписания закона и контролировать его исполнение всеми участниками взаимодействия.

Для того чтобы следователь по возбужденному уголовному делу имел постоянную тактическую информацию, в УПК РФ предусмотрена важная новелла: право следователя давать органам дознания обязательные для исполнения письменные

поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий. В п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ указано, что «при осуществлении предварительного следствия по уголовному делу следователь уполномочен … давать органу дознания … обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении». В Законе об ОРД определено, что одним из оснований для проведения оперативно-разыскных мероприятий являются поручения следователя по уголовным делам, которые находятся у него в производстве.

Во взаимоотношениях следователя с органами дознания наблюдается правовой приоритет первого. Следователь вправе давать поручения, а органы дознания обязаны их исполнять [11]. Однако А. Козусев верно отметил, что «взаимодействие оперативно-разыскных аппаратов и сле-дователей не означает служебного соподчинения, слияния процессуальной и оперативно-разыскной деятельности. Каждый из них продолжает оставаться самостоятельным органом, действуя в строгом соответствии со своей компетенцией» [12]. Поручение — это установленная законом форма эффективного и целенаправленного взаимодействия [13]. Такие поручения могут касаться отдельного эпизода расследования (обнаружения орудия преступления) и даваться при решении проблемы реализации тактических комбинаций по установлению всех участников организованной преступной группы, ее лидера, конкретных исполнителей. Давая такое поручение, следователь только ставит задачу перед органом дознания, а пути и средства ее разрешения органы дознания определяют самостоятельно. В то же время анализ практики предварительного расследования по делам об убийствах свидетельствует о том, что указанные поручения следователя нередко носят формальный характер, хотя по обстоятельствам дела имеется возможность их конкретизировать [14].

Необходимо помнить, что следователь может дать поручение органу дознания о проведении не всех процессуальных действий. Некоторые следственные действия являются прерогативой следователя, и он выполняет их сам, не поручая органу дознания. Конечно, процессуально это нигде не закреплено, однако по сложившейся следственной практике сотрудники органа дознания помогают следователю готовить и проводить лишь сложные и трудоемкие следственные действия либо выполнять те или иные обязанности в ходе проведения этих следственных действий.

Следующим принципом взаимодействия является руководящая и организующая роль следователя. Но следователь не только руководит и организует работу по уголовному делу, но и несет ответственность за результат расследования. Инициатива в совместной деятельности, как правило, исходит от следователя. Именно он решает, работников какой службы и в какое время необходимо привлечь к расследованию уголовного дела.

Кроме того, принципом взаимодействия выступают плановость, непрерывность и динамичность. Эффект расследования достигается именно благодаря согласованному планированию следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. При расследовании убийств, совершенных организованным группами, план определяет сферы и порядок взаимодействия всех заинтересованных служб, что повышает его результативность. Важно согласовать и своевременно откорректировать характер и направленность взаимодействия на первоначальном этапе расследования, когда преступление можно раскрыть «по горячим следам».

Непрерывность взаимодействия означает, что оно начинается с момента возникновения повода к возбуждению уголовного дела либо при наличии оснований к розыску скрывшегося преступника (или преступников), и в дальнейшем продолжительность и интенсивность взаимодействия детерминируются обстоятельствами и интересами объема доказывания по делу.

Наиболее полно задачи взаимодействия следователя и органов дознания могут быть достигнуты и выполнены только тогда, когда такое взаи-

модействие строится в определенном, строго регламентированном порядке. Формы взаимодействия следователя с органами дознания могут быть как процессуальными, так и непроцессуальными. В некоторых источниках непроцессуальные формы взаимодействия называются как организационные или организационно-тактические.

Примечания

1. Басков В. И. Оперативно-розыскная деятельность. М., 1997. С. 40; Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. М., 2001. С. 193.

2. Чайка А. Ю. Организация взаимодействия органов предварительного следствия и дознания по расследованию и раскрытию преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 10.

3. Зеленский В. Д. Организация расследования убийств: учеб. пособие. Краснодар, 2001. С. 78; Плеснева Л. П. Правовые и организационные основы взаимодействия следователя с органами дознания: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2002. С. 9.

4. Кругликов Н. П. Принципы взаимодействия следователей и органов дознания // Вестник ВолГУ. Сер. 5: Политика. Социология. Право. 1999. Вып. № 1. С. 106.

5. Ищенко Е. П. Криминалистика. М., 2000. С. 63—64; Кудинов А. С. Особенности организации взаимодействия сил и средств органов внутренних дел при раскрытии преступлений по горячим следам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. С. 11; Кулагин Н. И. Организация управления в сфере предварительного следствия. Волгоград, 1980. С. 69.

6. Ларин А. И. Орган по надзору за преступлениями // Общая газета. 1997. 17 апр.

7. Криминалистика: учебник для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.]. М., 2000. С. 492.

8. Закон об оперативно-розыскной деятельности Российской Федерации. Комментарий / под ред. А. Ю. Шумилова. М., 1994. С. 5.

9. Аверьянова Т. В. Проблемы законодательного регулирования взаимодействия правоохранительных органов в раскрытии и расследовании преступлений // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Проблемы практической реализации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. г. Сочи, 11—12 октября 2002 г. Краснодар, 2002. С. 34—36.

10. Статкус В. Ф. Необходимость законодательного совершенствования стадии досудебного производства // Вестник криминалистики. М., 2004. Вып. 2 (10). С. 30.

11. Осипкин В. Н. Прокурорский надзор за оперативно-разыскной деятельностью: учеб. пособие. СПб., 2001. С. 6.

12. Козусев А. Надзор за исполнением законов в оперативно-разыскной деятельности // Законность. 1997. № 2. С. 20.

13. Такая форма закреплена в приложениях 14 и 15 к УПК РФ.

14. Дыхно Г. Э. Анализ версий при расследовании серийных убийств // Следственная практика. М., 2003. № 4 (116). С. 136.

© О. И. Белокобыльская, А. А. Закатов, 2012

* * *

В. Б. Вехов

ТАКТИКА ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ О СОЕДИНЕНИЯХ МЕЖДУ АБОНЕНТАМИ И (ИЛИ) АБОНЕНТСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ

В статье рассматриваются проблемные вопросы тактики получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Приводится алгоритм подготовки и производства этого следственного действия. Излагается содержание процессуальных документов, необходимых для его проведения.

Ключевые слова: тактика следственного действия, информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, тайна связи.

V. B. Vekhov

TACTICS OF OBTAINING INFORMATION ABOUT CONNECTION BETWEEN SUBSCRIBERS AND (OR) SUBSCRIBER UNITS

The article focuses on the problems of tactics of obtaining information about connection between subscribers and (or) subscriber units. The author shows the algorithm of preparing and conducting this investigative action and analyzes the content of procedural documents needed to conduct it.

Keywords: tactics of an investigative action, information about connection between subscribers and (or) subscriber units, secrecy of communication.

Федеральным законом от 1 июля 2010 г. № 143-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [1] был внесен ряд существенных изменений. Они представляют интерес как для ученых, занимающихся научными изысканиями в области криминалистики и уголовно-процессуаль-ной науки, так и для сотрудников органов предварительного расследования, на которых возложены обязанности по их применению.

Одной из таких законодательных новелл является введение в действие норм, регламентирующих процессуальный порядок подготовки и производства нового следственного действия, названного «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами». Как следует из п. 24. 1 ст. 5 УПК, оно представляет собой получение сведений о дате, времени, продолжительности соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами (пользовательским оборудованием), номерах абонентов, других данных, позволяющих идентифицировать абонентов, а также сведений о номерах и месте расположения приемопередающих базовых станций.

Поскольку рассматриваемое следственное действие связано с ограничением конституционных прав граждан на тайну связи — тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи [2], то в соответствии с ч. 2 ст. 13, п. 12 ч. 2 ст. 29 и ч. 2 ст. 164 УПК оно производится исключительно на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 165 УПК.

Анализ ст. 186. 1 УПК показал, что порядок инициирования такого судебного решения состоит в следующем.

1. При наличии достаточных оснований полагать, что информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами имеет значение для уголовного дела, следователь выносит «Постановление о возбуждении перед судом ходатайства о производстве получения ин-

формации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами».

2. В данном процессуальном документе следователем указываются:

1) место и дата составления данного документа;

2) наименование органа предварительного следствия, классный чин или специальное звание, фамилия и инициалы следователя;

3) номер уголовного дела, при производстве которого необходимо выполнить данное следственное действие;

4) основания, по которым оно производится;

5) наименование суда, перед которым возбуждается ходатайство о производстве получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;

6) перечень запрашиваемых сведений:

— о дате, времени, продолжительности соединений между конкретными абонентами [3] (указать его (их) фамилию (-и), имя (имена), отчество (-а));

— о месте жительства и реквизитах основного документа, удостоверяющего личность абонента, представленные им лично при заключении договора об оказании услуг связи (для абонента — гражданина);

— о наименовании (фирменном наименовании) юридического лица, его местонахождении, а также список лиц, использующих конкретное оконечное оборудование юридического лица, заверенный уполномоченным представителем юридического лица, в котором указаны их фамилии, имена, отчества, места жительства и реквизиты основного документа, удостоверяющего личность (для абонента — юридического лица);

— о видах услуг связи, оказываемых конкретным абонентам, и особенностях их оказания (о тарифном плане, особенностях оплаты услуг связи, наличии и зоне действия роуминга и др.);

— о дате, времени, продолжительности соединений между конкретными абонентскими устройствами — пользовательским оборудованием [4] или адресах, по которым они установлены (указать абонентский номер или уникальный код идентификации абонентского устройства — IP или MAC-адрес, IMEI, адрес электронной почты, логин и пароль, позывной и др.);

— о месте расположения терминала или пункта приема платежа, которым воспользовался абонент для оплаты предоставленной услуги связи (указать сведения об абоненте и (или) абонентском устройстве);

— о номерах и месте расположения приемопередающих базовых станций, через которые осуществлялось оказание услуг связи (указать сведения об абоненте и (или) абонентском устройстве);

— об абонентских номерах и (или) уникальных кодах идентификации абонентского устройства, используемых конкретными абонентами;

— других данных, позволяющих идентифицировать абонентов, а также используемые ими абонентские устройства;

7) период, за который необходимо получить соответствующую информацию, и (или) срок производства данного следственного действия;

8) наименование организации — оператора связи, от которого необходимо получить указанную информацию [5].

В случае принятия судом решения о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами его копия направляется следователем в соответствующую осуществляющую услуги связи организацию, руководитель которой обязан предоставить указанные сведения, зафиксированные на любом материальном носителе информации. Они предоставляются оператором связи в опечатанном виде с сопроводительным письмом, в котором указываются период, за который предоставлены запрашиваемые сведения, и номера абонентов и (или) абонентских устройств (ч. 3 ст. 186.1 УПК).

Получение следователем информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами может быть установлено на срок до шести месяцев. В течение всего срока производства названного следственного действия оператор связи обязан предоставлять следователю указанную информацию по мере ее поступления, но не реже одного раза в неделю (ч. 4 ст. 186.1 УПК). При этом следователь осматривает представленные документы, содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами с участием понятых и (при необходимости) специалиста, о чем составляет

«Протокол осмотра предметов (документов)», в котором должна быть указана та часть информации, которая, по мнению следователя, имеет отношение к уголовному делу (дата, время, продолжительность соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами, номера абонентов и другие данные). Лица, присутствовавшие при составлении протокола, вправе в том же протоколе или отдельно от него изложить свои замечания (ч. 5 ст. 186.1 УПК).

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что при проведении уполномоченными государственными органами следственных действий операторы связи обязаны оказывать этим органам содействие в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства [6]. Помимо этого, в соответствии с Правилами, утвержденными 27 августа 2005 г. постановлением Правительства Российской Федерации № 538, операторы связи обязаны:

1. Накапливать в своих базах данных следующую информацию об абонентах (клиентах, пользователях) оператора связи и оказанных им услугах связи:

— фамилия, имя, отчество, место жительства и реквизиты основного документа, удостоверяющего личность, представленные при личном предъявлении абонентом указанного документа (для абонента — гражданина);

— наименование (фирменное наименование) юридического лица, его место нахождения, а также список лиц, использующих оконечное оборудование юридического лица, заверенный уполномоченным представителем юридического лица, в котором указаны их фамилии, имена, отчества, места жительства и реквизиты основного документа, удостоверяющего личность (для абонента — юридического лица);

— сведения баз данных о расчетах за оказанные услуги связи, в том числе о соединениях, трафике и платежах абонентов.

2. Своевременно обновлять эту информацию.

3. Хранить информацию в указанных базах данных в течение 3 лет.

Представленные оператором связи документы, содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, приобщаются к материалам уголовного дела в полном объеме на основании постановления следователя как вещественное доказательство и хранятся в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность ознакомления с ними посторонних лиц и обеспечивающих их сохранность (ч. 6 ст. 186.1 УПК).

Если необходимость в производстве данного следственного действия отпадает, его производство прекращается по постановлению следователя, но не позднее срока окончания предварительного расследования по уголовному делу (ч. 7 ст. 186.1 УПК). В «Постановлении о прекращении производства получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» должно быть указано:

1) место и дата составления данного документа;

2) наименование органа предварительного следствия, классный чин или специальное звание, фамилия и инициалы следователя;

3) номер уголовного дела;

4) когда, на основании решения какого суда было начато производство получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;

5) причины его прекращения (отпала необходимость в производстве данного следственного действия или оканчивается предварительное расследование);

6) ссылка на ч. 7 ст. 186.1 УПК, которой руководствовался следователь при принятии рассматриваемого процессуального решения;

7) резолюция о прекращении производства получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (указывается конкретно, между какими абонентами и (или) абонентскими устройствами);

8) резолюция о направлении для исполнения данного Постановления в адрес оператора связи (указываются его наименование и юридические реквизиты).

Примечания

1. Далее по тексту — УПК.

2. Часть 2 ст. 23 Конституции РФ, ст. 63 Федерального закона от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи».

3. Абонент — это пользователь услугами связи, с которым заключен договор об оказании таких услуг при выделении для этих целей абонентского номера или уникального кода идентификации (пункт 1 ст. 2 Федерального закона от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи»).

4. Пользовательское оборудование (оконечное оборудование) — это технические средства для передачи и (или) приема сигналов электросвязи по линиям связи, подключенные к абонентским линиям и находящиеся в пользовании абонентов или предназначенные для таких целей (пункт 10 ст. 2 Федерального закона от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи»).

5. Оператор связи — юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, оказывающие услуги связи на основании соответствующей лицензии (пункт 12 ст. 2 Федерального закона от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи»).

6. Пункт 5 ст. 64 «Обязанности операторов связи и ограничение прав пользователей услугами связи при проведении оперативно-разыскных мероприятий и осуществлении следственных действий» Федерального закона от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи».

© В. Б. Вехов, 2012

* * *

В. А. Гусев

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, ОГРАНИЧИВАЮЩИХ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА, В СЛУЧАЯХ, КОТОРЫЕ НЕ ТЕРПЯТ ОТЛАГАТЕЛЬСТВА

В статье рассматриваются организационно-правовые аспекты проведения *оперативно-разыскных мероприятий*, ограничивающих *конституционные права и свободы человека и гражданина*, в случаях, которые не терпят отлагательства, и процедуры последующего получения *судебного решения*. При этом автор затрагивает проблемы использования результатов таких мероприятий и ответственности должностных лиц в случае необоснованного их проведения.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, права и свободы человека и гражданина, судебное решение.

V. A. Gusev

PECULIARITIES OF THE CONDUCT OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES RESTRICTING HUMAN AND CIVIL CONSITUTIONAL RIGHTS IN CASES THAT ADMIT OF NO DELAY

The article focuses on the organizational and legal aspects of the conduct of operational search activities restricting human and civil constitutional rights and freedoms in those cases which admit of no delay and the procedures of the following judicial decision-making process. Along with this, the author raises problems of using the results of such activities and the officials' responsibility in case of their groundless conduct.

Keywords: operational search activities, human and civil rights and freedoms, judicial decision.

Судебное рассмотрение оперативно-разыскных материалов об ограничении конституционных прав граждан и принятие соответствующего судебного решения о проведении оперативно-разыскного

мероприятия (далее — ОРМ) или об отказе в его проведении является достаточно эффективным средством обеспечения защиты от необоснованного вторжения в частную жизнь человека. Однако в оперативно-разыскной практике иногда складываются такие тактические ситуации, когда даже незамедлительное рассмотрение судьей материалов о проведении ОРМ может повлечь потерю времени и наступление тяжких последствий. В связи с этим законодатель вполне обоснованно предусмотрел в ч. 3 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ об ОРД) исключительный порядок проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан. В данной норме предполагается возможность проведения указанных ОРМ на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД, с последующим уведомлением в течение 24 ч суда (судьи) и получением судебного решения в течение 48 часов с момента начала проведения ОРМ. Однако детально данная процедура в оперативно-разыскном законодательстве не определена, что вызывает существенные затруднения ее реализации в ОРД.

В частности, как справедливо заметил А. Е. Чечетин, ч. 3 ст. 8 ФЗ об ОРД рассчитана прежде всего на длящееся мероприятие, для продолжения которого требуется судебное решение [1, с. 58]. Если оперативно-разыскное мероприятие имело разовый, кратковременный характер (например, обследование жилого помещения), то после его завершения требуется не судебное решение о его проведении, а скорее судебное решение о законности и обоснованности уже проведенного мероприятия. В этом случае возникает вопрос: может ли судья в качестве «иных материалов» затребовать у органа, осуществляющего ОРД, оперативно-служебные документы, отражающие процесс проведения ОРМ и его результаты? Фактически такая процедура судебной оценки порядка и результатов проведенного ОРМ в рамках принятия судебного решения о его проведении ФЗ об ОРД не предусматривается. Можно предположить, что суд должен установить наличие или отсутствие оснований для проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, а не законность самого процесса его проведения и оформления его результатов, поэтому указанные документы представлять не требуется. Вместе с тем отражение в результатах ОРМ фактических данных, имеющих значение для раскрытия преступления, является дополнительным и весьма значимым аргументом при решении вопроса об обоснованности его проведения. Кроме того, по мнению некоторых ученых, суд должен иметь возможность проверить законность и обоснованность их проведения, а по результатам вынести постановление о законности или незаконности проведенного оперативно-разыскного мероприятия [2].

Необходимо отметить, что уголовно-процессуальное законодательство достаточно четко регламентирует аналогичную процедуру получения судебного решения о законности проведенного следственного действия. Так, в ч. 5 ст. 165 УПК РФ к уведомлению следователь прилагает «копии постановления о производстве следственного действия и *протокола следственного действия для проверки законности решения о его производстве*» (выделено нами — В. Г.). Получив указанное уведомление, судья в течение 24 часов проверяет законность произведенного следственного действия и выносит постановление о его законности или незаконности. То есть фактически суд проверяет законность не только принятия самого решения о производстве следственного действия, но также и всего его хода [3]. Мы полагаем, что в ходе дальнейшего совершенствования оперативно-разыскного законодательства принятие аналогичных норм позволит конкретизировать процедуру судебной проверки обоснованности и законности принятия решения о проведении неотложного оперативно-разыскного мероприятия.

Кроме того, в действующем ФЗ об ОРД не решен вопрос ни о форме уведомления судьи о проведении (или проведенном) оперативно-разыскного мероприятия, ни о форме судебного акта в случае признания незаконным проведенного оперативно-разыскного мероприятия. Именно поэтому в разных регионах формируется различная оперативно-разыскная практика: уведомление по телефону, направление специального уведомления, форма которого является произвольной, и т. д. Учитывая отсутствие единой процедуры уведомления, а также возможные нарушения режима секретно-

сти при его осуществлении, некоторые авторы предлагают в течение 24 ч сразу представлять в суд мотивированное секретное постановление с указанием времени начала проведения оперативно-разыскного мероприятия, при этом его регистрация в суде исключает необходимость дополнительного уведомления [4, с. 32]. Полагаем, что данное предложение не лишено смысла, так как, во-первых, предполагает исключение из процедуры получения судебного решения непонятное «уведомление», а во-вторых, предполагает адекватную реакцию судьи на ходатайство органа, осуществляющего ОРД, в виде судебного постановления о проведении ОРМ или об отказе в его проведении.

Особый интерес представляет формулировка последнего предложения ч. 3 ст. 8 ФЗ об ОРД, в котором говорится, что «в течение 48 часов с момента начала проведения оперативно-разыскного мероприятия орган, его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении такого оперативно-разыскного мероприятия *либо прекратить его проведение*» (выделено нами — В. Г.). На наш взгляд, если буквально толковать это положение, то можно допустить, что орган, осуществляющий ОРД, имеет возможность либо получить судебное решение о проведении ОРМ, либо самостоятельно (!) прекратить его проведение без какого-либо обращения в суд. Вне всякого сомнения, такой порядок проведения оперативно-разыскных мероприятий недопустим, не соответствует воле законодателя, а также не будет способствовать обеспечению соблюдения конституционных прав граждан. Однако такая законодательная формулировка не исключает возникновения у правоприменителя иллюзии о возможности проведения в течение 48 ч оперативно-разыскного мероприятия, ограничивающего конституционные права граждан, и дальнейшее его прекращение даже без попытки получения судебного решения.

Вместе с тем возникает обоснованный вопрос о перспективах использования результатов оперативно-разыскного мероприятия, на проведение которого не было получено судебное решение, т. е. его проведение было признано судом незаконным. С одной стороны, результаты получены в ходе оперативно-разыскного мероприятия, проводимого в соответствии с правовой процедурой, регламентированной ФЗ об ОРД, следовательно, их получение должно быть признано правомерным [5, с. 167]. С другой — аналогичная ситуация в уголовно-процессуальном законодательстве разрешается иначе. Так, согласно ч. 5 ст. 165 УПК РФ, если судья признает произведенное в исключительном порядке следственное действие незаконным, все доказательства, полученные в ходе такого следственного действия, признаются недопустимыми. Полагаем, следует согласиться с А. Е. Чечетиным в том, что при таком подходе законодателя к оценке следственных действий вряд ли можно рассчитывать на иное отношение к результатам ОРМ, на которые не будет получено судебное решение [1, с. 58—59]. Однако в целях исключения дискуссии по данному актуальному вопросу оперативно-разыскной практики представляется целесообразным четко регламентировать его в ФЗ об ОРД.

Достаточно прогнозируемой, и в связи с этим актуальной, на наш взгляд, является проблема ответственности должностных лиц органа, осуществляющего ОРД, в случае принятия судебного решения о необоснованности проведения в исключительном порядке ОРМ, ограничивающего конституционные права человека. В различных комментариях к ФЗ об ОРД авторы достаточно единодушно отмечают, что такое судебное решение должно автоматически «влечь за собой предусмотренные законодательством меры ответственности в зависимости от наступивших последствий» [6]. Мы полагаем, что необходимо очень осторожно высказывать подобную оценку инициативным действиям органов, осуществляющих ОРД, пусть даже не нашедших поддержку у суда.

Во-первых, следует иметь в виду, что основания для проведения оперативно-разыскных мероприятий, предусмотренные в ст. 7 ФЗ об ОРД, равно относятся ко всем мероприятиям (ст. 6 ФЗ об ОРД), включая и оперативно-разыскные мероприятия, ограничивающие конституционные права граждан. Отличие заключается лишь в том, что имеется дополнительная правовая процедура получения судебного решения на проведение таких мероприятий при наличии информации, предусмотренной в качестве условий в ч. 2 ст. 8 ФЗ

об ОРД. При этом следует особо подчеркнуть, что в оперативно-разыскном законодательстве не предусматриваются более четкие критерии оценки данной информации, поэтому ее содержание и качество оценивается судьей сугубо субъективно. И именно на основании этой субъективной оценки судья принимает решение о законности или незаконности проведенного оперативно-разыскного мероприятия. Безусловно, в случае отказа орган, осуществляющий ОРД, имеет право обратиться по этому же вопросу в вышестоящий суд, и это в некоторой степени повышает объективность рассмотрения ходатайства. Однако пока нет четких законодательных критериев оценки информации как основания для проведения оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, мы можем неоднократно черпать из практики примеры необоснованных и необъективных судебных отказов, обусловленных человеческим фактором, субъективным подходом, а иногда и коррупцией. В связи с этим вряд ли можно однозначно и безапелляционно утверждать, что во всех случаях судебного отказа соответствующие должностные лица оперативных подразделений подлежат юридической ответственности.

Во-вторых, в ч. 10 ст. 5 ФЗ об ОРД определено, что нарушения настоящего Федерального закона при осуществлении ОРД влекут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации. Но ответственность в данном случае наступает именно за нарушения ФЗ об ОРД. В то время как ни о возможных последствиях, ни об ответственности должностных лиц, в случае отказа в принятии судебного решения о проведении ОРМ, осуществляемого в порядке ч. 3 ст. 8 ФЗ об ОРД, в тексте данного закона нет никакого упоминания.

Безусловно, негативные последствия могут наступить в том случае, если полученная в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права гражданина, информация о его частной жизни, личной и семейной тайне была разглашена. Разглашать такие сведения, которые стали известными в процессе проведения оперативно-разыскных мероприятий, без согласия граждан прямо запрещено в ч. 8 ст. 5 ФЗ об ОРД, и это может повлечь за собой привлечение к уголовной ответственности по ст. 137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Однако в этом случае речь уже идет о других действиях (или бездействии) должностных лиц, не связанных непосредственно с проведением ОРМ и получением судебного решения о его проведении.

Вместе с тем следует отметить, что уголовным законодательством предусматривается также уголовная ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ) и за нарушение неприкосновенности жилища (ст. 139 УК РФ). Более того, составы преступлений в обоих случаях являются формальными, т. е. считаются оконченными с момента совершения указанных действий и не связаны с наступлением негативных для потерпевшего последствий. Учитывая данное обстоятельство, попытки квалифицировать по указанным статьям УК РФ действия должностных лиц оперативных подразделений в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, в случае судебного отказа, могут существенно подорвать всякую инициативу и наступательность в оперативно-разыскной деятельности. Более того, подобная уголовно-правовая квалификация делает абсолютно бесперспективной и нежизнеспособной попытку законодателя сформулировать исключительную процедуру проведения неотложного оперативно-разыскного мероприятия с последующим получением судебного решения. По нашему твердому убеждению, оперативные сотрудники не подлежат уголовной ответственности по ст. 138 и 139 УК РФ в случае, если они оформили соответствующие оперативно-служебные документы, отражающие принятие решения и сам процесс проведения оперативно-разыскного мероприятия, и в дальнейшем соблюли порядок уведомления и обращения в суд для получения решения, несмотря на его отрицательный характер, т. е. действовали в соответствии с ФЗ об ОРД.

Приведенные выше аргументы, полагаем, позволяют сделать вывод о недостаточной регла-

ментации в ФЗ об ОРД процедуры проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы граждан в случаях, не терпящих отлагательства. Вместе с тем, принимая во внимание, что в ОРД существует объективная необходимость проведения таких мероприятий и при этом требуется обеспечить судебные гарантии обоснованности ограничения прав и свобод человека при их проведении, законодательная регламентация исключительного порядка осуществления ОРМ крайне важна. В связи с этим считаем необходимым более детально прописать процедурно-процессуальные аспекты принятия решения о проведении таких ОРМ руководителем органа, осуществляющего ОРД; уведомления суда (судьи); получения судебного решения о проведении такого ОРМ; его прекращения и использования результатов.

Список библиографических ссылок

1. Чечетин А. Е. Оперативно-разыскные и права личности: монография. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2006. С. 58—59.

2. Гуськова А. П., Муратова Н. Г. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства: монография. М.: Юрист, 2005.

3. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный. 5-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. А. В. Смирнова // СПС Консультант Плюс. М.: Проспект, 2009.

4. Баженов С. В. Некоторые вопросы судебного санкционирования оперативно-розыскных мероприятий // Оперативник (сыщик). 2010. № 2. С. 32.

5. Бобров В. Г. К вопросу об основаниях и условиях проведения оперативно-разыскных мероприятий // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. И. Горобцов. Красноярск, 2003. Вып. 6. С. 167.

6. Вагин О. А., Исиченко А. П., Чечетин А. Е. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: постатейный. Деловой двор, 2009 // СПС КонсультантПлюс; Киселев А. П. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»: постатейный (подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2008).

© В. А. Гусев, 2012

* * *

С. Г. Еремин

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННО-ФИНАНСОВЫХ ОПЕРАЦИЙ В БУХГАЛТЕРСКОМ УЧЕТЕ ОРГАНИЗАЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ

В статье рассматриваются закономерности отражения признаков преступных хозяйственно-финансовых операций в бухгалтерском учете организаций общественного питания, образ действий преступников, выражающийся в определенной последовательности, сочетании применяемых субъектом преступления отдельных действий и приемов. Определены пути усовершенствования знаний сотрудников органов внутренних дел в части тщательного изучения способов преступлений, совершаемых в сфере бытового обслуживания граждан.

Ключевые слова: общественное питание, механизм преступных действий, способ преступления, документооборот, методика расследования преступлений, признаки преступления, доказательства.

S. G. Eremin

COMMON FACTORS OF EXPRESSION OF CRIMINAL ECONOMIC AND FINANCIAL OPERATIONS' SPECIFIC FEATURES IN BUSINESS ACCOUNTING OF CATERING ORGANIZATIONS

In the article the author analyzes common factors of expression of criminal economic and financial operations' specific features in business accounting of catering organizations as well as criminals' modus operandi that is a certain sequence and combination of actions and techniques applied by the crime committer. The author also determines the ways of improving the law enforcement officials' awareness in the field of thorough study of ways of crimes committed in the sphere of public services.

Keywords: catering, mechanism of criminal actions, way of commission of a crime, document workflow, methods of criminal investigation, specific features of a crime, evidence.

Преступления, совершаемые в организациях общественного питания (ресторанах, кафе, столовых), как правило, связаны с процессами приобретения сырья, приготовления и продажи гражданам продукции собственного приготовления. По уголовным делам такой категории оперативные сотрудники и следователи должны обладать прочными знаниями соответствующей действующей нормативной базы [1].

Ученые С. П. Голубятников, Ю. М. Кравченко, А. А. Меджевский отмечают, что система общественного питания обладает специфическими особенностями: 1) органическим сочетанием функций производства и реализации готовой продукции, полуфабрикатов потребителю; 2) документооборот не аналогичен любой другой сфере производства; 3) организации общепита имеют различные формы собственности [2, с. 178].

К сказанному следует добавить, что в сфере общепита приготовленные полуфабрикаты, готовая продукция в виде блюд должны быть реализованы в один и тот же рабочий день. Хозяйствующие субъекты общепита самостоятельно устанавливают цены на свою продукцию, так как изменяющийся ассортимент, зависимость стоимости блюд от цен на сырье, наличие наценок и налога на добавленную стоимость (НДС) не позволяют заранее определить твердые цены на длительный период.

В современной структуре общепита имеются: рестораны, кафе, бары, столовые, закусочные и многие иные организации частной, коллективной или индивидуальной форм собственности. Исходя из требований действующих нормативных актов, каждая организация общественного питания должна иметь кладовую, кухню, обеденный и банкетный залы, буфет, допустима сеть розничной торговли: кулинарии, киоски, выносные столики, лотки.

Многие ученые едины во мнении, что при формировании частных методик расследования преступлений в сфере общественного питания необходимо оперировать специфическими документами учета, в которых преступники вуалируют данные в целях сокрытия преступлений [3]. Такими документами являются: калькуляционная карточка; план-меню; накладная на отпуск товара; закупочный акт; дневной заборный лист; акт о реализации и отпуске изделий кухни; акт о снятии остатков продуктов, полуфабрикатов и готовых изделий кухни; кассовый чек; журнал кассира-операциониста и др.

В зависимости от уголовно-правовой квалификации преступлений способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений в сфере общественного питания должны рассматриваться как часть механизма определенных преступных действий, направленных на достижение желаемого конкретного преступного результата. Так, А. Н. Колесниченко, Е. В. Коновалова понимают под способом совершения преступления «образ действий преступника, выражающийся в определенной последовательности, сочетании отдельных действий и приемов, применяемых субъектом» [4, с. 34—35].

В сфере общественного питания типичными способами преступных действий являются: 1) нарушение технологии обработки продуктов без отражения изменений в учетных документах; 2) необоснованное списание сырья со склада в производство (кухню) и неправильная калькуляция продажных цен готовых изделий; 3) занижение балансовой прибыли (дохода).

Нарушение технологии обработки продуктов без отражения изменений в учетных документах выражается в несоблюдении норм выхода готовых изделий (блюд), недовложении сырья, замене продуктов одного наименования другим, пересортице, сокращении фактических отходов или затрат без оприходования получаемых излишков.

Необоснованное списание сырья со склада в производство (кухню) и неправильная калькуляция продажных цен готовых изделий предполагают: а) использование в целях создания излишков продукции бестоварных расходных документов за счет их повторного применения и внесения подложных сведений о выходе готовых блюд; б) завышение продажной цены изделий собственного производства вследствие неправильной калькуляции, т. е. записей в калькуляционную карточку наименований сырья и специй, фактически не расходуемых на приготовление продукции и не предусмотренных нормами действующих рецептур; в) включение большего количества сырья, чем предусмотрено нормами, и списание его, хотя фактическое вложение производят в соответствии с рецептурой.

Занижение балансовой прибыли (дохода) позволяет как совершать хищения сырья, продукции и денежных средств, так и уклоняться от уплаты налогов и сборов в бюджет. При этом превалирующими способами преступных действий, связанных с применением наценки, являются следующие.

Во-первых, неполное оприходование торговой наценки (скидок, накидок) на покупные товары и сырье путем занижения расчета продажных цен по приходным документам. Закономерно и занижение суммы торговой наценки (скидки, накидки) и цен при передаче покупных товаров, сырья из кладовой в производство (кухню) и сеть розничной торговли, а также уменьшение итога по кредиту счета 42 «Торговая наценка» и в ведомости к журналу-ордеру счета 41-1 «Товары на складах».

Во-вторых, занижение наценки на реализованные товары за счет завышения итогов по счетам 42 «Торговая наценка», 20 «Основное производство», 41—1 «Товары на складах», 41—2 «Товары в розничной торговле» и внесение подлогов в товарные отчеты и учетные регистры, не искажая первичных документов. Однако в них преступники могут занижать доход под видом убыточной реализации, т. е. учинять записи о реализации товаров и продукции без наценки, хотя она применялась, завышать объем товаров и продукции, проданных гражданам со скидкой.

В-третьих, сокрытие от учета наценки, полученной в процессе изготовления и реализации продукции, возможно путем неполного оприходования наценки на порционные фирменные блюда. Часто имеет место переработка неучтенных полуфабрикатов, которые реализуют с наценкой, что позволяет похищать денежные средства.

Большинство из рассмотренных нами способов преступлений связаны с созданием излишков сырья, продуктов в кладовых и кухне за счет нарушения технологии приготовления блюд. Резерв для преступлений создается в кладовых и местах реализации изделий, а для занижения дохода используется порядок ценообразования на продукцию. В целом способы создания излишков продукции путем занижения дохода зависят от сложности преступных действий и документов учета, в которые можно внести подлоги.

Неполное оприходование наценки применяют при обработке приходных документов, где отражают исчисление продажной цены на поступившие товары и продукты. Расчеты с поставщиками производят по оптовым ценам, используя выгодную оптовому складу наценку, поэтому и образуется возможность неполного оприходования наценки. Следы такого преступления закономерно остаются лишь в документах учета и отчетности организации общественного питания.

Способы совершения хищения продукции и денежных средств дополняются способами маски-

ровки преступлений, в частности, оформлением неоднократной сдачи неучтенных изделий в течение рабочего дня по одному и тому же дневному заборному листу, который уничтожается после реализации готовых изделий кухни. Вместе с тем способы маскировки преступлений в организациях общественного питания составляют: а) фальсификация результатов инвентаризаций (приписки в описи несуществующего сырья и продуктов); б) неправильное оформление накладных на поступление продуктов из кладовой в производство; в) внесение в план-меню блюд с одинаковой ценой, чтобы по чекам контрольно-кассовых машин нельзя было определить количество продукции кухни (блюд) каждого вида [5]; г) внесение заниженных данных о документальных остатках сырья, готовой продукции и денежных средств в товарные, кассовые отчеты и сводные документы.

Особого исследования требует механизм преступных действий по созданию излишков продукции на кухне за счет нарушения технологии приготовления ее отдельных видов. При этом действия преступников состоят в применении хитростей, связанных с технологическим процессом производства некоторых блюд. Например, чтобы скрыть недовложение мяса, в рубленые мясные изделия добавляют крахмал, нередко затхлое мясо обрабатывают дихлофосом, специями, и т. д. Интерес представляют способы преступления, с помощью которых преступники стремятся добиться уменьшения потерь в весе мясных изделий: вместо тушения мясо отваривается, охлаждается до минусовой температуры и опускается в теплую воду, вследствие чего при варке оно меньше теряет в весе, а опущенное в теплую воду впитывает много влаги, что увеличивает его объем.

При хищении товаров, сырья, готовых изделий и денежных средств преступники варьируют круг соучастников (работающих посменно буфетчиков, барменов, официантов), а также предмет преступного посягательства и способы его изъятия, среди которых распространены:

1. Неучтенный отпуск изделий в буфеты и филиалы, реализация излишков через раздачу и официантов без оприходования денежной выручки, злоупотребления с использованием контрольно-кассовой техники. Так, например, преступники занижают сумму в кассовых чеках, временно приостанавливают прием платежей через кассовый аппарат, могут применить незарегистрированный кассовый аппарат.

2. Оформление бестоварных приходных ордеров на поступление сырья от поставщиков и фиктивные закупки продуктов у населения с изъятием и присвоением подотчетных сумм. В таких случаях преступники составляют временные документы учета, чтобы скрыть передачу неучтенных товаров в буфет и мелкорозничную сеть. Преступники могут неоднократно использовать одну и ту же накладную на передачу товара, сырья, продукции или несвоевременно их оформить с последующей корректировкой путем внесения подложных записей. Например, в течение рабочего дня готовые изделия передаются в буфет по «черновым записям», а дневной заборный лист составляется в конце рабочей смены.

Следами преступлений являются также подлоги, учиняемые в документах на регистрацию организаций общественного питания, подложное свидетельство о регистрации предприятия, фиктивный устав, учредительный договор, лицензии, фиктивные хозяйственные, трудовые договоры (контракты), не действующие печати, вымышленные подписи.

На признаки хищений в организациях общепита также могут указывать: большое число актов о списании товаров, продуктов на порчу, брак; жалобы граждан на недоброкачественное приготовление пищи, недолив и разбавление спиртных напитков, соков; случаи недовложений, замены отдельных видов компонентов при изготовлении продукции; фальсификация товаров, подтвержденная актами лабораторного анализа.

Познание указанных выше особенностей, как справедливо отмечает А. М. Ищенко, «… предопределяет пути усовершенствования знаний сотрудников органов внутренних дел в части тщательного изучения способов преступлений,

совершаемых в системе бытового обслуживания населения» [6, с. 39]. Безусловно, каждый способ, каждый эпизод преступной деятельности сотрудники правоохранительных органов должны тщательно изучить, обоснованно доказать в процессе предварительного следствия.

Примечания

1. Об утверждении Правил оказания услуг общественного питания: постановление Правительства Российской Федерации от 15 августа 1997 г. № 1036 // СЗ РФ. 1997. № 34. Ст. 3980; О нормативной документации для предприятий общественного питания: письмо Комитета торговли Российской Федерации от 15 июля 1996 г. № 1-806/32-9 // Налоговый вестник. 2003. № 3; Об обязательной сертификации услуг общественного питания: постановление Госстандарта, Роскомторга, Госкомсанэпиднадзора Российской Федерации от 7 сентября 1995 г. № 230-7/431.

2. Голубятников С. П., Кравченко Ю. М., Меджевский А. А. Основы судебной бухгалтерии: учебник. Н. Новгород, 1994. С. 178.

3. Бурданова В. С. Особенности расследования хищений на предприятиях торговли и общественного питания. Л., 1984; Науменко Н. Д., Новиков С. И. Расследование хищений на предприятиях общественного питания и торговли. Киев, 1991; Поликарпова Т. И. Расследование хищений на предприятиях общественного питания // Криминалистика и судебная экспертиза: межвед. науч.-метод. сб. Вып. 35. Харьков, 1999.

4. Колесниченко А. Н., Коновалова Е. В. Криминалистическая характеристика преступлений. Харьков, 1985. С. 34—35.

5. Изменение в организациях общественного питания цен в течение рабочего дня, обоснованность наличия скидок или наценок проконтролировать практически невозможно из-за сложностей оформления. Поэтому имеет смысл применять кассовые аппараты, работающие по штрих-кодам или кодам, при которых кассир не сможет завысить цены. Такая техника позволяет снять остатки на текущий момент, сравнить их с продажами через кассу и получить отчет о том, какая продукция и по какой цене продавалась: См.: Зубакин Л. Контроль в общепите как средство сохранения прибыли // Экономическая газета. 2003. 28 янв.

6. Ищенко А. М. Предупреждение и раскрытие преступлений, совершаемых с использованием служебного положения в системе бытового обслуживания населения: дис. …канд. юрид. наук. М., 1989. С. 39.

© С. Г. Еремин, 2012

* * *

С. Г. Еремин, А. П. Резван

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ О ХИЩЕНИИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЗАПАСОВ В БУХГАЛТЕРСКОМ УЧЕТЕ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

В статье рассматриваются этапы преступной деятельности, направленной на хищение производственных запасов, способы вуалирования преступлений в бухгалтерском учете хозяйствующих субъектов. Изложены закономерности отражения информации о хищении материальных ценностей в документах и записях бухгалтерского учета, обусловливающие необходимость модификации традиционных и разработки качественных новых методик расследования преступлений в сфере экономики.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, следственно-судебная практика, хозяйствующий субъект, хищения производственных запасов, себестоимость.

S. G. Eremin, A. P. Rezvan

COMMON FACTORS OF REPRESENTATION OF INFORMATION ABOUT STEALING OF PRODUCTION RESERVES IN BUSINESS ACCOUNTING OF ECONOMIC ENTITIES

The article focuses on the stages of criminal activities aimed at stealing production reserves and the ways of disguising crimes in business accounting of economic entities. The authors analyze common factors of representation of information about stealing of material valuables in accounting documents and notes showing the necessity to modify traditional methods of criminal investigation in the economic sphere and develop effective new ones.

Keywords: operational search activities, investigative court practice, economic entity, stealing of production reserves, production cost.

Криминалистическая методика расследования преступлений в сфере экономики нуждается в пополнении ее теоретических положений знаниями о специфике отражения преступных действий в бухгалтерском учете основных средств и производственных запасов хозяйствующих субъектов. Мы пришли к выводу, что такие знания существенно влияют на процесс совершенствования борьбы с экономической преступностью опосредованно путем воздействия на конкретные методические рекомендации и через них на оперативно-разыскную и следственно-судебную практику. То, что модификация традиционных и разработка качественных новых методик расследования преступлений — непременное условие улучшения деятельности оперативно-разыскных и следственных органов, признают многие авторы работ по криминалистике [1, с. 5—8].

Для достижения преступного результата преступники из числа хозяйствующих субъектов применяют совокупность хорошо отработанных и законспирированных криминальных действий, которые представляют собой определенные «этапы», совершаемые последовательно. Предлагаем выделить шесть этапов преступной деятельности, направленной на хищение имущества хозяйствующих субъектов и другие виды преступлений: 1) выбор структурного подразделения в организации для совершения преступления (касса, цех, склад); 2) планирование и разработка преступных действий (составление схем, графиков, таблиц, изучение документооборота); 3) подготовка к со-

вершению преступления (определение соучастников, выбор времени, создание условий); 4) завершение преступления (изъятие и завладение избранным предметом, товарами, материалами и др.); 5) маскировка следов преступления (сокрытие предмета преступления, вуалирование данных о нем в документах учета); 6) использование предмета преступления или вырученных от его сбыта денежных средств (обращение в личную собственность или собственность третьих лиц, легализация доходов, полученных преступным путем).

Вне зависимости от механизма совершения преступных действий, включая продуманность способов их маскировки, преступники неизбежно оставляют следы, присущие каждому из выделенных нами этапов преступной деятельности. Для успешного выявления, раскрытия и расследования преступлений следователь должен владеть криминалистически значимой информацией о документообороте и порядке ведения учета.

Хищения производственных запасов хозяйствующих субъектов, каким бы путем они не совершались (кража, мошенничество, присвоение или растрата, злоупотребление служебным положением, грабеж, разбой), являются опасными видами преступлений, направленных на подрыв экономической системы государства и частной собственности.

В данном случае задача частной криминалистической методики расследования преступлений в сфере экономики как производной от конкретных норм уголовного законодательства, — быстрое и полное выявление, раскрытие и расследование преступлений, установление всех лиц, его совершивших, и обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Конечно же, вполне оправданно М. П. Шаламов обращает внимание на обнаружение как готовящихся преступлений, так и тех, которые уже совершены [2, с. 7]. При выявлении, раскрытии и расследовании хищений производственных запасов не обойтись без изучения форм бухгалтерского и оперативно-производственного учета материальных ценностей. Ведь имеющиеся в них нарушения и отступления от действующего порядка и правил ведения бухгалтерского учета становятся устойчивыми, обычными и систематически используются преступниками для совершения преступлений.

Действия преступников по изъятию и сокрытию хищений материальных ценностей находят свое закономерное отражение в документообороте, регламентированном в нормативных актах, изданных Министерством финансов Российской Федерации [3].

Предметом хищений обычно выступают сырье, товары, топливо, запасные части, тара и другие предметы, применяемые хозяйствующими субъектами в экономической деятельности. Похищаемые производственные запасы можно подразделить на основные и вспомогательные, где первые составляют основу вырабатываемой продукции: бензин — в нефтеперерабатывающих компаниях, металл — в машиностроении, кожа — в обувных организациях, и т. д., а вторые способствуют процессу производства (смазочные, протирочные и иные материалы).

Производственные запасы потребляются в каждом хозяйственном цикле и полностью переносят свою стоимость на себестоимость изготавливаемой продукции, выполненных работ и услуг. В организациях преступники из числа хозяйствующих субъектов после совершения преступления вынуждены вносить подлоги в бухгалтерские документы, отражающие операции по заготовлению, оприходованию и отпуску материальных ценностей, определению затрат, связанных с их заготовкой. Неизбежны также фальсификации документов учета по соблюдению норм потребления и выявлению некондиционных, излишних материалов.

При хищении основных и вспомогательных материалов преступники в одних случаях искажают в учете их фактическую себестоимость, которая должна определяться исходя из затрат на приобретение (без учета НДС и других возмещаемых налогов). В других случаях характерно завышение или занижение фактических затрат на приобретение материалов: сумм, уплачиваемых поставщику (продавцу) за материалы; стоимость информационных, консультационных услуг и комиссионных вознаграждений посредникам; таможенных пошлин; невозмещаемых налогов, уплачиваемых с покупки единицы материалов; расходов по заготовке, доставке, хранению и страхованию мате-

риалов; сумм процентов по кредитам поставщиков и др.

Механизм преступных действий закономерно отражается в таких документах, как: счет-фактура; доверенность; приходный ордер; акт о приемке материалов; карточка учета материалов; требование-накладная; лимитно-заборная карта; накладная на внутреннее перемещение материалов; накладная на отпуск материалов на сторону; акт на списание инструментов (приспособлений) и обмен их на годные; хозяйственные договоры и др.

Ученые А. Ф. Лубин, В. К. Лисиченко, В. И. Гончаренко, М. В. Салтевский рассматривают хищения производственных запасов простыми и сложными «замаскированными» способами [4, с. 162—163, 46—47]. Считаем такой подход вполне оправданным, но требующим более детального обоснования в части классификации способов преступления: 1) на незаконное изъятие производственных запасов без маскировки в документах и записях учета; 2) создание недостач и излишков материалов, их незаконное изъятие с учинением подлогов в документах учета и на счетах; 3) уничтожение документов на поступившие материалы, несоставление приемного акта, когда ценности доставлены без сопроводительных документов; 4) завышение транспортно-заготовительных расходов по неоприходованным, но оплаченным материалам; 5) составление подложных коммерческих и приемных актов на недостачу, уценку, порчу, бой материалов с отнесением убытков на счет поставщика; 6) внесение дописок недостач материалов на складе во вторые экземпляры требований-накладных, лимитно-заборных карт.

Незаконное изъятие производственных запасов без маскировки в документах и записях учета влечет растрату и присвоение ценностей, которые сравнительно легко обнаруживаются. Кладовщики похищают материалы за счет обвеса, обсчета, обмера экспедиторов при сдаче ими ценностей на склад или отпуске получателям. Экспедиторы нередко вступают в преступный сговор с представителями железной дороги, участвующими в приемке грузов, и похищают дорогостоящие материальные запасы, а недостачу относят на счет поставщика. Рабочие при погрузо-разгрузочных работах вскрывают тару и присваивают ценности, как правило, без принятия каких-либо мер к сокрытию преступления, влекущего недостачу.

Создание недостач и излишков материалов, их незаконное изъятие с учинением подлогов в документах учета и на счетах обычно совершают руководители организаций, главные бухгалтеры, кладовщики. При этом, если в совершении и сокрытии преступления участвует опытный бухгалтер, способы преступления настолько виртуозные, что даже ревизия и судебно-бухгалтерская экспертиза, и в ряде случаев повторная, не всегда в состоянии определить точные размеры ущерба, время их совершения и т. д.

На наш взгляд, находящиеся в подотчете материально ответственных лиц производственные запасы как источник (резерв) хищения не создаются, они реально существуют, поэтому применительно к ним следует говорить о сокрытии недостачи как факторе, обеспечивающем возможность длительное время совершать хищение.

Изъятие и обращение материальных ценностей в свою пользу или в пользу других лиц всегда влечет возникновение недостачи, а значит, и необходимость ее сокрытия. В итоге образуется устойчивая закономерная связь между временем преступного завладения материальными ценностями и временем сокрытия их недостачи.

Направленность действий преступников на сокрытие недостачи обусловлена характером учета ценностей и контроля за их движением. Действиями по сокрытию недостачи ценностей являются: сокрытие недостачи за счет излишков; полное или частичное неоприходование либо несвоевременное оприходование поступивших ценностей; искусственное завышение в расходных документах количества и стоимости отпущенных материалов; отражение в инвентаризационных описях большего количества и стоимости ценностей, чем их имелось в наличии.

Принципиальное значение имеет деление способов маскировки недостач на временные и постоянные. Так, первые позволяют скрывать недостачи лишь на определенный период времени, например до следующей инвентаризации, когда недостача может быть выявлена, если такие же способы не будут использованы снова. Вторые обеспечивают возможность скрыть факт недос-

тачи ценностей совсем, она не проявится даже в ходе инвентаризации до тех пор, пока не будут установлены сами способы ее маскировки.

В случае применения временного способа маскировки недостачи размер ущерба устанавливается по результатам инвентаризации, а при постоянном способе — при условии его обнаружения. Когда преступники одновременно применяют оба указанных способа маскировки недостач, то при установлении размера ущерба к сумме недостачи, выявленной при инвентаризации, необходимо прибавить сумму постоянного сокрытия.

Временными способами маскировки недостач являются: составление перед инвентаризацией бестоварной расходной накладной с согласия получателя материальных запасов, включение ее в отчет и оприходование после инвентаризации имущества на ту же сумму по бестоварной накладной; заимствование и внесение денежных средств в виде выручки перед предстоящей инвентаризацией с последующим их возвратом; неоприходование материальных запасов, поступивших на момент инвентаризации, предъявление их при проверке с оприходованием по ее окончании; завышение в инвентаризационной описи фактического количества и стоимости ценностей.

К постоянным способам сокрытия недостач относятся: оформление перед инвентаризацией бестоварной расходной накладной без согласия получателя ценностей, включение ее в материальный отчет без последующего оприходования имущества на ту же сумму; перекрытие размера недостач созданными на ту же сумму излишками; завышение переходящего остатка ценностей в материальном отчете на начало инвентаризационного периода; занижение в отчете стоимости оприходованных ценностей.

Материально ответственные лица для последующего хищения создают резервные ценности (излишки денег, материальных запасов), которые впоследствии сбывают. Понятие «резервные ценности» как источник хищения шире понятия «излишков ценностей», так как излишки могут возникнуть и без умысла на создание источника хищения (просчеты при приемке и отпуске ценностей, ошибки записей в учетных документах). Иная ситуация складывается, когда материально ответственное лицо, выявив неучтенные ценности, умышленно ими завладеет. То есть, излишки в качестве составной части источника хищения как резерва материальных ценностей могут создаваться умышленно. Резервные материальные ценности как источник хищения включают и суммовые резервы, не являющиеся излишками конкретного имущества способами [5].

Преступники создают резервы производственных запасов для хищений путем их вывода из своего подотчета и, соответственно, системы бухгалтерского учета хозяйствующего субъекта. Для этого преступники умышленно искусственно занижают количество производственных запасов или создают их суммовые резервы. Создание резервов ценностей для хищения связано с преступным их манипулированием, но похищаются не те ценности, которые находятся в подотчете материально ответственных лиц, а те, что выведены из их подотчета. Это дает основание считать резервные ценности самостоятельным источником хищения, который в отличие от подотчетных ценностей не существует объективно, а умышленно создается преступниками для последующего изъятия и использования.

Мы усматриваем следующие способы создания резервов для хищения: полное или частичное неоприходование поступивших ценностей; фальсификация материалов при подготовке их к отпуску со склада для продажи или производства продукции; занижение количества материалов при их переоценке, вследствие повышения или понижения цен.

Создание преступниками резервов материальных запасов предполагает их использование для хищения с последующим сокрытием недостач, тогда как согласно п. «а» ст. 12 Закона Российской Федерации «О бухгалтерском учете» излишек имущества приходуется, и соответствующая сумма зачисляется на финансовые результаты организации, а у бюджетных учреждений — на увеличение финансирования (фондов) [6]. По указанной причине преступники, опасаясь выявления в ходе инвентаризаций, ревизий, аудиторских проверок неучтенных излишков стремятся избавиться от них путем скорейшего их изъятия. Это свидетель-

ствует о том, что время создания неучтенных излишков и момент преступного завладения ими и обращения в свою пользу или передача другим лицам происходят в короткие сроки.

Нередко предметом хищения становятся так называемые сторонние «левые» производственные запасы, например переданные на хранение другими хозяйствующими субъектами. Таким имуществом, как полагают Н. М. Сологуб, В. И. Рохлин, С. В. Кузьмин, С. Г. Евдокимов, Б. В. Серов, могут быть «наличные денежные средства, материальные ценности, недвижимость, ценные бумаги, основные средства либо документы» [7, с. 10—11].

Трансформированными способами хищений сторонних материальных запасов часто являются: залог ценностей без ведома собственника; залог по подложным учетным документам несуществующих материалов; залог ликвидных материальных запасов, отягощенных другими обязательствами; заключение договоров поставки или купли-продажи материалов на условиях предоплаты от имени несуществующей организации или по подложному документу, удостоверяющему личность предпринимателя; изготовление копии фиктивного платежного поручения с подлинными реквизитами банка-плательщика и предъявление его поставщику либо продавцу в качестве основания для отпуска ценностей, присваиваемых после получения.

Уничтожение документов на поступившие материалы, несоставление приемного акта, когда ценности прибыли без сопроводительных документов, могут учинить бухгалтеры организаций, имеющих много поставщиков. При этом они не ведут аналитический учет материалов в пути, их неоприходование не вызывает недостач и указывает на дебиторскую задолженность поставщика, якобы так и не отгрузившего оплаченные материалы. Данная задолженность перекрывается в учете в пользу других поставщиков, которым деньги еще не перечислены. Запущенность учета материалов в пути при больших оборотах сумм проявляется в несвоевременной расшифровке записей аналитического учета по счету 60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками», что не позволяет разграничить суммы дебиторской и кредиторской задолженности на момент отчета по расчетам с поставщиками.

Завышение транспортно-заготовительных расходов по неоприходованным, но оплаченным материалам возможно, когда бухгалтеры для сбалансирования ведут раздельный учет покупной стоимости материалов и транспортно-заготовительных расходов. Они фактическую себестоимость поступивших материалов, включая транспортные расходы, полностью отражают по дебету счета 10 «Материалы» и кредиту 60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками». После этого открывают аналитические счета на каждый вид материалов в денежном выражении по покупной стоимости. Для учета транспортно-заготовительных расходов, связанных с поступлением материалов, открывают еще отдельный аналитический счет. Такой учет также искажает данные о фактической себестоимости продукции в отдельные отчетные периоды вследствие нарушения пропорций при списании в расход производственных запасов и части транспортных расходов.

Составление подложных коммерческих и приемных актов на недостачу, уценку, порчу, бой материалов с отнесением убытков на счет поставщика имеет место быть при приемке материалов и обнаружении их недогруза, несоответствия количества (качества) сопроводительным документам. В этом случае получатель должен вызвать представителя поставщика для участия в приемке груза и составлении коммерческого (приемного) акта. Преступники не уведомляют поставщика, составляют подложный акт, который подписывает «якобы незаинтересованное лицо». Расхождения между фактическим количеством поступивших материалов и данными сопроводительных документов незаконно относят на расчеты по претензиям.

Внесение дописок недостач материалов на складе во вторые экземпляры требований-накладных, лимитно-заборных карт могут совершить кладовщики и представить в бухгалтерию отчеты

с приложением подложных требований-накладных и лимитно-заборных карт. На их основе бухгалтер списывает материалы как отпущенные в производство, поэтому изъятые ценности длительное время не выявляются.

Примечания

1. Танасевич В. Г. Теоретические основы методики расследования преступлений // Методика расследования преступлений. М., 1976. С. 6—8; Яблоков Н. П. Проблема повышения эффективности борьбы с преступностью и методика расследования преступлений // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. 1979. № 5. С. 5.

2. Шаламов М. П. Расследование хищений государственного и общественного имущества. М., 1961. С. 7.

3. Положение по учету материально-производственных запасов ПБУ 5/01: приказ Министерства финансов Российской Федерации от 9 июня 2001 г. № 44н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2001. № 31; Методические указания по бухгалтерскому учету материально-производственных запасов: приказ Министерства финансов Российской Федерации от 28 декабря 2001 г. № 119н // Рос. газ. 2002. 27 февр.

4. Криминалистика: Расследование преступлений в сфере экономики: учебник / под ред. проф. В. Д. Грабовского, проф. А. Ф. Лубина. Н. Новгород, 1995. С. 162—163; Советская криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений / В. К. Лисиченко [и др.]; под ред. В. К. Лисиченко. Киев, 1988. С. 46—47.

5. Такое возможно, например, когда при переоценке материальных запасов в связи со снижением цен материально ответственные лица указывают в инвентаризационной описи большее количество уценяемого имущества, чем его было на момент переоценки. Это влечет завышение суммы уценки, подлежащей списанию с подотчета, и уменьшение суммы учетного остатка, числящегося за материально ответственным лицом. В организациях с суммовым учетом в этих случаях создается суммовой резерв, хотя не было создано излишков этого или другого имущества. Лицо, которому вверено имущество, получает возможность изъять любые ценности на сумму завышения уценки.

6. О бухгалтерском учете: закон Российской Федерации от 21 ноября 1996 г. № 129-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 128. Ст. 5369.

7. Методика расследования, прокурорский надзор и особенности поддержания государственного обвинения по делам о хищениях чужого имущества: учеб. пособие / Н. М. Сологуб [и др.]. СПб., 1997. С. 10—11.

© С. Г. Еремин, А. П. Резван, 2012

* * *

Е. И. Замылин

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ОДНО ИЗ ОСНОВАНИЙ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Меры пресечения составляют особую группу мер процессуальной защиты добросовестного участника уголовного процесса; первопричиной их применения является наличие данных о психическом или физическом насилии (или сведений о подобном намерении) со стороны подозреваемого (обвиняемого) в отношении лица, как следствие содействия расследованию преступления. Применение мер пресечения оказывает соответствующее психологическое воздействие и на иных фигурантов в плане предупреждения с их стороны действий, препятствующих или затрудняющих установление истины по делу, убеждая в неотвратимости принудительных мер в случае нарушения закона и правопорядка.

Ключевые слова: меры уголовно-процессуального принуждения, меры пресечения, обеспечение безопасности, следователь, подозреваемый (обвиняемый), потерпевший, жертва посткриминального воздействия

E. I. Zamylin

IMPLEMENTATION OF THE STATE FUNCTION TO PROVIDE SAFETY FOR CRIMINAL PROCEEDINGS PARTICIPANTS AS ONE OF THE GROUNDS FOR APPLYING MEASURES OF RESTRICTION

Measures of restriction are considered to be a special group of measures of procedural protection of the innocent participant of criminal proceedings. The application of these measures is initially caused by the data about mental or physical violence (or the data about the intention to do it) on the part of the suspect or the accused towards the person as a result of rendering assistance to criminal investigation. The application of measures of restriction exerts a corresponding psychological influence upon other participants in terms of preventing them from actions obstructing the establishment of the truth on the case. It makes it clear that in case of violation of law and order measures of restriction are inevitable.

Keywords: criminal and procedural enforcement measures, measures of restriction, providing safety, investigator, suspect (accused), victim, victim of post-criminal influence.

Выступая гарантом безопасности личности, государство наделяет правоохранительные органы и суд правом реализации комплекса мер уголовного, уголовно-процессуального, административного, уголовно-исполнительного принуждения в отношении лиц, которые ставят под угрозу безопасность добросовестных участников уголовного процесса. Применение мер уголовно-процессуального принуждения в последнее время находит довольно широкое распространение на практике именно как следствие активного противодействия расследованию преступлений. В целом это свидетельствует о расширении круга лиц, участвующих в посткриминальном воздействии, изощренности форм и методов, применяемых ими, а соответственно, о запредельной нагрузке следователей.

Любая принудительная мера в уголовном судопроизводстве предполагает нарушение личной неприкосновенности индивида. Поэтому ограничение прав и свобод граждан со стороны следователя должно быть реализовано строго в рамках действующего законодательства, посредством

применения специальных актов, регламентирующих психическое или физическое воздействие на субъект противодействия в целях подчинения его воли и поведения интересам установления истины по делу. Закон, закрепляя за следователем право применения мер уголовно-процессуального принуждения, обязывает должностное лицо действовать в соответствии с правовыми предписаниями.

Целью применения мер принуждения считается обеспечение устойчивого процессуального порядка, надежного функционирования уголовного судопроизводства [1, с. 31]. Решая проблему обеспечения безопасности добросовестных участников уголовного процесса и их близких, необходимо принимать определенные превентивные меры в отношении лиц, от которых исходит угроза.

Несмотря на то, что «всякий человек свободен, … общество обладает правом лишить его свободы, свобода перестает быть одним из прав гражданина, если он злоупотребляет ею, используя ее во вред своим согражданам» [2, с. 38]. Ограничение неприкосновенности личности одних, совершивших противоправное деяние, создает условия для реализации конституционного принципа неприкосновенности личности других, содействующих уголовному судопроизводству.

Следователь как представитель властных государственных структур может применять ограничения в строго определенных законом случаях, при том, что правонарушитель при реализации в отношении его комплекса принудительных мер обязан претерпеть связанные с этим лишения и ограничения. В результате обеспечения безопасности лиц, содействующих раскрытию и расследованию преступлений, со стороны уполномоченных государством лиц (*в нашем случае — следователя*) происходит вторжение в сферу предусмотренных Основным законом государства (Конституцией) и иными нормативными актами прав и свобод субъекта противодействия расследованию.

Под перечень ограничений можно отнести ограничение свободы, права осуществлять определенную трудовую деятельность, нарушение неприкосновенности жилища, тайны переписки и пр. В результате уголовно-процессуальной деятельности следователя по применению мер принуждения страдает не только физическая, нравственная и психическая целостность, но и индивидуальная свобода субъекта противодействия. Подобные ограничения носят вынужденный характер и направлены на создание условий для успешной реализации назначения уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальным кодексом РФ определен перечень мер принуждения, посредством которых может быть существенно ограничена и личная неприкосновенность: это — задержание, применение мер пресечения, приводы, принудительное производство следственных действий, отобрание подписки, предупреждение об ответственности и т. д. При этом задержание, меры пресечения и приводы являются фактически принудительными; их можно обозначить как меры обязательного принуждения. К мерам возможного принуждения отнесены: производство следственных действий, для которых предусмотрен принудительный порядок осуществления, отобрание подписок, предупреждение об ответственности. Такие ограничительные меры могут нести в себе как принудительные (помимо воли лица), так и добровольные начала [3, с. 16].

Основное назначение мер уголовно-процессуального принуждения — это возможность наступления или фактическое наступление негативных последствий для субъекта как следствие его противодействия расследованию или намерения реализации им противоправных действий в данном направлении; им присущ четко выраженный пресекательный и предупредительный характер. Применяемые в качестве способов воздействия на поведенческие установки участвующих в деле лиц они характеризуются следующим:

1) осуществляются при производстве по уголовному делу и носят процессуальный характер;

2) применяются уполномоченными на то органами государства и должностными лицами в пределах полномочий;

3) применяются к участвующим в уголовном процессе лицам, ненадлежащее поведение которых или возможность такого поведения создает или может создать препятствия для производства по делу;

4) имеют конкретные цели, вытекающие из общих задач уголовного судопроизводства;

5) применяются при наличии предусмотренных законом оснований, условий и в порядке, гарантирующем их законность и обоснованность;

6) имеют особое содержание и характер [4, с. 40; 5, с. 159].

Наиболее полно и ярко уголовно-процессуальное принуждение проявляется в результате применения мер пресечения; сущность этого вида принуждения, как верно подмечено, является «визитной карточкой» цивилизованности государства [6, с. 85]. Исследуемая сфера правоотношений между личностью и государством характеризуется наибольшим проникновением интересов государства в права человека.

Меры пресечения составляют особую группу мер процессуальной защиты добросовестного участника уголовного процесса: первопричиной их применения является наличие достаточных данных относительно угроз (или сведений о подобном намерении) со стороны подозреваемого (обвиняемого) в отношении лица, как следствие его активного содействия установлению обстоятельств по уголовному делу. Исходными данными для принятия решения о применении той или иной меры пресечения являются собранные по делу доказательства, которые отражены в материалах уголовного дела, и иная информация, имеющая непосредственное отношение к противоправному деянию, в совокупности с данными, характеризующими личность субъекта противодействия.

К основным причинам реализации комплекса уголовно-процессуальных мер принудительного характера (*имеем в виду меры пресечения, в своей основе — заключение под стражу*) в отношении субъекта посткриминального воздействия следует отнести:

1) бесполезность мер убеждения (преодоление противодействия расследованию со стороны заинтересованных лиц посредством этого метода исключено);

2) тяжкие последствия посткриминального воздействия (противодействие подпадает под признаки уголовно наказуемого деяния);

3) невозможность установления истины по делу без принятия кардинальных мер в отношении субъекта посткриминального воздействия, в том числе изоляции от общества;

4) ходатайство жертвы посткриминального воздействия.

Касаясь реализации последнего пункта в рамках действующего законодательства, следует заметить, что в литературе не совсем корректно сформулировано предложение о необходимости дополнения УПК РФ в части оснований для избрания меры пресечения обвиняемому. Так, по мнению С. А. Янина, назрела необходимость в интересах обеспечения безопасности потерпевшего учитывать мнение последнего при избрании или отмене меры пресечения [7, с. 119].

Представляется, что если при регламентации оснований отмены меры пресечения данное предложение может быть принято за основу, то указание об учете мнения потерпевшего при избрании меры пресечения не совсем уместно. Законодатель однозначно дает понять: критерием избрания меры пресечения в отношении обвиняемого является наличие достаточных оснований полагать, что последний может угрожать участникам уголовного судопроизводства (п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК). Данное «полагание» формируется, кроме прочего, и с учетом показаний участников уголовного процесса, представляющих сторону обвинения (в том числе потерпевшего), где, безусловно, будет изложено его мнение по данному факту. Думается, что нет необходимости дублировать положение, уже имеющееся в законе.

Придерживаясь позиции о необходимости превентивных действий следователя в каждом случае посткриминального воздействия, следует отметить, что довольно трудно прогнозировать поведение того или иного участника уголовного процесса, особенно на первоначальном этапе расследования, когда практически отсутствует характеризующая его информация. Здесь непреходящее значение имеют сведения, полученные в результате оперативно-разыскной деятельности. Соответственно, анализ собранной по делу информации, независимо от источников ее происхождения, позволяет вырабатывать наиболее вероятную прогностическую модель поведения того или иного лица в конкретной ситуации, складывающейся в процессе расследования.

Поэтому позволим себе не согласиться с позицией Н. В. Бушной, когда она (безусловно, именно в целях выяснения обстоятельств по делу и обеспечения прав личности в ходе расследования) приводит аргументы в пользу того, что при решении вопроса о мере пресечения вывод о вероятном поведении обвиняемого (подозреваемого) должен базироваться на объективно установленных фактах и доказательствах. Однако при этом автор указывает, что за основания для «предположения» берется и прошлая судимость, и наличие преступных связей, и пр. [8] Здесь, по нашему мнению, явная непоследовательность в обосновании занимаемой позиции: наряду с доказательственной базой в процессе выбора той или иной меры пресечения не отбрасывается безоговорочно роль данных, которым присущ субъективный характер.

Оценка возможности наступления тех или иных последствий, предусмотренных основаниями применения мер пресечения, должна проходить и через призму субъективного мнения лица, избравшего меру пресечения [6, с. 97]. В формировании же внутреннего убеждения следователя (его собственного видения проблемы) значительное место занимают практические навыки (опыт следственной работы), его умение критически анализировать информацию, полученную из различных источников, в том числе негласного характера, и т. д.

Поскольку в материалах уголовного дела часто содержится довольно противоречивая информация о личности субъекта посткриминального воздействия, принятие следователем решения о мере процессуального принуждения может быть затруднено. Решение, обоснованное необходимостью предупреждения и нейтрализации посткриминального воздействия, вряд ли будет отвечать интересам расследования без учета оперативной информации, являющейся своеобразным накопителем сведений о личности фигуранта в ходе оперативного сопровождения по делу. Не исключение и случаи, когда оперативная информация в отношении личности субъекта посткриминального воздействия представлена в более широких границах, а степень ее достоверности значительно выше, чем закрепленная процессуально. Именно оперативная информация по делу в сочетании с данными, полученными и закрепленными процессуальным путем, позволяет предвидеть (предполагать) неправомерное воздействие в отношении добросовестных участников процесса, а значит своевременно принимать меры профилактического характера и пресекать факты противодействия расследованию.

В этико-правовом аспекте заслуживает внимания вопрос о том, является ли применение мер пресечения правом или обязанностью следователя. По свидетельству Ю. В. Манаева, в некоторых научных публикациях это трактуется исключительно как право, но ни в коем случае — как обязанность следователя. Однако при наличии определенных обстоятельств по делу указанное право нередко превращается в прямую обязанность, служебный и нравственный долг следователя [9, с. 61].

В самом деле, если лицо, совершившее преступление, оставаясь на свободе, осуществляет противоправную деятельность, в том числе посредством угроз, физического насилия в отношении добросовестных участников уголовного судопроизводства, то одной из первейших обязанностей следователя является изоляция данного подозреваемого (обвиняемого) от общества: избрание в отношении его соответствующей меры пресечения. В противном случае непринятие мер по пресечению и нейтрализации посткриминального воздействия можно рассматривать как серьезное упущение, ставить под сомнение компетентность следователя, его профессиональную пригодность.

Особенность мер пресечения характеризуются тем, что они (в отличие от иных мер уголовно-процессуального принуждения) обладают значительной правоограничительной способностью. Используя их, следователь вторгается в сферу охраняемых законом прав и свобод личности, а значит, должен определять действительную необходимость их избрания. В наибольшей степени это относится к домашнему аресту и заключению под стражу. Так, например, в результате применения домашнего ареста следователь реализует возможность ограничить общение субъекта с определенным кругом лиц (соучастниками, жертвой посткриминального воздействия и пр.), получать

и отправлять корреспонденцию, вести переговоры с использованием любых средств связи и т. д. [10].

В целях предупреждения (пресечения) физического и психического насилия в отношении лиц, содействующих уголовному правосудию, и их близких, по нашему мнению, следует избирать исключительно такую меру пресечения, как заключение под стражу. Заслуживает в этом случае внимания мнение профессора Л. В. Брусницына о том, что «решение об избрании меры пресечения будет своевременным (законным), если избранная мера пресечения предотвратит возможные угрозы участникам уголовного судопроизводства, а не пресечет уже высказываемые, и, тем более, осуществляемые угрозы» [11, с. 23]. Означенное не противоречит требованиям закона (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК): при заключении под стражу субъект посткриминального воздействия лишается возможности непосредственного неправомерного воздействия на участников уголовного судопроизводства и иных лиц.

Применение мер пресечения не ограничивается только «пресечением» неправомерной деятельности определенной категории лиц, оно оказывает и соответствующее психологическое воздействие на иных фигурантов в плане предупреждения с их стороны действий, препятствующих или затрудняющих установление истины по делу, убеждая их в неотвратимости принудительных мер в случае нарушения закона и правопорядка.

Анализ практики середины 80-х гг. прошлого века показал, что наиболее распространенным основанием для избрания мер пресечения в виде заключения под стражу было наличие доказательств о том, что обвиняемый, находясь на свободе, может скрыться от следствия и суда (53,7 %). Реже за основу брались доказательства, указывающие на то, что данная категория участников уголовного судопроизводства пытается воспрепятствовать установлению истины по делу (6,7 %) [12, с. 16]. Проведенное нами изучение уголовных дел, возбужденных и оконченных производством за последние 10 лет, выявило, что почти 19 % постановлений о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу содержали ссылку на наличие достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства… (п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК) [13].

Любая из мер пресечения, избранная в отношении конкретного лица, оказывает определенное воздействие психологического характера на подозреваемого (обвиняемого) и его окружение; по градации воздействия она прямо пропорциональна строгости меры пресечения. Но об их эффективности надо судить не только по тому, насколько они «пресекают» саму возможность неправомерного воздействия в отношении добросовестных участников уголовного процесса, но и по тому, насколько допускаемое при этом стеснение прав и законных интересов фигуранта соразмерно с действительно необходимым их ограничением: «ограничения личной свободы должны быть строго соизмеримы с задачей обеспечения и защиты личной безопасности граждан от возможных посягательств на нее преступных элементов» [14, с. 85].

Права в этом случае Т. Ю. Кобозева, когда рассматривает в качестве цели принуждения не подавление воли фигуранта полностью, «а лишь настолько, насколько это необходимо, чтобы лицо избрало навязываемый вариант поведения. Таким образом, у принуждаемого лица с необходимостью сохраняется известная способность руководить своими действиями» [15, с. 288]. Данной проблеме уделяет внимание в своей монографии и профессор В. М. Быков. Он считает, что принуждения должно быть ровно столько, насколько оно необходимо для обеспечения эффективности производства следственных действий, достижения их целей и своевременного собирания доказательств по делу [16, с. 192].

Обоснованный подход к избранию меры пресечения имеет особую значимость в реализации принципа убеждения, а значит, и воспитательного эффекта, оказывая соответствующее воздействие как на обвиняемого (подозреваемого), так и на иных участников уголовного судопроизводства в положительном плане.

В целях разумного сочетания убеждения и принуждения следователь в ходе расследования по делу должен периодически возвращаться к вопросу изменения строгости меры пресечения. Мы имеем в виду ситуацию, когда встает вопрос об

отмене более строгой меры пресечения и замене ее на более мягкую. Однако надо признать, что ни в одном уголовном деле, среди изученных в процессе сбора эмпирического материала, означенная мера воспитательного характера не встречалась, если не брать в расчет случаи, когда в продлении срока заключения под стражей следователю было отказано или мера пресечения была отменена в порядке надзора.

Примечания

1. Трунов И. Л., Трунова Л. К. Меры пресечения в уголовном процессе: монография. СПб.: Юрид-Центр-Пресс, 2003. С. 356.

2. Гольбах П. А. Избранные произведения: в 2 т. / Институт философии АН СССР / пер. с фр. Т. С. Батищевой, В. О. Полонского; под общ. ред. Х. Н. Момджяна. М.: СЭЛ, 1963. Т. 2.

3. Васильева Е. Г. Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Уфа, 2002.

4. Бушная Н. В. Проблемы применения мер процессуального принуждения в стадии предварительного расследования: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.

5. Микаутадзе С. Р. Основания и цели применения мер процессуального принуждения по УПК РФ // Обеспечение общественной безопасности в Центральном федеральном округе РФ: материалы международ. науч.-практ. конф: в 2 ч. Воронеж: ВИ МВД России, 2007. Ч. 2. С. 159—163.

6. Тарасов А. В. Принуждение и ответственность в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.

7. Янин С. А. Правовые и организационно-тактические проблемы государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, на стадии предварительного расследования: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.

8. Бушная Н. В. Указ. соч. С. 57—58. Примерно такого же мнения придерживаются и иные авторы, когда отстаивают позицию, что сторона обвинения должна представить конкретные доказательства оснований применения меры пресечения. Воронин В. Порядок действий судьи при решении вопроса о заключении под стражу // Рос. юстиция. 2002. № 12. С. 45; Жуковский В. Связан ли судья доводами обвинения при решении вопроса об аресте? // Рос. юстиция. 2003. № 4. С. 43; Орлов Р. В. Применение заключения под стражу в качестве меры пресечения на предварительном расследовании в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. С. 19; Попков А. Ю. Применение меры пресечения в виде заключения обвиняемого под стражу при окончании предварительного расследования на стадии подготовки к судебному заседанию: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2009. С. 14.

9. Манаев Ю. В. Нравственно-правовые аспекты применения мер пресечения в стадии предварительного расследования // Уголовно-процессуальное принуждение и ответственность, их место в решении задач предварительного расследования: сб. науч. тр. Волгоград, 1987. С. 56—62.

10. Однако следует признать, что в настоящее время отсутствуют условия для применения домашнего ареста: закрепив данную меру пресечения в ст. 107 УПК, законодатель поставил перед правоприменителем большое количество процессуальных и прикладных проблем. Так, например, до настоящего времени не созданы специальные органы, которые должны осуществлять надзор за поведением подозреваемого (обвиняемого), и их материально-техническая база; не разработан порядок и способы контроля за соблюдением возложенных на указанных участников уголовного судопроизводства ограничений по общению с определенными лицами, получению и отправлению корреспонденции, ведению переговоров с использованием средств связи и пр. Указанные проблемы влияют на правоприменительную практику и делают домашний арест по-прежнему малоприменяемой мерой пресечения. Об этом см.: Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск, 2003. С. 103—104; Антонов И. А. Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователей. СПб., 2003.

С. 136; Буланова Н. В. Заключение под стражу при предварительном расследовании преступлений. М., 2005. С. 21; Исеев Д. Р. Система мер принуждения и порядок их применения в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Уфа, 2008. С. 20—21; Соловьев И. Проблемные вопросы исполнения домашнего ареста // Милиция. 2010. № 8. С. 4—7.

11. Брусницын Л. В. Меры пресечения — меры безопасности для участников уголовного процесса // Рос. юстиция. 2005. № 6. С. 22—24.

12. Батюк В. Н. Применение следователем мер процессуального принуждения, связанных с лишением свободы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Киев, 1986.

13. По данным О. И. Андреевой, в 23 % ходатайств как поводах к заключению под стражу указывается на возможность угроз со стороны обвиняемого либо на возможность уничтожить доказательства, а также иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Андреева О. И. Решение вопроса об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу: проблема правоприменения // Журнал рос. права. 2005. № 2. С. 74. В результате анализа практики рассмотрения судами ходатайств о заключении под стражу Д. А. Воронов указывает на 42 % случаев обращения органов предварительного следствия, которые были связаны с необходимостью обеспечения безопасности личности. Воронов Д. А. Меры уголовно-процессуального принуждения как средства обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 4.

14. Петрухин И. Л. Человек как социально-правовая ценность // Гос-во и право. 1999. № 10. С. 60—86.

15. Кобозева Т. Ю. Категория «принуждение» в уголовном праве России // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. «Право». Воронеж, 2008. № 1. С. 279—289.

16. Быков В. М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: монография. Казань, 2008.

© Е. И. Замылин, 2012

* * *

А. А. Закатов, Е. И. Замылин

ЗАВЕДОМО НЕДОСТОВЕРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С НЕЮ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС)

Человечество с древнейших времен волновали вопросы соотношения правды и лжи, их оценки. Ложные сведения, содержащиеся в показаниях лиц, вовлеченных в уголовный процесс, дезорганизуют работу органов следствия и суда, препятствуют осуществлению правосудия, могут привести к серьезным нарушениям законности.

Ключевые слова: допрос, показания, правда, ложь, уголовное судопроизводство, следствие, суд.

A. A. Zakatov, E. I. Zamylin

INTENTIONALLY UNRELIABLE INFORMATION IN THE COURSE OF INVESTIGATION AND PROBLEMS OF STRUGGLING AGAINST IT (HISTORICAL INSIGHT)

Since ancient times the mankind has been concerned with the issues of correlation between truth and falsehood and their evaluation. False data contained in the evidence of persons involved in the criminal procedure

can disorganize the court and investigative bodies' activities, hinder the delivery of justice, and lead to serious infringement of legality.

Keywords: questioning, evidence, falsehood, criminal proceedings, investigation, court.

Значение борьбы с ложью в уголовном судопроизводстве трудно переоценить. Ложные сведения, содержащиеся в показаниях лиц, вовлеченных в процесс раскрытия и расследования уголовно наказуемого деяния, дезорганизуют работу органов следствия и суда, препятствуют осуществлению правосудия, могут привести к серьезным нарушениям законности.

Человечество с древнейших времен волновали вопросы соотношения правды и лжи, их оценки; уже на самых ранних этапах развития общества и государства уделялось пристальное внимание проблемам борьбы с ложью. Лжецы подвергались осмеянию и наказанию. Ими пренебрегали, их презирали. Борьба с ложью велась в основном на трех уровнях:

— государственном (общинном);

— религиозном;

— семейно-бытовом.

Уважение к существующим законам, необходимость быть честным, правдивым прививали с детства с давних пор. Так, в Древнем Риме дети до 14 лет учили наизусть Законы XII таблиц [1]. В дошедшей до нас «Присяге гражданина Херсонеса» (III в. до н. э.) была приведена клятва, где гражданин Херсонеса брал на себя обязательства не замышлять никакого несправедливого дела против кого-либо из граждан, не дозволять этого другим, не утаивать и доводить о противоправных поступках до сведения суда, «подавать голос по законам» [2].

В древнем обществе еще не существовало специальной процессуальной процедуры получения показаний. Особое значение там приобретало установление правдивости сообщаемых сведений в случаях возникновения конфликтов между людьми, а также при разрешении различного рода споров. При этом действовали правила, отдававшие предпочтение свидетельству лица в зависимости от его социальной принадлежности, состоятельности и рода занятий.

В литературных источниках древности встречаются также правила оценки правдивости свидетельских показаний, основывающиеся на внешних признаках психической деятельности человека. Так, в индийском комментарии к законам Ману (V в. до н. э.) указывается: «Те, которые переступают с одного места на другое, облизывают языком углы рта, лицо которых покрывается потом и меняется в цвете, которые отвечают медленно, голосом дрожащим и обрывающимся, шевелят губами и не отвечают ни голосом, ни взглядом, и которые непроизвольно проявляют подобные изменения в деятельности духа, тела и голоса, те подозреваются в лживости жалобы или свидетельства» [3].

В странах Древнего Востока проблемам установления истины уделялось внимание не только со стороны лиц, осуществляющих правоприменительный процесс, но и ученых того времени. К чести последних можно констатировать определенные достижения их в области психологии. Известно, что выдающийся мыслитель Востока Ибн-Сина (Авиценна) (980—1037 гг.) занимался исследованием человеческих эмоций, и в частности аффектов, используя при этом метод, основанный на психодиагностике. По мнению М. Г. Ярошевского, им были применены первые в истории методы известного психологии ассоциативного эксперимента, принцип которого положен в основу создания современных «детекторов лжи» [4, с. 87].

С развитием государственности уделяется внимание исследованию доказательств, под которыми, в свою очередь, понимаются признание обвиняемого, свидетельские показания и присяга. Одним из средств «разоблачения лжи» становится пытка; вначале она применялась только к рабам. Позднее пытать стали и свободных граждан.

Начало второго тысячелетия новой эры для стран Восточной и Западной Европы характеризуется формированием обвинительной формы уголовного процесса. В соответствии с феодальным обычаем разбирательство дела происходит посредством выслушивания сторон, представляю-

щих доказательства. Однако, если по прежним правилам каждый человек должен был судиться «судом равных», в XII—XIII вв. простолюдина судил уже суд сеньора и его вассалов или даже назначаемый ими судья (бальи). Здесь уже классовость в правосудии была резко выражена. Если ранее основным доказательством в процессе был поединок и стороны должны были быть одинаково вооружены (например, палкой и щитом), в рассматриваемое время сеньоры дрались на поединке в полном вооружении, а их подданные — по старым правилам. Принцип равенства в вооружении соблюдался лишь для случаев, когда господина (рыцаря) обвиняли в низком, позорном поступке [5].

Судебные споры в случае непризнания обвиняемым своей вины и разрешение их в поединке были присущи Киевской Руси и Московскому государству [6]. А правдивость или ложность показаний определялась с помощью ордалий (церковных испытаний). Последнее, несмотря на решающее для исхода дела признание ответчика (обвиняемого), являлось важным и распространенным способом установления «истины».

В X—XII вв. ордалии широко применялись как в светских, так и в церковных судах. «Церковь знала ордалии… «святым причастием», унцией хлеба (или сыра), при съедании которых виновный должен был подавиться, и крестом» [7, с. 29—30, 49]. Наиболее широко применялись испытания «на правдивость» холодной или кипящей водой, а также раскаленным железом.

Испытание холодной водой производилось в специальном бассейне или реке. Человека связывали в согнутом положении и опускали в воду. Считалось, что если он солгал, то будет выброшен из воды, а невиновный опуститься до дна. При ордалии посредством кипящей воды испытуемый после принятия в церкви присяги, скрепляемой подписью, опускал руку в горячую воду. После этого руку заворачивали в полотно, которое опечатывалось. Спустя три дня рука публично осматривалась; если она оказывалась неповрежденной — дело считалось выигранным. Аналогично происходило испытание раскаленным железом, когда тот, правдивость которого проверялась, брал в правую руку раскаленный кусок железа, который обязан был пронести определенное количество шагов.

Несмотря на нелепость подобных опытов выводы, построенные на них, признавались неопровержимыми, а проигравшая сторона нередко расплачивалась жизнью. Ордалии были официально отменены папой Иннокентием III лишь в начале XIII вв., однако в светских судах они нередко применялись и в дальнейшем.

Использование ордалий не исключало применения к допрашиваемым пыток. Более того, в эпоху средневековья пытка, которая часто сочеталась с ордалиями, признавалась таким же естественным источником доказательств, как допросы свидетелей, очные ставки и пр. Безусловно, говорить о подобных методах как о средствах получения правдивых показаний нельзя. Нередко пыткам подвергались люди невиновные, которые, не выдержав мучений, ложно оговаривали себя или других в совершении преступлений.

Подобная практика складывалась в эпоху средневековья — период преследования еретиков духовенством. Под жестокими пытками оговаривали себя в колдовстве многие тысячи людей, преимущественно женщины. Помимо исторических хроник есть документальное свидетельство: «Молот ведьм», опубликованное инквизиторами Германии в конце XV в., где, в числе прочего, подробно описывается порядок допросов и изощренные способы пыток, которым необходимо было подвергать «заподозренных» инквизицией в связях с дьяволом [8].

В средние века как средство предупреждения ложных показаний и борьбы с ними, помимо пыток, применялась так называемая «очистительная присяга». Она давалась в том случае, когда нет никаких улик, ни иных средств оправдания, после увещеваний в церкви, при колокольном звоне и стечении народа.

При осуществлении правосудия особое внимание уделялось гарантиям получения правдивых сведений. Так, во Франции в многочисленных королевских указах (ордонансах) нередко встречаются правила, регламентирующие порядок получения показаний. В частности, это вменение судьям в обязанность предупреждать каждого, обвиняющего кого-либо в убийстве, о том, что ес-

ли обвинение не подтвердиться, он будет подвергнут наказанию, установленному для убийц. Кроме того, регламентирован был допрос с применением пытки; она производится в присутствии секретаря, заносящего в протокол имена присутствующих, порядок применения пытки, ее возобновление, если оно имело место, количество воды, даваемой допрашиваемому во время пыток, вопросы, задаваемые обвиняемому, и ответы на них, изменил ли он свои показания и т. д. Здесь же отмечалось, что на второй день после допроса под пыткой обвиняемый должен быть вновь допрошен, но не в том месте, где производилась пытка; это считалось нечто вроде проверки показаний. Указ запрещал повторное применение пытки без появления новых улик

Эдикт Франциска I (1539 г.) окончательно завершил развитие системы королевского разыскного процесса во Франции, пришедшего на смену процессу обвинительному. Уголовный процесс делился на «ординарный» и «экстраординарный». Обязательным условием последнего было широкое применение жестоких пыток к обвиняемому; это распространялось на рецидивистов и разных преступников, объединенных в шайки. Однако нередко мучительные пытки к обвиняемому, не признавшему себя виновным, применялись и в ординарном процессе [5].

К середине XVI в. в целом закончилось формирование теории легальных доказательств разыскного процесса. Большое внимание уделялось получению доброкачественных свидетельских показаний. Не признаются в качестве свидетелей дети до 14 лет, безумные, глухонемые от рождения и «бесчестные люди». К последним относятся лица, ранее судимые, ведущие аморальный образ жизни и занимающиеся «бесчестной» профессией. Недостаточно полноценными (вызывающими сомнение в их правдивости) считались показания женщин (церковный суд, в отличие от светского, вообще не допускал женщин к свидетельству, слуг, дающих показания в отношении своих господ, и родственников — в отношении своих близких, соучастников преступления — в отношении друг друга. Правда, применительно к государственным преступлениям показания всех лицу принимались к сведению судом.

Теория легальных доказательств считала достаточными уликами совершение обвиняемым преступления не менее двух свидетельских показаний. Официально не придавалось значение высказыванию допрашиваемым догадок, мнений, предположений. Наличие в показаниях существенных противоречий расценивалось как признак лживости. Если показания взаимно опровергали друг друга, они отбрасывались.

Самым ценным доказательством виновности обвиняемого по-прежнему считалось признание им своей вины. Эффективным средством получения признания продолжали оставаться пытки.

Развитие разыскного процесса в России имело мало отличий от его становления в странах Западной Европы. Судебник 1550 г. [9] и Соборное Уложение 1649 г. [10] также уделяют большое внимание свидетельским показаниям. Придается значение производству «повальных обысков», то есть массовому допросу свидетелей из числа окружения обвиняемого. Для получения показаний от обвиняемого применяются «расспросы», очные ставки, пытки.

Признание обвиняемым своей вины также признается основным доказательством его виновности. Указание об этом содержится в «Воинском уставе» Петра I (1716 г.). Приложение к Уставу — «Краткое изображение процессов» содержит описание «расспроса с пристрастием», то есть допроса с применением пыток. Устав ввел в явном виде формальную силу доказательств, определяя набор необходимых для доказательства свидетельств и доказательную силу каждого из них. Особой жестокостью отличается раздел о пытках («будеже все преступники в равном явятся подозрении, и между оными отец с сыном или муж с женою найдется, тогда сына или жену наперед к пытке привесть»). Тем не менее Устав пытался ограничить их и учитывал, что под пытками невинный человек может оклеветать себя или других. От пыток освобождены были дворяне, чиновники, старики, дети, беременные женщины (за исключением государственных дел и убийств) [11].

По мере развития разыскного процесса наряду со все более широким применением пыток складываются и определенные зачатки исследования доказательств. Обращаясь к столь отдаленным

временам, мы находим прообразы выполнения действий, которые лишь в современности оформились как следственные и стали важными источниками получения доказательств.

Официально пытка как средство получения признания обвиняемого была отменена в России в 1801 г. [12], однако как метод полицейского допроса она и в дальнейшем использовалась достаточно широко. В практике разыскного процесса, даже отказавшись формально от пыток физических, широко использовали не менее изощренные моральные пытки. Позитивный процесс становления науки психологии нашел свое проявление в судопроизводстве в негативной форме. Известный дореволюционный юрист-защитник Л. Е. Владимиров, выступавший в громких процессах прошлого века, писал в тот период: «Устраивали потрясающие обстановки, вводили подозреваемого или обвиняемого в слабо освещенную комнату, где лежал труп убитого, и у трупа торжественно увещали обвиняемого сказать правду, рассчитывая на то, что потрясенный виновник выдаст себя…» [13, с. 261].

Уже в то время значительное внимание уделялось признакам поведения допрашиваемого (жестам, мимике, интонациям голоса и т. д.). Практиковалось даже составление специального протокола о «держимости и жестах подсудимого».

«Устав уголовного судопроизводства», принятый в результате судебной реформы 1864 г., отменил в России теорию формальных доказательств и знаменовал собой переход к буржуазной форме суда. По сравнению с прежним тайным разыскным процессом, считавшим основным доказательством признание обвиняемого, нередко полученное экстраординарными методами, она явилась прогрессивным явлением, хотя и отражала интересы господствующего класса [14].

Проблемам установления правдивости в показаниях допрашиваемых лиц уделяли внимание в разных странах многие ученые различных отраслей знаний. В частности, проблемой определения достоверности и вероятности в показаниях занимались, помимо юристов и психологов, представители философии, точных и естественных наук. Известны последователи так называемого математического метода оценки степени вероятности в уголовном судопроизводстве. К ним относятся такие видные ученые XVII — XVII вв., как Т. Гоббс, Бернулли, Паскаль, Лейбниц и др.

Французский математик и астроном Лаплас в своем труде «Опыт философии теории вероятностей» в начале XIX в. писал, что «элементы вероятности того, что данное показание отвечает действительности, слагаются: 1) из вероятности самого события, о котором повествует свидетель, и 2) из четырех гипотез в отношении высказывающегося: свидетель не ошибается и не лжет; свидетель не лжет, но ошибается; свидетель не ошибается, но лжет; свидетель и лжет и ошибается» [15]. Однако взгляды ученого, являясь проявлением механического материализма, не могли решить проблемы установления достоверности показаний и были подвергнуты справедливой критике еще современниками.

В России в XIX в. попытку использовать теорию вероятностей для разграничения правды и лжи в показаниях предпринял проф. В. Я. Буяновский, обосновывая положение, согласно которому «вероятность справедливости согласного свидетельства возрастает с числом свидетелей». По его мнению, если 4 свидетеля при общей правдивости их показаний, равной 2/3, утверждают, что событие было, но без учета того, что оно действительно было, вероятность справедливости свидетельских показаний будет составлять 16/17, то есть 16 против 1, что событие было. Но автор сам же критически отнесся к своим выводам. Он писал: «…вопрос о правдоподобии свидетельств вообще останется навсегда нерешенным… При бесконечных оттенках сердца человеческого, страстей, тайных побуждений, можно разгадать его вполне и потом оценить с точностью меру доверия к свидетельству?» [16].

Стремительное развитие естественных и технических наук на рубеже XIX—XX вв., достижения которых стали применяться в процессе раскрытия и расследования преступлений, предопределило в юридической литературе довольно скептические высказывания в отношении свидетельских показаний и пренебрежение их значимостью в ходе выяснения обстоятельств по делу. Этому способствовали многочисленные опыты «психоаналитиков», демонстрировавшие не всегда высокую на-

дежность свидетельских показаний. В этот период в ущерб доказательственной ценности свидетельских показаний происходило «возвеличивание» вещественных доказательств, так называемых «немых свидетелей», которые якобы со временем смогут окончательно вытеснить из уголовного судопроизводства источники доказательств, «наделенные даром речи».

Свою точку зрения в отношении этого в свое время высказывал А. Гельвиг: «Следы на месте преступления имеют гораздо большее значение в деле уличения преступника, чем сообщения свидетелей, так как они дают меньше оснований к заблуждениям» [17, с. 23]. «Абсолютную ненадежность» свидетельских показаний в первой половине прошлого века отстаивали в своих работах и такие видные зарубежные криминалисты и психологи, как В. Корфе, Г. Берт, Э. Зеелиг, М. Хаутс, Э. Кренинг, Ф. Луваж и др., отдавая предпочтение вещественным доказательствам [18].

В ходе экспериментов и исследований, проводимых с участием отдельных субъектов уголовного судопроизводства, как правило, свидетелей, был сделан вывод о том, что в их показаниях могут быть непроизвольные ошибки, которые связаны с искажениями при восприятии или передаче информации о наблюдаемых событиях. В результате показания участников процесса были отнесены к категории «ненадежных», так как «слово человеческое и действительность лишь в редких случаях совпадают между собой» [19, с. 259].

В данном случае шла градация ценностного значения источников информации не в пользу показаний очевидцев преступления. «Научно» это объяснялось отрицательными качествами человеческой природы, тем, что по психобиологической сущности человек якобы не способен давать объективную информацию, а по своей нравственной сущности способен на ложь. В уголовно-процессуальной науке и криминалистике теория свидетельских показаний как далеко не совершенного и потому не заслуживающего доверия способа установления истины подвергнута обоснованной критике [20, с. 165].

Такие участники уголовного процесса, как свидетель и потерпевший, создаются самими обстоятельствами дела, среди источников доказательств их показания занимают достойное место, поскольку базируются на личном восприятии. В силу этого данная категория лиц при отправлении уголовного судопроизводства незаменима. Выделяя важную роль свидетельских показаний, А. В. Скопинский отметил: «Свидетели — альфа и омега уголовного процесса» [21, с. 165].

Повсеместно показания свидетелей и потерпевших играют важную роль в раскрытии и расследовании преступлений, в изобличении лиц, виновных в совершении уголовно наказуемых деяний. Борьба с ложью в их показаниях, разоблачение подобной линии поведения требует от должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, значительного опыта и внимания; выявление лжи в показаниях фигуранта и изобличение его в этом отчасти решает задачу по выяснению обстоятельств совершения преступления. Следователь, усвоивший разработки судебной психологии, владеющий тактическими приемами допроса, всегда в состоянии получить от допрашиваемого достоверные показания, правильно оценить ошибки и неточности восприятия и изобличить лицо, дающее ложные показания.

Список библиографических ссылок

1 Законы XII Таблиц [Электронный ресурс]. URL: http://allstude.ru /Istoriya/ Zakony_XII_tablic.html (дата обращения: 10.02.2012).

2. Присяга граждан Херсонеса [Электронный ресурс] / перевод с древнегреческого В. В. Латышева; комментарий Э. И. Соломоник. URL: http://www.chersonesos.org/?p=museum_coll_ep3 (дата обращения: 10.02.2012).

3. Законы Ману [Электронный ресурс]. URL: http://www.slavya.ru/trad/vedic/manu/manu.htm (дата обращения: 14.02.2012).

4. Ярошевский М. Г. История психологии: от античности до середины XX в.: учеб.пособие. М., 1996.

5. Французская форма уголовного процесса [Электронный ресурс]. URL: http://best-sledovatel.ru/tipologiya-ugolovnogo-sudoproizvodstva/5362-francuzskaya-forma-ugolovnogo-processa.html (дата обращения: 11.02.2012).

6. «Русская правда» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

7. Чельцов-Бебутов М. А. Положение личности в уголовном процессе: происхождение и развитие розыскного процесса по Франции. М., 1948.

8. Шпренгер Я., Крамер Г. Молот ведьм [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/HRISTIAN/INKWIZICIQ/hexenham.txt (дата обращения: 14.02.2012).

9. Судебник 1550 г. (Судебник Ивана IV) [Электронный ресурс] URL: http://history.tom.ru/docs/137-sudebnik-1550-g.-sudebnik-ivana-iv.html (дата обращения: 15.02.2012).

10. Соборное Уложение 1649 г [Электронный ресурс]. URL: http://stepanov01.narod.ru/history/lect06_8.htm (дата обращения: 15.02.2012).

11. Военный устав 1716 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.adjudant.ru/regulations/1716-01.htm (дата обращения: 14.02.2012).

12. Покровская А. Ю. История телесных наказаний в русском уголовном праве. 2004 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.allpravo.ru/library /doc101p/instrum3941/item3942.html (дата обращения: 14.02.2012).

13. Владимиров В. Л. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000.

14. Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/ust_ ugprav.php (дата обращения: 14.02.2012).

15. Брусиловский А. Е. Судебно-психологическая экспертиза. Киев, 1929. С. 22—23.

16. Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., 1973. С. 205—207.

17. Гельвиг А. Современная криминалистика. Методы расследования преступлений. М., 1925.

18. Corphe F. La ckritigue du temoignage. Paris, 1927; Burt H. Applid Psychology. New Jork. 1948; Seelig E. Schuld, Luge, Sexualitet. Stuttgart, 1955; Houts M. Fran Evidenke to Proof. Spingfoeld, 1956; Kronig E.Die Kunst der Beweiserhebung.Hamburg, 1959; Louwage F. Psychologie und Kriminalitat. Hamburg, 1960.

19. Холчев И. Восприятие и действительность // Проблемы психологии. Ложь и свидетельские показания. М., 1902. Вып. 1. С. 248—263.

20. Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание: монография. Воронеж, 1995.

21. Скопинский А. В. Свидетели по уголовным делам: пособие для практиков. М., 1911.

© А. А. Закатов, Е. И. Замылин, 2012

* * *

М. С. Колосович

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ ПРОКУРОРА

В статье анализируется новый повод возбуждения уголовного дела — постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Обосновывается закономерность его появления как результата прокурорской проверки в случае выявления признаков совершенного преступления.

Ключевые слова: прокурорская проверка, функции и полномочия прокурора, поводы возбуждения уголовного дела.

M. S. Kolosovich

THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE BY THE PROSECUTOR'S ORDER

The author analyzes the new reason for initiating a criminal case that is the prosecutor's order to forward the corresponding materials to the preliminary investigation body for solving the problem of criminal prosecution. The regularity of its occurrence as a result of the prosecutor's inspection in case of finding out the specific features of the committed crime is grounded.

Keywords: prosecutor's inspection, prosecutor's functions and powers, reasons for initiating a criminal case.

Новый повод для возбуждения уголовного дела — постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании появился в связи со вступлением в действие Федерального закона от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ [1]. По мнению некоторых ученых [2], данный повод создал много неразрешенных вопросов, что неминуемо приведет к оправдыванию нарушений законности в этом важном виде деятельности.

По мнению других авторов [3], такая важная процессуальная фигура по обеспечению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, как прокурор, значительно ущемлена в своих полномочиях, и внесенные в УПК РФ [4] изменения существенно ситуацию не поправят, т. к. они не влияют на своевременность его реагирования на выявленные им факты нарушений уголовного законодательства, а такой многоступенчатый, опосредованный путь реагирования прокурора на обнаружение признаков преступления неэффективен.

Между тем, обращаясь к истории вопроса о функциях и полномочиях отечественного института прокурора, необходимо вспомнить, что изначально процессуальная функция обвинения, осуществляемая в уголовном процессе в форме уголовного преследования, не всегда принадлежала прокуратуре, которая первоначально была учреждена как орган надзора за государственными учреждениями. Постепенно прокурорский надзор распространился и на сферу уголовного судопроизводства. Судебная реформа 1864 г. закрепила за прокуратурой функцию обвинения, осуществляемую ею в досудебном производстве и в суде. В 1924 г. прокуратура опять получила данные полномочия, которые реализовывает и в настоящее время.

В соответствии с УПК РФ и Федеральным законом «О прокуратуре РФ» [5], в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления за-

конности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства прокуратура наделена беспрецедентными полномочиями фактически во всех сферах деятельности общества.

Статья 10 ФЗ «О прокуратуре РФ» обязывает прокурора не только рассмотреть, но и разрешить заявления, жалобы и иные обращения, содержащие сведения о нарушении законов. Таким образом, полномочия прокурора не ограничиваются только получением и регистрацией заявления (сообщения) о допущенных правонарушениях.

Для разрешения полученных заявлений, жалоб и иных обращений прокурор наделяется следующими полномочиями (ст. 22 ФЗ «О прокуратуре РФ»):

— по предъявлении служебного удостоверения беспрепятственно входить на территории и в помещения органов, действующих на территории Российской Федерации [6], иметь доступ к их документам и материалам, проверять исполнение законов в связи с поступившей в органы прокуратуры информацией о фактах нарушения закона;

— требовать от руководителей и других должностных лиц указанных органов представления необходимых документов, материалов, статистических и иных сведений; выделения специалистов для выяснения возникших вопросов; проведения проверок по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям, ревизий деятельности подконтрольных или подведомственных им организаций;

— вызывать должностных лиц и граждан для объяснений по поводу нарушений законов.

Кроме того, должностные лица вышеуказанных органов обязаны приступить к выполнению требований прокурора или его заместителя о проведении проверок и ревизий незамедлительно. Требования прокурора, вытекающие из его полномочий, подлежат безусловному исполнению в установленный срок.

В соответствии с п. 5.1 Приказа Генпрокуратуры РФ от 17.12.2007 г. № 200 [7] обращения граждан, военнослужащих и членов их семей, должностных и иных лиц в органы прокуратуры РФ разрешаются в течение 30 дней со дня их регистрации, а не требующие дополнительного изучения и проверки — не позднее 15.

При осуществлении возложенных на него функций прокурор (ст. 27 ФЗ «О прокуратуре РФ»):

— рассматривает и проверяет заявления, жалобы и иные сообщения о нарушении прав и свобод человека и гражданина;

— разъясняет пострадавшим порядок защиты их прав и свобод;

— принимает меры по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, и возмещению причиненного ущерба;

— использует полномочия, предусмотренные ст. 22 комментируемого Федерального закона.

На основании вышеизложенного следует вывод о том, что в соответствии с нормами, регламентирующими деятельность прокурора при поступления заявления о допущенном правонарушении, порядок его регистрации, сроки его проверки, а также деятельность по проверке поступившего заявления (производство ревизий, получение объяснений и др.) во многом схожи с деятельностью следователя по проверке полученного сообщения о совершенном преступлении, а полномочия прокурора в данном случае практически аналогичны полномочиям следователя в уголовном судопроизводстве (кроме права производства следственных действий и возбуждения уголовного дела).

Более того, при наличии оснований полагать, что нарушение прав и свобод человека и гражданина имеет характер преступления, прокурор принимает меры к тому, чтобы лица, его совершившие, были подвергнуты уголовному преследованию в соответствии с законом. Однако эта норма отсылает нас к ст. 20 УПК РФ, которая не содержит четкой регламентации деятельности прокурора при выявлении им нарушений уголовного закона.

По мнению опрошенных автором следователей и руководителей следственного органа системы МВД РФ [8], собранные прокурором в ходе проведенной проверки материалы можно направлять не путем вынесения соответствующего постановления, а составлением рапорта, по содержанию аналогичного рапорту сотрудника органа дознания, выявившего признаки совершенного преступления.

Эту точку зрения поддерживает и аргументирует в своих работах А. П. Рыжаков [2], по мнению

которого новые изменения скорее создали проблемы для правоприменителей, чем разрешили уже существующие. Исходя из содержания абз. 1 п. 16 Инструкции (Приказ МВД РФ от 04.05.2010 г. № 333 — *М. К.*) о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, по мнению Министерства внутренних дел РФ, — самостоятельной разновидностью «информации», подлежащей регистрации в дежурных частях органов внутренних дел в книге учета сообщений о происшествиях (КУСП), является поручение прокурора о проведении проверки по сообщению о преступлении, распространенному в средствах массовой информации. В то же время о необходимости регистрации постановлений прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании здесь ничего не сказано.

В этой связи у А. П. Рыжакова возникает вопрос: если законодатель выделил в качестве самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела постановление о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, почему он не сделал того же с поручением прокурора о проведении проверки по сообщению о преступлении, распространенному в средствах массовой информации? По его мнению, принципиальных отличий в данных документах нет, а значит, постановление нельзя считать разновидностью сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученного из иных источников (п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК), а поручение можно.

По мнению автора, представляется, что деятельность прокурора по проверке сообщения о преступлении, распространенного в средствах массовой информации и при выявлении в ходе прокурорской проверки, имеет существенные отличия.

В соответствии с ч. 2 ст. 144 УПК РФ по сообщению о преступлении, распространенному в средствах массовой информации, проверку проводит по поручению прокурора орган дознания, а также по поручению руководителя следственного органа следователь. Редакция, главный редактор соответствующего средства массовой информации обязаны передать по требованию прокурора, следователя или органа дознания имеющиеся в распоряжении соответствующего средства массовой информации документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении, а также данные о лице, предоставившем указанную информацию, за исключением случаев, когда это лицо поставило условие о сохранении в тайне источника информации.

Статья 41 Закона «О средствах массовой информации» [9] содержит аналогичное правило, при этом запрещает разглашать в распространяемых сообщениях и материалах сведения, прямо или косвенно указывающие на личность несовершеннолетнего, совершившего преступление либо подозреваемого в его совершении без согласия самого несовершеннолетнего и его законного представителя, а также не вправе разглашать сведения, прямо или косвенно указывающие на личность несовершеннолетнего, признанного потерпевшим, без согласия самого несовершеннолетнего и (или) его законного представителя.

По сути, оба закона не содержат нормы, обязывающей правоохранительные органы отслеживать сообщения в средствах массовой информации. Данный пробел частично восполнен приказом Генпрокуратуры РФ № 341 [10], в соответствии с п. 4 которого прокуроры субъектов Российской Федерации и приравненные к ним прокуроры специализированных прокуратур обязаны ежедневно осуществлять мониторинг ведущих средств массовой информации субъекта Российской Федерации в целях анализа состояния законности и возможного принятия мер прокурорского реагирования. О принятых мерах прокурорского реагирования они должны оперативно информировать управление взаимодействия со средствами массовой информации.

Пункт 5 того же приказа требует ежедневно осуществлять мониторинг ведущих федеральных средств массовой информации, а также основных интернет-сайтов в целях оперативного информирования руководства Генеральной прокуратуры Российской Федерации о нарушениях законности, чрезвычайных происшествиях и иных наиболее значимых событиях. При этом необходимо обра-

щать особое внимание на информацию о нарушениях прав и свобод граждан, нарушениях, допущенных при расследовании уголовных дел, иных нарушениях законности. Следует незамедлительно передавать такие материалы в соответствующие подразделения Генеральной прокуратуры Российской Федерации для организации проверки изложенных сведений.

Таким образом, деятельность прокурора в указанных случаях сводится лишь к ежедневному мониторингу материалов прессы и направлению поручений органу дознания о необходимости проведения проверок в случае выявления сообщений соответствующего содержания.

Только в случае подтверждения опубликованной информации, при наличии признаков совершения преступления и отсутствии оснований для отказа дознаватель принимает решение о возбуждении уголовного дела. При указанных обстоятельствах прокурор не получает объяснения, не проводит ревизии, не направляет запросы, не проводит следственные действия и т. д.

Выявление же признаков совершения преступления в ходе проведения проверки непосредственно прокурором обязывает его принять соответствующее решение (ст. 27 ФЗ «О прокуратуре РФ»). При этом прокурор не наделен правом решения вопроса о возбуждении уголовного дела и производства следственных действий. Свои выводы по результатам проведенной проверки прокурор оформляет следующими актами прокурорского реагирования: протест прокурора, представление прокурора, постановление прокурора и предостережение о недопустимости нарушения закона (ст. 23, 24, 25 и 25.1 соответственно ФЗ «О прокуратуре РФ»).

Как мы видим, полномочием на составление рапорта об обнаружении признаков состава преступления прокурор не наделяется и постановление — единственный из указанных актов документ, вынесение которого возможно при выявлении признаков совершения преступления.

В этой связи интересны выводы, сделанные И. С. Дикаревым [11]. Проанализировав ведомственные приказы, инструкции и указания Генпрокуратуры РФ, он пришел к выводу, что прокуроры **обязаны** (выделено автором — *М. К.*) выносить мотивированные постановления о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства при наличии следующих оснований:

— в случаях непосредственного обнаружения признаков преступления в ходе проверок исполнения законов и служебных проверок [12];

— в связи с выявлением преступлений в ходе проведения общенадзорных проверок [13];

— при установлении в ходе служебных расследований или проверок в действиях прокурорских работников признаков преступления [14];

— в связи с выявлением фактов фальсификации материалов доследственных проверок [15];

— для решения вопроса об уголовном преследовании лиц, причастных к безвестному исчезновению человека или к совершению иных противоправных действий в отношении потерпевшего, в случаях, когда в ходе проверки законности заведения дел оперативного учета, полноты и достаточности мер, принятых к розыску пропавшего без вести лица, в материалах дела оперативного учета или в материалах предварительной проверки по сообщению о безвестном исчезновении человека обнаруживаются данные, содержащие признаки преступления в отношении исчезнувшего лица [16], и т. д.

Продолжая анализ действующего законодательства, И. С. Дикарев отмечает, что в период, когда УПК РФ предусматривал только три повода для возбуждения уголовного дела (заявление о преступлении; явку с повинной и сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников), для органов предварительного расследования направляемое прокурором в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ постановление являлось не более чем «сообщением о преступлении, полученным из иных источников».

В связи с этим при получении такого постановления следователь, дознаватель были обязаны в соответствии с правилами, предусмотренными ст. 143 УПК РФ, составлять рапорты об обнаружении признаков преступления. В п. 1. 6 Указания Генпрокуратуры РФ и Следственного комитета при прокуратуре РФ от 16 декабря 2008 г. № 272/49/5/206

сказано: «По поступившему в следственный орган постановлению прокурора о направлении материалов в следственный орган для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства, вынесенному на основании п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, в обязательном порядке составлять рапорт об обнаружении признаков преступления, регистрировать его в установленном порядке и проводить процессуальную проверку в соответствии со ст. 144—145 УПК РФ» [17].

Вместе с тем по обоснованному мнению И. С. Дикарева очевидно, что постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства — не ординарное сообщение о преступлении. Данный процессуальный документ не нуждается в дополнительном оформлении (путем составления рапорта), в связи с чем может и должен использоваться в качестве полноценного повода для возбуждения уголовного дела.

Однако нельзя согласиться с другим выводом И. С. Дикарева: «…возбуждение уголовного дела при получении соответствующего постановления прокурора должно осуществляться на практике автоматически без проведения предварительной проверки» [11]. Аргументирует он свою позицию тем, что в соответствии с п. 2.3 Указания Генпрокуратуры РФ и Следственного комитета при прокуратуре РФ от 16 декабря 2008 г. № 272/ 49/5/206 рассматриваемое постановление может выноситься прокурором только при сборе материалов, достаточных для формирования вывода о допущенных нарушениях уголовного законодательства. Он полагает, что такие материалы, приложенные к постановлению, будут содержать достаточные основания для вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

Тем не менее следует отметить, что в ходе проведенного автором ранее указанного опроса респонденты отметили, что, несмотря на требования закона, прокуроры направляют в адрес следственных подразделений в качестве материалов проверки вместе с постановлением о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании лишь заявление гражданина или руководителя организации о совершенном в отношении них противоправном деянии. Ответственность же за законность возбуждения уголовного дела полностью возлагается на должностное лицо, принявшее это решение. Кроме того, часто наличие признаков совершения преступления выявляется только путем производства следственных действий (осмотр места происшествия, осмотр трупа и освидетельствование), что осуществлять прокурор не вправе.

Разрешение противоречий (в том числе и вышеуказанных), по мнению некоторых ученых [18], возможно путем возвращения прокурору права возбуждения уголовного дела. Выявляя в ходе проверки признаки совершенного преступления, прокурор теперь не может немедленно возбудить уголовное дело и направить его для расследования, а вынужден направить материалы в следственный орган. Такое положение дел, по их мнению, препятствует реализации назначения уголовного судопроизводства, изложенного в ст. 6 УПК РФ.

По мнению же И. С. Дикарева, лишение прокурора права возбуждать уголовное дело является логическим продолжением осуществляемой судебной реформы, следствием которой стало постепенное, но твердое устранение прокурора от выполнения обязанностей, непосредственно связанных с осуществлением уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного процесса [11, с. 267—268].

Между тем в реализации рассматриваемых изменений возникают трудности иного характера. Проведенный автором опрос следователей и руководителей следственного органа выявил следующие проблемы. По мнению 11 %, т. е. 24 опрошенных, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании воспринимается как указание к обязательному возбуждению уголовного дела. Еще 15 %, т. е. 32 опрошенных, заявили, что в своих решениях они процессуально самостоятельны, однако вынуждены будут возбудить

уголовное дело, чтобы в будущем не «портить» отношения с прокурором, осуществляющим надзор за его деятельностью. Оставшееся количество следователей и их руководителей (74 %, т. е. 159 человек) заявили о том, что примут решение о возбуждении уголовного дела только при наличии оснований для этого.

Опрошенные следователи и руководители следственных органов ОВД Челябинской области указали на то, что в их адрес, вопреки действующему законодательству прокурор направляет вместе с материалами проверки **требование** о возбуждении уголовного дела.

Указанные цифры (а это 26 % респондентов) вызывают серьезное беспокойство относительно реализации прав и законных интересов граждан в связи с вынужденностью возбуждения уголовного дела. Будем надеяться, что выявленные проблемы реализации нового повода для возбуждения уголовного дела временны и к серьезным нарушениям прав и законных интересов граждан не приведут.

Примечания

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия: федер. закон от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 16.

2. Рыжаков А. П. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия: комментарий к ст. 20 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы « КонсультантПлюс».

3. Исламова Э. Р., Чубыкин А. В. Реализация полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2011. № 4. С. 28—29.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

5. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 (ред. от 07.02.2011 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

6. В соответствии с п. 1 ст. 21 комментируемого закона к ним относятся: федеральные министерства, государственные комитеты, службы и иные федеральные органы исполнительной власти, представительные (законодательные) и исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, органы военного управления, органы контроля, их должностные лица, субъекты осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лиц, находящихся в местах принудительного содержания, а также органы управления и руководители коммерческих и некоммерческих организаций.

7. О введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе прокуратуры Российской Федерации: приказ Генпрокуратуры РФ от 17.12.2007 г. № 200 (ред. от 31.05.2011) // Законность. 2008. № 4.

8. Всего опрошено 215 указанных участников уголовного судопроизводства, работающих в республиках Ингушетия, Марий Эл, Калмыкия, Чеченская; областях: Волгоградская, Воронежская, Московская, Нижегородская, Омская, Смоленская, Самарская, Тверская, Тамбовская, Челябинская; городах Москва и Санкт-Петербург и др.).

9. О средствах массовой информации: федер. закон РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 (ред. от 09.02.2009 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

10. О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации: приказ Генпрокуратуры РФ от 23.10.2009 г. № 341 // Законность. 2010. № 1.

11. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела: монография / И. В. Блинова-Сычкарь [и др.]; под ред. И. С. Дикарева. Волгоград, 2011. С. 88.

12. О порядке учета и рассмотрения в органах прокуратуры Российской Федерации сообщений о преступлениях: приказ Генпрокуратуры РФ от 27.12.2007 г. № 212 // Законность. 2008. № 3. С. 54.

13. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: приказ Генпрокуратуры РФ от 07.12.2007 г. № 195 // Законность. 2008. № 3. С. 54.

14. О проведении проверок (служебных расследований) в отношении прокурорских работников органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации: приказ Генпрокуратуры РФ от 18.04.2008 г. № 70 (ред. от 15.01.2010 г.) // Законность. 2008. № 6.

15. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: приказ Генпрокуратуры РФ от 06.09.2007 г. № 137 (ред. от 28.12.2007 г.) // Законность. 2007. № 11; Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генпрокуратуры РФ от 06.09.2007 № 136 // Законность. 2007. № 11. Документ утратил силу в связи с изданием Приказа Генпрокуратуры РФ от 02.06.2011 г. № 162 (примеч. автора — *М. К.*).

16. Об утверждении инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением граждан: приказ Генпрокуратуры РФ № 70, МВД РФ № 122 от 27.02.2010 г. // Законность. 2010. № 5.

17. Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации от 16 декабря 2008 г. № 272/49/5/206 // Вестник Следственного комитета при прокуратуре РФ. 2009. № 1 (3). С. 113.

18. Балакшин В. Возбуждение уголовного дела прокурором // Законность. 2008. № 8. С. 22; Кругликов А. Роль прокурора в уголовном судопроизводстве // Законность. 2008. № 8. С. 26—27; Хлопушин С. Применение УПК после внесения изменений // Законность. 2008. № 4. С. 10—11.

© М. С. Колосович, 2012

* * *

М. С. Колосович, А. П. Резван, А. А. Закатов

О НЕОБХОДИМОСТИ ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОВОДОВ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье анализируется действующее законодательство, регламентирующее порядок принятия электронной формы заявления о преступлении; анализируются результаты проведенного опроса следователей, руководителей следственных органов, начальников подразделений дознания; недостаточная правовая регламентация порядка направления и получения электронной формы заявления о преступлении.

Ключевые слова: поводы возбуждения уголовного дела, интернет-сообщения, электронная форма заявления, сообщения о совершенном преступлении.

M. S. Kolosovich, A. P. Rezvan, A. A. Zakatov

ABOUT THE NECESSITY TO FURTHER IMPROVE LEGAL REGULATION OF REASONS FOR INITIATING A CRIMINAL CASE

The authors analyze the current legislation regulating the order of receiving an electronic form of report of a crime. The article focuses on the results of the enquiry conducted with investigators, chiefs of investigative bodies and inquest agencies. The insufficient legal regulation of the order of forwarding and receiving an electronic form of report of a crime is revealed.

Keywords: reasons for initiating a criminal case, Internet messages, electronic form of report and notification of the committed crime.

В соответствии со ст. 140 УПК РФ определяющим условием законности возбуждения уголовного дела считается наличие поводов и оснований для этого. С появлением повода для возбуждения уголовного дела у органа дознания, дознавателя, следователя возникает обязанность по принятию, регистрации и проверке поступившей информации о преступлении, а при наличии оснований решение вопроса о возбуждении уголовного дела (ст. 140—145 УПК РФ).

Поводами к возбуждению уголовного дела, согласно ст. 140 УПК РФ, могут быть: 1) заявление о преступлении; 2) явка с повинной; 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников; 4) постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Данный перечень исчерпывающий и расширительному толкованию не подлежит.

Заявление может быть подано гражданином, руководителем организации, должностным лицом в устном или в письменном виде. Устное заявление заносится в протокол принятия устного заявления о преступлении или в протокол следственного или судебного действия, в ходе которого было сделано заявление. Заявитель в обязательном порядке предупреждается об ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ (ст. 141 УПК РФ).

Заявление должно содержать в себе данные о личности заявителя, а также документы, удостоверяющие личность заявителя; сообщение о преступлении. Поступающие заявления и сообщения вне зависимости от места и времени совершения происшествий, а также полноты содержащихся в них сведений и формы представления круглосуточно принимаются в любом органе внутренних дел. Заявление может быть сделано непосредственно в компетентный орган (должностному лицу) или по почте.

Однако в связи с последними изменениями уголовно-процессуального законодательства устная и письменная форма сообщения о совершенном преступлении стали не единственными. Появление новых законов или внесение изменений в ранее действующие стимулирует граждан к более активному общению с правоохранительными органами. Так, Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ [1] предусматривает использование новых информационных систем, а Федеральный закон «О полиции» [2] — применение электронной формы приема и регистрации документов (ч. 2 ст. 11).

Возможности дистанционного взаимодействия граждан с правоохранительными органами были также реализованы приказом МВД РФ от 04.05.2010 г. № 333 [3]. В соответствии с ним поступающие сообщения о происшествиях вне зависимости от места и времени его совершения, а также полноты содержащихся в нем сведений и формы представления круглосуточно принимаются в любом органе внутренних дел.

Сообщение о происшествии может поступать в орган внутренних дел лично от заявителя, на-

рочным, по почте, по телефону, телеграфу, информационным системам общего пользования, факсимильным или иным видом связи.

Для приема сообщений о происшествии в электронной форме [3], поступивших по информационным системам общего пользования, применяется программное обеспечение, предусматривающее обязательное заполнение заявителем реквизитов, необходимых для работы с сообщениями о происшествиях.

Интернет-сообщение распечатывается, дальнейшая работа с ним ведется как с письменным сообщением в порядке, установленном комментируемым приказом. Если сообщение о происшествиях поступило в подразделения делопроизводства и режима органов внутренних дел, оно регистрируются по правилам делопроизводства и направляется начальником органа внутренних дел в дежурную часть для незамедлительной регистрации в Книге учета сообщений о происшествиях.

К сожалению, предусмотренная процедура получения и регистрации поступившего интернет-сообщения недостаточно совершенна. Например, возникает вопрос относительно требования законодателя о собственноручной подписи заявителя, а также предупреждения заявителя об уголовной ответственности за заведомо ложный донос (в порядке ст. 306 УК РФ).

Несмотря на неизбежность технического прогресса и очевидные перспективы интернет-сообщения данные формы встречаются крайне редко. В соответствии с проведенным авторами опросом следователей, руководителей следственных органов, начальников подразделений дознания в количестве 215 человек [5] ими было названо только три случая получения интернет-сообщения и все на территории г. Москва.

По мнению практически всех опрошенных участников уголовного судопроизводства (а это 99 %) [6] интернет-сообщение излишне и не перспективно. Аргументируя свою позицию, они отметили, что интернет-сообщение не может конкурировать с устными и письменными формами заявлений в связи с тем, что новая форма не позволяет вникнуть в суть дела и его детали. Также возникает вопрос о возможности привлечения лица к уголовной ответственности в случае его ложности.

Как недостаток отмечалась и формальность интернет-сообщений. К сожалению, они не содержали необходимые сведения о признаках преступления и лицах, их совершивших, при этом содержали ненужную информацию или излишнюю детализацию. Приходилось проводить дополнительную, порой в несколько раз объемнее работу по розыску заявителей в целях уточнения предоставленных ими данных, а в итоге все равно было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления.

При этом руководителями следственных органов отмечалось, что интернет-сообщения весьма долго «продвигались» по структуре МВД РФ, т. к. изначально они поступили на официальный сайт ОВД субъекта федерации, и лишь затем по вертикали спустились в районное подразделение. Такой путь был продолжителен по времени, что не способствовало срокам его рассмотрения и незамедлительности реагирования.

Раскрывая несостоятельность интернет-сообщения, руководители следственных органов и следователи обратили внимание и на тот факт, что во время непосредственной работы с заявителем выясняется нужный объем информации, а при необходимости тут же и закрепляется. Кроме того, опыт следственной работы часто может помочь выявить лиц, страдающих забывчивостью, склонных к беспредметному сутяжничеству и т. д.

Так, 12 июля 2011 г. в дежурную часть отдела полиции «Северный» УМВД России по г. Чита Забайкальского края поступило заявление от гр. И., 1941 г. рождения, о том, что на нее около отделения «Сбербанка России» с применением опасного для ее здоровья насилия было совершено нападение и похищена принадлежащая ей пенсия в размере 8 тыс. руб., т. е. совершено тяжкое преступление, предусмотренное ст. 162 УК РФ — разбой. Преступники с похищенным скрылись.

По поступившему заявлению сотрудниками ОВД были осуществлены мероприятия по установлению примет указанных лиц и их места нахождения, разосланы ориентировки и т. д. Однако следователь, принявший заявление, обратив вни-

мание на преклонный возраст заявительницы, усомнился в достоверности полученных данных. В этой связи им одновременно была проведена работа по установлению и опросу родственников пострадавшей.

В ходе беседы с гр. С., дочерью заявительницы, было установлено, что гр. И., в связи с преклонным возрастом, страдает забывчивостью и часто путает жизненные события с сериальными или телевизионными. Принадлежащую же ей пенсию не могли похитить в связи с тем, что она ее получила за два дня до заявленного нападения. Когда гр. И. были оглашены показания ее дочери, она вспомнила изложенные факты и их подтвердила.

Отмеченные причины, безусловно, существенны и можно принять их за основу, если проигнорировать приказ МВД РФ от 22.09.2006 г. № 750 [7], в соответствии с п. 19 которого делопроизводитель обязан все поступившие в подразделение системы МВД России письменные обращения зарегистрировать, а в соответствии с п. 47 обращение, поступившее в подразделение системы МВД России в соответствии с его компетенцией, подлежит обязательному рассмотрению [8].

Полученное письмо направляется в подразделение МВД РФ в соответствии с правилами подследственности и там проверяется. О результатах проведенной проверки (которая ведется в течение 7 дней) заявитель обязательно уведомляется. Проверка по обращению не проводится только, если оно признано анонимным, некорректным по содержанию или изложению, а также многократным, то есть содержащим вопрос, на который автору неоднократно давались письменные ответы по существу в связи с ранее направляемыми обращениями и в котором не приводятся новые доводы или обстоятельства (п. 49. 4 комментируемой Инструкции).

Таким образом, названные причины неперспективности интернет-сообщения можно смело отнести и к письменной форме заявления, направленного по почте и другим средствам связи. Между тем о необходимости существования письменной формы заявления вопросов у опрошенных правоприменителей не возникло.

На основании вышеизложенного авторы считают необходимым внести в ст. 141 УПК РФ дополнения, предусматривающие не только третью — электронную форму заявления или сообщения о преступлении. Также было бы целесообразно дополнить приказ МВД РФ от 04.05.2010 г. № 333 пунктами, регламентирующими не только порядок получения и регистрации Интернет-сообщения, но и содержние приложения с бланком этого сообщения.

По нашему мнению, в электронной форме заявления о преступлении должны содержаться: дата формирования заявления; сведения о заявителе; паспортные данные физического лица; номер контактного телефона, фамилия, имя, отчество заявителя; индекс, код региона, субъект РФ, город, район, улица, дом, корпус, квартира. Если юридическое лицо: наименование организации; ИНН организации, КПП, ОГРН; индекс, код региона, субъект РФ, город, район, улица, дом, корпус, номер телефона юридического лица; сведения о должностном лице организации (фамилия, имя, отчество), направившем заявление.

Примечания

1. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федер. закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 06.04.2011 г.) (принят ГД ФС РФ 07.07.2010 г.) // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

2. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ (принят ГД ФС РФ 28.01.2011 г.) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 11.

3. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях: приказ МВД РФ от 04.05.2010 г. № 333 (ред. от 17.05.2011 г.) // Рос. газ. 2010. № 138.

4. Далее — интернет-сообщение.

5. Опрошенные лица являются действующими сотрудниками ОВД из: республик Ингушетия, Марий Эл, Калмыкия, Чеченская; областей: Волгоградская, Воронежская, Московская, Нижегородская, Омская, Смоленская, Самарская, Тверская, Тамбовская; городов Москва и Санкт-Петербург и др.).

6. Оставшийся процент опрошенных сотрудников ОВД затруднились ответить на поставленный вопрос о целесообразности интернет-сообщения.

7. Об утверждении Инструкции по работе с обращениями граждан в системе МВД России: приказ МВД РФ от 22.09.2006 г. № 750 (ред. от 27.08.2010 г.) // Рос. газ. 2006. № 263.

8. Практически аналогичное требование содержится и в п. 7 Приказа МВД РФ от 04.05.2010 г. № 333: «Поступающие сообщения о происшествиях вне зависимости от места и времени совершения происшествий, а также полноты содержащихся в них сведений и формы представления круглосуточно принимаются в любом органе внутренних дел».

© М. С. Колосович, А. П. Резван, А. А. Закатов, 2012

* * *

С. М. Колотушкин

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ, ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЕМ НЕФТИ ПРИ ЕЕ ТРАНСПОРТИРОВКЕ ВОДНЫМ ТРАНСПОРТОМ

В статье рассмотрены способы хищения нефти при ее транспортировке водным транспортом. Танкер одновременно является как объектом, на котором совершается кража, так и местом хранения похищенных нефтепродуктов. Существующая система учета объемов загрузки и выгрузки нефтепродуктов в нефтеналивные суда провоцирует их хищение, так как допускает значительные погрешности на естественные потери под воздействием температуры окружающей среды, солнечной активности, штормовых условий и т. п.

Ключевые слова: преступление, кража, нефтепродукты, транспортировка, транзит, морские порты, танкеры.

S. M. Kolotushkin

PROBLEMS OF PREVENTION, DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO OIL STEALING DURING ITS TRANSPORTATION BY WATER

The article concentrates on the ways of oil stealing during its transportation by water. The oil tanker is an object where the stealing is being committed and at the same time a storage location of the stolen oil products. The existing system of accounting of loading and unloading of oil products into oil carriers provokes their stealing as there can be significant miscalculations in natural losses under the influence of environment temperature, solar activity, storm conditions, etc.

Keywords: crime, stealing, oil products, transportation, transit, sea ports, oil tankers.

В последние годы хищение нефти и нефтепродуктов характеризуется ростом объема похищенной нефти, обширной географией подобной преступной деятельности и разнообразием способов

совершения подобных преступлений. Спрос и цена на нефть как внутри страны, так и за ее пределами обусловливают перспективу роста количества преступлений в данной сфере. Хищение нефти и нефтепродуктов становится все более привлекательным и криминально-рентабельным видом преступной деятельности.

Проведенный анализ статистических данных корпорации «Транснефть» показывает, что в наибольших объемах похищается нефть из трубопроводов, на втором месте хищения при перевозке танкерами, далее при транспортировке железнодорожным транспортом и на последнем — из нефтехранилищ. При этом важно выделить некоторые особенности распределения объемов похищенных нефтепродуктов в зависимости от их видов и способов ее транспортировки. Сырая нефть похищается в основном из магистральных нефтепроводов в целях дальнейшего ее использования для переработки на подпольных минизаводах. Это объясняется значительными объемами переработки сырья, что обеспечивает рентабельность подпольных заводов.

Такие нефтепродукты, как топливо (бензин, керосин, дизельное топливо и мазут) и масла, чаще похищаются из танкеров и подвижного железнодорожного транспорта. Объемы похищенных нефтепродуктов значительно меньше, чем сырой нефти, однако стоимость их сопоставима с непереработанной нефтью.

На рис. 1 представлена диаграмма распределения объемов похищенных нефтепродуктов и сырой нефти в зависимости от видов ее транспортировки и хранения. Диаграмма свидетельствует о значительных объемах хищений сырой нефти из магистральных нефтепроводов, а готовых нефтепродуктов — при транспортировке танкерами.

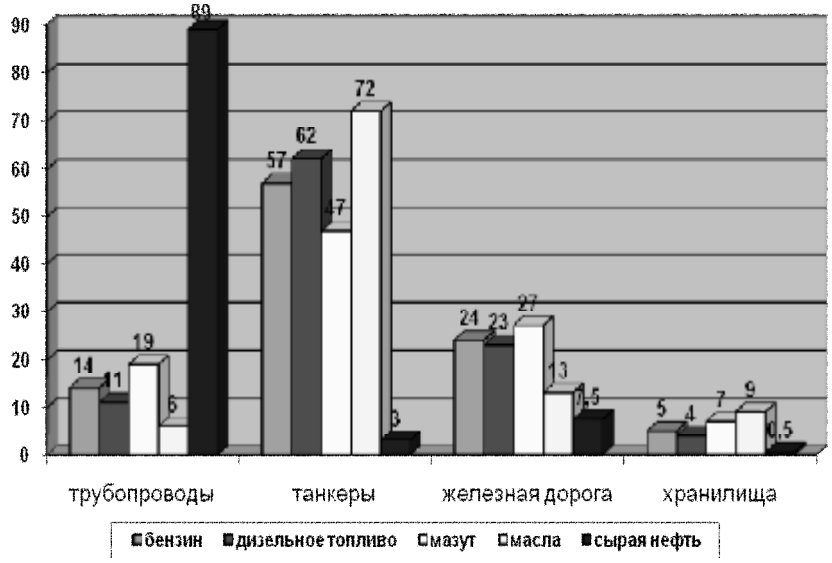

Рис. 1. Диаграмма распределения объемов (в процентах) похищенных нефтепродуктов и сырой нефти в зависимости от видов ее транспортировки и хранения

Проведенный нами анализ показал, что систему транзита нефти и нефтепродуктов через морские порты можно разделить на три элемента:

1. Береговой комплекс хранения и транспортировки нефти к нефтеналивным терминалам.

2. Системы подачи нефти в танкеры и забора при их разгрузке.

3. Нефтеналивные суда (танкеры, рудовозы, баржи).

Каждый из трех представленных элементов имеет собственную многозвенную систему, включающую различные устройства, агрегаты и оборудование, которое обеспечивает бесперебойный технологический цикл транспортировки нефти и нефтепродуктов через морской (речной) порт. В представлен-

ной статье дана оценка уязвимости определенных технологических операций (циклов) в отношении возможности хищения нефти. Проведенный анализ уголовных дел, результатов оперативной работы, а также экспертный опрос бывших сотрудников, связанных со сферой транзита нефти через морские порты (пенсионеры и ветераны нефтяной отрасли порта, бывшие капитаны и состав команды танкеров, инженерно-технический состав нефтяных терминалов порта, специалистов по контролю качества нефтепродуктов), показал наиболее уязвимые в отношении возможности совершения краж элементы технологического процесса транспортировки нефти через морские порты.

К таким элементам относятся:

— хранилища нефти и учет находящихся в них продуктов;

— трубопроводы, проложенные под землей, на возможность установки в них врезок;

— система подачи нефти в танкеры и учет объемов отгрузки;

— танкеры с системой учета получения и отгрузки нефти и нефтепродуктов.

Рассматривая проблемы предупреждения, выявления и расследования преступлений, связанных с хищением нефти при ее транспортировке и транзите через морские порты, мы полагаем, что ключевым вопросом данного исследования являются особенности технологического процесса (рис. 2).

Рис. 2. Структура способов хищения нефти и нефтепродуктов
в зависимости от этапов их транспортировки через морские порты

Их изучение в совокупности с данными анализа практики совершения краж нефти и нефтепродуктов дает почву для разработки контрмер, а также обоснование для организации деятельности по предупреждению исследуемой преступной деятельности. Мы предлагаем данный вопрос про-

анализировать в системе отдельных элементов, которые составляют технологический процесс транспортировки нефти через морской порт. Динамика этого процесса имеет, по нашему мнению, четырехступенчатую структуру.

Первая ступень — это поступление по магистральным трубопроводам нефти или нефтепродуктов в портовые хранилища. В отдельных случаях при расположении нефтеперерабатывающих заводов вблизи портов нефтепродукты поступают по трубопроводам в хранилища по эстакадным линиям (рис. 3). Длина таких трубопроводов может составлять от нескольких до десятков километров. На этом пути могут быть устроены врезки, особенно на тех участках, где трубы проложены под землей. Так, в июле 2009 г. была обнаружена врезка на повороте трубопровода на нефтяном терминале Новороссийского порта. Один из участков пакета труб проходит под автомобильной дорогой, по обочинам которой имеются лесопосадки [1].

Рис. 3. Эстакадная линия от хранилища к нефтеналивному терминалу

Подземный лаз был отрыт со стороны лесопосадки длиной 26 м и глубиной от 1 до 1,5 м. По лазу была проложена труба диаметром 38 мм и с помощью врезки соединена с эстакадным трубопроводом диаметром 320 мм, по которой из хранилища поступал в танкеры бензин (рис. 4, 5). В период с 2003 по 2008 гг. на участке узловой базы хранения нефти и нефтепродуктов — порт Новороссийск (длиной 22 км) было обнаружено 14 врезок.

Хищения непосредственно из нефтехранилищ — явление редкое, так как сами резервуары являются хорошо охраняемыми объектами, находятся постоянно под видеонаблюдением и охранной сигнализацией. В то же время хищения могут происходить путем отпуска нефтепродуктов в объемах, отличающихся от данных, оформленных в документах. При сливе нефтепродуктов непосредственно из нефтехранилищ используется следующая схема преступных действий. Она связана с технологией хранения нефтепродуктов, в которой учитываются потери, прежде всего, на испарение легких фракций топлива — бензина и керосина.

Рис. 4. Место лаза для врезки на участке портового терминала

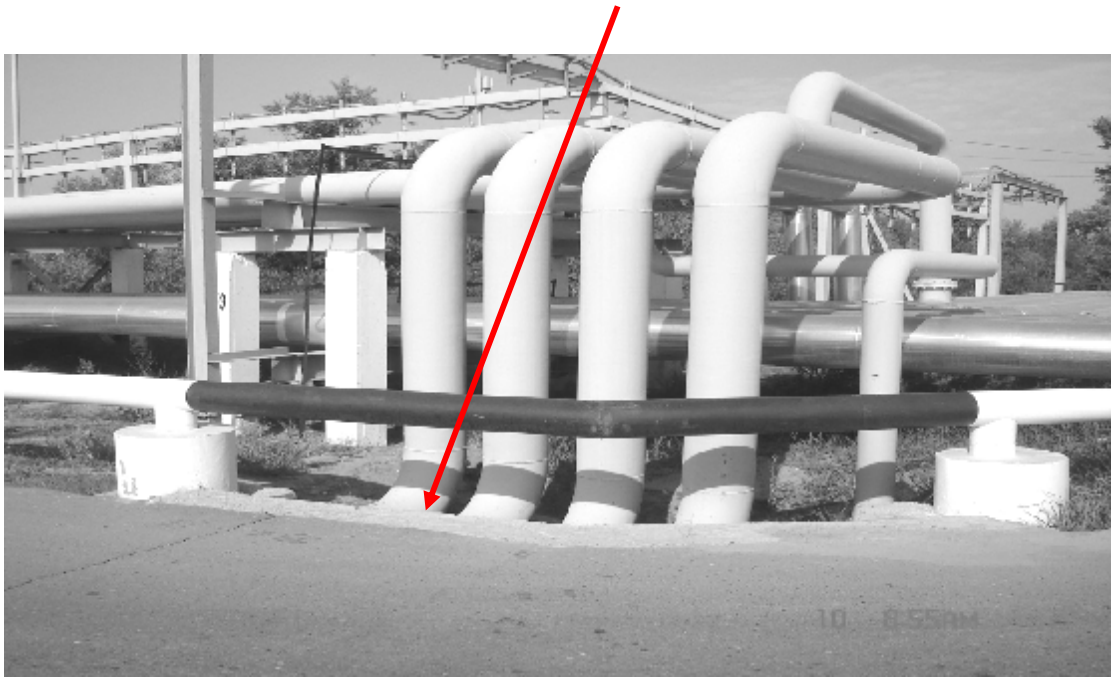

Рис. 5. Место врезки на участке дорожного полотна от нефтехранилища «Грушовая»
к нефтеналивному терминалу порта Новороссийск

В соответствие с ГОСТ 2744-99 потери на испарение этих нефтепродуктов при их перекачке и хранении составляют 0,1—0,15 % в год от общего объема продукта, прошедшего через резервуар. Не вдаваясь в особенности технологии учета потерь на испарение в зависимости от условий хранения, температуры окружающей среды, суточных перепадов температуры и других факторов [2], практика оборота бензина на нефтебазах сводится к оформлению документов по каждой операции транзита. При этом излишки и недостатки нефтепродуктов переносят в накопительную ведомость. На основании данных итоговой накопительной ведомости за месяц оприходуются излишки и списываются недостачи. Недостача в пределах норм естественной убыли списывается за счет издержек нефтебазы, а сверх норм естественной убыли относится на виновных лиц.

Схема хищения нефтепродуктов из хранилищ построена на том, что при больших оборотах топлива (1,5—2,7 млн т бензина различных марок в год проходит транзитом через терминал Новороссийского порта) расчетная и естественная убыль может составлять разницу в тысячи тонн продукта. Так 0,1 % от объема в 1 млн т составляет 1 тыс. тонн, теневая прибыль от реализации такого излишка составит до 12 млн рублей. Излишки нефти не оприходуются в полном объеме, а отгружаются по поддельным документам или сверх заявленного объема в танкеры.

Вторая ступень — это отгрузка нефтепродуктов непосредственно в танкеры (рис. 6).

Проведенный нами анализ позволил выделить четыре ситуации, создающие условия для хищения нефти и нефтепродуктов (схема на рис. 2):

1 — использование различных калибровочных данных об объемах танков в танкере;

2 — учет плотности и температуры нефтепродукта при его загрузке (выгрузке);

3 — разбавление нефтепродукта подсланевыми водами;

4 — погрешности в измерительной аппаратуре при отгрузке нефти и нефтепродуктов.

Рис. 6. Загрузка нефтью танкера по типу «река-море»

Третья ступень. Похищенная с танкера нефть может быть отгружена еще до прихода в порт назначения, т. е. во время рейса. Опыт членов команды танкера позволяет заранее рассчитать объем нефтепродукта, который вписывается в указанные выше погрешности на естественные потери. На танкере имеется оборудование для откачки нефтепродуктов — насосы, рукава, изме-

рительные приборы. Отгрузка нефти может быть осуществлена на другое судно в нейтральных водах в темное время суток. Слив нефти также может быть осуществлен на берег при плановом заходе танкера для заправки топливом, водой, ремонта и т. п. При движении танкеров проекта «река — море» разгрузка части нефти может быть осуществлена на одном из причалов реки, водоема.

Таким образом, танкер обладает свойствами латентности, которые используются на всех этапах хищения, хранения и реализации нефтепродуктов. На судне танкерного типа может одновременно храниться легальная и похищенная нефть. В отдельных ситуациях, когда на танкере находится только похищенная нефть, ее обнаружение затруднено в силу скрытности емкостей за счет перераспределения их назначения для различных судовых регламентов (емкости для хранения топлива для силовой установки, для пресной воды, подсланевые воды и т. п.).

Проведем анализ причин и условий значительных объемов хищения готовых нефтепродуктов при их транспортировке танкерами из морских (речных) портов.

1. Использование различных градуировочных данных об объемах танков в танкере. Нефтеналивное судно состоит из жесткого металлического каркаса, к которому крепят металлическую обшивку: снаружи — корпус судна, а изнутри — танк судна, куда заливают нефть или нефтепродукт. Корпус судна делится продольными и поперечными непроницаемыми перегородками на ряд отсеков, называемых танками, в которые наливают нефтепродукты. Наличие танков обеспечивает непотопляемость судна, уменьшает гидравлические удары при качке, увеличивает пожарную безопасность, улучшает условия эксплуатации. Объем одного танка составляет от 600 до 1 500 м^3 в зависимости от грузоподъемности судна.

В каждом нефтеналивном судне имеется журнал таблиц градуировки каждой емкости конкретного танкера. Изготовление таких емкостей производится вне серийного производства. Для каждого проекта танкера имеется определенная система танков, которые влияют при транспортировке нефти на плавучесть, устойчивость и управляемость судна. В ходе эксплуатации судна под влиянием штормов, колебаний груза, жестких швартовок, старения материалов и пр. происходит его динамическая и статическая деформация.

Можно сказать, что в результате индивидуального изготовления и срока службы каждый танк имеет индивидуальный объем. Танкерные резервуары (танки) градуируют в соответствии с ГОСТ и требованиями нормативно-технических документов. Порядок проведения градуировок, составления и утверждения градуировочных таблиц, а также периодичность поверки повторных градуировок регламентируются Правилами и Инструкциями по учету нефти и нефтепродуктов. Погрешность градуировки должна соответствовать указанной в стандартах.

Практика расследования преступлений, связанных с хищением нефтепродуктов при их транспортировке танкерами, показала, что на танкере может находиться два журнала градуировки танков. Один журнал для погрузки, другой — для выгрузки. Разница в данных градуировок танков позволяет накапливать на судне образовавшиеся излишки. Такие излишки могут быть значительными; так, допустимая недостача в 0,1 % от объема, например в 50 000 т составляет 50 т. Стоимость высокооктанового бензина в таком объеме может составить около 1 млн рублей.

По ГОСТ 2517-99 погрешность градуировки резервуаров в зависимости от объема составляет не более:

± 0,2 % для резервуаров объемом 100—300 м^3;

± 0,15 % для резервуаров объемом 4 000 м^3;

± 0,1 % для резервуаров объемом 5 000—50 000 м^3.

Объем продукта в емкостях хранения транспорта определяют через измерение уровня с помощью градуировочных таблиц. Уровень продукта измеряют уровнемерами, рулетками и метроштоками [3].

2. Учет плотности и температуры нефтепродукта при его загрузке (выгрузке). Объем транспортируемой нефти или нефтепродукта зависит от их температуры. Изменение температуры вызывает изменение объема продукта. Так как учет отгруженной нефти осуществляется по замеру объемов танков на танкерах, то влияние температуры продукта учитывается при его замере. От-

дельные виды нефтепродуктов подогреваются специально для снижения их вязкости и создания условий их пропуска по трубопроводам. К таким продуктам относятся гудрон, смолы, битум, отдельные виды масел.

Разность температуры нефтепродукта при загрузке танкера и его выгрузке может внести значительную разницу в учетные данные об объеме продукта. В ходе отгрузки замеры температуры на выходной горловине насоса производятся не реже одного раза в час. В соответствие с ГОСТ 23182-98 допустимые погрешности на температурные поправки при замере объемов нефти и нефтепродуктов для различных их видов и сортов составляют от 0,08 до 0,15 % от объема отгрузки. При значительных объемах перевозимой нефти подобные погрешности позволяют создавать запасы неучтенного объема нефтепродуктов до нескольких десятков тонн.

3. Разбавление нефтепродукта подсланевыми водами. В каждом судне в нижней части днища имеются емкости для сбора так называемых подсланевых вод (слово слань означает пол перед днищем). Под сланью скапливаются различные жидкости, утечки которых неизбежны — топливо силовой установки судна, моторное масло, различные смазочные материалы вспомогательных агрегатов — лебедок, кранов, насосов и другого оборудования. При проектировании любого судна предусмотрено, чтобы подобные жидкости скапливались в самом нижнем уровне судна и не попадали за борт, неся экологическое загрязнение окружающей среды.

С определенной периодичностью подсланевые воды откачиваются в специальные береговые емкости для их последующей утилизации. Объем подсланевых вод может измеряться тоннами. Одним из способов хищения нефтепродуктов является добавление подсланевых вод в перевозимые нефтепродукты взамен похищенных. По мнению специалистов, при добавлении в любой нефтепродукт добавок менее 0,1 % (т. е. в соотношении 1:1000) от объема перевозимого груза провести экспертизу качества продукта на наличие примесей практически невозможно.

Так, в 2006 г. с танкера «Капитан Снегуж» было отгружено на нефтеналивную баржу ННБС № 237, принадлежащую тресту «Черноморгидрострой», 64 т мазута. Капитан судна М. А. Узданов по предварительному сговору с инженером строительного треста А. Г. Лактионовым подготовил запас указанного мазута в емкостях, предназначенных для подсланевых вод.

Танкер загрузился мазутом в объеме 48 860 т мазута в порту Новороссийска, отгрузил нефтепродукты в порту Николаев Украины и направлялся для промывки танков и слива подсланевых вод в п. Новороссийск. До проведения регламента очистки судна танкер был пришвартован к строящейся восточной эстакаде Новороссийского порта. В ночь с 10 на 11 октября 2006 г. к танкеру была пришвартована нефтеналивная баржа, на которую был откачен мазут [4.]

4. Погрешности в измерительной аппаратуре при отгрузке нефти и нефтепродуктов. Погрешность определения объемов перевозимых нефти и нефтепродуктов обусловлена целой системой погрешностей, которые включают:

— калибровки трубопроводной обвязки резервуаров на начало приема и отпуска продуктов;

— погрешности определения коэффициента объемного расширения нефтепродукта в зависимости от температуры в момент его отгрузки;

— погрешности измерения температуры в трубопроводной обвязке;

— абсолютную погрешность обработки данных.

Погрешность измерений при приеме-отпуске нефтепродукта на танкер и с танкера на нефтебазу — величина, выражающаяся математическим ожиданием случайных величин, фиксированных в определенном доверительном интервале. Многие величины носят действительно случайный характер, например, интенсивность испарения нефтепродуктов в танке зависит от температуры окружающей среды, интенсивности солнечного освещения, наличия атмосферных осадков, морской качки и других условий. В то же время погрешность определения массы обусловлена погрешностью определения коэффициента объемного расширения нефтепродукта.

Значение погрешности сведения баланса может быть одного порядка с нормой естественной убыли для легкоиспаряющихся нефтепродуктов и превышать норму естественной убыли для слабоиспаряющихся.

В соответствии с ГОСТ 26976-86 основным методом измерения массы при коммерческих операциях является динамический объемно-массовый. В связи с тем, что при наливе и сливе нефтепродуктов давление не превышает 0,3 МПа, то сжимаемостью продукта от давления пренебрегают. Статический объемно-массовый метод используют при оперативном контроле и коммерческом учете. При этом методе объем определяют по градуировочным таблицам по измеренному уровню; в резервуарах — стационарными уровнемерами или вручную рулеткой с грузом (лотом), в транспортных емкостях — вручную рулеткой и метроштоком.

Проведенные нами расчеты показали, что суммарная погрешность объемов нефти и нефтепродуктов при получении на танкер и отгрузке с него может составлять до 0,35 % от объема перевозимого груза. Для танкера с дедвейтом в 50 000 т (наиболее распространенные проекты в танкерном флоте России) цена такой погрешности составляет 175 т, а для годового оборота Новороссийского морского нефтяного терминала в 61 млн т — потери от погрешностей достигнут 213 500 т, что может составить не менее 20 млн долларов США.

Возникает парадоксальная ситуация, когда потери от врезок в магистральные нефтепроводы страны (в год около 10 млн долларов США) [5] значительно меньше, чем возможные потери, предусмотренные ГОСТ, положениями, правилами и инструкциями по технологиям транспорта и хранения нефти. Сами ГОСТ и инструкции, допускающие значительные погрешности при учете нефти и нефтепродуктов, провоцируют их хищения. В то же время следует обратить внимание на важное обстоятельство. Приведенные нами показатели допустимых погрешностей имеются и на других видах транспортировки нефти, однако объемы краж там значительно меньше. В чем особенность хищения нефти из танкеров в сравнении с трубопроводами, железнодорожными цистернами и автомобильными нефтевозами?

По нашему мнению, важнейшей особенностью является то обстоятельство, что при хищении из других видов транспорта необходимо нефть увозить от места ее кражи. При сливе нефти из нефтепровода преступникам необходимо быстро вывезти продукт от места врезки либо отвести от врезки с помощью замаскированной в грунте отводной трубы. При сливе нефти из железнодорожных цистерн также необходимо незамедлительно покинуть сортировочную станцию, тупик или иное место, где была совершена кража.

В подобной ситуации танкер одновременно является как объектом, на котором совершается кража, так и местом хранения похищенных нефтепродуктов. Объемы судна, наличие резервуаров большого объема для хранения различных жидкостей (запасы питьевой воды, топлива для силовой установки, балластные камеры), а также приспособленные для этого различные емкости судна (подсланевые трюмы, полости двойных корпусов танков и бортов) позволяют тайно хранить похищенные нефтепродукты.

Так, емкости для хранения питьевой воды на судне могут составлять объем до 40 т, что явно избыточно при команде танкера в 20 человек и автономности плавания (для танкеров Новороссийского порта) 8—20 суток. Подсланевые трюмы имеют грузовой объем до 100 т [6].

Резюмируя сказанное, следует отметить, что не снижающаяся тенденция роста хищений нефтепродуктов при их транспортировке и транзите через морские порты диктует необходимость разработки новых методов и подходов для выявления, раскрытия и расследования выделенной категории преступлений. Способы совершения хищений нефти и нефтепродуктов достаточно разнообразны, они зависят от вида транспортировки продукта, условий скрытности действий и возможного противодействия со стороны служб безопасности нефтемагистралей. В способах совершения хищений нефти реализуются и варианты сокрытия таких посягательств, маскировочные и отвлекающие действия. В зависимости от способа совершения

преступлений, связанных с хищением нефти при ее транспортировке, образуется конкретная следовая картина преступления, вырисовывается индивидуальность развития следственной ситуации с последующими особенностями раскрытия и расследования преступления в целом.

Примечания

1. Уголовное дело № 23712. Новороссийск, 2009.

2. Потери нефти и нефтепродуктов от испарения. Техника и технология транспорта и хранения нефти и газа / под ред. В. Ф. Новоселова. М., 1992. С. 247—253.

3. Наиболее совершенны поплавковые измерители уровня, позволяющие автоматизировать операцию измерения уровня и передавать показания в операторную (уровнемеры по ГОСТ 15983-98). Принцип работы уровнемера УДУ-5 основан на измерении длины ленты, соединенной поплавком, плавающим на поверхности нефтепродукта. При изменении уровня нефтепродукта и соответствующем перемещении поплавка лента наматывается на барабан, вращая мерный шкив со счетным устройством.

4. Приговор Новороссийского городского суда, вынесенный 09.06.2007 г. в отношении …. по уголовному делу № 1-672/2007 г., возбужденному по признакам преступления, предусмотренного пп. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ.

5. Техника и технология транспорта и хранения нефти и газа / под ред. В. Ф. Новоселова. М., 1992.

6. Фрид Е. Г. Устройство судна. Л., 1978.

© С. М. Колотушкин, 2012

* * *

В. Ф. Луговик

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

В статье рассматривается проблема конституционализации оперативно-разыскной деятельности, обосновываются актуальность и многоаспектность указанной проблемы. Показано, что на современном этапе конституционализация оперативно-разыскной деятельности лежит в плоскости совершенствования конституционного правосознания как правоприменителя, так и иных участников оперативно-разыскного процесса.

Ключевые слова: конституционализм, оперативно-разыскная деятельность, Конституционный суд, конституционное правосознание и правоприменение.

V. F. Lugovik

OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM

The article focuses on the problem of constitutionalization of operational search activities and gives grounds for the urgency and multidimensionality of this problem. The author shows that constitutionalization of opera-

tional search activities at the modern stage is closely related to improvement of constitutional legal awareness of law enforcement officials as well as other participants of operational search process.

Keywords: constitutionalism, operational search activities, the Constitutional Court, constitutional legal awareness and law enforcement.

Конституционализм как правовое явление наиболее активно исследуется отечественной юридической наукой лишь в последние два десятилетия. Безусловным катализатором научного внимания к проблеме конституционализации оперативно-разыскной деятельности стало принятие на всенародном референдуме Конституции Российской Федерации и как следствие — необходимость осмысления ее положений и реализация основных конституционных идей в оперативно-разыскном законодательстве. В качестве производных факторов, стимулирующих научный поиск, следует, по нашему мнению, назвать развитие конституционного судопроизводства и включение нашей страны в мировой правовой процесс [1].

Предваряя изложение авторских суждений, важно определиться с исходными правовыми и научными понятиями. Такая оговорка необходима еще и потому, что проблемы конституционализации интересуют оперативно-разыскную науку в прикладном плане, означающим, прежде всего, конкретность и определенность правовых конституционных установлений для оперативно-разыскной деятельности. Итак, обратимся к базовым понятиям, раскрывающим содержание конституционализма.

В научной литературе проблема конституционализма рассматривается, как правило, в контексте организации власти (государственной, муниципальной и др.). По мнению венгерского ученого А. Шайо, «конституционализм — это ограничение государственной власти в интересах общественного спокойствия. Он стремится охладить текущие страсти, не угрожая эффективности управления» [2]. Аналогичной позиции придерживается В. Г. Баев, рассматривающий конституционализм как теорию и практику организации государственной и общественной жизни в соответствии с конституцией [3].

На социально-политический акцент конституционализма обращает внимание и М. В. Самигуллин, связывающий с конституционализмом все, что направлено на оптимальное устройство и функционирование публичной власти «в целях безопасности и благополучия самодостаточного общества, развивающегося на основе органического сочетания частного (индивидуального) и публичного (общественного) начал» [4]. И здесь нужно согласиться, что конституционализм определяет границы активности государства и его органов, возможности его воздействия на общественные отношения [5]. Такое суждение представляется важным при определении пределов оперативно-разыскного ограничения прав и свобод человека и гражданина. Существенным аспектом конституционализма оперативно-разыскной деятельности выступает верховенство Конституции в правовой системе, ее прямое действие, конституционное признание прав и свобод личности, правовой характер взаимоотношений гражданина и государства [6].

Конкретизировать идеи конституционализма применительно к оперативно-разыскной деятельности позволяет структурно-функциональный подход. С этих позиций в науке конституционного права конституционализм рассматривается как: 1) конституционная идеология (система идей и концепций); 2) процесс (политический процесс вокруг конституционных вопросов); 3) цель (установление определенного конституционного строя как определенного механизма власти); 4) политико-юридическая реальность (существование конкретного конституционного строя); 5) юридический результат (реализация конкретных норм и принципов); 6) средство (разрешение политических кризисов, установление форм диалога между народом и властью) [7]. Несколько иной взгляд демонстрирует Л. Фридмэн, включающий в число элементов конституционализма действующий верховный закон; отношение общества к этому закону; демократические образы поведения и институты, существующие благодаря конституции; судебное толкование конституции; совокупность граждан-

ских прав, свобод и гарантии прав меньшинства от подавляющего большинства [8]. Имеются и иные подходы к структуризации конституционализма [9].

По нашему мнению, конституционализация оперативно-разыскной деятельности с формально-юридической стороны имеет два аспекта, на которые, применительно к социально-экономическому развитию российской государственности, обратил внимание Н. С. Бондарь. Это статическая и динамическая стороны [10]. Что касается предмета обсуждения, то под статикой следует понимать заданные конституцией нормы, принципы, которые должны пронизывать оперативно-разыскное законодательство, а под динамикой — развитие и функционирование одноименной отрасли права. Эти аспекты взаимосвязаны. При анализе статической составляющей речь должна идти не столько о Конституции Российской Федерации как законе, обладающем высшей юридической силой, сколько о соответствии ему законов и подзаконных актов, регламентирующих рассматриваемый и смежные с ним виды правоохранительной деятельности. Важно, чтобы в них находили отражение как механизм (процедура) реализации конституционных норм, так и «дух», основополагающие начала, принципы Конституции. Представляется, что при ином подходе невозможно достичь системности и гармонии правового регулирования оперативно-разыскной деятельности.

В последние годы мы наблюдаем процесс конституционализации этой деятельности посредством формирования самостоятельной отрасли права — оперативно-разыскного права. Изменения, происходящие в этой сфере, во многом связаны с изменением структуры и роли источников оперативно-разыскного права. Признание конституционных принципов как источников правового регулирования стимулировало внедрение в оперативно-разыскное законодательство, по существу, новых для него правовых ценностей. И важнейшая роль в этом процессе принадлежит Конституционному суду Российской Федерации. Не случайно Н. В. Витрук, говоря о конституционализме как практике реализации конституции и конституционного права, включает в нее деятельность Конституционного суда [11]. Действительно, правовые позиции Конституционного суда РФ по своей природе направлены, во-первых, на конкретизацию правового содержания, сконцентрированного в конституционных нормах и институтах, а во-вторых, на установление конституционно-правового смысла законодательства и раскрытие воплощенных в соответствующих нормативных положениях конституционных ценностей и целей развития российского государства, к тому же, они выступают в качестве императивных требований реализации конституционной программы модернизации социальной действительности [12]. Следует заметить, что Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» отменил ранее действовавший закон 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» именно по причине его несоответствия Конституции Российской Федерации.

Анализ последующих изменений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [13] показывает существенное влияние решений Конституционного суда Российской Федерации на законотворчество. Так, 5 января 1999 г. с. 5 данного закона дополнена новой частью следующего содержания: «Органы (должностные лица), осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, при проведении оперативно-разыскных мероприятий должны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции». Представляется, что в данной норме реализована правовая позиция Конституционного суда Российской Федерации о необходимости защиты сферы частной жизни [14]. 24 июля 2007 г. изменена редакция части восьмой статьи 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» путем введения запрета органам и должностным лицам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, подстрекать, склонять, побуждать лиц в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, а также фальсифицировать результаты оперативно-разыскной деятельности. Полагаем, что в этом случае наблюдается имплементация в национальное оперативно-разыскное законодательство принципов и норм международного права, которые согласно части 4 статьи 5 Конституции Рос-

сийской Федерации являются составной частью ее правовой системы [15]. В этом проявляется важный элемент конституционализации, заключающийся в возложении на государство обязанности соблюдения международно признанных естественных, неотчуждаемых прав, принадлежащих каждому человеку от рождения [16]. Нужно заметить, что Конституционный суд Российской Федерации конституционализировал и ряд категорий оперативно-разыскной деятельности, не имевших формально-юридического закрепления. К таковым можно отнести наименования оперативно-разыскных мероприятий, термины (конспирация, негласность и др.), пределы осуществления оперативно-разыскной деятельности и др.

И все-таки применительно к оперативно-разыскной деятельности процесс конституционализации не может сводиться только к нормативно-правовой сфере, заключающейся в соблюдении конституционной процедуры принятия Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и согласованности его норм с Конституцией Российской Федерации. Такой подход представляется усеченным и не согласующимся с современной доктриной конституционализма. В числе элементов конституционализма в современном понимании, наряду с ранее перечисленными, называют наличие конституционного контроля; неизменность конституционных норм; признание общечеловеческих ценностей и др. [17]. Полагаем, этот ряд можно дополнить, по крайней мере, еще двумя взаимосвязанными элементами: конституционным правосознанием и правоприменением.

Безусловно, косвенное присутствие этих элементов просматривается практически во всех концепциях конституционализма. Однако, по нашему мнению, применительно к оперативно-разыскной деятельности их важно выделить из классификационного ряда, подчеркнув некоторую автономность и особую значимость. Чем это обусловлено? Дело в том, ущербное правосознание и неправильное правоприменение могут нейтрализовать любые другие элементы конституционализма.

Общепризнано, что правосознание в целом является сложным образованием, на которое воздействует не один социальный фактор [18]. Феномен же конституционного правосознания выступает производным явлением и, по мнению И. А. Кравца, представляет особый вид правового сознания, в котором отражаются представления и чувства отдельной личности, социальной группы, общества в целом о Конституции, ее роли в правовом регулировании и правах человека [19]. Аксиоматичное положение о трех составляющих правосознания — правовой идеологии, правовой психологии и поведенческих элементах (привычки, установки и др.), — находит свое проявление и в конституционном правосознании. Как справедливо замечает О. Е. Кутафин, конституционализм можно рассматривать как систему представлений об общедемократических, общецивилизационных политико-правовых ценностях государственно-организованного общества [20]. Это настолько функционально слитное образование, что от степени и методов реализации одной из частей зависит состояние остальных и судьба конституционализма как такового [21]. Взаимосвязь конституционного правосознания и правоприменения заключается и в том, что «конституционное правосознание, являющееся опосредующим звеном между конституционно-правовой нормой и ее реализацией на практике, выполняет в рамках регулятивного воздействия на поведение (деятельность) людей важную реализаторскую функцию» [22].

Как свидетельствует оперативно-разыскная практика, в настоящее время основной проблемой выступает именно дефектность конституционного правосознания [23] правоприменителя. Во многом это относится к сотрудникам и руководителям оперативных подразделений органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность. А. Е. Чечетин, проанализировавший практику Конституционного суда Российской Федерации, констатирует, что причиной обращений о признании не соответствующими Конституции Российской Федерации отдельных положений оперативно-разыскного законодательства чаще всего является не плохая конструкция правовых норм, а «неправильное и произвольное их применение сотрудниками оперативно-разыскных служб, игнорирование закрепленного в Федеральном законе «Об оперативно-разыскной деятельности» конституционного принципа уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина» [24]. Здесь мы сталкиваемся с явлением, описанным известным русским

философом И. А. Ильиным, когда уродливое правосознание «извращает свое содержание; оно обращается к идее права, но берет от нее лишь схему; пользуется им по-своему, злоупотребляет им и наполняет его недостойным, извращенным содержанием» [25].

Вместе с тем можно утверждать, что на современном этапе конституционализация оперативно-разыскной деятельности лежит в плоскости совершенствования конституционного правосознания как правоприменителя, так и иных участников оперативно-разыскного процесса. В обществе достаточно сильно негативное отношение к оперативно-разыскной работе: часто обыватель оценивает ее как «стукачество», «сексотство», предательство, «подглядывание в замочную скважину», отмечается вынужденность оперативно-разыскной деятельности, ее вспомогательный характер и т. п. Такие взгляды присутствуют и в суждениях юристов (ученых и практических работников). Так, бывший судья Конституционного суда Российской Федерации А. Л. Кононов считает, что оперативно-разыскная деятельность «является вспомогательной, подчиненной задачам пресечения преступности и рассмотрения уголовных дел» [26]. С этим нельзя не согласиться, но при таком подходе и уголовно-процессуальная деятельность носит вспомогательный характер и подчинена целям расследования преступлений. Парадоксальность таких суждений очевидна, но их наличие демонстрирует профессиональное правосознание и свидетельствует о разном отношении юридического сообщества к оперативно-разыскной деятельности и иным видам правоприменения.

В профессиональном правосознании существует множество предубеждений и стереотипов. До сих пор аргументация социальной обусловленности оперативно-разыскной деятельности носит «оправдательный» характер: достаточно часто авторы акцентируют внимание на «вынужденности» государства осуществлять сыск посредством проведения негласных мероприятий. При этом упор делается на исключительность [27] оперативно-разыскной деятельности, ее «выпадение» из общего ряда правовых средств борьбы с преступностью. Особенно рельефно это проявляется при рассмотрении такой ее формы, как оперативная разработка. В. Г. Бобров отмечает, что она «носит ограниченный характер и ее осуществление допустимо только при наличии достаточных данных, свидетельствующих, с одной стороны, о противоправной деятельности таких лиц, с другой — *о невозможности пресечения или раскрытия совершаемых (совершенных) ими деяний без проведения комплекса оперативно-разыскных мероприятий* (выделено нами — *В. Л.*)» [28]. Более категоричен К. К. Горяинов, отмечающий, что оперативно-разыскная деятельность проводится в исключительных случаях и применение оперативно-разыскных средств следует рассматривать как крайнюю необходимость [29]. С высказанными суждением можно согласиться лишь в той части, что оперативно-разыскная деятельность осуществляется при наличии достаточных оснований, которые определены пп. 1—6 ч. 1 ст. 7 и ч. 2 ст. 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Что же касается дополнительного условия — невозможности пресечения или раскрытия совершаемых деяний без проведения оперативно-разыскных мероприятий, — то оно в ни в одном законе не упоминается, а в перечне аргументов специфичности оперативно-разыскной деятельности, по нашему мнению, является излишним.

Действительно, если проводить аналогию с уголовно-процессуальным расследованием, то вряд ли кто решится утверждать, что уголовное дело возбуждается только тогда, когда иными путями изобличить виновного в преступлении невозможно. Такие суждения можно было бы оставить без внимания, если бы они не оказывали влияния на правоприменительную практику в сфере оперативно-разыскной деятельности. Дело в том, что, изучая оперативно-служебные документы, автор неоднократно сталкивался с протестами и представлениями прокуроров по фактам якобы незаконного заведения дел оперативного учета, так как преступления, по их мнению, можно было бы раскрыть следственным путем.

Объяснение причин подобного отношения следует, по всей вероятности, искать в деформации профессионального правосознания и приверженности мифу исключительности оперативно-разыскной деятельности.

Б. Т. Безлепкин, отмечая, что законодательство об оперативно-разыскной деятельности положило

начало теоретическому осмыслению оперативно-разыскной деятельности в открытом, гласном режиме, сетует, что «как-то ***сразу, априори, монопольное положение заняла идея, будто оперативно-разыскная деятельность является правовой*** (выделено нами — *В. Л.*). На ее основе родилась теория, согласно которой совокупность законоположений, посвященных этой деятельности, образует самостоятельную отрасль оперативно-разыскного права, нормы которой регулируют оперативно-разыскной процесс (по аналогии с уголовным процессом)» [30]. Ссылаясь на мнение М. С. Строговича, который якобы доказал, что оперативно-разыскные действия не создают правоотношений, Б. Т. Безлепкин делает вывод, что оперативно-разыскные решения и мероприятия, будучи по природе своей разведывательными, ни регулятивных, ни охранительных правоотношений не порождают [30]. По нашему мнению, тезис о неправовом характере оперативно-разыскной деятельности, которую регулирует одноименный федеральный закон, не может не вызвать недоумения.

Б. Т. Безлепкин приводит поразительный аргумент в пользу воззрения о неправовом характере оперативно-разыскной деятельности и отсутствии одноименной отрасли права. По его мнению, «нигде в мире, в том числе в России, в гражданских юридических вузах и на факультетах эта дисциплина не преподается, что само по себе парадоксально. Получается, что существует целая отрасль права, о которой ***юристы с университетским образованием*** (выделено нами — *В. Л.*) ничего не знают» [30]. Иными словами, если учебная дисциплина «оперативно-разыскная деятельность» в университете, известном Б. Т. Безлепкину, не преподается, то ее и не существует. Акцент на «***юристов с университетским образованием»*** призван, видимо, подчеркнуть ущербность выпускников тех вузов, где такая дисциплина преподается. Логика суждений, по крайней мере, странная, тем более, что во многих «гражданских вузах» (терминология профессора Б. Т. Безлепкина — *прим. В. Л.*) курс «оперативно-разыскной деятельности» читается в объеме от 50 до 80 часов. Может, проблема лежит в плоскости правосознания некоторых ученых и научных коллективов, которые, монополизировав кафедры и имея неприязнь к оперативно-разыскной деятельности, не дают возможность студентам изучать Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности»?

Изложенное позволяет сделать вывод, что конституционализация оперативно-разыскной деятельности протекает сложно как в формально-юридическом отношении, так и в части изменения правосознания. Профессиональное и обыденное правосознание часто смыкаются в неприятии и негативной оценке оперативно-разыскной деятельности. Это существенным образом затрудняет процессы нормотворчества и правоприменения.

Примечания

1. Достаточно сказать, что вопросы применения оперативно-разыскных норм и осуществления оперативно-разыскных мероприятий неоднократно были предметом обсуждения на заседаниях Европейского суда по правам человека. См.: Дело «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2006. № 7; Дело «Быков (Bykov) против Российской Федерации // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2009. № 6; Решение ЕСПЧ от 10.07.2007 г.; По вопросу приемлемости жалобы № 6293/04 «Михаил Мирилашвили (Mikhail Mirilashvili) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2008. № 2; и др.
2. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма) / пер. с венг. М., 2001. С. 20.
3. Баев В. Г. Конституционализм как понятие // Юрид. мир. 2007. № 10. С. 19.
4. Самигуллин М. В. К вопросу о понятии конституционализма // Право и политика. 2007. № 11. С. 23.
5. Мамитова Н. В. Теория российского конституционализма: история и современность. М., 2005. С. 23.
6. Кокотов А. Н. Предназначение конституционализма // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути решения: науч.-практ. конф. (3—4 октября 2002 г.) / под ред. А. И. Демидова. Саратов, 2001. С. 54; Кабышев В. Т., Пряхина Т. М. Теоретические проблемы российского конституционализма // Вестник Саратовской гос. академии права. 1995. № 2. С. 32.

7. Боброва Р. А. Конституционный строй и конституционализм в России: монография. М., 2003. С. 24—25.

8. Фридмэн Л. Введение в американское право. М., 1993. С. 150—152.

9. Кравец И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 15—16.

10. Бондарь Н. С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного суда Российской Федерации). М., 2006. С. 8.

11. Витрук Н. В. Развитие конституционализма в Российской Федерации (в контексте правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации) // Проблемы развития и совершенствования российского законодательства: сб. ст. Ч. I. Томск, 1999. С. 17.

12. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие как фактор модернизации российской государственности // Журнал рос. права. 2005. № 11.

13. С 1997 г. в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» 17 раз вносились изменения.

14. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой»: определение Конституционного суда РФ от 14.07.1998 г. № 86-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Потапова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного суда Российской Федерации от 06.03.2001 г. № 58-О; По жалобе гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пп. 1 и 3 ч. 1 ст. 6 и подп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного суда РФ от 09.06.2005 г. № 327-О; и др.

15. Видимо, поводом для внесения таких изменений в законодательство наряду с другими обстоятельствами послужили и решения Европейского суда по правам человека. См.: Дело «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2006. № 7.

16. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2007. С. 113.

17. Хабриева Т. Я. Теория современного основного закона и российская Конституция // Журнал рос. права. 2008. № 12. С. 17.

18. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (утв. Президентом Российской Федерации) // Рос. газ. 2011. 14 июня.

19. Кравец И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). Москва; Новосибирск, 2002. С. 328.

20. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М.: НОРМА, 2008

21. Степанов И. М. Уроки и парадоксы российского конституционализма. М., 1996. С. 4.

22. Баринов Э. Э. Конституционное правосознание в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001. С. 17.

23. Термин «дефектность правосознания» мы встретили у А. И. Долговой. По ее мнению, «дефектность правосознания заключается в несформированности (пробельности) или искаженности основных его структурных элементов правовых взглядов, убеждений и установок, когда какие-либо из этих элементов в структуре правосознания отсутствуют (сформированы недостаточно) или сформированы достаточно, но неправильно, т. е. страдает их содержательная сторона: правовые взгляды, представления и убеждения противоречат действующему законодательству» (Долгова А. И. Правовое воспитание молодежи. М., 1979. С. 46—47).

24. Чечетин А. Е. О проблеме обеспечения прав личности при проведении оперативно-разыскных мероприятий // Актуальные проблемы соблюдения прав личности в правоохранительной деятельности органов внутренних дел: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. 30 июня — 1 июля 2011 г. Хабаровск, 2011. С. 124.

25. Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 20.

26. Особое мнение судьи конституционного суда российской федерации А. Л. Кононова «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой // СЗ РФ. 1998. № 34 Ст. 4368.

27. Исключительность в данном контексте понимается как непохожесть на других, исключение из общих правил и норм. См.: Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. проф. Д Ушакова. М., 1996. С. 12—27.

28. Бобров В. Г. Оперативная разработка: проблемные вопросы теории и практики // Теоретические и практические проблемы оперативно-разыскной деятельности. Калининград, 1999. С. 17

29. Оперативно-разыскная деятельность: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. М., 2001. С. 76.

30. Безлепкин Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя. М., 2008.

© В. Ф. Луговик, 2012

* * *

И. В. Овсянников

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье анализируются проблемы, возникающие в ходе реформирования уголовного судопроизводства в России, связанные с инертностью правосознания работников правоохранительных органов и трудностями законотворческого процесса.

Ключевые слова: досудебное производство, процессуальная деятельность, доказывание, применение в законотворчестве.

I. V. Ovsyannikov

PROBLEMS OF REFORMING THE INITIAL STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The article concentrates on the problems arising in the course of reforming criminal proceedings in Russia and related to inertness of law enforcement officials' legal consciousness and law-making complications.

Keywords: pre-trial proceedings, procedural activities, proving, application in law making.

В уголовном судопроизводстве особенностью познавательного процесса является то, что способы и приемы познания ограничены строгими рамками уголовно-процессуального закона, а само

познание протекает в детально регламентированной этим же законом форме. При этом искомые обстоятельства подлежат доказыванию, то есть должны устанавливаться с помощью не любых сведений, а лишь сведений-доказательств, удовлетворяющих закрепленным в уголовно-процессуальном законе требованиям. Все иные сведения нельзя использовать в процессе доказывания, их нельзя положить в основу какого-либо процессуального решения.

Столь жесткие ограничения необходимы по двум причинам. Во-первых, они гарантируют защиту прав и законных интересов лиц и организаций, попавших в орбиту уголовного судопроизводства. Во-вторых, они способствуют полноте и правильности достигаемого знания об искомых обстоятельствах, а, следовательно, и правильности принимаемых процессуальных решений.

Однако вопрос о том, с какого момента начинается уголовное судопроизводство и уголовно-процессуальная деятельность, а значит, и процесс доказывания, длительное время являлся в России дискуссионным. Так, во втором издании большой советской энциклопедии указывалось, что возбуждение уголовного дела — начальный момент уголовного процесса [1].

В нормах ст.1 УПК РСФСР 1960 г., которая называлась «Законодательство об уголовном судопроизводстве», под уголовным судопроизводством изначально подразумевалось, по-видимому, лишь производство по возбужденным уголовным делам. Во всяком случае, в ч. 2 ст. 1 УПК РСФСР 1960 г. указывалось: «При производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий соответственно во время дознания, предварительного следствия либо рассмотрения дела судом». Поэтому выражение «дело, находящееся в производстве» понималось либо как дело, принятое следователем, лицом, производящим дознание, после возбуждения уголовного дела либо как дело, по которому суд первой инстанции открыл судебное заседание, хотя некоторые правомочия на основании ст. 70 суд осуществлял и в стадии назначения дела к слушанию [2].

Таким образом, первоначальная стадия уголовного процесса (деятельность с момента получения сообщения о преступлении и до момента возбуждения уголовного дела) в структуру производства по уголовному делу не включалась.

В связи с этим в теории и на практике деятельность должностных лиц по принятию и проверке сообщений о преступлениях часто выносили за рамки уголовного судопроизводства, считая, что оно начинается лишь с момента возбуждения уголовного дела. Так, Пленум Высшего арбитражного суда Российской Федерации в п. 7 Постановления от 19 июня 1997 г. № 11 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в апелляционной инстанции» разъяснил арбитражным судам, что «под уголовным судопроизводством понимаются все стадии уголовного процесса, определенные в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР, т. е. с момента возбуждения уголовного дела».

Согласно ч. 1 ст. 68 УПК РСФСР 1960 г. все существенные обстоятельства (событие преступления; виновность обвиняемого и др.) подлежали доказыванию при производстве дознания, предварительного следствия и разбирательстве уголовного дела в суде. О необходимости что-либо доказывать на стадии возбуждения уголовного дела речь в законе не шла. Более того, в статье 70 УПК РСФСР 1960 г., которая называлась «Собирание доказательств» и регламентировала порядок собирания доказательств, говорилось о правах лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда по собиранию доказательств, но лишь **по находящимся в их производстве делам**. Прав по собиранию доказательств до возбуждения уголовного дела и принятия его к своему производству (второе без первого считалось невозможным) для властных участников уголовного судопроизводства прямо не предусматривалось.

Указанные нормы уголовно-процессуального закона давали исследователям веские основания утверждать, что «в стадии возбуждения уголовного дела доказывание не осуществляется» [3].

В этих условиях неудивительно, что при рассмотрении полученных сообщений о преступлениях дознаватели, следователи и прокуроры часто не утруждали себя соблюдением строгих правил законодательства об уголовном судопроизводстве, а свою познавательную деятельность не огра-

ничивали рамками доказательственного права или правилами уголовно-процессуального доказывания. При принятии же процессуального решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом зачастую во внимание принимались не только (не столько) доказательства, но и иные сведения, полученные не предусмотренным уголовно-процессуальным законом путем, не имеющие статуса доказательств, а потому менее надежные. Все это способствовало распространению ряда крайне негативных явлений: ущемлению прав граждан, прежде всего пострадавших от преступлений, заявления которых часто своевременно не принимались, не регистрировались или не разрешались; укрытию от учета тех преступлений, которые трудно раскрыть или которые могут подпортить отлакированную и неизменно растущую (в целях получения очередных званий, должностей и наград) статистику раскрываемости преступлений в отдельно взятом районе, и т. д.

В то же время многие процессуалисты отстаивали идеи о том, что «прием, проверка и разрешение заявлений (сообщений) о преступлениях, проверка законности и обоснованности принятого решения — это часть уголовно-процессуальной деятельности, связанной с решением вопроса о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела» [1, с. 7], что получение и рассмотрение сообщений о преступлениях должно происходить в рамках уголовно-процессуальных правоотношений [5, с. 77—78], что уголовный процесс начинается не с момента возбуждения уголовного дела, а с момента поступления сообщения о преступлении в органы, уполномоченные на возбуждение уголовного дела, что процесс доказывания начинается уже в стадии возбуждения уголовного дела [6].

Конституционный суд РФ также занял правовую позицию, согласно которой возбуждение уголовного дела является наряду с предварительным расследованием досудебной стадией производства по уголовному делу [7].

В литературе справедливо отмечалось, что часть 2 ст.1 УПК РСФСР 1960 г. «не учитывает процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела. Мы, видимо, имеем дело с определенной позицией законодателя, отразившей известные теоретические взгляды, отрицавшие процессуальный характер стадии возбуждения уголовного дела. Эти взгляды не получили поддержки широкой юридической общественности. Поэтому, думается, настало время, когда, независимо от причин образовавшихся пробелов, следует восполнить их в законодательном порядке» [8].

С вступлением в действие УПК РФ 2001 г. (далее — УПК РФ) указанный пробел можно считать восполненным, так как в законе четко указано, что «уголовное судопроизводство — досудебное и судебное производство по уголовному делу» (п. 56 ст. 5 УПК РФ), а «досудебное производство — уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении…» (п. 9 ст. 5 УПК РФ). Это означает, что с момента получения сообщения о преступлении деятельность дознавателя, органа дознания, следователя является процессуальной, регламентируется УПК РФ. Досудебному производству посвящена часть вторая УПК РФ, включающая два раздела, в которых регламентируется порядок досудебного производства соответственно на двух стадиях: стадии возбуждения уголовного дела и стадии предварительного расследования.

Данная новелла представляется значимой. Если нормы УПК РСФСР 1960 г. позволяли утверждать, что не проведена четкая грань между процессуальной и непроцессуальной деятельностью (особенно в главе о возбуждении уголовного дела), что административная по своей природе доследственная проверка заявлений и сообщений о совершении преступления до возбуждения уголовного дела являлась суррогатом расследования, а ее результаты могли предрешить исход дела (хотя информация добывалась непроцессуальными средствами) [9, с. 22, 88], то в УПК РФ этот вопрос решен однозначно в пользу процессуальной деятельности.

Это актуализирует и делает принципиально важными идею о существовании доказывания на стадии возбуждения уголовного дела и идею о том, что решение о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, как и все другие решения в уголовном судопроизводстве, должно основываться не на произвольном усмотрении должностных лиц и государственных органов и не на сведе-

ниях, полученных какими-либо непроцессуальными путями, а лишь на доказательствах, то есть на сведениях, полученных из указанных уголовно-процессуальным законом источников в установленном этим же законом порядке.

Эти идеи также восприняты современным российским законодателем.

По действующему сегодня закону все существенные обстоятельства подлежат доказыванию, но не при производстве дознания, предварительного следствия и разбирательстве уголовного дела в суде, как это было указано в части 1 ст. 68 УПК РСФСР 1960 г., а при производстве по уголовному делу (ч. 1 ст. 73 УПК РФ). При этом по ныне действующему закону досудебное производство по уголовному делу начинается не с момента возбуждения уголовного дела, а уже с момента получения сообщения о преступлении [10]. Таким образом, не только на стадии предварительного расследования, но и на начальной стадии уголовного судопроизводства все существенные обстоятельства подлежат именно доказыванию, а не установлению каким-то иным путем.

Согласно части 1 ст. 86 УПК РФ собирание доказательств осуществляется дознавателем, следователем, прокурором и судом, но не по находящимся в их производстве делам, как это было указано в ч. 1 ст. 70 УПК РСФСР 1960 г., а в ходе уголовного судопроизводства, которое включает в себя, в частности, и стадию возбуждения уголовного дела. Кроме того, согласно той же норме собирание доказательств осуществляется дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ (а не какими-либо иными законами).

Согласно ст. 87 УПК РФ проверка доказательств (в том числе и сообщения о преступлении) производится дознавателем, следователем, прокурором, судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство (но не путем получения каких-либо сведений, не являющихся относимыми, допустимыми и достоверными доказательствами).

Повлияли ли эти принципиальные изменения и нововведения уголовно-процессуального законодательства на практическую деятельность правоохранительных органов и должностных лиц, на используемые ими приемы познания на стадии возбуждения уголовного дела?

К сожалению, приходится констатировать: несмотря на указанные новеллы и на новое правозащитное назначение уголовного судопроизводства в России (ст. 6 УПК РФ) практика рассмотрения и разрешения сообщений о преступлениях в настоящее время мало отличается от той, что существовала в советском уголовном процессе. В первоначальной стадии уголовного судопроизводства по-прежнему преобладают непроцессуальные способы познания (собирание объяснений и др.), а при принятии процессуального решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом попрежнему учитываются не только доказательства, но и иная информация, добытая путем производства непредусмотренных и нерегламентированных УПК РФ действий. Доследственная проверка сообщений о преступлениях по-прежнему является суррогатом расследования и сопровождается массовыми нарушениями прав граждан.

«Так, органами дознания отделов внутренних дел при рассмотрении сообщений о преступлениях в 2008 г. было допущено 1 827 тыс. нарушений, в 2009 г. — 2 017 тыс., 2010 г. — 2 346 тыс., в первом полугодии 2011 г. — 1 240 тыс. Каждый год прокурорами выявляется и дополнительно ставится на учет свыше 100 тыс. ранее известных, но по разным причинам ранее неучтенных преступных проявлений (2008 г. — 122 096, 2009 г. — 134 467, 2010 г.— 121 808). За первое полугодие 2011 г. прокурорами выявлено 61 785 укрытых органами дознания уголовно наказуемых деяний. Одним из наиболее распространенных способов укрытия преступлений является необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела при наличии признаков уголовно наказуемого деяния» [11].

По мнению Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, необоснованные процессуальные решения следователя, дознавателя или прокурора есть не что иное, как нарушение конституционного права каждого из нас на судебную защиту [12].

Очевидно, правосознание и правовая культура должностных лиц правоохранительных органов, в отличие от законодательства, меняется не одномоментно. Быстро изменить правосознание особенно проблематично в условиях неизменности прежних, оставшихся с советских времен, критериев оценки работы правоохранительных органов (процент раскрытых преступлений; количество уголовных дел, направленных в суд; количество уголовных дел, прекращенных по реабилитирующим основаниям и т. п.). Дело в том, что правосознание людей определяется не только нормами права, но и практикой правоприменения, нравственным опытом и традициями общества, системой распространенных оценочных отношений к правозначимым явлениям [13].

Симптоматично, что и сам законодатель, по-видимому, испытывает серьезные трудности при регламентации познавательных действий на стадии возбуждения уголовного дела.

В принятом в декабре 2001 г. новом УПК РФ, в разделе VII, посвященном возбуждению уголовного дела, появилось такое ранее неизвестное уголовно-процессуальному закону действие, как обращенное к редакции, главному редактору средства массовой информации требование прокурора, следователя или органа дознания передать имеющиеся в распоряжении соответствующего средства массовой информации документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении, а также данные о лице, предоставившем указанную информацию. Федеральным законом от 04.07.2003 г. № 92-ФЗ ч. 1 ст.144 УПК РФ была дополнена нормой о том, что при проверке сообщения о преступлении орган дознания, дознаватель, следователь и прокурор вправе требовать производства документальных проверок, ревизий и привлекать к их участию специалистов. Федеральным законом от 09.03.2010 г. № 19-ФЗ дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа наделены также правом требовать производства исследований документов, предметов, трупов и привлекать к участию в этих исследованиях специалистов. Однако ни в первом, ни во втором, ни в третьем случае не были регламентированы порядок предъявления требования и порядок его выполнения теми, кому оно адресовано.

Если в первоначальной редакции УПК РФ при регламентации порядка возбуждения уголовного дела публичного обвинения упоминались такие следственные действия, как осмотр места происшествия, освидетельствование, назначение судебной экспертизы (ч. 4 ст. 146 Кодекса), то после изменений, внесенных Федеральным законом от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ, эти следственные действия в статье 146 уже не упоминаются.

Эти и другие изменения и нововведения наводят на мысль о том, что отечественный законодатель регламентирует порядок судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела, не имея на вооружении какой-то целостной научной концепции и используя в процессе законотворчества метод случайных проб и ошибок.

Указанные выше проблемы, связанные с инертностью правосознания людей и трудностями законотворческого процесса, тормозят реформу уголовного судопроизводства в России, препятствуя тому, чтобы прогрессивные реформаторские идеи воцарились не только в законе, но и в умах дознавателей, следователей, прокуроров и других практических работников российских правоохранительных органов. Но без этого реформа останется лишь на бумаге.

Все это говорит о том, что сегодня существует острая необходимость научного осмысления и анализа как традиционных, так и новых способов познания, используемых на стадии возбуждения уголовного дела, необходимость разграничения процессуальной деятельности на начальной стадии уголовного судопроизводства и непроцессуальной, необходимость отделения сведений,

имеющих доказательственное значение, от иных. Это необходимо в целях совершенствования уголовно-процессуального закона, а также в целях приведения познавательной деятельности практических работников (следователей, дознавателей) в строгое соответствие с уголовно-процессуальным законом.

Примечания

1. БСЭ. 2-е изд. / гл. ред. Б. А. Введенский. М., 1951. Т. 8. С. 491.

2. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. Изд. 3-е, перераб. и доп. / под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В. П. Божьев. М., 2000. С.160.

3. Кипнис Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995. С. 44.

4. Кузнецов Н. П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Воронеж, 1983. С. 7.

5. Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975. С. 77—78.

6. Шейфер С. А. Проблемы допустимости доказательств требуют дальнейшей разработки // Гос-во и право. 2001. № 10. С. 48—49; Власова Н. А. Теоретические и правовые основы стадии возбуждения уголовного дела: монография. М., 2001. С. 32—36; Кузнецов Н. П. Указ. соч. С.12.

7. Постановление Конституционного суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П.

8. Якупов Р. Х. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. В. Н. Галузо. М., 1998. С. 47—48.

9. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М., 1992.

10.Среди практических работников до сих пор распространена противоположная точка зрения: производство по уголовному делу начинается с момента возбуждения уголовного дела, так как до этого нет самого уголовного дела, а значит и производство по нему невозможно. Такая точка зрения уязвима для критики. Во-первых, она не основана на законе. Во-вторых, она внутренне противоречива: если уголовного дела нет, то его невозможно ни передать от одного органа предварительного расследования другому (п. 12 ч. 2 ст.37 УПК РФ), ни прекратить (гл. 29 УПК РФ), ни возбудить. Точно так же невозможно ни осмотреть, ни признать вещественным доказательством, ни приобщить к уголовному делу предмет, если нет самого предмета. Неслучайно в разделе VII УПК РФ говорится не о создании или появлении уголовного дела, а о его возбуждении. Возбуждение уголовного дела означает не возникновение производства по уголовному делу и самого этого уголовного дела, а всего лишь перевод ранее начатого производства по уголовному делу в стадию предварительного расследования и качественное изменение процессуальной формы производства по этому делу.

11. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Новости. URL: http://www.genproc.gov.ru/news/news-73293/ (дата обращения: 21.09.2011).

12. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2009 год [Электронный ресурс]. URL: http://www.ombudsmanrf.ru/2009-11-05-14-00-18/2009-11-05-14-09-33/718--2009-.html#12 (дата обращения: 21.09.2011).

13. Еникеев М. И. Юридическая психология: учебник для вузов. М., 2000. С. 25.

© И. В. Овсянников, 2012

* * *

Г. А. Печников, А. П. Резван, С. Д. Назаров

ОБ ОСНОВНЫХ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЯХ, ВЕДУЩИХ К ОБЪЕКТИВНО-ИСТИННОМУ РЕЗУЛЬТАТУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье с позиции научных принципов диалектико-материалистической гносеологии критически оценивается состязательная концепция уголовного процесса России, отрицающего объективную истину в интересах юридической (состязательно-выигрышной) истины.

Ключевые слова: диалектико-материалистическая гносеология, объективно-истинный уголовный процесс, состязательно-выигрышный процесс, объективная истина, юридическая истина.

G. A. Pechnikov, A. P. Rezvan, S. D. Nazarov

ABOUT BASIC GNOSEOLOGICAL REQUIREMENTS LEADING TO OBJECTIVELY TRUE RESULTS IN CRIMINAL PROCEDURE

In the article the authors exercise judgement in interpreting the adversary conception of the Russian criminal procedure denying the objective truth in favor of the legal (adversary winning) truth in terms of scientific principles of dialectic and materialistic gnoseology.

Keywords: dialectic and materialistic gnoseology, objectively true criminal procedure, adversary winning procedure, objective truth, legal truth.

Научно необходимой и верной для уголовного судопроизводства является постановка вопроса с позиции основных гносеологических требований, ведущих к объективно-истинному результату. На наш взгляд, эти основные гносеологические требования могут быть только диалектико-материалистическими. Мы исходим из того, что законы и принципы материалистической диалектики универсальны и всеобщи, поэтому их необходимо учитывать и в уголовном процессе. Диалектика — закон объективного мира и закон познания; диалектика — логика и теория познания современного материализма. Ядро диалектики составляет закон единства и борьбы противоположностей. «Все существующее (а значит, и все мыслимое) есть единство и борьба противоположностей» [1]. «… Именно *противоречие*, а вовсе не его отсутствие, оказывается той реальной *логической* формой, в рамках которой совершается действительное мышление, реализующее себя в виде развития науки, техники и «нравственности» [2]. Потому-то Гегель и имел право высказать свое парадоксальное утверждение: «Противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия — критерий заблуждения» [3].

Стирание диалектических противоположностей, например, между добром и злом, субъективным и объективным, формой и содержанием, вероятностью и достоверностью — это не научный, не диалектический подход. Противоположности, наоборот, необходимо оттенять.

Однако ныне действующий УПК РФ этим научным требованиям диалектики не соответствует, поскольку стирает, сглаживает различия между противоположностями. Например, между целью и средствами; цель в нем не выходит за пределы состязательности. Как известно, законодатель в УПК РФ отказался от объективной истины как цели и принципа уголовного судопроизводства, от достоверного раскрытия преступлений, противопоставив объективной истине состязательность сторон в качестве концептуальной основы современного уголовного процесса. Совершенно иные ценностные и гносеологические ориентиры лежат в основе состязательной модели УПК РФ: не *раскрыть достоверно, объективно-истинно* преступление, двигаясь в познании диалектически —

от незнания к знанию, от субъективного к объективному, от вероятности к достоверности, от версии к объективной истине, а *выиграть* процесс (дело) в состязательном поединке сторон (обвинения и защиты). Вместо объективной истины — «состязательно-выигрышная истина», «истина победителя». «… Состязательному процессу, — писал Н. Н. Розин, — не может быть свойственно неограниченное стремление к материальной истине… Принцип, которым руководствуется суд в состязательном процессе, является принципом не материальной, а юридической истины, который более правильно называть принципом доказанности обвинения» [4].

В результате диалектико-материалистическая теория познания (гносеология), которая исходит из возможности достоверного познания человеком окружающего реального мира, существующего независимо от его сознания, отходит на задний план. Взамен — искусственные, формально-юридические состязательные «правила игры»: «уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон», «стороны обвинения и защиты равноправны перед судом» (ст. 15 УПК РФ), «самоценность процессуальной формы» [5] и др.

Диалектико-материалистическая гносеология нацеливает на «достижение объективной истины, содержанием которой являются фактические обстоятельства, характеризующие расследуемое событие, т. е. объективная реальность, а не субъективное представление о ней» [6].

Однако объективная истина в действующем уголовном процессе России и ориентация правоприменительной практики на ее установление оказались невостребованными. В УПК РФ она вообще не упомянута. Некоторые его разработчики вообще считают поиск истины в правосудии химерой [7].

Как обосновано отметил Г. В. Мальцев: «Когда некоторые юристы сегодня позволяют себе высказывания в роде: «Поиск истины в правосудии химера», это серьезный симптом регресса правовой мысли. Право остается во власти науки и научных парадигм (объективности и истинности — авторы) в части, касающейся юридических фактов, событий, явлений, предметов, действий. … Силу такой власти, видимо, не представляют себе люди, пытающиеся изгнать истину из права и правосудия. Истина и ложь существуют не сами по себе, а как признак или качество юридического знания. Есть истинное и ложное знание. … Сама истина несет в себе некоторую ценность, этот исключительно важный для науки момент. …» [8].

Далее, гносеология диалектического материализма исходит из принципа *отражения*, согласно которому объект существует независимо от субъекта, субъект отражает объект — вот основа объективности наших знаний, основа объективной истины. «Существование независимого от отражающих отражаемого (независимость от сознания внешнего мира) есть основная посылка материализма» [9, с. 124]. Теория отражения учит, что правильно и истинно лишь такое знание, которое отражает то, что есть в действительности.

«Для идеализма нет объекта без субъекта, а для материализма объект существует независимо от субъекта, отражаемый более или менее правильно в его сознании» [9, с. 81]. С материалистической позиции это значит, что нельзя стирать различие между объектом и субъектом. Если же находить «утверждение о независимости “реальности” от сознания человека не столь очевидным» [10, с. 24], значит, отрицать, на наш взгляд, принцип отражения, так или иначе отождествлять объект с субъектом, значит, исходить из того, что «нет объекта без субъекта», то есть отрицать объективную истину. В таком случае на смену правильному, истинному познанию реального мира приходит субъективная интерпретация событий и фактов, «комбинация ощущений», субъективное усмотрение, «отсебятина» и т. п.

«Материализм — признание “объектов в себе” или вне ума; идеи и ощущения — копии или отражения этих объектов. Противоположное учение (идеализм): объекты не существуют “вне ума”; объекты суть “комбинации ощущений”» [9, с. 18].

В этом плане трудно разделить утверждение Н. Н. Моисеева о том, что «мы оперируем только интерпретациями реальности и отождествляем последние с реальностью (то есть называем их реальностью). А интерпретация предлагается человеком и здесь нельзя ждать однозначности. … Поэтому на вопрос о том, существует ли какой-

либо иной мир, кроме того, который создан интерпретациями человека и который мы изучаем, я отвечают однозначно — *нет*. Более точно: мы не имеем права говорить хоть что-либо о его существовании» [10, с. 27]. Отсюда логически следуют и такие суждение Н. Н. Моисеева: «… Но интерпретации остаются интерпретациями, и ни об одной из них нельзя сказать, что “так и есть на самом деле” [11, с. 228]. «Поэтому сверхзадача науки … помочь избежать первой из иллюзий, с которой сталкивается исследователь: избавиться от веры во всесилие разума, в возможность постижения всего того, что «есть на самом деле» [11, с. 227]. В такой позиции автора просматривается агностицизм, отказ от объективной истины и возможности ее установления.

В том же духе, не об объективной реальности и ее познаваемости, а о юридической (правовой) реальности, о юридической истине, об «интерпретации событий и фактов», о том, что юридическое познание носит не объективный, а вероятный характер и ведет к вероятной, правдоподобной истине, пишут и авторы книги «Состязательное право судьи» [12, с. 239—244]. Исходя из юридической истины, В. М. Розин отмечает: «… Мысль юриста разворачивается в условном плане… Знать определенно, какие были события *на самом деле,* юрист не может; ведь мертвое тело — это еще не событие. Человек мог умереть естественной смертью, его могли убить, его естественную смерть могли имитировать уже задним числом, он мог умереть после побоев. Какое из этих событий было на самом деле, знает один Бог… юрист может лишь *предположить* определенное событие… Итак, достаточно очевидно, что следователь создает определенные *интерпретации*, *версии* событий» [12, с. 241—242].

О том же пишет и Е. Б. Мизулина: «Действительно, уголовно-процессуальная деятельность всегда имеет дело с прошлым и вероятностным суждением о том, что имело место в действительности. По поводу неочевидного мы можем только предполагать, допуская, что оно имело «место в действительности» [13, с. 53]. «Судебная истина» может претендовать лишь на статус гипотезы» [13, с. 55].

Напротив, гносеология материалистической диалектики основывается на том, что истина, обнаружение которой является предметом усилий следствия и суда, состоит в полном и точном соответствии действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах рассматриваемого уголовного дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц [14].

Ревизия этого положения, реставрация давно уже развенчанной позиции, согласно которой юридическое познание носит вероятностный характер, — дело весьма небезобидное. Если объективную истину заменяет вероятность совершения преступления обвиняемым, то это не что иное, как просто подозрение. Как же это соотносится с позицией разработчиков УПК РФ о необходимости всемерной защиты прав, свобод и законных интересов обвиняемых? О какой научной обоснованности закона здесь можно говорить? Истинно ли уголовное судопроизводство, где не требуется установления истины [15, с. 16, 17]?

Примечательно, что при отказе от объективной истины в интересах «юридической (вероятной) истины» исходят не из объективной истинности квалификации содеянного, а признают лишь *релятивизм* юридической квалификации [12, с. 291], что означает, по существу, простор для субъективизма следователя, дознавателя, судьи.

К числу основных гносеологических требований, ведущих к объективно-истинному результату, относится и требование объективности, полноты и всесторонности познания. Это тот необходимый путь, который ведет к объективной истине. На органическую взаимосвязь цели и средств ее достижения указывал К. Маркс: «… разве характер самого предмета (речь идет об истине) не должен оказывать никакого, даже самого ничтожного, влияния на исследование? Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование — это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге. И разве способ исследования не должен изменяться вместе с предметом?» [16, с. 7, 8]. И вот «предмет» с принятием современного УПК РФ действительно изменился. Либеральный уголовный процесс России

исходит, как отмечалось, не из объективной истины, а из «состязательно-выигрышной (юридической) истины», поэтому и ведущий к ней путь основан не на всесторонности, полноте и объективности исследования материалов дела, а на противоборстве, состязании сторон. А это, по существу, разные вещи.

В. М. Сырых пишет: «В ранее действовавшем УПК РСФСР основные гносеологические требования были закреплены в ст. 21 в виде требований полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела. В действующем УПК РФ подобного предписания нет, но это вовсе не освобождает судью, прокурора, следователя и дознавателя от необходимости руководствоваться этими требованиями в своей деятельности, поскольку это необходимые условия любой познавательной деятельности, ориентированной на верное познание действительности. Гносеология как всеобщая наука действует везде, где есть действительное познание, независимо от того, закреплены ее принципы в законе или нет. Соответственно, и должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, не могут получить достоверных знаний, иначе как неукоснительно соблюдая и реализуя общие принципы гносеологии» [16, с. 229—300].

Безусловно, это важно, необходимо, и должностные лица, осуществляющие уголовный процесс, должны применять на практике общие принципы диалектической гносеологии, чтобы получить достоверные, объективно-истинные знания по уголовным делам. Но это свойственно *исследовательскому* типу уголовного процесса, ведущему к объективной истине. Тогда как действующий УПК РФ — это принципиально иной тип уголовного процесса — *состязательный* — исключающий объективную истину; его основу составляют совсем другие ценности — либеральные, прагматически-выигрышные, несовместимые с действительно достоверным познанием обстоятельств уголовного дела.

Верно пишет Г. В. Мальцев: «… в новом российском уголовно-процессуальном Кодексе (2001 г.) снято упоминание об истине как принципе правосудия, который был закреплен в ранее действовавших кодексах. Не оказалось в нем и статьи, обязывающей суд принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Многие новые институции уголовного процесса, похоже, намеренно не содействуют достижению истинности, полноты и объективности картины совершенного преступления» [8, с. 77].

Именно законодатель в состязательном УПК РФ, как представляется, сознательно блокирует, создает формально-юридические препятствия для применения должными лицами, осуществляющими уголовный процесс, общих принципов гносеологии, ведущих к объективно-истинному результату, поскольку ориентирует их на меркантильные, выигрышные, по существу, заниженные цели (в отличие от истинных целей). И большая разница, подчиняемся ли мы в своем сознательно осуществляемом мышлении этим логическим (диалектическим) законам и схемам гносеологии или же они действуют в нем вопреки нашим сознательно применяемым нормам и правилам [17, с. 166]. В определенной степени это происходит в судебно-следственной практике. Правоприменители — судьи, прокуроры, следователи и дознаватели интуитивно тянутся к объективной истине вопреки предписываемой действующим УПК РФ юридической (формальной, состязательно-выигрышной) истине.

В. М. Сырых отмечает: «Объективные цели могут быть реализованы в предметно-практической деятельности с помощью *специальных процедур*, способных сложную и многообразную деятельность, осуществляемую судом, прокурором, следователем или дознавателем привести к объективно-истинному результату. Совокупность этих процедур, закрепленная уголовно-процессуальным законодательством, аккумулирует многовековой опыт борьбы государственных органов с преступностью, учитывает достижения современной правовой науки и также является объективной. Как известно, не только результат, но и ведущий к нему путь должен быть истинным» [16, с. 301]. Здесь, на наш взгляд, В. М. Сырых (вольно или невольно), по сути, выдает желаемое за действительное. Не следует забывать, что у современного либерального УПК РФ, как отмечалось, не «объективные», а «состязательные» («состязательно-выигрышные») цели. Стало быть, и средства («специальные про-

цедуры»), применяемые в УПК РФ и приспособленные к этим целям, также носят не объективно-истинную, а состязательную направленность и ведут, соответственно, не к объективно-истинному результату, а к состязательно-выигрышному, (а для слабой стороны — к состязательно-проигрышному) результату. В состязании двух сторон всегда побеждает сильнейший (сильный, а не правый). «И разве способ исследования не должен изменяться вместе с предметом?» [18, с. 8]. «Способ исследования» действительно изменяется при кардинальной смене типа уголовного процесса. И отвечающий современным реалиям УПК РФ это наглядно подтверждает и демонстрирует.

Модель современного УПК РФ состязательная, поэтому в нем все «осостязательствовано»: и цель (назначение уголовного судопроизводства — ст. 6), и уголовно-процессуальные принципы (средства), и правовые институты. Вовсе не случайно в УПК РФ нет цели борьбы с преступностью (быстрое и полное раскрытие преступлений, неотвратимость ответственности виновных), а все сводится к подходу «состязание для состязания», все в пределах состязательности. Это подтверждает и сам В. М. Сырых, когда справедливо замечает, что в то же время и действующий УПК РФ не является безупречным с точки зрения способности закрепленных им процедур обеспечивать получение объективных данных, поскольку проектанты и законодатель не смогли полностью устоять перед соблазном упростить уголовное судопроизводство и допускают возможность постановки обвинительного приговора без проведения судебного следствия в случаях, когда обвиняемый лично ходатайствует об этом и согласен с предъявленным ему обвинением; закрепленный УПК РФ принцип состязательности низводит положение суда до органа, который лишь формально оценивает представленные в ходе судебного следствия доказательства и не отвечает за поиск истины по делу. В результате создаются условия для того, чтобы в суде господствовала не истина по делу, а умение государственного обвинителя и защитника преподнести суду добытые доказательства по делу и др. [16, с. 303—304].

Далее, как уже отмечалось, согласно гносеологии материалистической диалектики полярные противоположности должны быть четко выражены и нельзя стирать, затушевывать различия между ними, например, между целью и средствами, формой и содержанием, вероятностью и достоверностью, истиной и заблуждением, неотвратимостью ответственности и безнаказанностью, презумпцией невиновности и презумпцией виновности, публичностью и диспозитивностью в уголовном процессе. Между тем законодатель в состязательном УПК РФ отходит от этих требований диалектики и сглаживает различия между названными противоположностями.

Так, статья 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства», претендующая на цель судопроизводства, находится в главе 2 УПК РФ — принципы уголовного судопроизводства. Но принципы — это ничто иное как средства. Выходит, что цель в УПК РФ отождествилась со средствами. А поскольку все принципы в состязательном УПК РФ «осостязательствованы», то состязательность становится самоцелью всего нынешнего уголовного процесса, т. е. в УПК РФ нет цели, выходящей за рамки состязательности, за пределы подхода состязание для состязания.

В состязательном уголовном процессе процессуальная форма первенствует, главенствует над содержанием, содержание фактически отождествляется в нем с формой; явно проявляется «приоритетность установленной законом процедуры судопроизводства по сравнению с задачей установления фактических обстоятельств дела» [5, с. 8—9], т. е. приоритет формы, формальной истины над объективной истиной. Но как верно заметил В. В. Лунеев «процедура важна, но она не может быть выше искомой истины по делу» [19, с. 15].

Факт сглаживания, примирения полярных различий между презумпцией невиновности и презумпцией виновности в состязательном уголовном процессе (вопреки диалектике) проявляется в том, что если первое предложение ч. 2 ст. 14 УПК РФ действительно выражает важное правило, вытекающее из презумпции невиновности: «Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность», то согласно второму предложению, на сторону обвинения возлагается лишь «бремя доказывания обвинения и опровержения

доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого». Отсюда бремя доказывания невиновности подозреваемого или обвиняемого, обязанность выдвижения доводов в их защиту переходит на саму сторону защиты, а это уже есть факт проявления сущности презумпции виновности. «Состязательная» конструкция презумпции невиновности в УПК РФ не случайна, поскольку здесь она служит не достижению объективной истины, а «вполне сочетается только с принципом юридической (судебной) истины…» [20, с. 91].

Поскольку законодатель не обязывает правоприменителей в УПК РФ устанавливать объективную истину, то и *публичность* утратила в нем значение формообразующей идеи. Вместо этого аналогичное значение для состязательного уголовного процесса теперь имеет *диспозитивность* [20, с. 85, 98], т. е. свобода сторон распоряжаться своими правами в моих практических интересах.

Согласно диалектической гносеологии объективная истина — есть процесс, она всегда *доказывается*. То есть она не может быть дана в «готовом виде», например, в виде версии, гипотезы, фактической презумпции, не может она и «состязательно-выигрываться». Объективная истина не может возникнуть мгновенно, подобно «пистолетному выстрелу», по выражению Гегеля. Истина — это процесс постепенного постижения, становление, и результат, как бы он ни был высок, ничто без пути, приведшему к нему. «Ибо, — как писал Гегель в “Феноменологии духа”, — суть дела исчерпывается не своей *целью*, а своим *осуществлением*, и не *результат* есть *действительное* целое, а результат вместе со своим становлением» [21, с. 8]. Один результат, на его взгляд, это труп, оставивший позади себя жизнь.

Если гносеология материалистической диалектики исходит из необходимости признания таких противоположностей, как *относительное* и *абсолютное*, то действующий состязательный УПК РФ весь пронизан гносеологией релятивизма: все относительно, условно, «разрешено все, что не запрещено законом» (в частности, подозреваемый и обвиняемый вправе «защищаться всеми не запрещенными настоящим Кодексом способами и средствами» — ч. 2 ст. 16 УПК РФ), все релятивно, отрицаются какие-либо абсолютные ценности, к каким по праву следует отнести и права личности и объективную истину. Для УПК РФ все относительно, ничего абсолютного нет, нет объективной истины, а есть «плюрализм истин», мнений, не существует какой-либо объективной справедливости, а есть лишь «справедливость победителя» — вот смысловой подтекст состязательного уголовно-процессуального законодательства России. Относительны, соответственно, в нем и законные права личности (обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика), поскольку напрямую зависят от выигрыша — проигрыша стороны в процессе. Не приемлется в либеральном УПК РФ и принцип неотвратимости ответственности виновных в преступлении.

Законодатель в реформированном уголовном процессе существенно поменял приоритеты. Вместо бескомпромиссной борьбы с криминалом — «правовой спор» равноправных сторон (государства и личности), в котором каждая из сторон имеет право на «успех»; вместо полного раскрытия преступлений — «выигрыш дела». В результате противостояние преступности в стране резко снизилось.

Права личности, правовые гарантии в уголовном процессе не должны браться абстрактно, отвлеченно, «сами по себе», как-то: «права для прав», «гарантии для гарантий», «процессуальная форма для формы», «состязание для состязания», но непременно должны браться в неразрывной связи с необходимостью достижения высокой социально значимой цели — борьба с преступностью, достижение объективной истины по уголовным делам — это также относится к научным требованиям диалектико-материалистической гносеологии. Однако сейчас контроль над преступностью, объективная истина противопоставляются защите прав личности, хотя эти аспекты не разделимы. Верно отметил В. В. Лунеев: «Реалистический на-

учный подход исходит из того, что контроль над преступностью является целью системы уголовной юстиции, а соблюдение прав личности — одним из самых важных, но средств его достижения. Защита прав личности — более широкая цель, осуществляемая не только в процессе уголовного судопроизводства, но во всех сферах деятельности. Однако без контроля над преступностью, которая в нашей криминальной стране является самой грубой и крайней формой нарушения прав человека, вообще невозможна успешная реализация защиты прав личности» [20, с. 14].

Таким образом, вместо твердого следования научным принципам материалистической диалектики, гарантирующим достижение объективно-истинного результата по уголовным делам, мы имеем в реформированном либеральном уголовном процессе России состязательные «правила игры», обеспечивающие победу более опытной, более искусной в правовом поединке стороне. Это процесс выявления «силы», а не «истины», бесспорно, выгодный *сильному*, но не *правому*.

Список библиографических ссылок

1. Лосев А. Ф. Дерзание духа. М., 1988. С. 68.
2. Ильенков Э. В. Проблема противоречия в логике // Диалектическое противоречие. М., 1979. С. 126.
3. Гегель. Работы разных лет. Т. 1. М., 1970. С. 265.
4. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. СПб., 1914. С. 303.
5. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006. С. 16.
6. Карнеева Л. М. Достижение истины как цель доказывания // Советский уголовный процесс: учебник для вузов МВД СССР / под ред. д-ра юрид. наук, проф. С. В. Бородина. М., 1982. С. 117.
7. Именно так заявила одна из руководителей группы разработчиков УПК РФ Е. Б. Мизулина в прямом эфире «Пресс-клуба» (12 июня 2002 г.): «Поиск истины в правосудии — химера». Цит. по: Гос-во и право. 2003. № 7. С. 110.
8. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007. С. 78.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 18. М., 1973. С. 124.
10. Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. М., 2001. С. 24.
11. Моисеев Н. Н. Тирания истины. Вера в силу практического опыта. Заслон средневековью: сб. М., 2003. С. 228.
12. Розин В. М. Новая ситуация в юриспруденции: формы познания // Состязательное правосудие: тр. науч.-практ. лабораторий. М., 1996. Вып. 1. Часть II. С. 239—244.
13. Мизулина Е. Б. Независимость суда еще не есть гарантия правосудия // Гос-во и право. 1992. № 4. С. 53.
14. Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.
15. Побегайло Э. Ф. Избранные труды. СПб., 2008. С. 16, 17.
16. Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 3: Современное правопонимание. М., 2007. С. 299—300.
17. Ильенков Э. В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма (размышления над книгой В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». М., 1980. С. 166.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. М., 1955. С. 8.
19. Лунеев В. В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Гос-во и право. 2004. № 1. С. 15.

20. Уголовный процесс России: учебник / А. С. Александров [и др.]; науч. ред. В. Т. Томин. М., 2003. С. 91.

21. Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Наука логики: в 3-х т. Т. 1. М., 1970. С. 8.

© Г. А. Печников, А. П. Резван, С. Д. Назаров, 2012

* * *

Е. В. Прокуров

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ РАЗРАБОТКА ВЕРОЯТНОСТНО-СТАТИСТИЧЕСКОГО МЕТОДА ОЦЕНКИ ЧАСТНЫХ ПРИЗНАКОВ ПОЧЕРКА

В работе показан процесс подготовки и проведения экспериментального исследования по определению частоты встречаемости и идентификационной значимости частных признаков почерка. Результаты эксперимента явились основой для разработки современного вероятностно-статистического метода оценки признаков почерка в рукописях среднего и большого объемов, выполненных в обычных условиях. В статье кратко описан алгоритм применения метода при проведении судебно-почерковедческих экспертиз.

Ключевые слова: судебно-почерковедческая экспертиза, оценка частных признаков почерка, объективизация выводов эксперта-почерковеда, абсолютная и относительная частота встречаемости признаков, идентификационная значимость признаков, вероятностно-статистический метод оценки признаков почерка.

E. V. Prokurov

EXPERIMENTAL DEVELOPMENT OF STOCHASTIC AND STATISTICAL METHOD OF EVALUATION OF HANDWRITING SPECIFIC FEATURES

The article concentrates on the process of preparation and conduct of experimental research to determine the frequency of occurrence and identification significance of handwriting specific features. The results of the experiment were considered as the basis for developing the modern stochastic and statistical method of evaluation of handwriting specific features in manuscripts of average and large size written in usual conditions. The author briefly describes the algorithm of application of the method when conducting forensic handwriting examinations.

Keywords: forensic handwriting examination, evaluation of handwriting specific features, objectivization of the handwriting expert's conclusions, absolute and relative frequency of occurrence of features, identification significance of features, stochastic and statistical method of evaluation of handwriting features.

Одной из современных проблем судебного почерковедения является проблема объективизации экспертной оценки признаков почерка. Эту проблему можно назвать постоянной, так как она началась решаться фактически с момента зарождения «сличения почерков». Здесь уместно привес-

ти знаменитое высказывание Альфонса Бертильона, датированное 1897 г.: «Судебная экспертиза почерка действительно превратится в науку лишь в тот день, когда создаст таблицы вероятности для различных признаков букв, и эксперт будет давать свой вывод в такой форме: этот почерк, характеризуемый такими-то особенностями, можно встретить один раз на 1 000, или 10 000, или 1 000 000 лиц такой же социальной категории».

Проблемой объективизации оценки признаков почерка путем разработки вероятностно-статистических методов (ВСМ) занимались такие ученые-криминалисты, как: А. П. Краснов, П. Г. Орлов, С. П. Папков, И. В. Баскаков [3], С. А. Ципенюк [6]; Н. И. Шахтарина [8]; З. И. Кирсанов [1]; В. Г. Грузкова, В. Ф. Орлова [2]; А. Б. Левицкий, Э. П. Молоков, В. В. Серегин, М. Н. Сосенушкина, Е. Ю. Колесова [4]; Т. Г. Шаова, Т. И. Исматова [7].

В настоящее время для объективизации оценки частных признаков почерка в рукописях русской скорописи среднего и большого объема, выполненных в обычных условиях, применяется «Модифицированная методика вероятностно-статистической оценки совпадений признаков почерка с учетом его групповой принадлежности» [5], опубликованная более 35 лет назад. С тех пор несколько раз поменялись нормы прописей. Это значит, что идентификационная значимость признаков, указанная в таблицах данной методики, устарела. Кроме того:

— признаки в этих таблицах были подсчитаны по трем-четырем, а в некоторых буквах только по двум группам частных признаков почерка из восьми;

— детализация признаков в них была явно недостаточной, поэтому их количество во всех буквах очень ограничено. Например, в букве «а», в общей сложности (во всех трех таблицах), описано всего 22, в букве «о» — 10, в букве «ж» — 26 признаков. Для современного уровня почерковедческих исследований этого мало;

— какая-либо разметка признаков в зарисовках букв полностью отсутствовала;

— описание некоторых признаков не соответствовало методическим требованиям (в названии фигурировала одна группа частных признаков почерка, а в конкретном его выражении — другая);

— данные таблицы использовались при исследовании рукописей среднего и большого объема. В настоящее время, вследствие повсеместного применения компьютерной техники, более актуально применение аналогичных таблиц при исследовании текстов малого объема и кратких записей.

Учитывая данные обстоятельства, автор в процессе выполнения диссертационного проекта провел экспериментальное исследование по определению на настоящий период частоты встречаемости и идентификационной значимости частных признаков почерка, целью которого являлась разработка современного вероятностно-статистического метода (ВСМ) оценки частных признаков почерка в рукописях среднего и большого объемов, выполненных в обычных условиях. В дальнейшем планируется разработать ВСМ, который объективизировал бы исследование текстов малого объема и кратких записей.

Задачи эксперимента состояли в следующем:

1. Экспериментальным путем определить абсолютную и относительную частоту встречаемости частных признаков почерка в указанных рукописях.

2. С помощью математических операций, используя компьютерную технику, подсчитать их идентификационную значимость.

3. Составить новые таблицы частоты встречаемости и идентификационной значимости частных признаков почерка русской скорописи.

4. Определить число суммарной идентификационной значимости признаков, достаточное для категорического решения вопроса об исполнителе рукописей рассматриваемого вида.

5. Модифицировать вероятностно-статистический метод оценки частных признаков почерка в рукописях большого и среднего объема, выполненных в обычных условиях.

6. Наметить пути разработки ВСМ оценки частных признаков почерка в рукописях малого объема и кратких записях.

7. Дать математическое им обоснование.

8. Составить методические рекомендации для экспертов-почерковедов по применению разработанного метода.

Для достижения указанных целей и задач автором была обобщена и проанализирована почти вся специальная литература по затронутому вопросу, изучены история формирования и современное состояние классификации частных признаков почерка; собран и обработан почерковый экспериментальный материал, представляющий собой 400 рукописей большого объема, выполненных в обычных условиях.

Собственно сами эксперименты по разработке вероятностно-статистического методов состояли:

1) из подготовки и проведения эксперимента;

2) обработки полученных данных;

3) математического обоснования предложенных методов.

Подготовка и проведение экспериментального исследования заключались:

— в подборе специального текста;

— определении необходимого контингента испытуемых лиц;

— подготовке материала для проведения эксперимента;

— создании приближенно одинаковых условий для выполнения рукописей;

— написании испытуемыми экспериментального текста.

В первую очередь путем просмотра произведений художественной литературы, печатной периодической продукции и источников специальной литературы *был подобран текст* большого объема, насчитывающий 1080 письменных знаков. При этом учитывалось неоднократное повторение (устойчивость) частовстречаемых букв и обязательное наличие редковстречаемых знаков. Кроме того, для изучения признака — размещение самостоятельных фрагментов — текст был «снабжен» заголовком, датой и подписью.

Контингент испытуемых представлял собой две группы приблизительно по 300 и 100 человек. В качестве первой были привлечены курсанты и слушатели мужского и женского пола в возрасте от 17 до 25 лет, обучающиеся на 4—5 курсах следственного факультета, факультета экспертов-криминалистов, слушатели факультета переподготовки кадров Волгоградской академии МВД России, а также студенты 4-го курса юридического факультета Волгоградской академии государственной службы. Вторая группа была представлена сотрудниками УВД МВД России Комплекса «Байконур», знакомыми и родственниками автора, т. е., в общем, лицами женского и мужского пола в возрасте от 26 до 67 лет в основном с высшим образованием. Таким образом, в эксперименте участвовало 400 человек: 199 лиц мужского и 201 лицо женского пола в возрасте от 17 до 67 лет (в абсолютном большинстве возраст испытуемых колебался от 18 до 30 лет) с неполным или полным высшим образованием, имеющих достаточно большую практику письма.

Подготовка материала для проведения эксперимента заключалась в подборе однотипных пишущих приборов (шариковых или гелевых ручек с черным, фиолетовым или синим красителем) и приготовлении белых стандартных (формата А-4) нелинованных листов бумаги средней плотности, на обратной стороне которых табличным способом был сделан трафарет для указания некоторых данных испытуемых лиц, а именно: пола, возраста, национальности, образования, профессии, места работы (учебы), практики письма.

Условия и порядок проведения эксперимента. Процесс отбора образцов почерка проходил в привычной для испытуемых обстановке: в лекционном зале для курсантов, слушателей и студентов, на своих рабочих местах для служащих или в привычной домашней обстановке для родственников и знакомых. Все лица, участвующие в эксперименте, сидели за письменными столами в привычной для них позе. Отбор образцов проходил в утренние (с 9 до 11) и в послеобеденные (с 14 до 16) часы, во время которых организм человека наиболее трудоспособен. Освещение во время эксперимента было как естественным, так и искусственным. Текст писался под диктовку или путем списывания привычными пишущими приборами в основном шариковыми ручками на (как было указано ранее) специально подготовленных листах бумаги. Темп диктовки был умеренным. Каждое предложение сначала прочитывалось полностью. Затем неоднократно (2—3 раза) повторялось по частям. Начало красной строки указывалось экспериментатором. Время на выполнение рукописи не ограничивалось.

Таким образом, в течение семи месяцев было отобрано 400 рукописей большого объема, выполненных в обычных условиях лицами мужского (199 чел.) и женского (201 чел.) пола в возрасте от 17 до 67 лет. Данные тексты являлись основным экспериментальным материалом для разработки вероятностно-статистических методов.

Обработка исследуемых текстов проводилась следующим образом.

Во-первых, все тексты были произвольно пронумерованы в верхнем правом углу от 1 до 400. Во-вторых, были разработаны на каждую букву алфавита восемь (по количеству групп частных признаков почерка) специальных таблиц, состоящих из семи граф: номер по порядку; графическая зарисовка признака; описание признака; конкретная частота встречаемости признака; его суммарная абсолютная частота встречаемости; относительная частота встречаемости признака; его идентификационная значимость.

Далее процесс работы выглядел так. В рукописи под № 1 выбиралась и анализировалась первая, встретившаяся в тексте, буква «а». Буква зарисовывалась столько раз, сколько в ней выделялось признаков. Признаки фиксировались в таблицах соответствующих групп ЧПП проставлением общепринятой разметки. Дополнительно около каждой разметки признака ставился номер группы частных признаков почерка. Выявленные и зафиксированные указанным способом признаки должны удовлетворять следующим условиям:

1) быть устойчивыми (не случайными), повторяющимися в тексте минимум 3—4 раза;

2) не являться диагностическими, указывающими на факт выполнения рукописи в необычных условиях или умышленно измененным почерком;

3) относиться к хорошо выраженным, не приблизительным, а точно соответствующим указанным в описании;

4) быть основными в описании признака, а не дополнительными, указывающими на условия определения признака;

5) отвечать предъявляемым в описании требованиям выбора признака.

После зарисовки и описания всех (по усмотрению автора) признаков рассматриваемой буквы «а» в первой исследуемой рукописи против них в самой большой графе (№ 4) сводной таблицы проставлялась цифра «1», соответствующая номеру исследуемой рукописи.

Затем переходили к изучению признаков буквы «а» в рукописи № 2. Здесь поступали следующим образом. В случае определения в ней признака, соответствовавшего ранее зарисованному и описанному при исследовании предыдущего текста, в четвертой графе только проставляется номер рукописи (в данном случае — цифра «2»). Если признак выявлен впервые, он зарисовывается, размечается и описывается в таблице соответствующей группы частных признаков почерка. Только после этого в четвертой графе проставляется цифра «2».

Далее повторяется все сначала. Таким образом, изучая последовательно 400 экспериментальных рукописей, исследуются (выявляются, анализируются, оцениваются, обобщаются, зарисовываются, размечаются, описываются и отмечаются) все признаки всех 33-х букв русского алфавита.

Затем в четвертой графе против каждого признака подсчитывается количество сделанных отметок (по № текста), указывающее на число рукописей, в которых встретился тот или иной признак. Полученная сумма является абсолютной частотой встречаемости признака, фиксируемой в графе № 5.

Относительная частота встречаемости высчитывалась по известной формуле:

$$W = \frac{n}{m},$$

где W — относительная частота встречаемости признака;

n — количество рукописей, в которых встретился исследуемый признак;

m — общее количество экспериментальных текстов. Данный показатель признака определялся вручную с помощью калькулятора.

Идентификационная значимость признаков высчитывалась по формуле:

$$L = - \lg P,$$

где L — идентификационная значимость конкретного признака;

- lg — отрицательный десятичный логарифм;

P — вероятность появления признака почерка (относительная частота встречаемости признака).

Частота встречаемости (абсолютная или относительная) и идентификационная значимость признака — обратно пропорциональные величины. Чем чаще встречается признак, тем меньше его идентификационная значимость; чем реже он наблюдается в анализируемой группе почерков, тем он ценнее для идентификации.

Таким образом, в течение полутора лет автором составлялась новая современная таблица частоты встречаемости и идентификационной значимости частных признаков почерка русской скорописи, что, собственно, и явилось итогом анализа и обобщения результатов проведенных экспериментов. Указанная таблица явилась основой разработки вероятностно-статистического метода оценки частных признаков почерка в рукописях среднего и большого объема, выполненных в обычных условиях.

Алгоритм применения метода складывается из четырех этапов: подготовительного, основного, корректирующего и определяющего. Только правильное выполнение каждого этапа работы, строгое соблюдение требуемых условий может привести к теоретически обоснованному и практически объективному выводу эксперта.

На первом, подготовительном, этапе устанавливают соответствие исследуемого документа условиям применения метода. Предлагаемый вероятностно-статистический метод оценки частных признаков почерка применяется при исследовании текстов объемом 0,5—1 страницы стандартного листа, любой степени выработанности, выполненных на русском языке, в обычных условиях при предварительном формулировании экспертом эмпирическим путем любой формы положительного вывода. При наличии вышеперечисленных условий рукопись считается пригодной для проведения дальнейших исследований.

На втором, основном, этапе после определения пригодности рукописи к исследованию, эксперт приступает к выбору признаков по разработанной таблице. Если имеющийся в букве признак хорошо выражен, устойчив и совпадает с «табличным» (подходит под описание), то он берется в комплексе с указанной в таблице идентификационной значимостью. При этом, если условие выбора признака не определено в описании, признак берется при любом условии. Если при описании признака условие его выбора оговорено, то признак включался в комплекс только при обязательном его соблюдении.

Еще раз уточним, что выбранный в рукописи признак должен совпадать с описанием признака в таблице и не обязательно с его зарисовкой. Это объясняется тем, что под одно и то же описание может подходить несколько графических изображений письменного знака, а рамки таблицы позволяют в основном изобразить одну, иногда — две зарисовки описанного признака.

Естественно, все возможные признаки, встречающиеся в рукописях, экспериментальным исследованием охватить невозможно, поэтому данным методом предусматривается выбор признаков, не входящих в прилагаемую таблицу, со значимостью 0,30. Данный показатель идентификационной значимости присущ признакам с частотой встречаемости 0,5, т. е. в половине экспериментальных рукописей. Ограничений на число выбранных таким образом признаков нет.

Третий этап — корректирующий. На этом этапе применяется правило, согласно которому в одном и том же письменном знаке можно взять только один признак с наибольшей идентификационной значимостью, так как включение нескольких признаков, выделенных в одной букве, может существенно повлиять на объективность вывода эксперта.

Кроме того, при включении признака в идентификационную совокупность должное внимание следует уделять зависимости признаков друг от друга. Это часто наблюдается в буквах, имеющих однотипные элементы, например, «л» и «м»; «д» и «у»; «ц» и «щ»; «н» и «ю» и др. В таких буквах брать взаимозависимые (фактически одни и те же) признаки нельзя.

Четвертый этап — определяющий. После выявления совпадающих признаков почерка, проверки их на устойчивость и взаимозависимость, определения идентификационной значимости каждого признака, включенного в комплекс, производится подсчет суммарной значимости всей выделенной в окончательном варианте совокупности признаков почерка. При исследовании анализируемого рода рукописей для категорического по-

ложительного вывода о тождестве исполнителя эксперт должен набрать число «9».

Обосновывается данное число следующим образом. Исходя из теории вероятности, оно представляет собой количество нулей в знаменателе дроби — 1/1000000000, т. е. величины 10 «в минус девятой степени». Получая данное число суммарной значимости, эксперт делает вывод, что совокупность взятых признаков встречается один раз на 1 000 000 000 (миллиард) почерков, что фактически исключает случайное совпадение выявленного комплекса признаков с аналогичными в других почерках.

Естественно, суммарное число идентификационной значимости несколько завышено, так как миллиард человек на земном шаре не пишут на русском языке. Однако при выборе данного показателя исходили из того, что, во-первых, учесть все взаимозависимые признаки в почерках фактически невозможно и, во-вторых, лучше «перестраховаться», чем сделать необъективный вывод эксперта.

Таким образом, вероятностно-статистический метод оценки частных признаков почерка в рукописях среднего и большого объема, выполненных на русском языке в обычных условиях, предусматривает категорический положительный вывод эксперта в случае соблюдения всех вышеописанных методических рекомендаций и определения суммарной идентификационной значимости выделенной совокупности совпадающих частных признаков почерка, равной указанному доверительному уровню, т. е. числу «9».

Список библиографических ссылок

1. Вероятностно-статистические методы почерковедческих исследований / под ред. З. И. Кирсанова. М., 1974.

2. Грузкова В. Г. Методика вероятностной оценки совпадений признаков почерка при идентификационной исследовании «смешанных» (буквенных и цимфровых) записей // Применение методов исследования, основанных на вероятностном моделировании, в судебно-почерковедческой экспертизе: метод пособие / под ред. В. Ф. Орловой. М., 1976.

3. Графическая экспертиза документов / А. П. Краснов [и др.]. // Техника экспертизы документов. М., 1965. Вып. 1.

4. Методика вероятностно-статистической оценки совпадающих частных признаков почерка в прописных буквах русского алфавита: учеб. пособие / А. Б. Левицкий [и др.]. М., 1998.

5. Применение методов исследования, основанных на вероятностном моделировании, в судебно-почерковедческой экспертизе: метод. пособие / под ред. В. Ф. Орловой. М., 1976.

6. Ципенюк С. А. Оценка признаков почерка при криминалистической экспертизе текстов, выполненных с подражанием типографским шрифтам и специальным шрифтам. Киев, 1963.

7. Шаова Т. Г., Исматова Т. И. Модифицированная методика вероятностно-статистической оценки частных признаков почерка в рукописях, выполненных буквами по типу печатных знаков. Волгоград, 1999.

8. Шахтарина Н. И. Судебно-почерковедческая экспертиза с использованием данных количественной значимости частных признаков // Экспертная техника. М., 1968. Вып. 26.

© Е. В. Прокуров, 2012

* * *

Ф. Г. Серый

О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье дано определение понятия научно-технического обеспечения оперативно-разыскной деятельности, рассмотрены этапы применения технических средств органами внутренних дел, современные тенденции в разработке и внедрении технических средств в работу ОВД.

Ключевые слова: технические средства, научно-техническое обеспечение, оперативно-разыскная деятельность, эксперно-криминалистические подразделения.

F. G. Sery

ABOUT SOME APPROACHES TO THE DEFINITION OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL SUPPORT FOR OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT BODIES

In the article the author defines the concept of scientific and technical support for operational search activities and analyzes stages of technical facilities application by law enforcement bodies as well as current trends in technical facilities development and adaptation to law enforcement bodies' activities.

Keywords: technical facilities, scientific and technical support, operational search activities, expert criminalistic subdivisions.

Развитие оперативно-разыскной деятельности с учетом влияния достижений научно-технического прогресса диктуется тем обстоятельством, что из года в год возрастают по объему и усложняются задачи получения оперативно-разыскной информации, которая в дальнейшем может быть легализована, закреплена процессуальными действиями и использована в уголовном процессе. Одно из ведущих мест в этом процессе занимает специальная техника оперативно-разыскного назначения.

Вместе с тем эффективное противодействие преступности и терроризму на современном этапе невозможно без негласного проникновения в криминальную среду с использованием последних достижений науки и техники. Причем, учитывая осведомленность населения о некоторых способах и методах оперативно-разыскной деятельности, а также усиление организованности, сплоченности, технической оснащенности преступных элементов и террористических групп, данное техническое проникновение должно осуществляться на очень высоком профессиональном уровне.

Немаловажным фактором служит то обстоятельство, что в настоящее время гражданам вполне доступны технические средства и технологии, обладающие функционалом специальной техники, они продаются в открытой продаже (например, через интернет-магазины [1]), а также входят в состав многочисленных электронных устройств, наполнивших нашу жизнь (диктофоны и видеокамеры в сотовых телефонах, камеры видеонаблюдения с передачей информации по WI-FI или радиосигналу и т. д.). Технологии же отслеживания объекта (транспорта, человека) осуществляются в коммерческой эксплуатации рядом кампаний и операторов сотовой связи (так называемый GPS-треккинг [2]). Про возможности телекоммуникационной сети Интернет и социальных сетей (Вконтакте, Facebook, Одноклассники), в считанные секунды способных представить разнообразную информацию, можно написать очень много.

Ухищренность в способах совершения преступлений, повышение организованности и технической вооруженности террористов и другие негативные тенденции, проявляющиеся в преступности, требуют применения адекватных мер со стороны правоохранительных органов.

Для понимания трансформации соотношения технической вооруженности преступности и противостоящих ей правоохранительных органов целесообразно обратиться к истории научно-технического обеспечения органов внутренних дел в целом.

В применении технических средств органами внутренних дел можно выделить три этапа. Приказом НКВД РСФСР № 40 от 9 июля 1918 г. уголовно-разыскная милиция вооружалась средствами дактилоскопии и фотографии, что сыграло важную роль в борьбе с преступностью. В мае 1922 г. в центральном аппарате был создан научно-технический отдел управления уголовного разыска. На него, в частности, были возложены задачи разработки и организации применения научно-технических средств. Создание этого отдела положило начало первому этапу применения технических средств в деятельности ОВД. Следует также отметить, что головное научно-исследовательское учреждение МВД России в гуманитарной сфере — ВНИИ МВД России берет свое начало из научно-технического отдела Главного управления милиции НКВД СССР, созданного 19 декабря 1945 г.

Второй этап начался в 60-х гг. В это время значительно возросли денежные ассигнования на милицейскую технику. В центральном аппарате Министерства охраны общественного порядка РСФСР было создано Оперативно-техническое управление, чем было положено начало созданию системы специальных технических служб.

Третий этап начался в 1993 г. созданием в МВД оперативно-технических подразделений (ОТП) и передачей в эти подразделения некоторой техники бывшего КГБ. С этого времени органы внутренних дел стали самостоятельно проводить оперативно-технические мероприятия, которые ранее проводил только КГБ по заявкам ОВД (например, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи и т. п.).

Здесь следует отметить, что с созданием Экспертно-криминалистического центра и соответствующих экспертно-криминалистических подразделений все функции научно-технического обеспечения процесса расследования (криминалистика) перешли в их ведение, задачи же научно-технического обеспечения оперативных подразделений были возложены на соответствующие отраслевые Главные управления путем создания в них технических подразделений [3]. Отсутствие головного подразделения в части научно-технического обеспечения ОРД ОВД привело, на наш взгляд, к размытию именно научной составляющей и сосредоточению усилий только на технической стороне.

Представляется, что многоплановость и сложность оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел объективно влечет за собой необходимость внедрения и применения самых разнообразных технических средств. Как показывает анализ практики, в настоящее время разработка и внедрение технических средств в работу органов внутренних дел имеет следующие тенденции:

— приобретаются в готовом виде и берутся на вооружение технические средства, создаваемые для широкого использования в различных областях человеческой деятельности, если по тактико-техническим характеристикам они подходят к нуждам органов внутренних дел (например, фотоаппараты, видеокамеры, использующие технологии мобильной связи устройства, аппаратура проводной и радиосвязи широкого применения, персональные компьютеры и т.д.);

— производимая отечественными и зарубежными компаниями техника для иных специальных служб, служб безопасности и охранных агентств (детекторы взрывчатых веществ и взрывных устройств, металлодетекторы, средства обнаружения и прослушивания переговоров абонентов мобильной связи и т. д.);

— технические средства, приобретенные в готовом виде, конструктивно изменяются или дополняются в целях приспособления их к специфическим задачам и условиям деятельности органов внутренних дел (например, средства маскировки и дистанционного управления к различным фото- и видеокамерам);

— разработка и изготовление технических средств осуществляются специально для органов внутренних дел с максимально полным учетом специфических задач и условий работы ОВД в основном силами или при координации ФКУ НПО «СТиС МВД России». Данное направление обеспечения органов внутренних дел техническими средствами должно наиболее полно отражать их интересы.

Вместе с тем, на наш взгляд, за прошедшие 20—35 лет произошли кардинальные изменения в балансе технического оснащения органов внутренних дел и преступности. Если в условиях социалистического строя милиция обладала передовыми на тот момент технологиями получения, передачи и обработки информации, то в настоящее время картина обратная — оперативные подразделения адаптируют в основном уже распространенные в обществе технические решения. Такой дисбаланс, несомненно, создает значительные затруднения для решения задач ОРД.

В этой связи встает вопрос актуального понимания самого явления «научно-техническое обеспечение оперативно-разыскной деятельности», и, в первую очередь, его определения.

Так, применительно к разыскной деятельности Т. А. Ткачук определяет научно-техническое обеспечение как «…систему действий, направленных на создание условий постоянной готовности правоохранительных органов к применению научно обоснованных методов и средств в целях поиска, фиксации, исследования и использования информации, индивидуализирующей объекты розыска, и реализации таких условий в повседневной практике розыска. При этом создание условий постоянной готовности предполагает взаимосогласованное и взаимосвязанное решение организационных, правовых, научно-технических и методических проблем использования научных методов и средств в разыскной деятельности» [4].

Применительно к оперативно-разыскной деятельности, на наш взгляд, целесообразен более широкий подход. Для определения понятия «научно-техническое обеспечение оперативно-разыскной деятельности» необходимо рассмотреть само понятие «научно-техническое обеспечение». Согласно словарю С. И. Ожегова [5], «научный» — «основанный на принципах науки, отвечающий требованиям науки», «техника» — «машины, механические орудия, устройства»; «обеспечить» — «снабдить чем-нибудь в нужном количестве; сделать вполне возможным, действительным, несомненным». Согласно ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» «научно-техническая деятельность — это деятельность, направленная на получение, применение новых знаний для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, обеспечения функционирования науки, техники и производства как единой системы [6].

С учетом того, что снабжение (то есть обеспечение) субъектов ОРД разработанных на принципах науки машинами и механизмами (то есть научно-техническое) как самоцель является достаточно однобоким, представляется целесообразным включение в понятие НТО ОРД разработку соответствующих научно обоснованных методик их использования, что приведет к повышению эффективности их использования.

Таким образом, исходя из морфологического анализа термина «научно-техническое обеспечение оперативно-разыскной деятельности» (далее — НТО ОРД), можно его сформулировать как «получение, применение новых знаний для решения задач оперативно-разыскной деятельности и снабжение разработанными на основе научных принципов машинами, механизмами, иными устройствами и методиками их применения субъектов оперативно-разыскной деятельности для правомерного (гласного и негласного) использования в ходе оперативно-разыскной деятельности».

Исходя из сформулированного определения, можно говорить о теории НТО ОРД как «учении, системе научных принципов, идей, обобщающих практический опыт и отражающих закономерности получения, применения новых знаний для решения задач оперативно-разыскной деятельности и снабжения разработанными на основе научных принципов машинами, механизмами, иными устройствами и методиками их применения субъектов оперативно-разыскной деятельности». Соответственно, теория НТО ОРД должна базироваться на соответствующих принципах и разрабатывать структуру, формы, средства и меры научно-технического

обеспечения предупреждения, предотвращения и пресечения наиболее опасных преступлений гласными и негласными методами, задержания преступников, стратегию и тактику, условия и способы применения этих сил, средств, форм и методов [7].

Теория научного обеспечения оперативно-разыскной деятельности может рассматривать те стороны готовящихся, совершаемых или совершенных преступлений, сведения о которых необходимы для научно обоснованного и эффективного применения как традиционных оперативно-разыскных мер, так и особой группы мер — оперативно-боевых [7].

Как следует из теоретических посылов ОРД, так и из законодательно закрепленных норм, «в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий используются …, а также *другие технические и иные средства*, не наносящие ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющие вреда окружающей среде» [8], то есть ключевым в развитии научно-технического обеспечения должен быть принцип ненанесения ущерба жизни и здоровью людей и непричинения вреда окружающей среде.

В силу развития научно-технического прогресса в современном обществе появляются знания, технологии и товары (технические средства), которые меняют привычный уклад жизни, мораль и нормы общения. Соответственно, получают научно-техническое развитие способы подготовки преступлений (анонимное общение и передача сведений об устройстве и изготовлении средств совершения преступлений (оружия, взрывчатых веществ — ВВ) и взрывных устройств (ВУ) в информационных сетях, использование технологий сотовой связи при изготовлении самодельных ВУ), их совершения и ухода от ответственности.

В первую очередь это касается наиболее общественно опасных преступлений (терроризм, убийство, покушение на жизнь сотрудника правоохранительных органов) как готовящихся, так и совершаемых и совершенных. Данные условия и определяют необходимость принятия мер научно-технического обеспечения оперативно-разыскной деятельности наряду с устоявшимися оперативно-разыскными и оперативно-боевыми мерами. В рамках изучения личности преступника, его особо опасных способов действий, условий, которые он использует для достижения своих преступных целей, а также мер, им принимаемых для избегания ответственности, целесообразно применение всего арсенала методов научно-технического обеспечения ОРД и ОБД. Наиболее часто научно-техническое обеспечение оперативно-разыскной и оперативно-боевой деятельности проводятся в отношении групп преступников, особенно террористической и бандитской направленности.

Объектом познания для теории научно-технического обеспечения оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел может являться также практика деятельности оперативно-разыскных, оперативно-технических, оперативно-поисковых, специальных, научно-исследовательских, научно-производственных, материально-технических подразделений органов внутренних дел, потому что эта теория предназначена для обслуживания данного рода государственной деятельности — борьбы с преступностью, но с использованием сил, средств и методов научно-технического обеспечения оперативно-разыскной деятельности. Специфику и важность этой работы предопределяет применение и решение задач особого масштаба. Научно-техническое обеспечение оперативно-разыскной деятельности представляет собой реализацию функции государства по обеспечению правопорядка и законности.

Научно-техническое обеспечение оперативно-разыскной деятельности потому и определяется так, что в ходе ее реализации имеет место как изучение практики деятельности объектов НТО ОРД, так и получение новых знаний, их техническое воплощение и практическое использование. Применение подобных средств необходимо, поскольку названная деятельность чаще всего осуществляется для борьбы с преступлениями террористического характера, а также преступлениями против основ конституционного строя и безопасности государства (например, диверсии, насильственный захват власти).

В теории научно-технического обеспечения оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел важное значение имеет раскрытие на основе изучения и обобщения экспериментального опыта сущности и содержания соответствующей деятельности, ее целей, задач, функций, структуры, а на этой основе — разработка предложений и рекомендаций по ее совершенствованию. В целом теория научно-технического обеспечения

оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел — это система выявленных путем научных исследований знаний о закономерностях, входящих в ее предмет.

Таким образом, развитие теории НТО ОРД позволит выработать наиболее эффективные правовые, организационные, технические и тактические способы построения данного вида деятельности.

Список библиографических ссылок

1. Владивосток заполонила шпионская аппаратура. Владивосток, 21 июля 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: PrimaMedia.RU (дата обращения: 12.01.2012).

2. Рожкова М. Технологии GPS-трекинга выходят на массовый потребительский рынок: справка по рынку GPS-трекинга в России [Электронный ресурс] // Мост безопасности. 2009. URL: www.security-bridge.com (дата обращения: 12.01.2012).

3. 85 лет экспертно-криминалистической службе органов внутренних дел России: сб. ст. М., 2004.

4. Ткачук Т. А. Научно-техническое обеспечение разыскной деятельности в уголовном процессе России: автореф. … дис. д-ра юрид. наук. Владимир, 2011.

5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 5-е изд. М., 1963.

6. О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (с изм. и доп. от 19 июля 1998 г.). Гл. I. Ст. 2.

7. Селиверстов С. А. Оперативно-боевая деятельность ОВД: монография. М., 2007.

8. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. федер. законов от 18.07.1997 г. № 101-ФЗ; от 21.07.1998 г. № 117-ФЗ; от 05.01.1999 г. № 6-ФЗ; от 30.12.1999 г. № 225-ФЗ; от 20.03.2001 г. № 26-ФЗ; от 10.01.2003 г. № 15-ФЗ; от 30.06.2003 г. № 86-ФЗ).

© Ф. Г. Серый, 2012

* * *

Б. П. Смагоринский, В. Б. Вехов, А. Н. Мартынов

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ОБОРОТА МАТЕРИАЛОВ С ПОРНОГРАФИЧЕСКИМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассматриваются проблемные теоретические и прикладные вопросы расследования изготовления и оборота материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Анализируется действующее законодательство. Приводятся примеры из следственной и судебной практики.

Ключевые слова: порнография, педофилия, порнографические материалы, компьютерные технологии, Интернет, услуги связи, фотография, видеозапись.

B. P. Smagorinsky, V. B. Vekhov, A. N. Martynov

PECULIARITIES OF INVESTIGATION OF PRODUCTION AND TRADE IN MATERIALS WITH PORNOGRAPHIC IMAGES OF JUVENILES MADE WITH THE USE OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

The article focuses on the problematic theoretical and applies issues of investigation of production and trade in materials with pornographic images of juveniles made with the use of information and telecommunication

technologies. The authors analyze the current legislation and give examples from investigation and court practice.

Keywords: pornography, pedophilia, pornographic images, computer technologies, Internet, communication services, photograph, video recording.

Анализ практики работы органов предварительного расследования свидетельствует о том, что за последние годы в числе выявленных преступлений, отличающихся повышенной общественной опасностью, широкое распространение получили преступные посягательства против детей, совершенные с использованием современных компьютерных технологий. Особую тревогу вызывают изготовление и оборот материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, которые осуществляются с помощью сервисов глобальной информационно-телекоммуникацион-ной сети Интернет [1] и сетей мобильной радиотелефонной связи (сотовой радиосвязи) [2]. Интеграция этих сетей связи, мнимая обезличенность их пользователей, доступность и универсальность технических средств доступа к информационным ресурсам, простота создания и обработки цифровых фото- или видеоизображений, сложность определения места фактического нахождения отдельных информационных ресурсов и установления их владельцев, наличие анонимных платежно-расчетных систем, — все это в совокупности привлекает повышенное внимание криминальных структур и элементов.

Наличие возможности многократной логической переадресации запроса пользователя на доступ к определенному информационному ресурсу через ряд физических серверов различных операторов связи [3] обусловливает межрегиональный и транснациональный характер выделенных преступных посягательств, направленных против здоровья населения и общественной нравственности.

Вместе с этим, разместив свои порнографические материалы на физическом сервере зарубежного оператора связи, преступник на некоторое время страхует себя от риска быть выявленным и привлеченным к уголовной ответственности. Помогают ему в этом существующая бюрократическая система взаимодействия между правоохранительными органами государств и различия в национальных законодательствах.

Сетевые компьютерные технологии, а также средства цифровой электросвязи, фото- и видеосъемки предоставили преступникам практически неограниченные возможности для анонимного поиска потенциальных потерпевших, изготовления, массового распространения и рекламирования материалов и предметов с порнографическими изображениями лиц, не достигших возраста 18 лет. Например, в мае 2007 г. Верховным судом Российской Федерации был оставлен без изменения приговор Архангельского областного суда в отношении преступников, вовлекавших детей в изготовление порнографических материалов. Следствием было установлено, что в декабре 2003 г. Янис П. создал организованную преступную группу лиц, которая занималась вербовкой несовершеннолетних для изготовления и распространения порнографических материалов с их участием. В нее вошли Михаил В., Юрий Д., Станислав Х., Григорий К. и Светлана А. Группа функционировала на территории Москвы, Санкт-Петербурга и Архангельской области.

В январе 2004 г. в Архангельске преступники создали ООО «Норд модельс», которое занималось поиском юных моделей. Отбор, следующие за ним фото- и видеосъемки несовершеннолетних проводились в двух гостиницах города, а также на природе. Девочкам и их родителям обещали солидное вознаграждение и успешную карьеру в области модельного бизнеса. Большинство школьниц было из малообеспеченных семей, поэтому они охотно соглашались на участие в кастингах и фотосъемках. Пострадавшими по делу были признаны 30 несовершеннолетних девочек, самой младшей из которых на момент совершения преступления было всего шесть лет.

Готовые фото- и видеоматериалы порнографического содержания распространялись на специально открытых для этих целей платных порносайтах в сети Интернет. Их оформление было рассчитано на зарубежных пользователей — граждан иностранных государств. Деньги за посещение этих сетевых информационных ресурсов, подписку на получение новостей с них, копирование и заказ материалов, содержащих порнографические изображения несовершеннолетних, приходили на счета, открытые Янисом П. — организатором преступной группы.

В ходе производства обысков у преступников были изъяты сотни компакт-дисков и видеокассет с порнографическими фотографиями и видеозаписями, а также фото- и видеокамеры, компьютерная техника и другая аппаратура.

Раскрывая преступления, совершенные группой указанных лиц, сотрудники органов предварительного расследования ГУВД по Архангельской области работали в тесном контакте не только со своими коллегами из других регионов России, но и с работниками полиции Германии и США. Взаимодействие с последними осуществлялось по линии Международной организации уголовной полиции «Интерпол» [4].

Задержание преступников осуществлялось одновременно в Архангельске и Санкт-Петербурге.

В ходе судебного заседания все обвиняемые тщательно прятали свои лица. Они были признаны виновными в совершении десятков преступлений, предусмотренных пп. «б» и «в» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ. В отношении только одного Яниса П., организатора преступной группы, было доказано 56 таких преступлений. Помимо этого, один из осужденных — Юрий Д. был признан виновным в совершении преступлений против половой неприкосновенности малолетних девочек. Таким образом, по совокупности совершенных преступных деяний суд приговорил Юрия Д. к 12 годам лишения свободы, а Яниса П. к 10 годам лишения свободы. Михаил В. и Станислав Х. проведут в местах лишения свободы 5 лет, а Григорий К. и Светлана А. — 4 года.

По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, количество преступлений, изложенных в диспозиции ст. 242.1 УК РФ, которые были совершены с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, ежегодно увеличивается в 2,6 раза. При этом в суд направляется только около 67 % уголовных дел [5].

Как отмечается в представлении заместителя Генерального прокурора, направленном в начале 2006 г. в адрес Министра внутренних дел Российской Федерации, несмотря на то, что годовой оборот рынка детской порнографии уже достиг 3,5 млрд евро, результативность борьбы с подобными преступлениями остается крайне низкой. В нарушение требований ст. 2 Закона Российской Федерации «О милиции» деятельность органов внутренних дел по выявлению этих преступлений не соответствует фактической распространенности в глобальной компьютерной сети Интернет порнографических материалов с изображением несовершеннолетних. Органы внутренних дел не ведут планомерной работы по выявлению преступлений, связанных с коммерческой сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации, а также распространению порнографических материалов посредством их размещения в сетях сотовой связи. Несмотря на то, что порнобизнес приобретает все более организованный межрегиональный и транснациональный характер, преступные группы в указанной сфере практически не выявляются. Судя по результатам прокурорских проверок, организованные преступные группы и сообщества, занимающиеся изготовлением и оборотом детской порнографии, а также совершением иных преступлений против несовершеннолетних с использованием компьютерных технологий, изобличаются в единичных случаях.

После указанной справедливой критики, прозвучавшей в адрес сотрудников органов внутренних дел, борьба с преступлениями рассматриваемого вида значительно активизировалась. Например, в мае 2007 г. сотрудниками специализированного органа дознания — отдела «К» Управления специальных технических мероприятий ГУВД по Алтайскому краю после проведения проверочной закупки были задержаны трое жителей Барнаула. В ходе последовавшего предварительного следствия было установлено следующее.

Молодые люди, 1985—1987 гг. рождения, двое из которых являлись учащимися местного колледжа, размещали в сети Интернет объявления о продаже на компакт-дисках видеоматериалов, содержащих порнографические изображения несовершеннолетних, в том числе малолетних детей. Как правило, эти объявления выставлялись на информационных ресурсах (web-сайтах, электронных страницах, форумах и чатах) провайдеров услуг Интернет зарубежных государств. Это позволило преступникам какое-то время уходить от уголовной ответственности. Тем не менее их преступная деятельность была полностью задокументирована и пресечена. В ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий и проверочных действий сотрудникам отдела «К» при содействии московских коллег и работников спецслужб Бельгии, Франции и Италии удалось установить и задержать подозреваемых. Взаимодействие с иностранными правоохранительными органами осуществлялось через территориальные подразделения Национального центрального бюро (НЦБ) Интерпола России и указанных зарубежных государств.

Под тяжестью собранных и надлежащим образом оформленных материалов ОРД [6], в которых содержались достаточные данные, указывающие на признаки совершенных преступлений, предусмотренных пп. «б» и «в» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ, все задержанные дали признательные показания, написав явку с повинной. После возбуждения уголовного дела в жилищах подозреваемых были проведены обыски, в ходе которых удалось обнаружить и изъять компьютерную технику, в том числе модемы для выхода и работы в сети Интернет, жесткие магнитные диски и оптические компакт-диски, содержащие большое количество фото- и видеоматериалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

Следствием было установлено, что указанная преступная группа лиц по предварительному сговору длительное время хранила в целях рекламирования и распространения, а также распространяла и рекламировала с помощью сервисов компьютерной сети Интернет фото- и видеоматериалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних, в том числе заведомо не достигших четырнадцатилетнего возраста. После получения заказа от клиента по электронной почте на компакт-диск преступниками копировались соответствующие фото- и (или) видеоматериалы. Затем готовая продукция отправлялась по указанному клиентом почтовому адресу заказным почтовым отправлением. За время преступной деятельности подозреваемым удалось продать отечественным и зарубежным гражданам значительное количество таких компакт-дисков. Оплата за эту работу к преступникам поступала как обычными почтовыми переводами, так и по электронным почтовым, интернет и банковским платежным системам. Оборот порнографических материалов с изображениями несовершеннолетних принес преступникам доход в размере нескольких сотен тысяч рублей. Согласно разработанному преступниками прейскуранту цен отдельные покупатели единовременно перечисляли по 20 тыс. руб. предоплаты. В некоторых случаях, получив деньги, преступники не исполняли своих обязательств и заказчики оставались без ожидаемого товара: посылка адресату не отправлялась.

Практика расследования уголовных дел о преступлениях рассматриваемой категории показывает, что существует целый ряд проблем, которые негативным образом влияют на конечные результаты работы органов предварительного следствия. Все они требуют своего скорейшего разрешения. Наиболее существенными из них являются:

1. Отсутствие законодательного определения таких важных с квалифицирующей точки зрения понятий, как «порнография» и «порнографическое изображение несовершеннолетних». По этому поводу следует отметить, что проект Федерального закона «О государственной защите нравственности и здоровья граждан и об усилении контроля за оборотом продукции сексуального характера» (№ 96700079-2), в ст. 4 которого дано определение порнографической продукции, был принят 7 апреля 1999 г. Государственной думой во втором чтении, но отклонен Президентом Российской Федерации. В связи с чем отнесение или неотнесение того или иного материала к категории «порнография» субъективно определяется в каждом конкретном случае следователем. Для установления этого важного обстоятельства необходимы специ-

альные знания, и поэтому назначается судебная экспертиза. На стадии ее подготовки возникают два взаимосвязанных вопроса:

1) из какой области или областей специальных знаний следует привлечь эксперта (экспертов)?

2) кому поручить ее производство?

Анализ следственной практики показывает, что чаще всего назначается искусствоведческая либо комплексная психолого-искусствоведческая судебная экспертиза, производство которой поручается специалистам учреждений культуры и психологам. Например, как следует из материалов уголовного дела, расследованного в следственной части главного следственного управления при ГУВД по Кемеровской области, некто К. у не установленного следствием лица приобрел библиотеку машинных носителей информации — дисков CD-ROM, на которых находились многочисленные видеоматериалы, содержащие порнографические изображения несовершеннолетних. Длительное время К. в целях наживы рекламировал и распространял эти материалы на дисках CD-ROM путем их продажи и сдачи в прокат. Данные объекты были направлены следователем на судебную искусствоведческую экспертизу. Ее производство было поручено экспертам Кемеровского киноцентра. Как следует из данного ими заключения, на исследованных дисках CD-ROM находятся видеоматериалы, которые содержат грубое натуралистичное, детальное изображение анатомических и физиологических подробностей сексуальных отношений; сцены сексуального насилия в отношении детей; локальное изображение частей тела, несущих эрогенную реактивность и участвующих в половом акте; сцены порнографического содержания, натуралистично, подробно фиксирующие сцены полового акта и детализированную демонстрацию обнаженных гениталий в процессе сексуального контакта, запечатленных исключительно для возбуждения сексуальных инстинктов зрителей вне какой-либо художественной или просветительской цели; самоцельное изображение групповых сексуальных действий; манипулирование с частями тела, несущими эрогенную реактивность, приводящее к неестественному виду физиологии человеческого тела, свидетельствующее о сексуальном возбуждении [7].

Заключение экспертов было положено в основу обвинения и в дальнейшем способствовало вынесению обвинительного приговора.

Вместе с тем следует обратить внимание, что положения нормативно-правового документа (приказа Минкультуры РФ от 05.03.2001 г. № 192), которым руководствовались эксперты-искусствоведы, применимы лишь для исследования видеофильмов и телевизионных программ, зафиксированных на машинных носителях, находящихся в памяти компьютерных устройств (ЭВМ, аппаратов сотовой радиотелефонной связи) или передающихся по информационно-телекоммуникационным сетям. Но они не могут быть использованы при исследовании материалов, находящихся с юридической точки зрения в другой объективной форме представления, например, в виде отдельного фотоснимка, видеоряда фотоснимков, картинки-фона («обоев») электронной страницы сети Интернет или экрана сотового радиотелефона.

В этом случае отсутствие соответствующих научно обоснованных и апробированных на практике методик проведения рассматриваемой судебной экспертизы предоставляет возможность стороне защиты ставить под сомнение выводы экспертов со стороны обвинения и исключать данное ими заключение и последующие показания из доказательственной базы. Мало того, очень часто стороной защиты инициируется проведение альтернативной судебной искусствоведческой экспертизы, для производства которой приглашается эксперт более высокой квалификации, имеющий ученую степень и ученое звание. Он ставит под сомнение или опровергает выводы, данные ранее экспертами со стороны обвинения. Так, например, по ходу экспертного исследования фотоснимка, содержащего порнографическое изображение несовершеннолетнего, им проводится сравнение этого фотоснимка с произведением искусства, художественная ценность которого не вызывает сомнений, — картиной известного художника, на которой также изображен обнаженный несовершеннолетний. Каждому предмету окружающей обстановки, положению тела и его отдельных частей, взаимному расположению предметов и тела относительно друг друга, запечатленных на фотографии, придается художественное значение. В итоге

обосновывается и делается вывод о том, что фотография в совокупности с запечатленным на ней изображением представляет собой художественную ценность и относится к разряду фото-художественного произведения искусства.

2. Для квалификации преступного деяния по ст. 242.1 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за изготовление и оборот материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, мало установить, что эти материалы являются порнографическими. Необходимо также доказать, что изображенному на них лицу на момент совершения преступления не исполнилось 18 лет. Сделать это достаточно проблематично. Сложность возникает в определении точной даты создания порнографического материала, юридического возраста изображенного на нем лица и установлении причинно-следственной связи между ними. Например, очень часто на порнографических материалах изображаются лица, по внешним признакам похожие на несовершеннолетних, но имеющие возраст 18—19 лет. Иногда совершеннолетние лица специально гримируются под несовершеннолетних. В обычной жизни этот прием очень часто используют актеры театра и кино при работе над соответствующей детской ролью.

При формулировке в ч. 1 ст. 242.1 УК РФ возраста лица, изображенного на том или ином порнографическом материале, как «заведомо несовершеннолетнего» даже точное определение возраста этого лица не является основанием для возбуждения уголовного дела о преступлении рассматриваемого вида, поскольку, пока не будет установлена «заведомость» — фактор субъективной оценки, можно вести речь лишь о признаках преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ, предусматривающей значительно менее строгое уголовное наказание за совершенное деяние. В следст-венной практике это обстоятельство широко используется стороной защиты.

3. В настоящее время отсутствуют научно обоснованные и апробированные на практике методические рекомендации по расследованию преступлений, предусмотренных ст. 242.1 УК РФ, что значительно затрудняет деятельность органов предварительного расследования на первоначальном и последующих этапах.

4. Выявление и раскрытие преступлений, совершаемых в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации, в том числе сети Интернет и сетях сотовой связи, возложено на сотрудников подразделений «К» Бюро специальных технических мероприятий МВД России. Существующая в настоящее время штатная численность и материально-техническое обеспечение этого специализированного органа дознания не позволяют эффективно бороться с преступлениями рассматриваемого вида. Следует обратить внимание, что действуют эти подразделения только на уровне областных, краевых и республиканских органов внутренних дел субъектов Российской Федерации.

5. На основании п. 3 ч. 2 ст. 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, связанных с изготовлением и оборотом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, производится следователями органов внутренних дел. В настоящее время в следственных подразделениях отсутствует специализация следователей по расследованию этих преступлений. Их подготовка, переподготовка и повышение квалификации на базе учебных заведений системы МВД России по данному направлению работы не проводится.

6. В соответствии с разделом IX (пункты 95—97) межведомственной Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола [8], сотрудники органов внутренних дел в процессе расследования преступлений против несовершеннолетних, совершенных с использованием высоких технологий, имеют возможность через подразделения НЦБ Интерпола при МВД России направлять в правоохранительные органы зарубежных государств — членов этой Международной организации соответствующие запросы и поручения на производство отдельных следственных действий. Например, таким образом может быть получена доказательственная информация следующего порядка:

а) о сетевых адресах, именах доменов и серверов организаций и пользователей;

б) содержании протоколов, трейсингов, логических файлов;

в) об электронной информации, заблокированной в порядке оперативного взаимодействия правоохранительных органов при пресечении трансграничных правонарушений;

г) о провайдерах и дистрибьюторах сетевых и телекоммуникационных услуг;

д) физических и юридических лицах, имеющих отношение к преступлениям в сфере высоких технологий.

Однако следует отметить, что на практике в некоторых случаях ответы на запросы и поручения, направленные сотрудниками органов предварительного расследования в адрес зарубежных коллег, не приходят совсем либо приходят с большим опозданием, когда все сроки производства по уголовному делу или проверочному материалу давно истекли. Если же критически оценить содержание документов, содержащихся в ответе на запрос, можно увидеть, что в большинстве случаев они формальны и не содержат какой-либо криминалистически значимой информации. Особенно остро эта проблема стоит с отдельными государствами — членами Интерпола из Центральной и Юго-Восточной Азии.

Помимо сказанного, практика показывает, что многие следователи не используют возможности оперативных подразделений Международной организации уголовной полиции «Интерпол», объединяющей в своих рядах сотрудников правоохранительных органов более чем 150 государств мира. Это происходит от незнания положений вышеуказанной межведомственной Инструкции, по причине отсутствия опыта ее применения или желания полного и объективного расследования преступления.

7. Любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью аппаратуры оператора связи, в том числе провайдера услуг мультисервисной связи Интернет, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения абонентских аппаратов (терминалов) конкретных пользователей, являются тайной связи. Они охраняются Конституцией Российской Федерации и действующими федеральными законами. В связи с этим для доступа к указанным сведениям в целях выявления, раскрытия и расследования преступлений рассматриваемой категории органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или производящим расследование по уголовному делу, необходимо получение судебного решения. Порядок получения такого решения жестко регламентирован ст. 165 УПК РФ.

Практика показывает, что судьи не всегда идут навстречу органам предварительного расследования. Особенно часто эти случаи наблюдаются на этапе проверки сообщения об изготовлении и обороте материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

В заключение следует отметить, что, помимо вышеизложенных, существуют и другие — менее значимые проблемы выявления, раскрытия и расследования преступлений выделенного вида, которые также требуют своего скорейшего решения.

Примечания

1. ***Информационно-телекоммуникационная сеть*** — это технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств электронно-вычислительной техники (п. 4 ст. 2 Закона Российской Федерации от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

2. ***Средства связи*** — технические и программные средства, используемые для формирования, приема, обработки, хранения, передачи, доставки сообщений электросвязи или почтовых отправлений, а также иные технические и программные средства, используемые при оказании услуг связи или обеспечении функционирования сетей связи (ст. 2 Закона Российской Федерации от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи»).

3. ***Оператор связи*** — юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, оказывающие услуги связи на основании соответствующей лицензии (ст. 2 Закона Российской Федерации от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи»).

4. Инструкция по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола: приказ МВД РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, ФСКН РФ, ФТС РФ от 06.10.2006 г. № 786/310/470/454/333/971.

5. Получены путем анализа и обобщения статистической информации, официально предоставленной Главным информационно-аналитическим центром МВД России (приложение к письму ГИАЦ при МВД России от 14.06.2006 г. № 34/4-318 «О направлении статистических сведений»).

6. Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд: приказ МВД, ФСБ, ФСО, ФТС, СВР, ФСИН, ФСКОН, Минобороны РФ от 17.04.2007 г. № 368/185/164/481/32/184/97/147.

7. Об утверждении руководства по возрастной классификации аудиовизуальных произведений, положения и состава межведомственной конфликтной комиссии по возрастной классификации аудиовизуальных произведений: приказ Минкультуры РФ от 05.03.2001 г. № 192 (в ред. от 05.03.2003 г. № 254).

8. Приказ МВД РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, ФСКН РФ, ФТС РФ от 06.10.2006 г. № 786/310/470/454/333/971.

© Б. П. Смагоринский, В. Б. Вехов, А. Н. Мартынов, 2012

* * *

Б. П. Смагоринский, И. А. Павленко

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БАНКОВСКИХ КАРТ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируется состояние расследования хищений денежных средств с использованием банковских карт, совершенных на территории РФ. Автор выделяет некоторые проблемы, возникающие в процессе расследования вышеуказанной категории уголовных дел на современном этапе экономического и социального развития страны, а также пути совершенствования данной сферы деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: «пластиковые деньги», предварительное следствие, Банк России, скимминг, процессинговый центр, транзакция, банкомат, POS-терминал, держатель пластиковой карты, претензия клиента, кардинг, чиповые карты.

B. P. Smagorinsky, I. A. Pavlenko

ABOUT THE CURRENT STATE OF INVESTIGATION OF MONEY THEFT WITH THE USE OF BANK CARDS IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article concentrates on the current state of investigation of money theft with the use of bank cards committed in the territory of the Russian Federation. The authors determine some problems typical for investigation of the mentioned category of criminal cases at the present-day stage of the country's economic and social development as well as the ways of improvement of this sphere of law enforcement bodies' activities.

Keywords: «plastic money», preliminary inquiry, the Bank of Russia, skimming, processing center, transaction, ATM machine, POS-terminal, plastic card holder, customer's complaint, carding, chip card.

До недавнего времени банкоматы и пластиковые карты в России оставались не совсем доступными предметами для широких масс, и увидеть их мы могли лишь в зарубежных фильмах. Сегодня «пластиковыми деньгами» уже никого не удивишь. Банковские карты есть у большинства жителей страны, независимо от их возраста и социального статуса.

Так, согласно статистическим данным в Российской Федерации:

— 90 % населения пользуется пластиковыми картами для получения зарплаты, стипендии и пенсии;

— 85 % населения пользуются одной картой, 12 % — двумя, и 2 % — тремя и более;

— 17 % респондентов используют пластиковые карты более 2 лет;

— среди тех, кто пользуется пластиковыми картами, 38 % составляют мужчины, 32 % — женщины;

— 52 % людей, которые активно пользуются банковскими картами, входят в возрастную группу 25—34 года, 45 % — 35—44 года, и всего 6 % людей старше 60 лет сумели освоить эту новинку;

— 53 % опрошенных пользователей входит в социальную группу с высокими доходами, 29 % — со средним доходом [1].

По состоянию на 1 июля 2011 г., т. е. полгода назад, в России уже было выпущено около 157 млн банковских карт, из них четверть приходится на жителей Московского региона. Большая часть данных карт была использована для совершения операций, а общий оборот денежных средств за первую половину 2011 г. через пластиковые банковские карты составил 7,2 трлн рублей [2].

Исходя из представленных статистических данных, можно сделать вывод, что рынок банковских пластиковых карт — это перспективная и динамично развивающаяся сфера экономики Российской Федерации, способствующая интеграции нашего государства в мировое сообщество. Однако вошедшие в повседневную жизнь правовые отношения, связанные с безналичными расчетами по картам, закономерно стали объектом, заинтересовавшим лиц из криминальной среды.

Преступления, совершаемые с использованием банковских платежных карт, являются одними из наиболее опасных современных экономических преступлений, так как их негативное влияние отражается не только на работе банков как таковых, но и на других субъектах хозяйственной деятельности России. По данным Банка России, за второе полугодие 2011 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года объем операций по пластиковым картам в стране вырос на 37 %, до 7,8 трлн руб. Незаконные операции при этом наращивают темпы вдвое быстрее. Если за 2010 г. мошенники похитили с карт в России 1,396 млрд руб., то только за первое полугодие 2011 г. объем мошенничества вырос на 70 % — похищено более 1 млрд руб. За прошедший 2011 г. «карточные жулики» похитили в нашей стране 2,4 млрд руб. Такие данные, основанные на статистике Ассоциации российских членов «Европей» (АРЧЕ, объединяет участников платежной системы «MasterCard»), были представлены на конференции «Банковские карты: эффективный бизнес» [3].

По мнению И. М. Мишиной, в большинстве случаев информация о криминальных действиях в правоохранительные органы поступает из банков или процессинговых компаний (48 %), а сообщения от непосредственных держателей карт фиксируются реже (около 16 %) [4, с. 57]. Данную ситуацию можно объяснить прежде всего тем, что держатели карт, как правило, с заявлениями о несанкционированном снятии денежных средств со своего счета обращаются в финансовое учреждение, служба безопасности которого проводит проверку. Если в результате проверки будет сделан вывод о том, что совершено преступление с использованием пластиковой карты, то руководство службы безопасности финансового учреждения направляет в правоохранительные органы соответствующее сообщение [5, с. 83—84] или самого держателя карты для написания заявления. Существуют и другие статистические данные, пред-

ставленные В. Е. Акимовым, согласно которым большая часть сообщений в правоохранительные органы поступает именно от непосредственных держателей банковских карт (66,1 %), а банки и процессинговые компании информируют по фактам противоправных деяний намного реже (4,1 %) [6, с. 13]. На наш взгляд, В. Е. Акимов под информацией из банков (процессинговых компаний) понимает сообщения о незаконных операциях со счетами клиентов, поступающие в правоохранительные органы непосредственно из служб безопасности, которые это обнаружили раньше самого держателя карты (до подачи им письменной претензии банку-эмитенту).

Для правоохранительных органов, и следственных в частности, важен не столько источник информации, сколько своевременность ее поступления. Любые промедления в сборе первоначального материала могут привести к утрате необходимой информации и в конечном итоге к потере доказательств по уголовному делу, если достаточные данные будут указывать на наличие в деянии признаков состава преступления. Так, 18 ноября 2009 г. неустановленное следствием лицо, находясь в помещении филиала банка ЗАО «ВТБ» Тракторозаводского района г. Волгограда, воспользовавшись случайным сбоем в работе банкомата (аппарат несвоевременно выдал запрашиваемую сумму с банковской пластиковой карты) и отсутствием на месте владельца банковской карты К., который, забрав свою карту, вышел из помещения филиала, тайно похитил денежные средства в размере 30 тыс. руб., принадлежащие К. В тот же день пострадавший К. обратился в банк «ВТБ» с письменной претензией по данному факту, которая была принята и рассмотрена в течение одного месяца. Только после получения ответа из банка о том, что сбоев в работе банкомата не обнаружено и транзакция прошла успешно, возмущенный К. обратился с заявлением в милицию. 18 декабря 2009 г. (спустя месяц с момента происшествия) по факту хищения денежных средств, принадлежащих К., в следственном отделе Тракторозаводского района г. Волгограда было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ [7]. Одним из главных доказательств, которое помогло бы установить личность преступника по вышеуказанному делу, являлась видеозапись с камеры банкомата, откуда похищены денежные средства. Однако ни в рамках процессуальной проверки, ни на стадии предварительного следствия данную запись изъять не удалось, так как к моменту возбуждения уголовного дела необходимой видеозаписи уже не существовало. Следственным органам стало известно, что согласно внутренним нормативным актам банка «ВТБ» видеозаписи в цифровом формате хранятся в архивах службы безопасности в течение месяца от даты записи, после чего автоматически удаляются из памяти компьютера-сервера. Таким образом, доказательства были безвозвратно утеряны, а производство предварительного следствия по данному уголовному делу приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, то есть в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого (обвиняемого).

Выше мы рассмотрели лишь одно из нераскрытых преступлений, совершенных на территории г. Волгограда. Целесообразно предположить, что отрицательные показатели в следственной работе более крупных городов и столицы значительно выше. Так, еще в 2007 г. в производстве следственных подразделений при ГУВД по г. Москве находилось 19 уголовных дел, связанных с хищениями денежных средств с использованием банковских пластиковых карт. Из них только 6 уголовных дел были направлены прокурору для утверждения обвинительного заключения, а 8 дел приостановлены по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Изучением уголовных дел установлено, что раскрытие большинства этих преступлений связано с задержанием лиц в момент их совершения работниками магазинов или банков, где установлены банкоматы [8].

В связи с этим мы считаем целесообразным нормативно обязать банки-эмитенты и процессинговые центры в кратчайшие сроки (не позднее трех суток) сообщать в правоохранительные органы обо всех претензиях граждан-держателей карт, содержащих информацию, которую необходимо

проверить на предмет возможного правонарушения или преступления. Это позволит сотрудникам правоохранительным органов своевременно истребовать всю необходимую информацию и принимать процессуальные решения. На практике любой специалист по работе с проблемными клиентами, получив претензию от держателя карты, содержащую информацию об изменении остатка его счета, посоветует лицу параллельно обратиться в полицию, не дожидаясь заключения по претензии от банка. Однако в большинстве случаев держатели карт игнорируют советы специалистов, полагаясь на положительный результат после рассмотрения их претензий.

Кроме того, предложенные нами уведомления от банков и процессинговых центров могут положительно сказаться на регистрации рассматриваемой группы преступлений. Насколько нам известно, незначительное согласно статистике число таких преступлений и их небольшой удельный вес среди иных противоправных деяний в кредитно-финансовой сфере [9] не отражает реального положения дел, потому что хищения с использованием пластиковых карт характеризуются высокой латентностью. По данным ГУВД Москвы, только за последние три года число мошенничеств по банковским картам выросло в 180 раз [10]. Здесь еще надо учесть, что о немалой части хищений денежных средств с банковских карт правоохранительные органы просто не в курсе: 45 % пострадавших «по мелочи» в полицию не идут [11].

Нужно учесть тот факт, что не только физические лица — фактические держатели карт, но и юридические лица — банки, эмитирующие пластиковые карты, не всегда сообщают в правоохранительные органы о совершенных махинациях. Часто руководители финансовых структур боятся навредить своей деловой репутации в связи с тем, что такие преступления сказываются не только на их материальной устойчивости, но могут отпугнуть потенциальных клиентов. Кроме того, коммерческие структуры, обнаружив несанкционированное проникновение в свои базы данных, не спешат сообщать об этом, опасаясь огласки своих технических секретов и коммерческих тайн.

Если все же информация регистрируется и уголовные дела возбуждаются, то на данной стадии следователи также сталкиваются с некоторыми трудностями. В. Е. Акимов считает, что следователи не совсем корректно относят хищения денежных средств с использованием банковских пластиковых карт к смежным составам, т. е. квалифицируют их по ст. 158 УК РФ («Кража») или ст. 160 УК РФ («Присвоение и растрата»), а не по ст. 159 УК РФ («Мошенничество) и ст. 272 УК РФ («Неправомерный доступ к компьютерной информации»). Неправильная квалификация, по мнению Акимова, ведет к тому, что удельный вес данной группы преступлений в общем количестве мошенничеств в финансово-кредитной сфере не в полной мере отражает объективную действительность [12, с. 10—11]. Напротив, толкование уголовно-правовых норм, проведенное Верховным судом Российской Федерации, говорит нам о корректных действиях практических работников. Здесь и в дальнейшем мы будем придерживаться точки зрения толкователей права, которая предписывает квалифицировать преступные посягательства на денежные средства клиентов банка в указанной сфере преимущественно по ст. 158, 160 и ст. 159 УК РФ [13]. В любом случае, следователь вплоть до окончательного предъявления обвинения может переквалифицировать преступление, и никаких нарушений закона не будет, главное — это полнота собранных доказательств по уголовному делу.

В России наиболее распространены магнитные пластиковые карты, способ полного копирования которых преступники давно освоили и используют для последующего хищения, что делает данные карты более уязвимыми по сравнению с микропроцессорными картами. Не способствуют снижению мошеннических операций в банкоматах и сами платежные системы. Даже более надежные чиповые карты все еще оснащены и магнитной полосой, которую считывают и используют мошенники.

Платежные системы пока не собираются отказываться от магнитной полосы. Стандарты приема чиповых карт в разных странах отличаются, а по-

лоса дает возможность обслуживать карты во всем мире. По крайней мере платежная система Visa такого намерения не имеет, как сообщил риск-менеджер указанной компании по странам СНГ и Восточной Европы Павел Стромский [14].

Сложность раскрытия и расследования преступлений данного вида заключается также в том, что во многих случаях их можно отнести к так называемой компьютерной преступности, преступлениям в сфере высоких технологий [15, с. 34]. Поэтому при расследовании данной категории преступлений требуется эффективное взаимодействие следователя не только с оперативными работниками, со службами безопасности банков и других структур, участников оборота банковских карт.

В целях предупреждения указанных выше хищений финансово-кредитными учреждениями осуществляется ряд мероприятий. Однако без участия государства этот процесс не будет эффективным.

В связи с этим Правительство РФ и Банк России предусматривают комплекс мероприятий, включающий в себя обеспечение формирования нормативной базы, а также общих условий для применения в банковской деятельности новейших информационных технологий, в том числе технологий дистанционного банковского обслуживания, средств автоматизации кассовых операций, электронных средств платежа и электронной обработки платежной информации на основе развития конкуренции и внедрения инноваций в сфере высокотехнологичных банковских продуктов при соответствующем государственном регулировании и контроле [16].

Кроме того, Министерство внутренних дел Российской Федерации 2 декабря 2011 г. приняло государственную программу под названием «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», в которой непосредственно говорится о повышении качества предварительного следствия по подпрограмме «Предварительное следствие», где в подпункте 2.2 ч. 2 указано, что основная задача — повышение качества и эффективности предварительного следствия [17].

Мы видим, что борьба с преступностью в России, в том числе с новыми ее формами, каковыми являются хищения денежных средств с использованием банковских карт, не только провозглашается, но и законодательно закрепляется на высшем государственном уровне. В связи с чем надеемся, что ситуация в сфере оборота банковских карт и услуг, связанных с ними, будет более стабильной и менее декриминализированной.

Список библиографических ссылок

1. Банковские пластиковые карты и статистика [Электронный ресурс]. URL: http://www.dcard.ru/bankovskie_karty_i_statistika.html (дата обращения: 22.12.2011).

2. Интернет-эквайринг — самый безопасный способ платежа банковской картой [Электронный ресурс]. URL: http://www.uniteller.ru/News/ru/164 (дата обращения: 26.12.2011).

3. С платежных карт россиян воруют все больше // AUDIT-IT.RU: ежедн. интернет-изд. 2011. 23 дек. URL: http://www.audit-it.ru/news/finance/360974.html (дата обращения: 10.01.2012).

4. Мишина И. М. Возбуждение уголовных дел о мошенничестве, совершенном с использованием пластиковых карт // Рос. следователь. 2008. № 10. С. 57.

5. Воронцова С. В. Доказывание по уголовным делам об изготовлении или сбыте поддельных кредитных либо расчетных карт: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. С. 83—84.

6. Акимов В. Е. Методика расследования преступлений, связанных с хищением денежных средств, совершенных с использованием банковских пластиковых карт: автореф. дис…. канд. юрид. наук. М., 2008. С. 13.

7. По материалам уголовного дела № 074753 (архив следственного отдела ОП № 1 СУ УМВД по г. Волгограду).

8. Аналитический обзор расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере «высоких технологий» КМУ ГСУ при ГУВД по г. Москве за 2007 г. (составитель: старший следователь 3-го отдела КМУ ГСУ при ГУВД по г. Москве В. Х. Капасовский).

9. В статистических данных ГИАЦ МВД России преступления, совершенные с использованием банковских пластиковых карт, не выделяются в отдельную категорию.

10. NEWSru.com [Электронный ресурс]. URL: http://money.newsru.com/article/moshennikarty (дата обращения: 29.12.2011).

11. NEWSru.com [Электронный ресурс]. URL: http://money.newsru.com/article/moshennikarty (дата обращения 11.01.2012).

12. Акимов В. Е. Методика расследования преступлений, связанных с хищением денежных средств, совершенных с использованием банковских пластиковых карт: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 10—11.

13. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс]: постановление пленума Верховного суда от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 23 декабря 2010 г.). В данном виде документ опубликован не был // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Финансы // МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ.RU: ежедн. интернет-изд. 2011. 3 окт. URL: http://mn.ru/business_economy/#!index_6 (дата обращения: 12.01.2012).

15. Абдурагимова Т. А. Раскрытие и расследование изготовления, сбыта и использования поддельных кредитных и расчетных пластиковых карт: дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. С. 34.

16. О стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 г. [Электронный ресурс]: заявление Правительства РФ от 05.04.2011 г. № 1472п-П13, Центрального Банка РФ от 05.04.2011 г. № 01-001/1280 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности». Принята МВД 02.12.2011 г. [Электронный ресурс]. URL: http://docs.pravo.ru/document/view/21047050/23944552 (дата обращения: 12.01.2012).

© Б. П. Смагоринский, И. А. Павленко, 2012

* * *

Б. П. Смагоринский, Е. Г. Огородникова

СПЕЦИФИКА ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Статья посвящена анализу проблем, возникающих в ходе выявления преступлений сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних. Определены возможные направления совершенствования работы сотрудников правоохранительных органов в данной сфере деятельности.

Ключевые слова: выявление преступлений, несовершеннолетний, исходная информация, проверочные мероприятия, взаимодействие, латентность, порнография.

B. P. Smagorinsky, E. G. Ogorodnikova

SPECIFIC CHARACTER OF DETECTION OF SEXUAL CRIMES COMMITTED TOWARDS JUVENILES

The article focuses on the analysis of problems typical for detection of sexual crimes committed towards juveniles. The authors determine possible directions of improvement of law enforcement officials' activities in this sphere.

Keywords: detection of crimes, juvenile, initial information, checking arrangements, interaction, latency, pornography.

Министр внутренних дел Российской Федерации Р. Г. Нургалиев на встрече с Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка П. А. Астаховым в июле 2011 г., посвященной вопросам пресечения растления несовершеннолетних, справедливо отметил: «Мы должны помнить, что каждый такой подтвержденный факт — это трагедия конкретного маленького гражданина» [1, с. 14].

Результаты анализа следственной и судебной практики показывают, что одной из проблем в работе сотрудников правоохранительных органов является выявление наличия признаков состава преступлений сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних, и их профессиональное документирование.

Трудности в выявлении преступлений рассматриваемого вида обусловлены их латентным характером. Особую роль играет возраст потерпевших, в связи с которым возникают определенные сложности при проведении доследственных и следственных действий с их участием.

Так, 19.12.2008 г. по заявлению гражданки Ч. было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ в отношении гражданина Р. Гражданка Ч. и гражданин Р. состояли в интимной близости. В ноябре 2007 г. и в декабре 2008 г. гражданин Р. вступал в половую связь с несовершеннолетней дочерью заявительницы, достоверно зная, что ей нет еще шестнадцати лет. Гражданка Ч. объяснила, что поздно подала заявление по факту случившегося, потому что не знала о совершении преступления. Ее дочь рассказала об этом спустя длительный промежуток времени. К раскрытию матери правды подтолкнул повторный факт преступления [2].

Прежде всего нужно сформулировать понятие выявления такой категории преступлений и выделить ряд вопросов, возникающих в данном процессе. Как нам представляется, под выявлением преступлений сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних, следует понимать деятельность правоохранительных органов по сбору, обобщению и анализу информации о фактах совершения данных преступлений,

служащей основанием для принятия законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела.

Специфика выявления преступлений сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних, состоит в том, что, выявляя одно преступление, можно выявить и ряд других. Кроме того, для возбуждения уголовного дела по факту изготовления и распространения порнографических материалов и предметов с изображениями несовершеннолетнего необходимо заключение специалиста.

В выявлении преступлений рассматриваемого вида принимает участие широкий круг сотрудников таких подразделений органов внутренних дел, как оперативные подразделения, оперативно-поисковое бюро, бюро специальных технических мероприятий, в том числе входящий в его состав отдел «К», отдел по делам несовершеннолетних, отдел участковых уполномоченных полиции. Следует учитывать, что эти преступления могут быть выявлены и сотрудниками других служб.

Важная роль при выявлении преступлений сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних, и решении вопроса о возбуждении уголовного дела отводится исходной информации. Первичная информация может не содержать весь объем сведений, требующихся для возбуждения уголовного дела. Для подтверждения фактов совершения преступления или получения дополнительной информации проводится проверка.

Во избежание незаконного возбуждения уголовного дела доследственная проверка проводится как основательное «расследование», в котором активно участвуют следователь, специалисты, переводчики, понятые и субъекты, которые в будущем могут получить статус свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, их законных представителей [3, с. 57].

Учитывая результаты проведенного исследования практики расследования соответствующих уголовных дел, источниками первичной информации являются:

1. Заявление о преступлении — в 35 % данные заявления исходили от законных представителей потерпевшей/потерпевшего (в силу несовершеннолетнего возраста потерпевших, правоохранительные органы принимают заявления о преступлении от их законных представителей, а не от них лично. То есть законные представители являются посредниками между ними и правоохранительными органами по защите их прав и интересов).

2. Информация о преступлении, полученная по результатам проведенных оперативно-разыскных мероприятий — 17 %.

3. Опросы граждан — 2 %.

4. Рапорта сотрудников правоохранительных органов, непосредственно обнаруживших признаки преступления в свободное от работы время или при исполнении ими своих служебных обязанностей — 11,6 %.

5. Данные, полученные от преступника — 7,4 %.

6. Информация, полученная в ходе проведения осмотра места происшествия — 10 %.

7. Медицинские документы — 10 %.

8. Иные источники — 7 % [4].

Следователю необходимо направить свои усилия не только на выявление информации по факту случившегося, но и на ее грамотную, профессиональную фиксацию.

К иным источникам относится информация о противоправном деянии, полученная через информационную телекоммуникационную сеть Интернет, от соседей преступника или потерпевшего, работников школ, в ходе опроса детей.

В сети Интернет поиск преступников осуществляется уполномоченными на это действие сотрудниками специальных подразделений через социальные ресурсы путем регистрации на сайтах под видом несовершеннолетних, также и на специальных закрытых форумах, где общаются люди с явными отклонениями в сексуальных предпочтениях.

Резко снижает выявление детской порнографии специфический способ совершения преступления, затрудняющий поиск порнографических материалов в сети и их фиксацию. Шифрование, устройства хранения ключевой цепи, одноранговые объекты сети, диалоговые конференции и прочие возможности глобальной сети позволяют создателям и распространителям детской порнографии достаточно удачно запутывать следы и затруднять установление владельцев сайтов [5, с. 15].

Как правило, детская порнография производится малочисленными группами преступников, в состав которых входят: оператор, лицо по вербованию детей и распространитель. Некоторые действия по производству детской порнографии проводятся под прикрытием образовательных или оздоровительных учреждений.

Проверочные мероприятия, проводимые в целях выявления преступлений сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних, могут носить как гласный (получение объяснений от граждан и др.), так и негласный характер (наблюдение за лицами, представляющими негласный интерес и др.).

Важным элементом помощи в выявлении преступлений сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних, является взаимодействие как между сотрудниками служб, так и отдельно правоохранительных органов.

Взаимодействие между сотрудниками правоохранительных органов осуществляется в соответствии с Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 18.04.1996 г. № 567; Федеральным законом от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и т. д.

Мы полностью поддерживаем мнение А. А. Закатова, что взаимодействие между органами предварительного следствия и дознания — это основанная на законе и подзаконных актах деятельность соответствующих должностных лиц, направленная на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений путем наиболее рационального сочетания методов, используемых этими органами [6, С. 32—33]

При расследовании преступлений сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних, взаимодействие следователя с различными подразделениями правоохранительных органов чаще всего происходит в следующих формах:

— рассмотрение заявлений или сообщений о преступлениях данной категории;

— принятие мер по охране места происшествия и задержанию преступника «по горячим следам»;

— выезд следственно-оперативной группы на место происшествия и проведение осмотра;

— проведение доследственной проверки и в случае подтверждения полученной информации принятие решения о передаче материала для возбуждения уголовного дела;

— уведомление следователя о происшедшем;

— выполнение сотрудниками правоохранительных органов отдельных поручений следователя по находящемуся в его производстве уголовному делу, в том числе оказание ему содействия при осуществлении следственных действий;

— помощь следователю в розыске преступника;

— взаимное информирование о данных, полученных в ходе расследования и проведения оперативно-разыскных мероприятий, а также других действий;

— планирование работы следователя и сотрудников правоохранительных органов при проведении расследования.

В ходе проведения проверки устанавливается факт совершения противоправных действий сексуального характера, начиная от вступления в половую связь с несовершеннолетним, заканчивая иными сексуальными действиями; выявляются признаки, свидетельствующие о насильственном или ненасильственном характере действий; выясняется, было ли совершено изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

Примерный план проверочных мероприятий для решения вопроса о возбуждении уголовного дела может состоять из следующих действий: 1) осмотр места происшествия и фиксация следов случившегося; 2) получение объяснения от жертвы о происшествии; 3) получение объяснения от лица, подозреваемого в совершении преступления; 4) получение объяснений от свидетелей и очевидцев случившегося; 5) получение объяснений от законных представителей несовершеннолетней жертвы; 6) изучение медицинской документации пострадавшего; 7) получение разъяснений, консультаций у специалистов; 8) изучение специаль-

ной, справочной, методической и иной литературы, нормативных актов (законов, инструкций, приказов и т. д.), регулирующих отношения, правила поведения и деятельность в той сфере, которая входит в предмет проверки; 9) проведение иных оперативно-разыскных мероприятий.

Полученный объем данных в ходе проведения вышеуказанных проверочных мероприятий позволит следователю принять решение о законности и обоснованности возбуждения уголовного дела, его квалификации.

Ярким примером вышесказанного является уголовное дело, возбужденное в отношении гражданина Б. по признакам составов преступлений, предусмотренных ст. 134, 135, ч. 1 ст. 242^1 УК РФ. Данное преступление было выявлено благодаря профессиональному проведению оперативно-разыскных мероприятий [7].

Итак, анализируя выявление преступлений сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних, мы определили проблемы и предложили пути их решения.

Примечания

1. Демидов Ю. Н. Дети в Интернете: падение нравов? // Полиция России. 2011. № 8.

2. Учитывая, что уголовные дела о преступлениях сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних, рассматриваются в закрытом судебном заседании, ссылка на номер уголовного дела и суд не дается. Пример приведен из архивного уголовного дела одного из районных судов г. Волгограда.

3. Колоколов Н. А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе. М., 2008.

4. Данные получены в результате изучения и анализа следственной и судебной практики по преступлениям сексуального характера, совершенным в отношении несовершеннолетних.

5. Рохлин В., Кушниренко С. Проблемы уголовного преследования за киберпреступления (детская порнография в Интернете) // Законность. 2007. № 3.

6. Закатов А. А. Взаимодействие следователей и органов дознания в разыскной деятельности // Криминалистические средства и методы раскрытия преступлений. Волгоград, 1982.

7. Учитывая, что уголовные дела о преступлениях сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних, рассматриваются в закрытом судебном заседании, ссылка на номер уголовного дела и суд не дается. Пример приведен из архивного уголовного дела одного из районных судов г. Волгограда.

© Б. П. Смагоринский, Е. Г. Огородникова, 2012

* * *

Т. Г. Шаова, Е. В. Прокуров

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩИХ ПРИЗНАКОВ ПОЧЕРКА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье описаны проблемы, возникающие как в учебном процессе по дисциплине: «Почерковедение и почерковедческая экспертиза», так и в процессе производства практических судебно-почерковедческих экспертиз при исследовании общих признаков почерка, отражающих степень и характер сформированности письменно-двигательного навыка, а также структуру движений по их траектории. Показаны пути решения всех обозначенных проблем.

Ключевые слова: почерк; общие признаки почерка, степень выработанности почерка, темп и координация движений, конструктивная сложность почерка, преобладающие форма и направление движений, наклон, размер, разгон почерка, степень связности движений.

T. G. Shaova, E. V. Prokurov

PROBLEMS OF EXAMINATION OF GENERAL FEATURES OF HANDWRITING AND WAYS OF THEIR SOLVING

The article concentrates on the problems typical for training in graphology and handwriting examination as well as the conduct of practical forensic handwriting examinations when examining handwriting general features showing the degree and character of writing motor skill progression and the structure of movements along their trajectory. The authors offer the ways of solving all the mentioned problems.

Keywords: handwriting, general features of handwriting, degree of handwriting development, movement rate and coordination, structural complexity of handwriting, predominating form and direction of movements, slope, size, degree of cohesion of movements.

На основе целенаправленных научных наблюдений авторов, проводимых как в процессе преподавания дисциплины: «Почерковедение и почерковедческая экспертиза», так и при производстве практических судебно-почерковедческих экспертиз, были выявлены проблемы, возникающие при исследовании общих признаков почерка, и определены пути их решения. В частности, перспективы усовершенствования системы общих признаков почерка нами видятся в следующем.

В классификации общих признаков почерка (ОПП) во многих источниках [1, с. 42—75; 3, с. 7—59; 4, с. 19—35; 8, с. 39—48; 9, с. 43—70; 10, с. 15—46] предусмотрена следующая последовательность изучения групп признаков:

1) общие признаки почерка, характеризующие пространственную ориентацию движений и фрагментов рукописи;

2) общие признаки почерка, отражающие степень и характер сформированности письменно-двигательного навыка;

3) общие признаки почерка, характеризующие структуру движений по их траектории.

1. **Предлагается полностью и навсегда отказаться от такой последовательности изучения общих признаков почерка** по следующим причинам:

1) первая группа, как менее значимая из всех ОПП, должна стоять на последнем третьем месте. Вторая группа признаков, отражающая степень и характер сформированности письменно-двигательного навыка, как наиболее ценная и в идентификационном, и в диагностическом процессе исследования почерка, в классификации ОПП должна быть первой;

2) такой порядок исследования общих признаков почерка традиционно применяется на практике, в процессе производства судебно-почерковедческих экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях ОВД и экспертных учреждениях Минюста России;

3) предлагаемая последовательность групп общих признаков почерка целесообразна в учебном процессе, так как в этом случае изучение первого признака — степени выработанности почерка — базируется на анализе почти всех остальных признаков, являющихся в той или иной мере показателями темпа или координации движений, на основе которых и определяется степень выработанности почерка.

В новейших источниках специальной литературы [6, с. 207—258; 12, с. 184—240] соблюдается последовательность изучения ОПП, поддерживаемая авторами.

2. **Назрела необходимость определения критериев «промежуточных» признаков, таких, как: выше или ниже средних — степень выработанности, темп и координация движений.** Экспертная практика показывает, что «трехчленная» градация указанных признаков (высокий, средний, низкий) бывает недостаточной для их определения. Однако в литературе «промежуточные» виды степени выработанности, темпа и координации движений не описаны [1, с. 58—63; 2, с. 14—16; 3, с. 25—28; 4, с. 26—29; 5, с. 6—14: 7, с. 19—21; 8, с. 43—44; 9, с. 56—60; 10, с. 28—34; 11, с. 58—68; 12, с. 185—196]. Поэтому предлагаются следующие их формулировки.

Для темпа выше среднего характерны: средняя или высокая степень связности; средний размер почерка; простая или упрощенная сложность движений; утоньшение начальных и заключительных штрихов письменных знаков; как правило, дифференцированный нажим; высокая или средняя координация движений.

Для ниже среднего темпа письма свойственны такие признаки, как: малая, но чаще — интервальная степень связности движений; большой размер почерка; простое, приближенное к нормам прописи, строение большинства письменных знаков; тупые начала движений, тупые и заостренные окончания штрихов; исправления, обводки знаков; сниженная координация движений.

Также как и темп, координация движений может быть выше или ниже средней. Показателями *выше средней координации движений* при письме являются: достаточная точность движений при выполнении прямолинейных и криволинейных элементов; одинаковость кривизны дугообразных и овальных элементов; выдержанность наклона; некоторая неустойчивость размера, разгона и расстановки письменных знаков; слабодугообразная или прямолинейная линия письма; устойчивое, но, как правило, негоризонтальное направление движений; выдержанность интервалов между строками.

В почерках *с координацией движений ниже средней* наблюдаются: полное отсутствие или незначительное количество изломов и извилистостей при выполнении элементов букв; разная кривизна дугообразных и овальных элементов; неустойчивость размера, разгона, расстановки и наклона письменных знаков; непрямолинейная (извилистая, ступенчатая, дугообразная) форма линии письма; как правило, параллельность строк; небольшое колебание размера интервалов между строками.

Почерки *выше средней степени выработанности* характеризуются: быстрым или выше среднего темпом письма; высокой или выше средней координацией движения. При этом обычно в таких почерках сочетается быстрый темп и выше средней координация движений или, наоборот, выше среднего темп и высокая координация движений.

В почерках *ниже средней степени выработанности* выявляются: выше среднего, средний, ниже среднего или медленный темп движений; ниже средней и низкая координация движений. Сочетания разновидностей темпа и координации движений здесь более разнообразные. Почерки ниже средней степени выработанности могут определяться на основе:

— выше среднего темпа и ниже средней координации движений;

— среднего темпа и ниже средней координации движений;

— ниже среднего темпа и ниже средней координации движений;

— выше среднего темпа и низкой координации движений;

— медленного темпа и ниже средней координации движений.

3. **На данном этапе развития судебного почерковедения возможна разработка целой системы строения почерка по степени сложности.** Авторам она видится, например, в таком виде (табл. 1).

Таблица 1

СИСТЕМА ВИДОВ СТРОЕНИЯ ПОЧЕРКА ПО СТЕПЕНИ СЛОЖНОСТИ

I группа **Простые почерки**	**II группа** **Упрощенные почерки**	**III группа** **Усложненные почерки**
1) «чисто» простые	1) упрощенные за счет конструкции знака	1) усложненные за счет конструкции знака
2) простые, с элементами упрощения	2) упрощенные за счет выполнения букв по типу печатных знаков	2) усложненные за счет повторения движений в овальных и прямолинейных элементах
3) простые, с элементами усложнения	3) упрощенные за счет интервального соединения письменных знаков	3) усложненные за счет украшательства письменных знаков
4) простые, с элементами упрощения и усложнения	4) упрощенные за счет формы движений:	4) усложненные за счет формы движений
5) простые, с элементами усложнения и упрощения	*а) угловатой и прямолинейно-угловатой*	5) усложненные, с элементами упрощения
	б) дугообразной и прямолинейно-дугообразной	
	в) угловато-петлевой	
	г) дугообразно-петлевой	
	5) упрощенные комбинированно, за счет:	
	а) конструкции знака и формы движений	
	б) конструкции знака и протяженности движений	
	в) конструкции знака и количества движений	
	г) формы и количества движений	
	д) протяженности и количества движений	
	е) конструкции знака, формы и протяженности движений	
	ж) конструкции знака, формы и количества движений	
	з) конструкции знака, количества и протяженности движений	
	и)формы, протяженности и количества движений	
	к) конструкции знака, формы, протяженности и количества движений	
	6) упрощенные, с элементами усложнения	

4. **Преобладающая форма движений может быть также представлена в виде целой системы ее видов** (табл. 2).

Таблица 2

СИСТЕМА ВИДОВ ПРЕОБЛАДАЮЩЕЙ ФОРМЫ ДВИЖЕНИЙ

I группа Угловатая	**II группа Дугообразная**	**III группа Смешанная**	**IV группа Необычная**
1) угловатая: *а) угловатая, приближенная к дуге; б) строгоугловатая; в) заостренно-угловатая*	1) дугообразная	1) дугообразно-угловатая	1) прямолинейно-горизонтально-петлевая
2) угловатая с элементами дугообразности	2) дугообразная с элементами угловатости	2) прямолинейно-дугообразно-угловатая	2) дугообразно-извилистая
3) прямолинейно-угловатая: *а) прямолинейно-угловатая, приближенная к дуге; б) прямолинейно-строгоугловатая; в) прямолинейно-заостренноугловатая*	3) прямолинейно-дугообразная: *а) в рукописях, выполненных по нормам прописей; б) в рукописях, выполненных «печатными» буквами*	3) дугообразно-угловато-петлевая	3) извилисто-сквадраченная
4) прямолинейно-угловатая с элементами дугообразности	4) прямолинейно-дугообразная с элементами угловатости	4) многообразная (в высоко- и средневыработанных почерках)	4) дугообразно-ажурная
5) угловато-петлевая	5) дугообразно-петлевая	5) многообразная (в почерках со сниженной координацией движений)	
6) угловато-петлевая с элементами дугообразности	6) дугообразно-петлевая с элементами угловатости		
	7) дугообразно-сквадраченная		

В угловатой и прямолинейно-угловатой формах движений необходимо дифференцировать нижние углы письменных знаков на три разновидности:

— углы, приближенные к дуге (дугообразные углы);

— строгие (или жесткие) углы;

— углы, переходящие в прямолинейно-возвратную форму движений (заостренные углы).

5. **Преобладающее направление движений, с нашей точки зрения, может быть левоокружным, смешанным (левоокружным и правоокружным) и левоокружным с наличием правоокружных элементов.**

Правоокружное (по часовой стрелке) направление движений при выполнении рукописи, как несуществующее в природе, необходимо убрать из классификации общих признаков почерка.

Смешанное (левоокружное и правоокружное) направление движений в почерке от левоокружного направления движений с элементами правоокружности отличается, в первую очередь, количеством элементов письменных знаков, выпол-

ненных правоокружными движениями, т. е. движениями, направленными по часовой стрелке. В рукописях со смешанным направлением движений таких элементов встречается большое количество — в 6—10 знаках и более; в рукописях, в которых устанавливается левоокружное направление движений с элементами правоокружности — незначительное их наличие, как правило, в 3—5-ти буквах.

В первом случае, при наличии большого количества правоокружных движений, рукопись выглядит не совсем обычной. Во втором случае такое восприятие отсутствует. В рукописях, выполненных левоокружным почерком с элементами правоокружных движений, на «фоне» левоокружных «мелькают» элементы, выполненные движениями, направленными по часовой стрелке.

6. Необходимо изменить систему наклонов почерков.

Во-первых, подразделить все виды наклонов на устойчивые и неустойчивые. Во-вторых, устойчивый наклон почерка дифференцировать традиционно на правый, левый и вертикальный. В-третьих, правый наклон почерка детализировать на малый (приблизительно до 30º от условной вертикальной оси), средний (от 30 до 45º) и большой (45º и более). При левом устойчивом наклоне почерка дифференцировать угол наклона письменных знаков не стоит.

Следует заметить, что вертикальный наклон почерка (логически более правильно — вертикальный почерк без наклона) может быть только устойчивым. В противном случае выявляется неустойчивый наклон почерка с преобладанием вертикального. Так как строгую вертикаль при выполнении письменных знаков выдержать достаточно сложно, поэтому необходимо сделать допуск на отклонение от нее в ту или иную сторону до 5 градусов.

Варианты неустойчивого наклона почерка в практике проведения судебно-почерковедческих экспертиз встречаются самые разнообразные:

— неустойчивый правый наклон почерка;
— неустойчивый левый;
— неустойчивый с преобладанием правого;
— неустойчивый с преобладанием левого;
— неустойчивый с преобладанием вертикального;
— от вертикального до правого наклона;
— от левого до вертикального;
— одновременно левый, вертикальный и правый;
— фрагментарность наклона почерка.

Неустойчивый наклон почерка с преобладанием правого отличается от неустойчивого правого наклона почерка тем, что в первом случае в рукописи, наряду с преобладающим правым наклоном букв, встречаются и другие его виды, например, левый и (или) вертикальный. Во втором случае в рукописи все письменные знаки выполняются с правым наклоном, только величина угла наклона — разная. Аналогично различаются неустойчивый наклон почерка с преобладанием левого и неустойчивый левый наклон почерка.

Иногда наклон почерка в тексте (от левого края к правому) может «плавно переходить» от одного к другому, например, от левого до вертикального или от вертикального до правого. При наличии в рукописи одновременно всех трех видов наклонов почерка может наблюдаться так называемый «веерообразный» наклон почерка, начинающийся с левого, переходящего в вертикальный, а затем — в правый наклон движений при выполнении букв и их элементов.

Встречается, и не так уж редко, фрагментарность наклона почерка, т. е. резкое различие по наклону отдельных частей рукописи: заголовков, целых абзацев, нескольких строк. Причем различие может наблюдаться как по виду, так и по углу наклона.

7. **Необходимо экспериментально разработать новые критерии определения размерных характеристик протяженности движений по вертикали и горизонтали (размера, разгона почерка, расстановки письменных знаков).**

Обобщив опыт ученых-почерковедов, экспертов-практиков, а также личный опыт преподавания и проведения судебно-почерковедческих экспертиз, авторы работы пришли к мнению, что средними по размеру надо считать почерки, высота строчных букв которых равна от 2-х до 4-х мм, не включая крайние величины (т. е. почерки размером 2 мм и 4 мм в «разряд» средних не входят).

Отсюда малыми по размеру будут почерки, равные 2 мм и менее, а большими, равные 4 мм и более. В большинстве источников специальной литературы почерки размером 2 мм и 4 мм сходят в «разряд» средних [1, с 70; 3, с. 46; 4, с. 33; 5, с. 22; 8, с. 46; 9, с. 66].

Что касается разгона почерка, то, в первую очередь надо указать, что само понятие «разгон почерка» в литературе трактуется двояко. Одни авторы (В. В. Серегин) под ним понимают только «ширину двухэлементных букв» [8, с. 46—47; 9, с. 67], другие (их большинство — Л. А. Винберг М. В. Шванкова, М. П. Кошманов, П. М. Кошманов, А. И. Манцветова, Л. А. Сысоева, И. И. Рубцова, В. Ф. Орлова), помимо указанного, еще и «расстояние между буквами» [1, с. 71—73; 3, с. 46; 4, с. 33—34; 5, с. 23—24; 6, с. 231; 10, с. 42—43; 11, с. 83; 12, с. 46—47].

Как известно, ранее в судебном почерковедении так и выделялось два признака — разгон и расстановка. Под разгоном понималась только ширина букв, под расстановкой — расстояние между знаками. Так как и при проведении практических экспертиз в абсолютном большинстве исследуемых почерков ширина букв равна расстоянию между ними (т. е. критерии их определения совпадают), в настоящее время эти два признака в основном изучаются как один, под названием — «разгон почерка».

Средним разгоном почерка (в широком его смысле) надо считать расстояние между основными элементами двухэлементных букв (ширину буквы) и расстояние между буквами (расстановку письменных знаков), равные от половины до целой высоты букв исследуемого почерка (не включая последние величины). Тогда сжатым по разгону будет почерк, указанные расстояния которого (по отдельности) равны половине высоты письменного знака и менее, а размашистым — равны высоте букв и более.

В действующей классификации общих признаков почерка указанные крайние величины среднего разгона почерка [2, с. 12—13; 8, с. 46—47] или только последняя из них [4, с. 33—34; 5, с. 23—24] включаются в понятие величины его определения.

О расстановке как о признаке почерка следует отдельно говорить только тогда, когда расстояние между письменными знаками значительно отличается по величине от ширины букв. В этом случае данный признак определяется не отношением расстояния между буквами к их высоте, а отношением расстояния между буквами к их ширине. Исходя из этого, средняя расстановка письменных знаков как самостоятельный признак не исследуется; узкая — должна равняться половине и менее ширины букв, широкая — более ширины буквы.

8. **Имеются нерешенные проблемы при определении такого признака, как степень связности почерка.**

Во всех источниках специальной литературы по судебному почерковедению связность почерка определяется как показатель степени непрерывности движения при связывании букв в словах. В пособиях М. П. Кошманова и П. М. Кошманова добавляется еще: «и при связывании элементов в буквах» [5, с. 25]. Тем не менее в литературе все виды связности почерка определяются по количеству слитно выполняемых (без отрыва пишущего прибора от листа бумаги) букв в словах [1, с. 73—75; 2, с. 14—16; 3, с. 46—47; 4, с. 34—35; 5, с. 25—26; 7, с. 19—21; 8, с. 47; 9, с. 67—68; 10, с. 45—46; 11, с. 86—89; 12, с. 215—218]. Однако критерии степени связности в них определяются по-разному. Чаще всего связность как общий признак почерка характеризуется так (авторы придерживается такого же мнения):

— *сплошная* — если все слова в рукописи выполнены слитными движениями;

— *высокая* — когда в большинстве слов слитно выполнены 6 и более букв;

— *средняя* — если в большинстве слов непрерывными движениями выполнены 4—5 букв;

— *малая* — когда непрерывными движениями выполнены 2—3 буквы в большинстве слов;

— *интервальная* (отрывистый почерк) — все буквы в словах выполнены интервально друг от друга [1, с. 73—74; 4, с. 34—35; 5, с. 25—26; 7, с. 19—21; 11, с. 86—89; 12, с. 215—218].

Следует указать на то, что ни в одном источнике специальной литературы не оговорено, как следует определять степень связности в слове, если разрываются (интервально или примыкающе выполняются) не письменные знаки, а их элементы. Мы полагаем, что в таком случае надо считать

интервальность движений, но только после выполнения всей буквы. Например, в слове «рукопись» все буквы выполняются слитно, без отрыва пишущего прибора от листа бумаги. Интервально выполняется только третий элемент буквы «к». Поэтому в данном слове для определения общего признака «степень связности почерка» устанавливаются как слитно исполненными 3 и 5 букв. Точно также, например, в слове «карандаш», при интервальном выполнении элементов буквы «а», степень связности определяется как «слитно выполненные 2, 2, 3 и 1 буква».

Анализируемый признак является одним из основных показателей темпа движений, который, в свою очередь, является показателем наиболее интегрирующего признака — степени выработанности почерка.

Надеемся, что предложенное решение обозначенных проблем по усовершенствованию классификации общих признаков почерка будет способствовать объективизации судебно-почерковедческих экспертиз и исследований.

Список библиографических ссылок

1. Винберг Л. А., Шванкова М. В. Почерковедческая экспертиза: учебник для вузов МВД СССР. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1977.

2. Корнеева И. Л. Общие и частные признаки почерка. М.: ВНИИ МВД СССР, 1975.

3. Кошманов М. П., Шнайдер А. А., Кошманов П. М. Признаки почерка: учеб. пособие. Саратов: СВШ МВД РФ, 1997.

4. Кошманов П. М., Кошманов М. П. Признаки почерка в экспертно-криминалистическом исследовании: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2004.

5. Кошманов П. М., Кошманов М. П. Идентификационные признаки буквенного, цифрового и подписного почерка: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2006.

6. Манцветова А. И., Орлова В. Ф., Славуцкая И. А. Теоретические (естественно-научные) основы судебного почерковедения / отв. ред. А. Р. Шляхов. М.: Наука, 2006.

7. Общие и частные признаки почерка. Альбом (в помощь экспертам) / отв. ред. Т. И. Стрибуль. М., ВНИИСЭ, 1987.

8. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: курс лекций / под ред. В. В. Серегина. Волгоград: ВА МВД РФ, 2002.

9. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: учебник / под ред. В. В. Серегина. Волгоград: ВА МВД России, 2007.

10. Рубцова И. И., Соколов С. В., Сысоева Л. А. Криминалистическое исследование общих и частных признаков почерка: учеб. пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2005.

11. Судебно-почерковедческая экспертиза. М.: Юрид. лит., 1971.

12. Судебно-почерковедческая экспертиза: Общая часть: Теоретические и методические основы. 2-е изд., перераб. и доп. / под науч. ред. В. Ф. Орловой. М.: Наука, 2006.

© Т. Г. Шаова, Е. В. Прокуров, 2012

* * *

С. В. Широ

ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ-СИРОТ, НАХОДЯЩИХСЯ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В статье обосновывается необходимость внедрения новых подходов и новых методов правового обучения и правового воспитания детей-сирот, направленных на подготовку их к самостоятельной жизни в социуме.

Ключевые слова: дети-сироты, интернатные учреждения, социализация, социально-правовая компетентность, социум, социальный опыт, трудная жизненная ситуация.

S. V. Shiro

LEGAL EDUCATION OF ORPHAN CHILDREN IN SPECIALIZED INSTITUTIONS

In the article the author gives grounds for the necessity to adopt new approaches and new methods of legal education of orphan children intended to prepare them for independent life in society.

Keywords: orphan children, boarding schools, socialization, social and legal competence, society, social experience, difficult real-life situation.

Работа с детьми, оставшимися без попечения родителей, — это постоянный, активный и деятельный процесс, который начинается с момента потери ребенком семейного окружения и возложения на государство заботы о дальнейшем жизнеустройстве социального сироты. Социальное сиротство — самая острая по тенденциям развития проблема детства. Она нарастает, несмотря на принимаемые государством меры. О серьезности и важности данной проблемы говорит то, что в настоящее время в сиротских учреждениях России воспитываются более семисот тысяч детей. Это очень большая, но наименее защищенная и подготовленная к жизни группа детей. В. Н. Гуляихин справедливо отмечает, что дети в силу своего возраста и связанных с ним особенностей психического, физического и интеллектуального развития, в силу своей ограниченной дееспособности не могут в большинстве случаев самостоятельно обращаться за защитой своих прав и законных интересов [7]. Это подтверждает необходимость организации работы по правовому образованию детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, их защиты на качественно новом уровне.

В современной России идею первичности прав ребенка, защиты детства, необходимости их правового образования и воспитания активно развивают В. И. Абрамов, Ю. Ф. Беспалов, А. Д. Бойкова, В. В. Бойцова, Н. Е. Борисова, Н. М. Борытко, Е. Б. Бреева, О. В. Бутько, А. И. Головань, Ю. А. Дмитриев, Т. И. Дружинина, В. Д. Ермаков, С. В. Захаров, О. А. Кашанина, Е. И. Куприянова, А. М. Ларина, Е. А. Лукашева, Р. Максудов, Н. И. Матузов, Э. Б. Мельникова, А. М. Нечаева, Л. М. Пчелинцева, А. М. Рабец, Е. М. Рыбинский, Н. К Сергеев, В. В. Сериков, В. А. Сластенин, Е. Г. Слуцкий, Н. Ф. Талызина, Н. Ю. Хаманева, Н. Л. Хананашвили, З. К. Шнекендорф, С. Н. Щеглова и др., которые считают необходимым создание социокультурных условий для формирования высокоинтеллектуальной, свободной, гармоничной личности ребенка, органично интегрированной в систему общественных отношений, основанной на государственных гарантиях прав детей.

Анализ современных подходов к теории и практике правового образования детей, оставшихся без попечения родителей, показывает, что они разработаны недостаточно. Имеющиеся отдельные методики часто используются независимо друг от друга в рамках различных ведомств и общественных организаций, поэтому не носят системного и, тем более, практико-ориентированного характера. Следствием этого является то, что значительная часть детей, вышедших из детских домов, вследствие отсутствия правовой подготовки, социального опыта через некоторое время пополняют ряды криминальных структур. Неподготовленные к взрослой жизни они с большим трудом адаптируются в окружающем их социуме. Таким образом, образование в области права требует выработки сравнительно унифицированных подходов к организации правового образования детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Справедливый вывод делает А. С. Автономов о том, что культура взаимопонимания, правопослушного поведения должна закладываться на уровне подсознания, стать «безусловным рефлексом». Человек не должен задумываться перед тем, как проявить уважение к чужим правам, согласовывать свою волю и поступки с волей и поступками других людей. Справедливость — это первое и наиболее естественное движение души человека [1].

Нельзя сказать, что сегодня в школах не изучают право, права человека. Однако практически повсеместно перед учеником ставится задача изучения содержания нормативных актов, текстов международных соглашений, исторических фактов и понятий. Все это, безусловно, необходимо, но в результате дети не получают главного: осознания неотъемлемости своих прав, их естественности, понимания того, что права человека, права ребенка являются основным наполнением права как такового [1, 3, 9].

Проведенные исследования показали, что эффективное правовое образование и воспитание детей нельзя основывать лишь на традиционных методиках, т. к. проблема заключается не столько в передаче знаний, сколько в формировании мировоззрения, которое невозможно просто навязать. Любой догматический подход приводит к противоречию: настойчиво внушая ребенку, что каждый человек имеет право на свободу слова, мысли, педагог может нарушить право ребенка на собственные убеждения. Вполне вероятно, что в систему взглядов ученика идея о каких-то правах личности пока не «вписывается», а иногда ему просто не хватает опыта для восприятия некоторых серьезных положений [1, 4, 7]. В этой связи важно не только передавать учащимся правовые знания, но и формировать правовое пространство в учебно-воспитательных заведениях, преломляя методы обучения через опыт практической деятельности. Особое значение данный тезис приобретает для воспитанников интернатных учреждений.

С нашей точки зрения, в первую очередь необходимо преодолеть иждивенческие настроения детей, раскрыть их лидерские качества, помочь им подготовиться к жизни в современном динамично развивающемся обществе. Учитывая то, что дети, находящиеся в интернатных учреждениях, по социальному опыту значительно отличаются от своих сверстников, обучающихся в обычных школах, и в целях поиска более эффективных форм работы с ними в качестве эксперимента была апробирована разработанная нами и хорошо зарекомендовавшая себя в общеобразовательных учреждениях такая форма правового образования, как «Школа — правовое пространство».

Реализовать данную программу должны были школьные Уполномоченные по правам детей, которые осуществляли свою деятельность на основании методик, разработанных при непосредственном участии Уполномоченного по правам ребенка в Волгоградской области [2, 8]. Формирование «правового пространства» в интернатных учреждениях началось с создания кружков «Гражданская позиция», «Юные правоведы» и проведения акций «Свободный микрофон», «Помоги себе сам», «Если ты попал в трудную жизненную ситуацию». Основным содержанием в их деятельности была профилактика правонарушений и преступлений. В работе кружков активное участие принимали представители прокуратуры, подразделений по делам несовершеннолетних и другие специалисты [2, 4].

В процессе эксперимента пришли к выводу, что воспитанники интернатных учреждений слабо

воспринимают взрослых. В этой связи была разработана методика обучения «равных — равными», т. е. значительную часть мероприятий проводили специально подготовленные под руководством опытных педагогов дети. Детей-волонтеров для работы со сверстниками, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, в т. ч. с социальными сиротами, подбирали из различных общеобразовательных школ. Понимая сложность организации эффективного общения, когда с одной стороны — дети из благополучного мира, а с другой — детдомовцы, оставшиеся без семьи и привычного окружения, часто потерявшие доверие к людям, подготовка волонтеров осуществлялась строго на добровольной основе под девизом: «Относись одинаково к тем, кто нравится и к кому ты равнодушен, к тем, кого ты хорошо знаешь, и кого никогда не видел».

Обучение детей-волонтеров проводилось городским методическим центром в «Детском правозащитном университете» с участием Волгоградской общественной организации Клуб ЮНЕСКО «Достоинство ребенка». В результате привлечения детей-волонтеров был снят целый ряд проблем, сопутствующих правовому образованию воспитанников интернатных учреждений: во-первых, изначально устанавливался более высокий уровень доверия в звене «дети — детям»; во-вторых, отсутствовал беспрекословный авторитет взрослого, препятствующий свободному общению между детьми; в-третьих, группы детей стали более сплоченными и солидарными.

Базовыми выступили два детских домах, школа-интернат для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и воспитательная колония для несовершеннолетних, где находились и социальные сироты. Этот этап вылился в проект «Детское право», который начался своеобразным «мозговым штурмом» для волонтеров. Требовалось дополнительное погружение в тему детской и семейной политики, расстановка акцентов, определение приоритетов в работе с детьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, и максимально возможное перенесение в учреждения для детей-сирот опыта социально активных школ города Волгограда.

В процессе реализации проекта «Детское право» широкомасштабное распространение получили ролевые игры, тренинги и диспуты, в проведении которых активное участие принимали дети-волонтеры из волгоградских школ.

Игровая деятельность, с одной стороны, увлекательна для участников, а с другой — предоставляет дополнительные возможности для стимулирования познавательного интереса воспитанников [6]. Применение игровых форм способствовало повышению творческого потенциала детей-сирот и одновременно более глубокому осмыслению ими сути своих прав. Так, в 10 лет дети-сироты, даже имея некоторое представление о внешнем мире, не всегда способны вербализовать свои ощущения, а в процессе игры довольно свободно выражают отношение к той или иной проблеме. Данная форма способствует не только развитию активности обучающихся, но и способности принимать правильное решение в тех или иных правовых ситуациях. Эмоциональное переживание — главное, что выносит ребенок из игры и что служит основой для формирования правосознания. Ролевые игры научили детей задуматься над проблемой, а не просто согласиться с позицией взрослых под давлением их авторитета.

Свобода коммуникации между участниками процесса обучения способствовала тому, что дети, говоря на одном языке, рассматривая различные социально-правовые ситуации, лучше понимали друг друга [5, 8].

С другой стороны, включенные в работу педагоги детских домов демонстрируют быстрое смещение акцентов от недоверия к положительной оценке действий своих воспитанников, повышение уровня доверия к ним, стремление работать в одной команде. Более того, усилилось взаимное понимание и уважение взрослых и детей. Вместе изучая «детское право», погружаясь в причины неблагополучия социальных сирот, учителя и воспитатели интернатных учреждений испытывают искренний интерес к правовому образованию вос-

питуемых, подготовке их к самостоятельной жизни в обществе.

Данный подход способствовал решению ряда задач: во-первых, проверялось, насколько дети соотносят полученные знания с реальностью в ее игровой модификации, способны ли волонтеры к переносу полученного опыта на практику работы и общения с детьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации. Во-вторых, воспитанники интернатных учреждений получали практический опыт социальной адаптации.

Список библиографических ссылок

1. Автономов А. С. Юридические аспекты становления детского омбудсмена в России // Защити меня. 2002. № 1—2.

2. Алексеева Т. Н. Школа — правовое пространство: метод. рекомендации в рамках проекта «Школьный уполномоченный по защите прав и законных интересов ребенка в образовательном учреждении». Волгоград, 2004.

3. Алексеева Т. Н. Правовое образование и защита прав детей, оставшихся без попечения родителей: науч. журнал. Минск, 2008. С. 56—61.

4. Гуляихин В. Н. Вторичная правовая социализация человека // Право и политика. 2011. № 9. С. 1583—1590.

5. Гуляихин В. Н., Широ С. В. Первичная правовая социализация человека // Право и образование. 2011. № 6. С. 66—77.

6. Гуляихин В. Н., Широ С. В. Проблема вторичной правовой социализации человека в контексте теорий психоанализа // Право и образование. 2011. № 10. С. 57—67.

7. Широ С. В. Этические основания формирования правовой культуры личности несовершеннолетнего в современном российском обществе // Известия Волг. гос. пед. ун-та. Сер. Педагогические науки. 2007. № 4(22). С. 54—58.

8. Широ С. В. Защита прав ребенка в Российской Федерации: учеб. пособие. Волгоград, 2004. С. 314.

© С. В. Широ, 2012

* * *

М. А. Шматов, А. Г. Балконский, С. А. Дмитриенко

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ В ПРОЦЕССЕ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В статье рассматриваются вопросы судебного контроля в процессе досудебного соглашения о сотрудничестве. На основании рассмотрения разных точек зрения ученых выделяются наиболее актуальные аспекты данного правового института.

Ключевые слова: судебная власть, судебный контроль, уголовное судопроизводство.

M. A. Shmatov, A. G. Balkonsky, S. A. Dmitrienko

JUDICIAL REVIEW IN THE COURSE OF PRE-TRIAL AGREEMENT FOR COOPERATION

The article focuses on the issues of judicial review in the course of pre-trial agreement for cooperation. The author determines the most important aspects of this legal institute on the basis of consideration of different scholars' viewpoints.

Keywords: judicial power, judicial review, criminal justice.

Возникновение и развитие судебного контроля в Российской Федерации является результатом судебно-правовой реформы. На страницах правовой литературы судебный контроль рассматривается как одна из самостоятельных функций судебной власти, целью которой является укрепление процессуальных гарантий для обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Судебно-правовая реформа вызвала необходимость пересмотра традиционного понимания взаимоотношений органов предварительного следствия, прокуратуры и суда. Существенному изменению в первую очередь подвергалась устоявшая регламентация процессуальной деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве.

Ряд авторов в своих публикациях проблему установления судебного контроля за предварительным расследованием и его последующее расширение связывают с реализацией принципа состязательности в уголовном судопроизводстве [1].

История свидетельствует о том, что «сделка с правосудием» в современном ее понимании возникла в конце XIX в. в США и достаточно быстро получила самое широкое распространение в других странах мира.

По мнению С. В. Горохова, в настоящее время в мировой практике существует две формы сделок, которые соответствуют определению «досудебного соглашения о сотрудничестве»:

1) самая распространенная форма — договор с прокуратурой. Суть его заключается в том, что в обмен на признание вины прокуратура исключает из обвинения определенную часть или переквалифицирует преступление на менее тяжкое. Сделка может быть предложена любой из сторон. Ее условия обсуждаются обвиняемым и представителем прокуратуры, а затем утверждается судьей, как правило, в открытом судебном заседании. Судья может не утвердить сделку, но если он дает свое согласие, то обязан выполнять ее условия;

2) другая форма сделки с правосудием — наделение обвиняемого статусом «свидетеля обвинения». Суть этой формы заключается в том, что в обмен на показания против сообщников обвиняемый получает «прокурорский иммунитет» — полное или частичное освобождение от ответственности. Сделка заключается между обвиняемым и прокурором и должна быть одобрена судьей, после чего исполнение ее условий становится обязательным для всех участников [2].

В соответствии с ч. 1 ст. 317.7 УПК РФ судебное заседание и постановление приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, проводится в порядке, установленном ст. 316 УПК РФ, которая регламентирует порядок проведения судебного заседания и постановление приговора в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением.

Анализ уголовно-процессуального законодательства, регулирующего сокращенное судопроизводство в виде особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, приводит к выводу о следующем:

1. Судебное следствие не проводится, а следовательно исследование и оценка собранных доказательств не осуществляется.

2. Вместо обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ), в суде исследуются обстоятельства, перечисленные в ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ, т. е. совокупность тех условий, которые должен выполнить подсудимый при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. В этой связи необходимо согласиться с профессором Б. Т. Безлепкиным, который по данному вопросу пишет: «Иначе говоря, предметом судебного исследования в подобных случаях является не преступление и обвинение, а само соглашение с обвиняемым о сотрудничестве» [3].

3. В соответствии с п. 1 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ «подсудимый обязан содействовать следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления».

Вместе с тем следует отметить, что в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством под понятием «уголовное преследование» подразумевается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в преступлении (п. 55 ст. 5 УПК РФ). Поэтому подсудимый, даже содействующий правосудию, не входит в число лиц, осуществляющих уголовное преследование и раскрытие преступления. В этой связи следует согласиться с Н. К. Панько, который считает, что необходимо устранить из главы 40.1 УПК РФ как избыточную нормативность, так и коллизии между п. 55 ст. 5 УПК РФ и главой 40.1 УПК РФ [4].

Мы считаем, что имеются и другие существенные противоречия. Одним из них является принципиальная особенность, содержащаяся в главе 40.1 УПК РФ, которая не предусматривает согласия потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Указанное положение соответствует и прямо противоречит п. 61 ст. 5 УПК РФ, в соответствии с которым такое соглашение заключается между сторонами обвинения и защиты. Следовательно, согласие потерпевшего — есть необходимое условие для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым и обвиняемым. Более того, А. В. Смирнов считает, что правомерность заключения соглашения о сотрудничестве без участия потерпевшего лишает его возможности активно отстаивать свои права и с позиции соблюдения конституционных требований и норм международного права является весьма сомнительной [5].

Изложенное свидетельствует о том, что процедура принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и при соглашении обвиняемого с предъявленным обвинением нуждается в дополнительной законодательной регламентации. Прежде всего необходимо отметить главные, существенные моменты, которые содержат значительные отступления от таких важнейших принципов отправления правосудия, как справедливость, гласность, состязательность сторон, принцип права на обжалование процессуальных действий и решений.

Нельзя говорить и об объективности, если порядок заключения соглашения во многом зависит от волеизъявления одного лица — прокурора, который своим решением определяет порядок судебного расследования уголовного дела и конечного его результата.

В аспекте сказанного следует иметь в виду, что особенности прокурорского надзора определяются публичными интересами, т. е. интересами государства. В отличие от прокурорского надзора, имеющего характер оперативного контроля, так как прокуратура, поддерживая в суде обвинение — заключение следственных органов по конкретному уголовному делу, соглашаясь при этом полностью или частично или не соглашаясь с ним, судебный контроль в уголовном процессе является утверждением судебной власти как самостоятельной и независимой, реализующей свои полномочия в интересах защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина.

В заключение необходимо отметить, что успешное выполнение задач уголовного судопроизводства возможно при условии сочетания прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного расследования с расширением полномочий судебного контроля, необходимость которого диктуется заложенной в Конституции Российской Федерации целью построения демократического общества и правового государства.

Список библиографических ссылок

1. Кожуганова Д. З. Судебный контроль и его расширение в досудебном производстве в Республике Казахстан // Криминологический журнал Алтайского гос. ун-та экономики и права. 2011. № 4. С. 80—86; Кигис В. Н. Договоренность в уголовном процессе // Борьба с преступностью за рубежом: ежемесячный информ. бюллетень. 2005. № 3. С. 18—20; Садыкова Р. Понятие, сущность и формы судебного контроля в уголовном судопроизводстве // Фемида. 2006. № 4. С. 37—39.

2. Горохов С. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы и противоречия // Правовые и криминалистические проблемы: материалы науч.-практ. конф. Воронеж, 2009. Вып. 6. С. 118—130.

3. Безлепкин Б. А. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 10-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 474.

4. Панько Н. К. Условия применения особого порядка судебного разбирательства: сравнительный анализ из российского и зарубежного уголовно-процессуального законодательства // Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы: материалы науч.-практ. конф. Воронеж, 2009. Вып. 6. С. 218—225.

5. Смирнов А. В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 5—14.

© М. А. Шматов, А. Г. Балконский, С. А. Дмитриенко, 2012

* * *

О. И. Коломок, С. А. Винокурова

ФОРМИРОВАНИЕ У СТУДЕНТОВ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМУ КОМПОНЕНТУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассмотрена проблема формирования ценностного отношения к социально-гуманитарному компоненту профессионального образования, решение которой позволяет проектировать учебный процесс сквозь призму универсальных гуманистических ценностей. Главным результатом решения данной проблемы является ценностно-смысловая коммуникация, которая заключается в субъективном опыте обучающегося, в опыте ценностного самоопределения и позволяет рассматривать учебный материал в социокультурном контексте.

Ключевые слова: ценностно-смысловая компетентность, социально-гуманитарное образование, гуманитарное знание, социально-гуманитарный компонент профессионального образования, ценностное отношение к социально-гуманитарному компоненту профессионального образования.

O. I. Kolomok, S. A. Vinokurova

DEVELOPMENT OF STUDENTS' VALUE ATTITUDE TOWARDS SOCIAL AND HUMANITARIAN COMPONENT OF PROFESSIONAL EDUCATION

The article focuses on the problem of development of students' value attitude towards social and humanitarian component of professional education the solution of which allows to plan the educational process taking account of universal humanitarian values. The main result of this problem solution is the value semantic communication that implies the student's subjective experience as well as the experience of value self-determination and allows to consider training material in the sociocultural context.

Keywords: manager's value semantic competence, social and humanitarian education, humanities knowledge, social and humanitarian component of professional education, value attitude towards social and humanitarian component of professional education.

Особое место в реализации ценностно-смысловой компетентности будущего специалиста занимает социально-гуманитарное образование.

Это обеспечивается тем, что гуманитарное знание имеет сложное, многоуровневое, противоречивое значение для практики. Оно ощутимо влияет на естествознание, технику, воспитание и образование, материальное производство и общественно-политическую деятельность людей, их быт и досуг. Будучи совместным продуктом научно-теоретического и вненаучного, практического типов познания, гуманитарное знание в своих лучших подлинных образцах представляет живую душу человеческой культуры, основу личного и общественного сознания.

Процесс гуманизации рассматривается как важнейший социально-педагогический феномен, который является условием гармоничного развития личности и отражает современные тенденции развития всей системы образования.

Многие исследователи (Н. Крылова, Ю. Громыко, В. Давыдов, Е. Шиянов и др.) согласны с тем, что гуманизация является основным элементом нового педагогического мышления, одной из важнейших задач которого является выявление гуманистического потенциала образования, его отношения к человеку как субъекту познания, общения и творчества.

Основной целью гуманитаризации образования является формирование у студентов нового вос-

приятия социальной реальности, в центре которой стоит человек с его потребностями и интересами. Следует отметить, что гуманитаризация — это не просто увеличение числа дисциплин гуманитарного профиля, но и изменение внутренних приоритетов образования, учитывающих гуманистические ценности, потому что, как известно, общество не может успешно развиваться без учета ценностных устремлений человека.

Проведенный анализ понятий гуманитаризации и гуманизации позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на неоднократное обращение к ним исследователей и накопленные теоретические знания, они нуждаются в дальнейшей разработке.

Гуманистическая направленность образования меняет привычное представление о его цели как формировании систематизированных знаний, умений и навыков. При рассмотрении вопроса о смысле и назначении гуманитарной составляющей учебной программы почти всегда возникает проблема восприятия студентами гуманитарных знаний. Студенты, занимающие такую позицию, утверждают, что знание истории, философии, иностранного языка или других гуманитарных дисциплин в их будущей профессиональной деятельности им не понадобится, потому гуманитарная информация ими воспринимается избирательно. Эта избирательность и неприязнь часто усиливается скучным, по словам студентов, наполнением гуманитарных дисциплин.

По мнению А. Андреева, скучными эти предметы становятся из-за слабой связи между изучаемым материалом и теми проблемами, которые волнуют студентов. Г. Сорокин видит здесь проблему в качестве преподавания, подобной точки зрения придерживаются и другие авторы, в том числе и Е. Акулова, которая определяет проблему профессионального преподавания гуманитарных наук в вузе как чрезвычайно острую. Принцип интеграции естественных, технических и гуманитарных наук больше декларируется, чем реализуется. Почти не разрабатываются междисциплинарные курсы и предметы, преподаватели привыкли действовать в рамках своего предмета, да и государственные образовательные стандарты высшего образования не раскрывают данной проблемы. Для ее решения А. Андреев предлагает разрабатывать технологию современной гуманитарной педагогики прицельно, принимая во внимание связь между содержанием учебного процесса и его формами, с одной стороны, и культурно-психологическими особенностями студенческой среды вуза — с другой. Информацию об отношении студентов к гуманитарным дисциплинам можно получить из материалов исследований, проводившихся на протяжении нескольких последних лет. Например, по данным социологических исследований, в среднем 60 % опрошенных студентов уверены в полезности дисциплин гуманитарного и социально-экономического циклов. Остальные 40 % считают эти дисциплины бесполезными для своей будущей профессиональной деятельности либо затрудняются оценить их значимость. Соответствующими социальными качествами в своей профессиональной деятельности будут руководствоваться не более 1/3 выпускников вузов.

Результаты исследований лаборатории социологических исследований Московского финансово-юридического университета — МФЮА показывают, что подавляющее большинство респондентов отдало предпочтение максимально широкой модели образования, включающей в себя изучение не только профессиональных дисциплин, но и наук, позволяющих успешно адаптироваться к условиям современной жизни, а также способных удовлетворить духовные запросы человека, сформировать общее понимание жизни. Около 1/3 респондентов твердо уверены в том, что гуманитарные знания им понадобятся, столько же считают, что получение ими таких знаний скорее нужно, чем бесполезно, и лишь каждый десятый студент младших курсов и 6 % старшекурсников не видят в них никакой необходимости.

По данным этого исследования можно судить и о задачах изучения гуманитарных дисциплин, среди которых наибольшую поддержку получили задачи развивающего характера, такие как расширение кругозора, повышение общей культуры, развитие самостоятельного мышления и творческих способностей. Таким образом, авторы исследования делают вывод о том, что узко профессиональный подход к образованию среди студентов не так популярен, как это кажется на первый взгляд. Большая часть студенчества счи-

тает гуманитарную подготовку неотъемлемым признаком образованности.

В процессе изучения гуманитарных дисциплин достоянием личности студента становится опыт открытия и субъективизации ценностей гуманитарного знания, отраженных в содержании гуманитарных наук. Поэтому особую актуальность приобретает проблема формирования у студентов ценностного отношения к гуманитарным знаниям, в частности к дисциплине иностранный язык. В современном представлении университетский специалист — это широко образованный человек с фундаментальной подготовкой, соответственно, иностранный язык такого специалиста представляет собой и орудие производства, и часть культуры, и средство гуманитаризации образования. С. Третьяк описывает эту дисциплину как важное звено между специальными и гуманитарными общеобразовательными дисциплинами. Потенциал данного учебного предмета настолько велик, что позволяет использовать его для освоения как гуманитарных, так и естественно-научных знаний.

Анализ содержания гуманитарного знания в культурно-историческом контексте позволил придти к выводу, что содержанием гуманитарного знания является вопрос о ценности и смысле жизни человека. Способом существования гуманитарного знания является диалог: диалог личностей, диалог культур. Поскольку гуманитарное познание означает совпадение субъекта с объектом познавательного процесса, то рефлексивно по самой своей сути в нем воплощаются стремления человечества осмыслить себя, свое место и назначение в мире. Следовательно, гуманитарное знание — основа гуманистического общественного сознания.

Перевод гуманитарного знания в гуманистическое сознание — это, по сути, вопрос социального заказа образованию. Однако это отражает не только социальный заказ, но и интересы каждой личности, т. к. становится все более очевидным, что только действенное общественное гуманистическое сознание способно ответить на «вызов» природы и сохранить человечество как род. Перевод гуманитарного знания в гуманистическое сознание предполагает присвоение личностью универсальных гуманистических ценностей, становление ценностного сознания личности студента. Универсальные гуманистические ценности — основа современного гуманитарного образования.

Универсальные гуманистические ценности придают активность всем остальным звеньям системы ценностей. Они выступают логическим центром ценностно-мировоззренческой системы и поэтому являются основой оценочно-аналитической и творческо-поисковой работы со знанием. Универсальные гуманистические ценности имеют не только функционально-личностное значение, но и ориентируют личность в культурно-историческом времени и пространстве, в социальном взаимодействии. Субъективация универсальных гуманистических ценностей происходит в процессе их присвоения.

Это обостряет внимание к проблеме индивидуальности человека, связанной с необходимостью значительно повысить творческий потенциал личности и в целом человечества, которому для выживания предстоит решать комплексы нетипичных задач, что исключает действия по образцу, с опорой на опыт предшествующих эпох. Признание приоритета гуманитарного миропонимания общественного развития несет в себе огромное конструктивное начало, является важнейшим ценностным ориентиром, который позволяет человеку находить баланс устойчивости в потоке социальных перемен.

В этой связи наблюдается радикальный пересмотр оснований образовательной практики, педагогической деятельности. Образование выходит в центр осмысления опыта и перспектив общества, поскольку оно выступает как основной фактор обеспечения необходимого обновления всех сторон жизнедеятельности социума.

Важнейший аспект обновления содержания образования — гуманизация, направленность на сохранение и развитие нравственных и эстетических ценностей, высоких общественных идеалов, не подверженных сменам идеологических парадигм. Таким образом, содержанием ценностно-ориентированного гуманитарного образования выступает присвоение личностью универсальных гуманистических ценностей, в которых заключен культурно-исторический опыт предшествующих поколений.

Присвоение ценностей понимается как освоение опыта культурных достижений, приобретение

которого происходит не в форме прямой трансляции, а в активной совместной деятельности субъектов обучения. Присвоение универсальных гуманистических ценностей предполагает актуализацию ценностного потенциала гуманитарного знания через построение ценностной картины мира в сознании студента.

Ценностные отношения являются ядром ценностного сознания личности, которое есть, прежде всего, обращенность к жизни, традициям, человеку, принципам гуманизма. Это выражается в таких характеристиках ценностного сознания, как ответственность, толерантность, патриотизм, гражданственность, конструктивность. Сегодня ответственность становится главной, доминирующей чертой ценностного сознания личности. Это связано с изменением картины мира, со спецификой ее ценностного содержания. Поэтому правомерно в качестве цели ценностно-ориентированного гуманитарного образования рассматривать создание условий для становления ценностного сознания личности студента.

Обозначенные позиции в проектировании содержания ценностно-ориентированного гуманитарного образования предопределяют необходимость создания, развития и совершенствования аксиологической среды, где организуется процесс формирования системы ценностных отношений студентов к миру и к себе в этом мире.

Моделирование аксиологической среды гуманитарного образования нацеливает на определение интегрирующего фактора. Представляется, что таковым является ценностно-смысловая коммуникация как деятельность особого рода, в которую включаются субъекты образовательного процесса, которая, актуализируя ценностный потенциал гуманитарного знания, создает условия для становления ценностного сознания личности.

Итак, сущность гуманитарного познания заключается в изучении ситуации деятельности субъекта, изучении содержания, процесса, результатов и последствий его деятельности. Естественно, что гуманитарное познание не рассматривается в отрыве от субъекта этой деятельности — конкретного человека, социальной группы, класса, культуры, эпохи и т. д. Более того, субъектность гуманитарного познания предполагает рассмотреть человека в контексте его ответственности за свои действия перед другим человеком как самим собой, перед своей совестью. Гуманитарное познание напрямую связано с развитием человека как сознательного субъекта своей деятельности, которая непосредственно связана с существующей реальностью; в ней ему предстоит действовать и преобразовывать.

Таким образом, студент, как субъект гуманитарного познания, отражает не объекты окружающей действительности, а субъекта, который так же, как и он сам, является частью человеческого рода. Гуманитарное познание также призвано помочь раскрыть ему собственную сущность, ценность и смысл жизни.

В плане педагогического рассмотрения значимым является факт, что в ценностно-смысловой коммуникации студент «… как бы непосредственно ощущает себя в мире как целом, без всяких промежуточных инстанций, помимо всякого социального коллектива, к которому он принадлежал бы» [2].

Ценностно-смысловая коммуникация дает возможность студенту пережить информацию как событие, и как следствие привнесения нового качества в нашу целостность [1, 2]. Таким образом, происходит восполнение целостности видения субъектов диалога собственного «Я» и предмета диалога, а значит — нахождение смысла.

Главный результат ценностно-смысловой коммуникации заключается в субъективном опыте обучающегося, в опыте ценностного самоопределения. В этом случае проблема знания и проблемы понимания включены в процесс ценностного освоения человеком мира. Вне этой деятельности они утрачивают свой смысл. Ценностно-смысловая коммуникация позволяет рассматривать учебный материал в социокультурном контексте.

Стоит отметить, что переход России в единое европейское пространство высшего образования в рамках Болонского процесса также стимулирует изучение иностранных языков и других культур. К тому же, передача информации по специальности, общение с зарубежными коллегами часто осуществляются специалистами через Интернет, а это связано, прежде всего, с владением иностранными языками. Техническая литература по

многим специальностям, языки программирования, профессионально важные материалы в сети Интернет предоставлены на иностранном языке, чаще всего на английском. Эти факторы являются благодатной почвой для эффективного формирования ценностного отношения студентов к гуманитарному компоненту образования, в том числе и на базе иностранного языка.

На наш взгляд, целесообразно говорить о разработке специального методического обеспечения языковой подготовки в вузе, направленного на формирование общечеловеческих ценностей. Нами была разработана система ситуаций, направленная на развитие гуманитарно-ориентированного сознания будущего специалиста в условиях личностно-ориентированной системы преподавания иностранного языка в вузе. Был подобран комплекс материалов (статей, данных социологических исследований), включающий такие темы, как требования работодателей к молодым специалистам, рекомендации по трудоустройству выпускников, влияние СМИ на формирование мировоззрения молодежи, вопрос понимания, что такое перспективная работа, влияние природных катаклизмов на международные отношения, цена славы, истоки жестокости среди молодежи, специализированные периодические издания на иностранном языке, как сделать обучение в вузе более интересным. Метод комплексного анализа обсуждаемой проблемы позволил сформировать о ней целостное представление и выработать обоснованную позицию по данному вопросу. Разработанная система ситуаций создает условия для осознания студентами значимости владения иностранным языком как средством саморазвития, самообразования и самореализации; подобранные ситуационные задания обеспечивают положительный эмоциональный фон при изучении иностранного языка. Таким образом, при соответствующем подходе к языковой подготовке в вузе иностранный язык становится средством профессионального самовыражения и самосовершенствования, создает необходимые условия для эффективной гуманитаризации образования, способствует формированию ценностного отношения к гуманитарному компоненту образования в целом. Дисциплины гуманитарного цикла способствуют формированию мировоззренческих позиций будущего специалиста, знаний и умений, мотивации самосовершенствования и самовоспитания в учебной и будущей профессиональной деятельности, творческого мышления. Именно они способствуют, будучи неотъемлемой частью образования, пониманию студентами места и значения своей профессии в научно-техническом прогрессе, стимулируют осознание возможностей использования гуманитарных знаний как средства решения профессиональных задач, социального престижа профессии, то есть содействуют углублению профессионального мировоззрения.

Таким образом, процесс формирования ценностного отношения к социально-гуманитарному компоненту профессионального образования предполагает способность педагога проектировать учебный процесс сквозь призму универсальных гуманистических ценностей, т. е. в данном контексте осуществлять целеполагание, моделировать аксиологическую среду образования, включать студентов в ценностно-смысловую коммуникацию: деятельность, в процессе которой происходит присвоение личностью ценностей.

Список библиографических ссылок

1. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1991. С. 480.

2. Мамардашвили М. К. Стрела познания (набросок естественноисторической гносеологии). М., 1997.

3. Разбегаева Л. П. Ценностные основание гуманитарного образования: теория и практика: монография. Волгоград, 2010.

4. Эльконин Б. Д. Введение в психологию развития. М., 1994.

5. Андреев А. Гуманитарная педагогика высшей технической школы // Высшее образование в России. 2008. С. 119—127.

6. Шиянов Е. Н. Теоретические основы гуманизации педагогического образования: автореф. дис. … д-ра пед. наук. М., 1991.

7. Третьяк С. В. Формирование у студентов ценностного отношения к гуманитарному компоненту профессионального образования: дис. … канд. пед. наук. М., 2003.

© О. И. Коломок, С. А. Винокурова, 2012

* * *

Л. Н. Феофанова, А. А. Ермакова, И. А. Тарасова

О ДИАГНОСТИКЕ В ПЕДАГОГИКЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Статья посвящена актуальной проблеме — диагностике в области дидактики высшей школы, которая позволяет оптимально организовать учебный процесс и эффективно им управлять. Раскрываются методические особенности проведения вузовских занятий по решению нетиповых задач практического содержания.

Ключевые слова: диагностика, шкала качеств, профессионально ориентированная задача, педагогическая ситуация.

L. N. Feofanova, A. A. Ermakova, I. A. Tarasova

ABOUT DIAGNOSING IN HIGH SCHOOL PEDAGOGY

The article is devoted to the urgent problem of diagnosing in the sphere of high school didactics that allows to optimally arrange the educational process and effectively operate it. The authors determine methodical peculiarities of institutional classes related to solving non-typical practical problems.

Keywords: diagnosing, quality scale, vocationally-oriented task, pedagogical situation.

Педагогическая диагностика рассматривается нами как определенный процесс, в ходе которого при соблюдении необходимых научных критериев преподаватель вуза наблюдает за студентами, проводит анкетирование, проверяет и оценивает знания, накапливает и обрабатывает данные наблюдений и опросов, анализирует их, выявляет динамику и прогнозирует дальнейшее развитие.

Мы, в частности, занимались вопросами педагогической диагностики в целях определения уровня готовности студентов применять математические методы при решении профессионально ориентированных задач. Эта проблема исследовалась нами в связи с тем, что изучение математических дисциплин часто не включено в систему работы вуза по подготовке студентов к профессиональной деятельности. Однако обучение, построенное по принципу «математические знания плюс профессиональная подготовка», приводит к тому, что «общение» с математикой у будущего профессионала выпадает из сферы формирования его практического опыта, что впоследствии

отрицательно сказывается на освоении технологии деятельности и саморазвития, на реализации нравственного и мировоззренческого потенциала личности.

Суть задачи нашего исследования состояла в разработке метода диагностирования. С этой целью были разработаны атрибуты диагностического исследования — описания шкал, уровни подготовки, тестовые задачи, процедуры оценивания учебных действий, математическая обработка результатов.

Вопросы количественной оценки характеристик качества объектов, наряду со специальными моментами, относящимся к теории измерений, имеют существенные философские и психологические аспекты, значимость которых значительно возрастает, когда предметом исследования становятся процессы человеческой деятельности. Актуальность вопросов диагностики в области дидактики высшей школы обусловлена необходимостью оптимально организовать учебный процесс и эффективно им управлять. При этом объектом диагностирования являются сложные образовательные ситуации, в которых формируются не только знания, но и личностно-смысловая сфера студентов.

Следует учитывать и тот факт, что особая роль в формировании познавательных интересов обучаемых принадлежит соотношению известных и вновь сообщаемых сведений. Сознательное регулирование этого соотношения возможно, если преподаватель располагает сведениями об уровне (качестве) готовности студента овладеть новым материалом. В связи с этим в проведенном нами исследовании была поставлена цель получить обоснованную информацию о готовности студентов к применению математики в решении учебных профессионально ориентированных задач. Для диагностирования использовалась методика, разработанная Г. И. Брызгалиным [1], которая нашла применение к измерениям в дидактике высшей школы [2]. Следуя избранной методике, мы исходили из того, что в современной математике основные структуры строятся из элементарных объектов (точек), которые нередко определяются нечетко. В реальных ситуациях априорно никаких объектов не существует, они выделяются субъектом бессознательно или же сознательно в целях изучения системы, которое может производиться путем моделирования реальной системы при помощи подходящей математической структуры. Выявление и качественное описание предмета измерения является результатом теоретического анализа педагогических явлений, педагогического эксперимента или обобщения опыта. Речь идет не об объектах или субъектах учебного и воспитательного процесса, а о некоторых характеристиках их свойств, качеств.

Под степенью (качеством) готовности к восприятию нового материала нами понималась оценка способности обучаемого без дополнительной подготовки усваивать новый материал. Анализ готовности группы или потока начинается с определения доли студентов, справившихся с той или иной учебной операцией или элементарным действием, которая называется частным свойством группы по данному действию или операции. Затем определяются частные качества (степени) готовности путем специального нормирования частных свойств. Характеризуя в целом рассмотренные свойства готовности, можно заключить, что они измеряются в шкале интервалов, а их значения x принадлежат промежутку $[0;1]$. Каждому свойству x_{ij}, которое в общем виде будем обозначать через x, ставится в соответствие качество как функция $q = q(x)$. Характерные значения этой функции определяются из соображений такого рода:

— если значение x, например, $x = 0$, рассматривается как совершенно недопустимое, то качество его определяется числом $q(0)= -2$;

— если некоторое значение x рассматривать как явно неудовлетворительное, то соответствующее качество $q(x)= -1$;

— по каждому свойству определяется интервал значений x, признаваемых нормальными, и граничные значения нормального интервала (x_0, x_*): посредственное $q(x_0)=0$ и отличное $q(x_*)=1$;

— если значение x, например $x=1$, рассматривать как идеальное, то соответствующее качество $q(1)=2$.

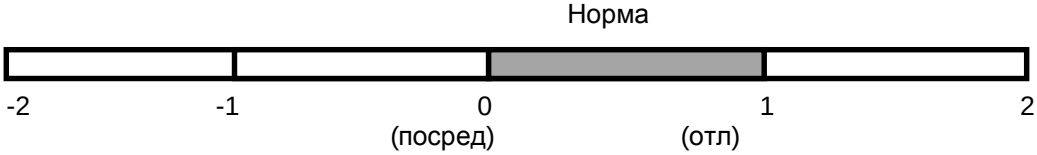

Рис. 1. Шкала качеств

Эти условия приводят к шкале качеств, изображенной на рис. 1. Эту шкалу принимаем за основу нормировки свойств, т. е. перевода их в качество с помощью специально подобранных на основе анализа педагогической ситуации нормирующих функций:

$$q = 3x - 2, \tag{1}$$

$$q = \begin{cases} \dfrac{10x-2}{2}, & \text{åñëè } 0 \le x \le 0{,}2; \\ \dfrac{10x-2}{4}, & \text{åñëè } 0{,}2 \le x \le 1. \end{cases} \tag{2}$$

$$q = \begin{cases} 1 - \dfrac{20x}{3}, & \text{åñëè } 0 \le x \le 0{,}15; \\ \dfrac{6-40x}{17}, & \text{åñëè } 0{,}15 \le x \le 1. \end{cases} \tag{3}$$

Полученная совокупность частных качеств образует систему отношений, которую можно представить в виде графа (дерева), изображенного на рис. 2 и используемого для выражения структуры качеств.

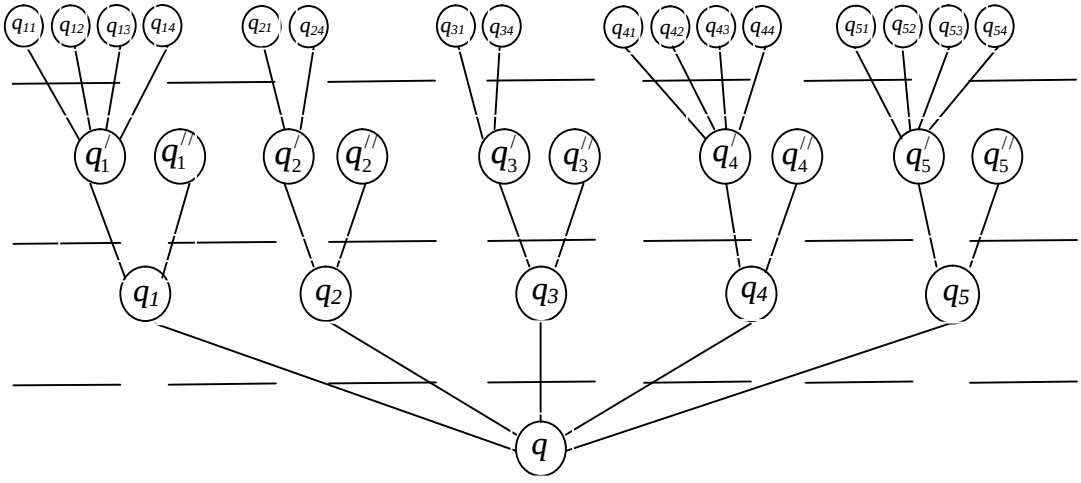

Рис. 2. Дерево качеств

Первую ступень этой иерархической структуры занимает единое качество q, характеризующее в целом степень готовности группы, потока; вторую — единое качество q_i по каждой из элементарных операций; верхнюю — степени готовности по отдельным элементарным действиям каждой

i-й операции q_{i1}, q_{i2}, q_{i3}, q_{i4}. Группа частных качеств q_{ij} *(j= 1; 2; 3; 4)* преобразуется в единое групповое качество $q_i^{/}$, которое по второй *(i = 2)* и третьей *(i = 3)* операциям определялось на основе результатов всего лишь двух элементарных учебных действий. Специально выделенное качество $q_i^{//}$ характеризуется долей тех студентов, которые справились с каждым из элементарных действий i_1, i_2, i_3 *(i=1; 4; 5)* или i_5 *(i=2; 3)*, соответствующих *i*-й операции. Качества $q_i^{/}$ и $q_i^{//}$ образуют третий уровень иерархии качеств.

Формирование единого критерия качества следует производить на основе анализа взаимоотношений частных качеств, более тонких, чем это можно выразить в форме графа-иерархии, служащего лишь скелетом этих отношений. Возможность количественного выражения взаимоотношений частных качеств и единого качества основывается на двух предварительных условиях:

— общая шкала для всех частных, групповых и единого качества с нормальным интервалом [*0; 1*];

— использование средних функций для формирования единого критерия качества.

Под средней функцией переменных понимается функция, значения которой всегда принадлежат интервалу, занимаемому конкретным набором значений аргументов. Введение нормального интервала задает единый масштаб для всех частных качеств, а использование средних функций приводит к тому, что единое качество выражается в этом же масштабе. Обеспечив эти условия, обратимся к взаимоотношению между некоторыми двумя частными качествами q_1; q_2 и единым качеством q, пока безотносительно к изложенной выше ситуации. Если при отрицательных значениях q_i возможны высокие значения единого качества q за счет высоких значений другого частного качества, а при высоких значениях q_i единое качество q будет высоким независимо от другого качества, то будем говорить, что качество q_i имеет тяговый характер. Оно соответствует тому частному показателю, тому звену, улучшая которое, мы вытянем всю цепь, то есть качество объекта в целом. Противоположный характер можно назвать опорным, он соответствует частным качествам, отрицательные значения которых означают непременно ухудшение общего качества, а положительные значения еще не влекут положительности единого качества: если одна из двух опор очень хороша, это не означает высокое качество сооружения в целом, но если одна из опор некоторого сооружения явно плоха, то и качество в целом неудовлетворительно. Математически при указанных выше условиях (1) и (2) эти свойства частных качеств выражаются свойствами частных производных функции $q=(q_1,q_2,...,q_n)$: если $\frac{\partial q}{\partial q_i}$ мало при отрицательных q_i и велико при положительных q_i, то q_i имеет тяговый характер. Противоположные свойства соответствуют опорному характеру.

Если бы единое качество выражалось средневзвешенным арифметическим:

$$q=\sum_{i=1}^{n} p_i q_i;\ \sum_{i=1}^{n} p_i = 1, \qquad (4)$$

$$\text{то } \frac{\partial q}{\partial q_i} = p_i = const,$$

а это означает, что все качества имеют один характер, который можно назвать постоянным. Преимущества нашего подхода состоят в том, что здесь задается не постоянный вес частного критерия качества, как в (4), а, по существу, одновременно с набором единого критерия подбирается и весовая функция с тем поведением, которое соответствует существу дела в рассматриваемой педагогической ситуации. Экспериментально доказано, что в этом плане весьма удобны для практического применения средние экспоненциальные функции:

$$q^+ = \ln\frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n} e^{+q_i} \ \textit{или}\ e^{q+} = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n} e^{q_i} \qquad (5)$$

$$q^- = -\ln\frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n} e^{-q_i} \ \textit{или}\ e^{-q^-} = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n} e^{-q_i} \qquad (6)$$

$$q = arsh\frac{1}{2}(e^{q_1} - e^{-q_2}), \text{ т. к. } e^q = \frac{e^{q_1} - e^{-q_2}}{2}, \text{ где } q_1 = q^+, \text{ а } q_2 = q^-. \qquad (7)$$

Качество, определяемое функциями (5 и 6), формируется соответственно только из тяговых $+q_i$ или опорных $-q_i$ частных качеств. Действительно:

$$\frac{\partial q^+}{\partial q_i} = \frac{\frac{1}{n}e^{q_i}}{e^{q^+}} = \frac{1}{n}e^{q_i - q^+}\ ;\ \frac{\partial q^-}{\partial q_i} = \frac{1}{n}e^{q^- - q_i} \qquad (8)$$

Следовательно,

1) если $+q_i < 0$,то $\frac{\partial q^+}{\partial(+q_i)} \to 0$;

если $+q_i > 0$,то, $\frac{\partial q^+}{\partial(+q_i)} \to +\infty$, значит, $+q_i$ имеет тяговый характер;

2) если $-q_i > 0$,то $\frac{\partial q^-}{\partial(-q_i)} \to 0$;

если $-q_i < 0$, то $\frac{\partial q^-}{\partial(-q_i)} \to +\infty$ значит, $-q_i$ имеет опорный характер.

Зависимость (7) имеет смешанную природу, поскольку в ней качество q_1 — тяговое, а качество q_2 — опорное.

По излагаемой методике формирования единого критерия качества на основе качеств тягового и опорного характера для определения степени владения знаниями различными студенческими группами и потоком студентов был поставлен эксперимент, в котором приняло участие 1 453 студента первого и второго курсов (2008—2011 гг.).

На основе анализа студенческих ответов на диагностические задания определялись частные качества q_{ij} по формуле (1), где $j=1,2,3$, и по формуле (3), если $j=4$. Группа частных качеств q_{ij} $(j=1,2,3,4)$ преобразуется в единое групповое качество $q_i^{/}$. Качество $q_i^{//}$ соответствует свойству группы, определяемому долей студентов, полностью владеющих i-й операцией. Оно определяется по формуле (2), где под x понимается свойство x_{i5}. Если доля этих студентов велика, то естественно считать группу хорошо успевающей по этой операции, а качество q_i высоким, не заботясь о значениях остальных качеств q_{ij} $(j=1,2,3,4)$. Если же $q_i^{//}$ мало, то возможно, что группа неплохо успевает по i-й операции, поскольку каждый студент может владеть сразу несколькими (хотя не всеми!) элементарными действиями этой операции. В связи с этим можно считать, что частные качества $q_i^{//}$ имеют тяговый характер. Аналогичный анализ частных качеств q_{ij} $(i=1,2,3,4)$ доказывает их опорный характер.

Учитывая эти особенности и структуру качеств (см. рис. 2), выбраны следующие функции для оценки качеств готовности студенческих групп (потока) по каждому уровню иерархии:

$$q_i^{/} = -\ln\frac{1}{4}\sum_{j=1}^{4} e^{-q_{ij}}\ , \text{ если } i=1,4,5; \qquad (9)$$

$$q_i^{/} = -\ln\frac{1}{2}(e^{-q_{i1}} + e^{-q_{i4}})\ , \text{ если } i=2,3; \qquad (10)$$

$$q_i^{/} = arsh\frac{1}{2}(e^{q_i^{//}} - e^{-q_i^{/}})\ , \text{ если } i=1,5. \qquad (11)$$

Единое качество готовности определялось формулой

$$q = -\ln\frac{1}{5}\sum_{i=1}^{5} e^{-q_i}\ . \qquad (12)$$

Результаты проведенного эксперимента, обработанные с помощью указанных выше формул, позволили отметить, что студенты плохо владеют такими учебными операциями, как составление

линейных уравнений на основе тождественного равенства двух многочленов, решение систем линейных уравнений с тремя неизвестными, разложение дробно-рациональной функции на простейшие дроби II и III типов и их интегрирование. Сведения об уровне готовности к воспроизведению и применению знаний для решения учебных профессионально ориентированных задач позволили определить методические приемы приобщения студентов каждой академической группы к активной познавательной деятельности в целях развития их готовности применять математические модели.

Представленная разработка апробирована, результаты диагностирования положены в основу отбора соответствующего учебного материала и методики проведения вузовских занятий по решению нетиповых задач практического содержания, что позволило сильным студентам в процессе изучения математики выйти на уровень исследовательской работы в сфере своей будущей профессии, а слабым — усвоить минимум, предусмотренный рабочей программой.

Список библиографических ссылок

1. Брызгалин Г. И. Психосистемные качества и классификация объектов // Экономика и совершенствование управления на базе системного подхода: сб. тезис. науч.-практ. конф. Волгоград, 2000.

2. Феофанова Л. Н. Подготовка будущих менеджеров к решению экономико-управленческих задач (на материале изучения математических дисциплин в техническом вузе): дис. … канд. пед. наук. Волгоград, 2000.

© Л. Н. Феофанова, А. А. Ермакова И. А. Тарасова, 2011

* * *

М. В. Щербакова

**КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА ВУЗА
КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ**

Рассматриваются вопросы формирования в вузе корпоративной культуры как комплексного явления. Она создается в результате множества социальных взаимодействий, наложенных на индивидуальный жизненный опыт, и несет в себе определенный имидж вуза, отличающий его от любого другого.

Ключевые слова: корпоративная культура образовательного учреждения; корпоративное поведение; корпоративные ценности, профессиональное воспитание студентов вуза.

M. V. Scherbakova

**CORPORATE CULTURE OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION
AS A FACTOR OF STUDENTS' PROFESSIONAL EDUCATION**

The article concentrates on the issues of development of corporate culture of higher educational institution as a complex phenomenon. It is formed as a result of a variety of social interactions based on the individual life experience and implies a certain image of the institution distinguishing it from any other one.

Keywords: corporate culture of higher educational institution, corporate behavior, corporate values, students' professional education.

Потребность изучения корпоративной культуры высших учебных заведений инициирована как объективным возникновением большого числа различных вузов, так и необходимостью приведения задач развития науки и образования в соответствие с потребностями рыночной экономики и отечественной социокультурной ситуации. Под воздействием целого спектра экономических изменений учреждения высшего образования, с одной стороны, трансформируются в предпринимательские организации, вынужденные постоянно повышать свою конкурентоспособность, а с другой стороны, должны сохранять и транслировать традиционные культурные ценности отечественного образования и культуры. Только ориентация на высокое качество и результаты труда, максимальная профессиональная самореализация, креативность, умение работать в команде позволяют специалисту быть востребованным в современных условиях. В связи с этим все большую актуальность приобретает проблема формирования корпоративной культуры, являющейся обязательным условием высокой эффективности и конкурентоспособности организации. В отличие от обычных организаций воздействие корпоративной культуры в вузе осуществляется не только на профессорско-преподавательский состав и сотрудников, но и на студентов, ведь именно они являются носителями особенностей корпоративной культуры вуза, его традиций, ценностей, имиджа не только в период своего обучения, но и спустя много лет по его окончании. В зависимости от того, насколько эти ценности разделяются студентами, распространяется положительная или отрицательная информация о вузе. Необходимость изучения корпоративной культуры вуза обусловлена также и тем, что данный феномен реален и имеет большое влияние на отдельного человека, вуз как организацию и общество в целом.

Разработка проблем корпоративной культуры, в том числе применительно к образовательным учреждениям, получила интенсивную научно-исследовательскую практику за рубежом, но еще не нашла достаточного отражения в исследованиях современных российских реалий. Понятие «корпоративная культура» в России еще не столь часто используется применительно к вузам. Это связано отчасти с традицией восприятия их как некоммерческих организаций.

Достаточно широко исследована проблема ключевых компонентов корпоративной культуры. Здесь можно выделить различные подходы, включающие в состав ключевых компонентов корпоративной культуры социальные нормы (Л. Розенштиль), «высшие цели» и «духовные ценности» (Р. Пэскэйл, Дж. Чемпи, Э. Этос), символы, церемонии и мифы (У. Оухи), ритуалы, традиции, обряды, мероприятия (Н. Крылов), усвоенное поведение (М. Мид). М. Кубром, Т. Питерсом, Р. Уотерманом определены ценности корпоративной культуры, обеспечивающие компаниям успех (ориентация на действие, приверженность своему делу, самостоятельность и предприимчивость и др.). Большое число исследований посвящено разработке типологии и описанию эффективных и неэффективных корпоративных культур (Р. Акофф, М. Бурке, Т. Е. Дейл, А. А. Кеннеди, С. Ханди, Г. Хошфед, Ф. Д. Штортбек).

Анализ научной литературы по исследуемой проблеме дает нам основание полагать, что роль корпоративной культуры в вузе чрезвычайно важна и многоаспектна. Корпоративная культура определяет все виды деятельности и взаимоотношения внутри вуза. Также она создает внешний образ вуза, его репутацию, задает характер его взаимоотношениям с внешней средой. Ее формирование играет важную роль, поскольку учебное заведение, имеющее развитую корпоративную культуру, является наиболее «укрепленным изнутри», объединенным по духу, ценностям и целям. Корпоративная культура, как в случае предприятия, так и в случае вуза, обеспечивает более эффективную деятельность своей организации, а также — и это главное предназначение корпоративной культуры в вузе — участвует в формировании человеческого капитала студентов — будущих специалистов.

Проблема формирования корпоративной культуры имеет достаточно выраженные педагогические аспекты, однако пока она не стала предметом широких педагогических исследований, а понятие корпоративной культуры не получило широкого распространения в педагогической теории и практике.

Само понятие «корпоративная культура» прежде всего соотносится с менеджментом, с управлением предприятием, и изначально связано с латинским словом corporatio — объединение, сообщество. Автором одной из немногих работ по этой проблеме, вышедших на русском языке, корпоративная культура характеризуется как «система материальных и духовных ценностей, проявлений, взаимодействующих между собой, присущих данной корпорации, отражающих ее индивидуальность и восприятие себя и других в социальной и вещественной среде, проявляющаяся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды» [1].

Рассматривая высшее учебное заведение как корпорацию с иерархической структурой взаимоотношений, с четким внутренним регламентом, мы можем утверждать о наличии у него особой, свойственной только вузу корпоративной культуры, связывающей всех его сотрудников и обучаемых в единое целое.

Однако следует отметить, что корпоративная культура вуза является достаточно специфическим образованием по сравнению с корпоративной культурой фирм. Она имеет три плана рассмотрения:

1) корпоративная культура вуза как самостоятельной организации;

2) корпоративная культура студенчества и профессорско-преподавательского состава как социальных групп;

3) корпоративная культура факультета как части фирмы (организации), как «плацдарма» подготовки будущих членов профессиональной корпорации.

Особенность высшего учебного заведения как корпорации заключается прежде всего в наличии особых межличностных отношений на уровне «обучающий — обучаемый», и, следовательно, именно внутренняя коммуникация «преподаватель — студент» занимает в корпоративной культуре вуза главенствующее место.

Как и любая культура, корпоративная культура преподавателей и студентов вуза включает в себя различные регулятивные элементы, как то: идеалы, нормы, традиции, обычаи и т. п., и именно они формируют уникальный способ социального поведения представителей конкретной субкультуры. Корпоративность вуза сегодня — это определенные критерии, факторы, показатели, традиции, объединяющие всех людей, осуществляющих свою деятельность в вузе и преданных ему, независимо от статуса. Успех подобных вузов заключается, прежде всего, в научно-исследовательском характере этих образовательных корпораций, которые предлагают наиболее конкурентоспособные программы.

Корпоративную культуру вуза можно определить как совокупность основных предположений, ценностных ориентаций, ожиданий, норм, символики, традиций и других общих для всех людей в организации ценностей, лежащих в основе всех внутривузовских отношений, в том числе между студентами и преподавателями. Пространство корпоративной культуры, в свою очередь, состоит из смыслов, символов, мифов, идеологических установок, поведенческих практик, коммуникативных связей и совокупности материальных объектов, позволяющих интерпретировать и конструировать организацию как для внутренней (профессорско-преподавательского состава, студентов и сотрудников вуза), так и для внешней общественности (государственные структуры, население, общественные организации и т. п.).

Сильная культура характеризуется тем, что ключевые корпоративные ценности активно поддерживаются и разделяются почти всеми членами организации. Чем больше преподавателей, сотрудников и обучающихся признают ключевые ценности, чем больше они преданы им, тем сильнее корпоративная культура вуза. И соответственно сильная культура обладает бóльшим влиянием на поведение членов вузовского коллектива.

Формирование или изменение корпоративной культуры — это, как правило, сложный и длительный процесс. Начинается он с формулирования основных целей и задач организации, создания

стратегического плана развития и других основополагающих документов. Только в этом случае корпоративная культура будет выполнять свое предназначение и способствовать внедрению целей и задач организации в жизнь. На основе этих базовых документов строится каркас корпоративной культуры, включая описание норм и стандартов поведения членов организации, создание или поддержание ее традиций и символики.

Таким образом, наличие символики и традиций, разделяемых и развиваемых студентами и преподавателями, позволяет нам говорить о существовании корпоративной культуры вуза и ее распространении на внешнюю аудиторию не только через систему СМИ, но и посредством носителей этой культуры: обучаемых и преподавателей.

Так, корпоративная символика Воронежского госуниверситета сегодня включает в себя: герб и флаг ВГУ, эмблемы факультетов. Помимо этого, корпоративный дизайн — идентичное оформление деканатов: вывески, стенды, буклеты с логотипом факультетов и ВГУ, корпоративные футболки студентов — способствует визуализации воспроизводства образа вуза. Все это, в конечном итоге, формирует идентичность ВГУ, отличную от других вузов. В рыночных условиях корпоративная идентичность является современным инструментом повышения конкурентоспособности вуза, способствующим созданию благоприятной информационной и социально-экономической среды.

Анализируя структуру корпоративной культуры, можно выделить следующие характеристики.

1. *Регулярные формы поведения.* Это те, которые поддаются наблюдению при взаимодействии членов организации для проявления уважения или демонстрации приемлемого поведения (общий язык, терминология, ритуалы).

2. *Нормы.* Существующие стандарты поведения, которые показывают отношение к труду (в частности, к преподавательской и учебной деятельности).

3. *Доминирующие ценности.*

4. *Философия (или миссия вуза).* Наработанная организацией политика, которая отображает ее представления о том, как следует вести себя внутри организации (т. е. с преподавателями, сотрудниками, обучаемыми) и во внешнем взаимодействии.

5. *Правила.* В организации существуют установленные правила поведения. Вновь принятые сотрудники и студенты должны их усвоить, чтобы стать полноправными членами организации.

6. *Организационный климат.* Общее впечатление, которое возникает от физической организации пространства, стиля общения членов организации между собой и другими посторонними лицами.

В связи с требованием времени корпоративная культура вуза перестает быть закрытой, это происходит под влиянием интеграционных процессов, протекающих во всей социальной сфере. К тому же, последние годы Россия стремится к интеграции в мировое сообщество, что также требует открытости системы образования, принятия общемировых технологий, а все это будет невозможно, если корпоративная культура будет закрытой и тем самым служить препятствием к нововведениям.

Структуру корпоративной культуры вуза, опираясь на концепцию сущностных сил Л. Н. Когана, можно представить через систему блоков.

1. **Когнитивно-аксиологический блок**, где основной единицей являются ценности. С одной стороны, вузы напрямую способствуют воплощению и пропаганде интеллектуальных и научных ценностей, знаний, умений, навыков, социального самочувствия в процессе своей преподавательской и научной деятельности; а с другой стороны, они сами вносят неоценимый вклад в формирование широких социальных и культурных ценностей.

2. **Поведенческий блок**. Первичной единицей данного блока являются нормы. Нормы — это те требования (как официально зафиксированные в документах, так и негласные) к поведению преподавателей вуза (как основных носителей и трансляторов корпоративной культуры), которые воспринимаются ими как некий свод правил, определяющих, каким должно быть «должное» поведение в этом вузе в тех или иных стандартных ситуациях. Нормы выражаются в обычаях и традициях, обрядах, ритуалах и через истории и легенды.

3. **Праксеологический блок,** который содержит формальные регуляторы действий, закрепленные в соответствующих нормативно-правовых документах, управляющие не только вузом как

общественным институтом, но и соответственно, его корпоративной культурой.

Изучая корпоративную культуру современных российских вузов, мы пришли к выводу, что она формируется под влиянием ряда *субъективных* и объективных факторов. К *объективным* факторам, влияющим на формирование корпоративной культуры вуза, относятся: политический, экономический, нормативно-правовой фактор, ценностная система общества в целом. Кроме того, влияние оказывают такие объективные факторы, как: общественное мнение, культурные и национальные традиции.

Отдельно необходимо рассмотреть объективные факторы «внутреннего характера», определяющие корпоративную культуру вуза. Такие, как: история становления и развития, тип руководства, организационная структура.

К *субъективным* факторам относятся моральные нормы и ценности, убеждения, мотивы и цели; личные интересы; личные потребности; собственный профессиональный и жизненный опыт преподавателей как представителей педагогического сообщества, выступающих в качестве основных носителей корпоративной культуры вуза.

Есть все основания полагать, что на сегодняшний день корпоративная культура вуза имеет двойственную природу: с одной стороны — это традиционная классическая культура вузов, основанная на необходимости сохранения академических ценностей; а с другой стороны — корпоративная культура вуза становится важным инструментом для эффективного достижения поставленных целей на рынке образовательных услуг и сохранения конкурентоспособности.

Создание благоприятного образа вуза влечет за собой увеличение количества потребителей услуг, и тем самым достигается повышение уровня доходов образовательного учреждения. В создании привлекательного образа вуза задействованы все работники учебного заведения, в особенности преподавательский состав.

Однако профессорско-преподавательский состав, в большинстве своем придерживающийся ценностей классического образования, пока не может в полной мере принять и осмыслить происходящую трансформацию ценностей. Этот факт подтверждают результаты нашего исследования.

Анализ результатов проведенного нами эмпирического исследования показал, что объективные факторы задают внешние границы корпоративной культуре вузов: нормативно-правовые, экономические, культурные. Факторы, существующие внутри организации, трансформируют заданные внешние условия к каждому конкретному образовательному учреждению и формируют корпоративную культуру каждого вуза в корпоративной культуре института высшего образования.

Субъективные факторы отражают личностные особенности профессорско-преподавательского состава и влияют на восприятие каждым преподавателем элементов корпоративной культуры, на степень ее воспроизводства в процессе научно-педагогической деятельности, а также на степень приверженности своему вузу, его нормам и ценностям.

В рамках корпоративной культуры вуза происходит формирование студенческой субкультуры. В данном случае студенты рассматриваются не как «клиенты», а как члены коллектива, со своими интересами и потребностями. На них делается упор при формулировании норм и правил корпоративной культуры вуза (стиля управления и администрирования, норм поведения и отношения к студентам). Одним из основных механизмов формирования студенческой субкультуры является создание системы студенческого самоуправления.

Корпоративной культуре можно обучать. К культуре приобщаются путем осознания взаимовлияния поступка и его последствий: ее можно рассматривать как совокупность усвоенных стимулов и реакций. Чтобы у первокурсников выработалось правильное представление о корпоративных нормах и ценностях, члены студенческого актива факультета последовательно проводят единую поведенческую линию: модель «поступок — последствие» должна всегда срабатывать одинаково. В процессе адаптации первокурсниками используются различные методы получения информации о корпоративной культуре — от прямого вопроса до наблюдения.

Одной из форм социализации студентов является ритуал посвящения. В ВГУ это не разовое,

а многодневное мероприятие. В сентябре на факультетах проходят «Недели первокурсников». Чтобы первокурсники лучше освоились в новой обстановке и познакомились с коллективом университета, устраиваются совместные походы, экскурсии, спортивные соревнования.

Чтобы определить, какие ценности культивируются в студенческой среде ВГУ, достаточно ознакомиться с объявлениями, размещенными на стендах факультетов, новостями на университетском сайте и материалами в газете. На первом месте здесь ориентация на чувства товарищества и дружеской поддержки, помощи окружающим. В студентах поддерживается стремление к лидерству и жизненному успеху, основанному на знаниях и общественной пользе.

Неотъемлемой частью университетской корпоративной культуры является стимулирование студенческой активности. Студенты ВГУ известны своими победами во всероссийских и международных олимпиадах, конкурсах, участием в программах международных обменов, в конференциях и грантовых проектах.

Любой творчески настроенный студент обязательно найдет в университете занятие по душе. Здесь действуют молодежный центр, включающий несколько танцевальных коллективов, команду КВН, клуб волонтеров, педагогический отряд, фольклорный ансамбль «Терем» и др. Все эти коллективы не только принимают активное участие в жизни университета, но и регулярно становятся победителями в различных конкурсах.

Формирование традиций способствует развитию вуза как научно-педагогического учреждения и культурного феномена. Музей истории ВГУ призван не только сохранять исторические документы, но и обеспечивать преемственность традиций, активно участвовать в формировании ценностного сознания личности, воспитании корпоративного духа и патриотизма у студентов и сотрудников университета. Важнейшим фактором формирования хорошего специалиста, который навсегда сохранит гордость за университет, в ВГУ считают свою газету «Воронежский университет». Частью университетских традиций всегда являлась и поддержка спортивных достижений, и ВГУ здесь не исключение.

Новая университетская специфика обусловила создание системы коммуникаций и открытого информационного пространства внутри и вовне организации. Так, ВГУ огромное внимание уделяет поддержанию работы университетского портала, который стал источником новостей и другой разнообразной информации об университете.

Итак, университет является корпорацией, объединяющей тех, кто создает, использует, воспроизводит, хранит знания. Знание здесь является не просто ценностью, а объектом и предметом деятельности, элементом «корпоративного духа». Корпоративная культура вуза проявляется на внешнем и внутреннем уровнях. К первому относится социальное и физическое окружение: артефакты, технология, видимые и слышимые модели поведения, интерьер, одежда, язык и т. д. На внешнем уровне корпоративная культура вуза проявляется через миссию, характер образования, символику, цели и имидж определенного вуза в обществе. Ко второму, скрытому, уровню корпоративной культуры относятся представления, ценности, убеждения, способы восприятия окружающего мира и т. д.

Список библиографических ссылок

1. Спивак В. А. Корпоративная культура. СПб., 2001.

© М. В. Щербакова, 2012

* * *

А. Н. Катаргулов

ПОСТРОЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ВУЗЕ

Автор определил возможное влияние информационных технологий, а главное — ИОС на качество образования, подчеркнул положительные и отрицательные стороны их применения в образовании. На основании этого сделал вывод, что информационно-коммуникационные технологии способны предложить все возрастающее потенциальные возможности для развития различных систем образования.

Ключевые слова: профессиональное образование, информационно-коммуникационные технологии, образовательный процесс, информационно-образовательная среда.

A. N. Katargulov

DEVELOPMENT OF THE INFORMATION EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION

The author determines possible influence of information technologies and, what is more important, information educational environment (IEE) on the quality of education. He emphasizes positive and negative aspects of their application in education and, as a result, concludes that information and communication technologies can offer ever increasing potential possibilities for developing various systems of education.

Keywords: professional education, information and communication technologies, educational process, information educational environment.

Внедрение информационных технологий в образовательный процесс, развитие сетевой инфраструктуры вуза, создание электронных учебников и обучающих программ — все это является основной задачей кафедр, отвечающих за подготовку педагогических, административных и инженерно-технических кадров. Особую роль в этом процессе играет создание и внедрение информационной образовательной среды.

Понятие информационно-образовательной среды не могло бы существовать без понятия «образовательная среда», которое является его составляющей частью. Для этого понятия также используются различные толкования, но в качестве общего основания служит представление об образовательной среде как о системе влияний, условий, возможностей формирования и развития личности обучаемого (И. В. Вачков, С. Д. Дерябо, А. А. Калмыков, В. А. Козырев, В. П. Лебедева, В. А. Орлов, В. И. Панов, В. И. Слободчиков, Л. А. Хачатуров, В. А. Ясвин и др.).

Под образовательной средой (или средой образования) мы будем понимать систему влияния и условий формирования личности по задаваемому образцу, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении (В. А. Ясвин). Этим же автором в структуре образовательной среды выделяются в качестве основных такие компоненты, как пространственно-архитектурный, социальный, психодидактический.

В. И. Слободчиков отмечает, что «образовательную среду» нельзя считать чем-то однозначным, наперед заданным. Среда начинается там, где происходит встреча образующего и образующегося, где они совместно что-либо проектируют и строят. Такую среду можно рассматривать и как предмет, и как ресурс совместной деятельности».

Ряд авторов в своих определениях фактически переходят к оценочным характеристикам образовательной среды. Так, А. А. Калмыков, Л. А. Хачатуров определяют образовательную среду как среду, способствующую творческому самопости-

жению личности, находящейся в процессе образовательного становления. В. П. Лебедева, В. А. Орлов, В. И. Панов также оценивают образовательную среду по ее развивающим возможностям, но больший акцент делают на технологическом уровне ее реализации.

Образовательная среда в таком понимании естественным образом интегрируется с теми новыми возможностями, которые дает использование ИКТ. В то же время соответствующее понятие — «информационно-образовательная среда» — нуждается в определенных уточнениях. Представляется не вполне обоснованным сам термин, поскольку подобное словообразование представляет сочетание двух функций: информационной и образовательной, в то время как образовательная функция шире, чем информационная, и включает в себя последнюю. Более определенным может быть термин «информационная образовательная среда» (ИОС), т. е. образовательная среда, базирующаяся на широком использовании информационных технологий. Кроме того, дополнительным доводом в пользу данного уточнения может быть то, что понятия возникают из реальной деятельности, а на практике фактически идут от создания информационных (и коммуникационных) технологий к их системной интеграции в существующие образовательные среды, формируя тем самым информационно-образовательные среды. Обобщая, можно сказать, что информационно-образовательная среда предоставляет субъектам образовательного процесса дополнительную информационную инфраструктуру, позволяющую осуществлять образовательный процесс как в ходе коммуникационной деятельности, так и на основе саморазвития. Таким образом, как отвечал Л. С. Выготский, «среда выступает в смысле развития личности и ее специфических человеческих свойств в роли источника развития».

Определим понятие «информационно-образовательная среда» следующим образом: информационно-образовательная среда учебного заведения представляет собой сложную систему, аккумулирующую интеллектуальные, культурные, программно-методические, организационные и технические ресурсы и обеспечивающую возможности продуктивной познавательной деятельности обучаемых. При этом управление ИОС опосредовано целевыми установками общества, обучаемых и педагогов. Таким образом, ИОС складывается из следующих основных компонентов:

— интеллектуальные, культурные, программно-методические ресурсы, содержащие знания и технические работы с ними (поиск, хранении, обработка и применение), зафиксированные на соответствующих носителях информации;

— организационные структуры, обеспечивающие функционирование и развитие ИОС в ходе образовательного процесса;

— коммуникационные средства, обеспечивающие взаимодействие субъектов образовательного процесса и открывающие доступ к ресурсам ИОС на основе соответствующих коммуникационных технологий.

В работе И. Г. Захаровой предлагается трехуровневая модель с сохранением всех принципов для каждого уровня. *Первый*, инвариантный уровень, включает ресурсы библиотеки (в том числе и электронной), лабораторий, музеев и др., позволяя на основе принципа интегративности уйти от узко дисциплинарного подхода безгоризонтальных связей, от жесткого разграничения гуманитарных и естественных дисциплин и, соответственно, фрагментарности видения реальности, и функционирует на уровне всего вуза, являясь общедоступным. На этом уровне формируются и развиваются следующие подсистемы:

— электронные библиотечные каталоги, средства доступа к каталогам отдельных библиотек, глобальный электронный каталог, специализированные информационно-поисковые системы, системы удаленной доставки;

— средства поддержки коллективной учебно-познавательной и научно-исследовательской деятельности;

— хранение и доставка электронных образовательных ресурсов;

— системы навигации и поиска ресурсов среды;

— обучающие, тренировочные и контролирующие программные средства (словари и энциклопедии, глоссарии, базы данных);

— виртуальные лабораторные практикумы, лаборатории и системы научных исследований.

Второй уровень (специализированная ИОС) дополняет первый и формируется педагогами на основе собственных и привлекаемых наработок и технологий для достижения конкретных целей образовательного процесса с ориентацией на определенный контингент обучаемых. Наконец, *третий* уровень создается на основе первого и второго и на основе познавательной деятельности самих обучаемых и представляет собой совокупность индивидуальных ИОС. Преимущество трехуровневой модели ИОС в том, что она позволяет отнести любую конкретную задачу использования ИКТ к одному из трех уровней, может рассматриваться более или менее независимо от остальных. Это позволяет принимать решения для одного уровня, не вызывая конфликтов с другим.

Информационная образовательная среда (ИОС) в нашем вузе представляет собой комплекс аппаратных и программных средств, направленных на реализацию обучающей деятельности. Путем создания единого информационного и коммуникационного пространства она обеспечивает доступ пользователей к информации учебного, методического и организационного характера на базе клиент-серверной технологии. Как один из возможных подходов к реализации обучающей деятельности в вузе ИОС является элементом более общей системы образования и включает в качестве элементов ИОС факультетов, которые в свою очередь содержат ИОС кафедр и т. д., т. е. имеет многоуровневую иерархическую структуру. На низшем уровне иерархии расположены ИОС дисциплин или, как их можно иначе назвать, предметные среды.

Каждый иерархический уровень функционирования среды обеспечивается ее информационной моделью, которая представляет собой совокупность артикулируемых и неартикулируемых знаний этого уровня. Это означает, что ИОС каждой специальности, по которой ведется подготовка специалистов в вузе, содержит государственный стандарт этой специальности и типовой учебный план. ИОС дисциплины имеет типовую, учебную и рабочую программу дисциплины и соответственно подготовленные на их основе содержание учебного материала, задания для самостоятельной и индивидуальной работы, тематику контрольных и курсовых работ, тесты и задания для контроля и самоконтроля и т. д. При необходимости сюда могут быть включены справочники, глоссарии и другие дополнительные материалы для полного охвата совокупности базовых знаний по этой дисциплине. Другая неартикулируемая часть модели труднее поддается формализации и связана с креативной деятельностью при решении практических задач, выполнении лабораторных работ, ответов на тестовые задания контролирующей программы и т. д.

В целом функционально ИОС вуза можно представить в виде централизованной базы данных, которая является ее информационным ядром. Она хранит в себе основные данные об университете, факультетах, кафедрах, специальностях и дисциплинах, материалы учебного, методического и организационного характера, тесты по предметам для рубежного и итогового контроля, рейтинг-журналы и другую информацию. Доступ к информации в базе данных обеспечивает специальная программа, которая управляет процессом обучения, выбирая из базы нужные файлы, запуская контролирующую программу, подключая к ней нужные тестовые задания и т. д. Среда каждого уровня и предметные среды имеют свои стандартные формы-заставки с формальными шаблонами заголовков, текстов, рисунков и кнопок, фактические значения которых динамически подкачиваются из базы данных на основании запросов пользователя. При этом заметим, что наиболее крупной является таблица наименований дисциплин, поля которых указывают путь к файлам, содержащим типовую и рабочую программы, учебный материал, задачник, глоссарий и контролирующую программу.

Следует подчеркнуть, что при изменении структурных подразделений вуза, факультетов, содержания учебных планов и дисциплин ИОС может гибко адаптироваться путем модификации ее информационного ядра. Это свойство позволяет ИОС вуза быть более открытой для новых технологических и программных решений.

Таким образом, разработка и формирование информационной образовательной среды вуза является сложной задачей, в решении которой должны принимать участие преподаватели-предметники,

специалисты по информационным технологиям, педагоги и методисты. Ее использование позволяет реализовать технологию личностно ориентированного обучения по каждому предмету за счет представления полной информации о программе и форме организации обучения, представления теоретического материала, материалов для самоаттестации и научных проектов, дифференциации процесса обучения за счет возможности выбора заданий разного уровня, возможности самостоятельного продвижения по темам курса успевающих студентов и повторение материала для неуспевающих студентов, использование форм самостоятельного обучения и т. п.

© А. Н. Катаргулов, 2011

* * *

В. И. Долинко

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СФЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СИСТЕМЫ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СНАБЖЕНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ И РОЛЬ ОВД В ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИИ

Статья рассматривает вопросы совершенствования сферы экономической безопасности системы материально-технического снабжения органов внутренних дел Российской Федерации в особых условиях и роль ОВД в ее обеспечении.

Ключевые слова: органы внутренних дел, экономическая безопасность, система материально-технического снабжения, особые условия.

V. I. Dolinko

IMPROVEMENT OF THE SPHERE OF ECONOMIC SECURITY OF THE LOGISTICS SYSTEM OF LAW ENFORCEMENT BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN SPECIAL CONDITIONS AND THEIR ROLE IN ITS PROVIDING

The article focuses on the issues of improving the sphere of economic security of the logistics system of law enforcement bodies of the Russian Federation in special conditions and their role in its providing.

Keywords: law enforcement bodies, economic security, logistics system, special conditions

Подробный анализ материалов по нарушениям в сфере государственных закупок, в том числе и для системы материально-технического снабжения органов внутренних дел (ОВД), дает полное основание констатировать, что коррупция относится к основной угрозе экономической безопасности в данной сфере. Уровень коррупционной емкости российской экономики таков, что угрожает национальным интересам страны [1, с. 48].

Объем рынка коррупции превышает 250 млрд долларов США. Согласно оценкам фонда «ИНДЕМ» эта величина еще выше: только в России объем коррупции вырос между 2005 и 2011 гг. примерно с 35 до 320 млрд долларов США в год, а рынок коррупции равен 30 % внутреннего валового продукта страны. При этом средний размер взятки, которую российские бизнесмены дают чиновникам, вырос с 9 до 140 тыс. долларов США. Более половины взрослого населения страны имеют личный опыт дачи взяток. Наличие в законодательной базе государства возможностей для нелегального обогащения чиновников (в России, в частности, появилось такое понятие, как «взяткоемкость отдельного закона») путем вымогания взяток или незаконной приватизации, или специальных льгот для чиновников, приводит к большой дифференциации доходов чиновников на легальные и нелегальные доходы.

Наблюдается тенденция увеличения доходов чиновников, занятых в органах власти. В 2010 г. их доходы выросли на 25 %. Это значительно превосходит рост доходов населения, который составил 15 %. Косвенные сведения о нелегальных доходах можно получить, сравнивая уровень жизни чиновников с их официальными доходами. Составляющие значительную часть населения малоимущие слои от распространения коррупции проигрывают в наибольшей степени, так как имеют меньше финансовых возможностей, чем их более обеспеченные сограждане.

В 2010 г. организация «Трансперенси Интернешнл« (Transparency International) опубликовала

свой очередной рейтинг состояния коррупции в мире. Россия занимает в нем 154 место из 178 с рейтингом 2,1 балла. По мнению руководителя российского отделения организации, на сегодняшний момент в России существует «коррупционная стабилизация», вследствие чего позиции России в рейтинге не сильно меняются (в 2005 г. — 2,4 балла и 126 место из 158, в 2006 г. — 2,5 балла и 121 место из 163). Председатель Национального антикоррупционного комитета России считает, что никакой борьбы с коррупцией в России нет: аресты чиновников среднего звена систему взяточничества не нарушают, политика по противодействию коррупции не выработана. Проведенное «Трансперенси Интернешнл» в 2010 г. исследование показало, что мировой финансовый кризис подстегнул коррупцию: за последний год она выросла в мире на 9 %. Коррумпированные чиновники и политики в развивающихся странах, в числе которых и Россия, ежегодно получают 20—40 млрд долларов взяток, подсчитали в «Трансперенси Интернешнл». Коррумпированность в России по состоянию на сентябрь 2009 г., по оценке организации, на уровне Бангладеш, Кении и Сирии: 146 место из 180 стран мира. По данным Следственного комитета Российской Федерации, количество зарегистрированных взяток увеличилось с 6 700 в 2007 г. до 8 тыс. в 2008 г. По данным МВД Российской Федерации, в январе — августе 2009 г. зарегистрирован 10 581 случай взяточничества — на 4 % больше, чем год назад. При этом количество зарегистрированных взяток в крупном размере (свыше 150 тыс. руб.) увеличилось на 13,5 % до 219. В России понятие «коррупция» закреплено в Федеральном законе № 273-ФЗ [2].

Серьезной предпосылкой создания антикоррупционного общественного климата в условиях современной России выступает «снижение коррупциогенности самих законов и иных правоустановлений, то есть купирование в уже принятых и недопущение во вновь принимаемых актах таких норм, реализация которых не исключает или, хуже того, провоцирует коррупцию» [3, с. 34]. Противодействие коррупции в России основывается на следующих 6 основных принципах: а) законность; б) признание и защита основных прав и свобод человека и гражданина; в) неотвратимость ответственности за совершение коррупционных действий; г) активное сотрудничество государства с институтами гражданского общества, а также с физическими лицами и международными организациями; д) открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления; е) использование политических, организационных, социально-экономических, правовых и других специальных мер.

Достаточно эффективным инструментом в борьбе с коррупцией является развитая инфраструктура государственных закупок, к необходимым элементам и субъектам которой относятся: 1) институты посреднических фирм-организаторов торгов; 2) специальные издания по закупкам; 3) повышение уровня информированности о системе размещения государственного заказа путем размещения информации на официальных сайтах органов власти; 4) независимая экспертиза проведения торгов; 5) организации, которые оказывают консультационные услуги участникам конкурсов; 6) открытые обновляемые базы данных по ценам, заказчикам, поставщикам и государственным конкурсам.

Эксперты говорят, что коррупция является сложным социальным явлением, механизмы и масштабы которого скрыты от нашего общества. Наиболее эффективным и действенным из направлений борьбы с коррупцией является деятельность по обеспечению открытости власти на всех ее уровнях. Такая открытость власти предполагает: а) эффективное существование независимых СМИ, которые способны обеспечить граждан России правдивой информацией о расходовании бюджетных средств; б) реальную возможность проведения независимых исследований общественного мнения; в) обеспечение открытости, прозрачности деятельности государственных структур и организаций, особенно в области бюджетного процесса и законотворчества [4, с. 71].

Одной из эффективных форм взаимодействия власти и общественности также является круглый стол как действенный инструмент генерирования и публичного обсуждения идей и вопросов, значимых для различных групп общества. Все эти различные формы взаимодействия гражданского об-

щества и органов власти России обеспечивают качественное снижение коррупции.

Среди многочисленных и различных коррупционных схем, имеющих место при размещении бюджетных заказов, рассмотрим наиболее распространенные:

1. Завышение (занижение) цен в заявках или предложение цен по предварительному сговору. Методы реализации таких коррупционных схем включают представление ложных конкурсных заявок, необоснованный отказ от участия в конкурсе, чередование побеждающих заявок и раздел рынков.

2. Дача взятки — передача денег (ценностей) чиновнику, стоящему за государственным заказом, в целях повлиять на принятие решения, получить преимущество в конкурсе или уклониться от исполнения контракта.

3. Ложные заявления, а именно распространение недостоверной информации участниками конкурса в целях введения в заблуждение представителей заказчика (ложные сведения о возможностях участника).

4. Присуждение контракта без создания конкурентной среды — необоснованное размещение заказа у единственного поставщика, разделение заказа на несколько частей (лотов) в целях уклонения от его размещения на конкурсной основе, составление намеренно суженных технических условий и систематическое продление государственных контрактов.

5. Невыполнение технических условий контракта — использование материальных средств и оборудования низкого качества, замена на изделия или материалы ниже по качеству, чем указанные в условиях контракта.

5. Махинации государственных чиновников с процессом подачи заявок, а именно: уничтожение или изменение конкурсных заявок; необоснованное исключение законопослушных участников конкурса; утечка информации по конкурсу; изменение требований технических условий или квалификационных требований в процессе проведения конкурса и произвольный выбор «своего» победителя в конкурсе.

Как мы видим, серьезную роль в борьбе с коррупцией играет регулирование закупочной деятельности. Государственные закупки — это область, в которой имеется масса возможностей для злоупотреблений со стороны чиновников. Жесткий административный контроль над процессом государственных закупок снижает шансы коррупционеров. Закон налагает строгую ответственность на заказчика — чиновник может быть подвергнут проверке, при этом имеется возможность сурово спросить с заказчика за его действия или бездействие в государственных закупках.

Для снижения уровня коррупции и повышения эффективности в сфере государственных закупок нами предлагается следующее:

1) с помощью средств массовой информации повысить степень информированности поставщиков о торгах и нарушениях при их проведении, а также своевременное информирование о проводимых закупках;

2) создать специализированную организацию, которая будет представлять интересы поставщиков для государственного заказа. Данная организация также будет осуществлять подготовку и обеспечение деятельности независимых экспертов по государственным закупкам;

3) создать институт независимой экспертизы проведения закупок, специалисты которой должны обязательно присутствовать на всех ключевых этапах и процедурах размещения государственного заказа;

4) подготовить методические рекомендации для проверяющих органов государственного контроля и независимых общественных организаций, заинтересованных в прозрачности и соблюдении легитимности закупок;

5) для повышения прозрачности деятельности чиновников и устранения схем превышения полномочий заказчиками внедрить электронные системы принятия управленческих решений;

6) внедрить институт общественного контроля над размещением государственного и муниципального заказа на всей территории России.

Необходимо сказать, что результаты противодействия коррупции в области государственного заказа зависят в то же время и от эффективности, а также беспристрастности всех имеющихся правоохранительных механизмов надзора. Строгое регулирование закупок является способом для

выявления негативных тенденций, но именно от правоохранительных органов во многом зависит, одержит ли государство победу над коррумпированными чиновниками. Желающий получить взятку государственный заказчик должен всегда помнить, что существуют надзирающие и карающие органы, которые в любую минуту могут остановить противоправные действия. Отработанные процедуры контроля над ходом закупок помогают устанавливать коррупционеров, а соответствующие правоохранительные органы России обязаны решать вопросы о возбуждениях уголовных дел.

ОВД Российской Федерации, несомненно, играют огромную позитивную роль в обеспечении экономической безопасности системы материально-технического снабжения ОВД в особых условиях.

Под обеспечением экономической безопасности системы материально-технического снабжения ОВД в особых условиях следует понимать экономическую защищенность системы материально-технического снабжения ОВД и интересов ее участников от внешних и внутренних угроз, от прямых и косвенных рисков, от влияния различного рода деструктивных факторов, позволяющую надежно сохранить и эффективно использовать имеющийся потенциал для выполнения поставленных перед ОВД Российской Федерации задач в особых условиях.

Для предупреждения преступлений при проведении конкурсов и в целях получения информации ОВД обязаны создавать оперативные позиции на следующих объектах:

1) получатели государственных средств и государственных внебюджетных фондов (окружение руководства, бухгалтерия, склады и отделы);

2) главные распорядители государственных бюджетных денежных средств (окружение руководителей, бухгалтерия и хозяйственные организации);

3) подразделение Федерального казначейства Российской Федерации;

4) Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации.

Сотрудники БЭП, если им становится известно о нарушениях Закона № 94-ФЗ со стороны участников конкурсных комиссий, имеют право до проведения конкурсов завести в отношении них дело оперативного учета, в рамках которого имеют возможность провести оперативно-разыскные мероприятия (ОРМ) с участием сотрудников оперативно-поискового управления (ОПУ) и проведением специальных технических мероприятий (СТМ).

При проведении конкурсов сотрудники подразделений БЭП имеют возможность собрать сведения о поставщиках и установить три момента:

а) законность существования поставщиков — не являются ли они «фирмами-однодневками»;

б) имеют ли они технические, административные, ресурсные возможности выполнить контракт;

в) возможен ли реальный подкуп членов комиссии госзаказчика.

На наш взгляд, источниками информации о готовящемся, совершаемом (совершенном) преступлении при проведении госзакупок являются:

1) письменные и устные заявления и сообщения граждан и организаций, в том числе и анонимные;

2) материалы проверок контролирующих органов (ФАС, КРУ и др.);

3) лица, оказывающие сотрудникам БЭП содействие на добровольной (конфиденциальной) основе, а также средства массовой информации.

Следует иметь в виду, что в настоящее время существуют специализированные организации по проведению конкурсных закупок для государственных и муниципальных нужд. Данные организации по заказу участников конкурса за плату готовят конкурсную документацию. Поэтому оперативным сотрудникам ОВД имеет смысл привлекать к негласному сотрудничеству сотрудников этих организаций, которые могут располагать информацией о деталях подготовки документов на торги, о наличии в них фальсификации и договоренностях с должностными лицами госзаказчиков.

Для выявления преступлений при проведении конкурсов необходимо тщательно изучать документацию, отражающую организацию проведения конкурса по отбору поставщика, а также оформление договора, обращая особое внимание на цены и сравнивая их с рыночными в регионе. Если цены завышены, то необходимо назначать проверку финансово-хозяйственной деятельности. Если же в акте проверки будет подтвержден перерасход бюджетных средств, то собранный материал, вместе с рапортом сотрудника БЭП (со-

ставленный в порядке статьи 143 УПК РФ) необходимо направить в следственное подразделение МВД России для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в соответствии с УК Российской Федерации.

При проведении мероприятий по выявлению преступлений при проведении закупок должны быть изучены документы о проведении таких закупок. Особое внимание обращается на победителей тендеров, представивших неполный перечень необходимых для участия документов в сравнении с другими участниками конкурсов. Затем проводится проверка подлинности и полноты объема выполненных работ и услуг победителями конкурсов, а также состояния бухгалтерского учета и использования государственных денежных средств. Нередки случаи, когда при проведении закупок принимают участие несколько поставщиков, учредителями которых являются одни и те же лица. При этом необходимо получить сведения по месту регистрации поставщика и данные о его руководителях и учредителях.

Сотрудники БЭП имеют право проводить целый комплекс мероприятий, направленных на выявление, предупреждение и пресечение преступлений в ходе реализации приоритетных национальных проектов (ПНП). В работе по сопровождению ПНП подразделения БЭП имеют право осуществлять взаимодействие с министерствами и ведомствами всех уровней государственной власти по вопросам получения нужной информации в режиме реального времени:

1) о результатах проведенных закупок;

2) выделенных и освоенных бюджетных средствах;

3) закупленных и поставленных материальных ценностях.

Важно отметить особую роль в необходимости взаимодействия ОВД с ФАС, которая является ответственной за контроль над всеми закупками государственных заказчиков на территории Российской Федерации. В соответствии с этим возрастает роль ФАС на всех стадиях проведения государственных закупок. Основная задача ФАС в процессе организации и проведения конкурсов — недопущение создания преимуществ отдельным поставщикам и создания неравных условий для участников торгов. Для этого ФАС проводит изучение документации участников для контроля процедуры равного доступа поставщиков к проведению торгов. При выявлении нарушения ФАС выдает нарушителю-заказчику (конкурсной, котировочной или аукционной комиссии), в результате действий (бездействия) которого были нарушены права участников размещения заказа, обязательные для исполнения предписания об устранении таких нарушений в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Проверки, осуществляемые ФАС, бывают плановые и внеплановые. Плановые проверки проводятся по графику не чаще одного раза в шесть месяцев в отношении одного хозяйствующего субъекта. Внеплановые проверки проводятся только по заявлению участника государственных закупок или правоохранительных и иных государственных органов Российской Федерации.

Если ФАС Российской Федерации при проведении проверки будут установлены в действиях заказчика (конкурсной, котировочной или аукционной комиссии) признаки административного правонарушения (КоАП РФ) или состава преступления, то ФАС Российской Федерации обязана в течение двух дней со дня выявления такого факта передать материалы о совершении незаконного действия или бездействия в правоохранительные органы России.

Из этого следует, что помощь сотрудников ФАС на всех этапах проведения конкурсов позволяет сотрудникам органов внутренних дел выявлять подготавливаемые и совершаемые в данной сфере преступления. Вот почему необходимо поддерживать тесный и взаимовыгодный контакт с ФАС Российской Федерации, которая может предоставить для ознакомления необходимые документы и оказывать неоценимую помощь в выявлении содержащихся в конкурсной документации возможных признаков правонарушений или преступлений.

На основании вышеизложенного мы делаем вывод, что действующая система многоуровневого контроля существенно осложнила коррупционерам возможность для злоупотреблений в сфере государственного заказа, в том числе и для системы материально-технического снабжения ОВД.

Однако необходимо честно сказать, что вопросы борьбы с коррупцией в государственном секторе экономики остаются весьма острыми и злободневными.

ОВД Российской Федерации при осуществлении контроля финансирования приоритетных национальных проектов и государственных программ обязаны осуществлять тесное взаимодействие со всеми органами обеспечения экономической безопасности в сфере государственного заказа.

Органы внутренних дел должны проводить активные профилактические и оперативно-разыскные мероприятия по проверке правильного применения правовых норм, регламентирующих использование государственных бюджетных средств, выделенных на осуществление государственных программ и приоритетных национальных проектов Российской Федерации.

Основные усилия ОВД при проведении оперативно-разыскных мероприятий по защите бюджетных ассигнований, выделенных на финансирование приоритетных национальных проектов, обязаны направлять на выявление и пресечение коррупции, так как по статистике более 35 % всех преступлений в указанной сфере являются должностными преступлениями. В связи с этим деятельность органов внутренних дел должна направляться на проведение специальных мероприятий по искоренению коррупции и эффективному пресечению злоупотреблений должностных лиц региональных и муниципальных органов исполнительной власти при проведении конкурсов на выполнение работ и оказание услуг для государственных нужд по государственным программам и национальным проектам, в том числе и для системы материально-технического снабжения ОВД. Важно как можно шире использовать возможность участия подготовленных сотрудников ОВД при осуществлении государственного заказа в целях профилактических проверок организаций, участвующих в конкурсах, и недопущения коррупции в сфере государственных закупок.

Опираясь на опыт и результаты выполненного исследования, для совершенствования сферы экономической безопасности системы материально-технического снабжения ОВД Российской Федерации в особых условиях нами предлагается следующее:

— создание надежной системы всестороннего и полного обеспечения системы материально-технического снабжения ОВД финансовыми средствами и материальными ценностями в соответствии с установленными табелями и нормами положенности;

— реформирование системы материально-технического снабжения ОВД с учетом возложенных на них новых задач, учитывая экономические, политические и другие факторы;

— поддержание обеспеченности системы материально-технического снабжения ОВД материально-техническими ресурсами в объемах, гарантирующих возможность выполнения ими служебно-боевых задач;

— проведение полного комплекса мероприятий по сохранению и поддержанию имеющегося парка автомобильной, специальной и криминалистической техники, вооружения, средств индивидуальной бронезащиты и активной обороны в постоянной готовности к служебно-боевому применению в особых условиях;

— организация и осуществление качественного контроля за состоянием учета и хранения, рациональным, экономным использованием и расходом материальных и финансовых средств;

— совершенствование механизма проведения конкурсов на поставку продукции, выполнение работ (услуг) по заказам ОВД в целях защиты имущественных интересов, предотвращения коррупции, эффективного использования бюджетных средств Российской Федерации;

— организация капитального строительства объектов ОВД в соответствии с утвержденными бюджетными сметами и выделенными на эти цели ассигнованиями;

— первоочередное строительство и приобретение жилья для сотрудников ОВД, выполняющих служебно-боевые задачи в особых условиях, в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации;

— организация и осуществление мероприятий по качественному контролю и надзору за выполнением требований пожарной безопасности на

объектах системы материально-технического снабжения ОВД;

— обеспечение действенного производственного контроля за выполнением требований промышленной безопасности на опасных производственных объектах и сооружениях системы материально-технического снабжения ОВД;

— выявление и анализ причин возникновения аварий и катастроф;

— снижение инцидентов и производственного травматизма при эксплуатации подконтрольного оборудования и техники;

— своевременное, всестороннее и качественное медицинское обеспечение сотрудников ОВД в стационарных условиях, на полевых занятиях и учениях;

— увеличение объема мероприятий по профилактике заболеваний среди сотрудников ОВД;

— развитие складской базы подразделений системы материально-технического снабжения ОВД;

— внедрение передовых форм охраны труда и техники безопасности;

— обеспечение складов и хранилищ современными противопожарными и охранными системами безопасности;

-— внедрение в практику современного подъемно-транспортного оборудования и средств малой механизации.

Список библиографических ссылок

1. Листков А. Н. Соблюдение антимонопольного законодательства при проведении конкурсов на право использования бюджетных средств как одно из условий недопущения коррупции в органах государственной власти и местного самоуправления // Коррупция в органах государственной власти: природа, меры противодействия, международное сотрудничество / под ред. П. Н. Панченко, А. Ю. Чупровой, А. И. Мизерия. Н. Новгород, 2001.

2. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Рос. газ. 2008. 30 дек.

3. Лексин В. Административная реформа: федеральный, региональный и местный уровни // Рос. эконом. журнал. 2006. № 4. С. 8; Краснов М. А., Таланина Э. В., Тихомиров Ю. А. Анализ коррупционогенности законодательства. М., 2004.

4. Белокрылова О. С., Горшкова А. Ю. Конкурсная система государственных закупок на Юге России и ее роль в борьбе с коррупцией / Борьба с коррупцией на Юге России как системная проблема. Препятствия и стратегия: материалы междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2001.

© В. И. Долинко, 2012

* * *

А. И. Медведев

ПРИМЕНЕНИЕ МЕР НАСИЛЬСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

В статье рассматриваются вопросы соразмерности применения боевых приемов борьбы, специальных средств и огнестрельного оружия характеру противодействия правонарушителей.

Ключевые слова: задержание правонарушителей, боевые приемы борьбы, применение силы, уровни противодействия правонарушителей.

A. I. Medvedev

APPLICATION OF COERCIVE MEASURES WHEN APPREHENDING DELINQUENTS

The article focuses on the issues of adequacy of application of combat maneuvers of fighting, special means, and firearms towards the delinquents' type of counteraction.

Keywords: apprehension of delinquents, combat maneuvers of fighting, use of force, levels of delinquents' counteraction.

Одним из важнейших направлений практической деятельности ОВД является борьба с административными правонарушениями и преступными посягательствами. В связи с этим наиболее часто применяемой мерой принуждения со стороны правоохранительных органов является административное задержание. Оно по своему характеру и способу воздействия производится вопреки воле и желанию лиц, в отношении которых применяется.

Применение сотрудниками полиции мер насильственного воздействия, как правило, характеризуется наличием противодействия со стороны лиц, в отношении которых эти меры применяются. Обстоятельства и характер противодействия определяют содержание и структуру технико-тактических действий сотрудников полиции. Чаще всего правонарушитель стремится уклониться от ответственности, иногда он активно противодействует задержанию, оказывает сопротивление. В свою очередь сотрудник полиции преследует цель — задержание правонарушителя. В зависимости от поведения нарушителя избираются приемы и средства осуществления административного задержания. Такими средствами могут быть психические и физические воздействия, использованные в строгом соответствии с законом. Условием задержания лиц, оказывающих ненасильственное сопротивление, выступает способность сотрудника полиции тактически рационально и продуктивно применять весь арсенал средств боевой борьбы. Порядок, характер и пределы применения силы и средств боевой борьбы выбираются сотрудником полиции самостоятельно на свое усмотрение. Однако они всецело должны основываться на юридически правильной квалификации фактов и обстоятельств ситуаций применения мер насильственного воздействия, которые обусловливают соответствующий порядок задержания правонарушителей и пределы применения силы. Статьи 18, 19, 20 и 21 Закона «О полиции» дают такое право сотруднику ОВД применять физическую силу и специальные средства в определенных случаях. Закон также говорит, что применяемая сила и средства должны минимизировать ущерб для правонарушителя, а действия полицейского не должны превышать пределов необходимой обороны.

Многие специалисты в области применения боевых приемов борьбы (в том числе С. В. Кузнецов, А. Н. Волков и др.) определяют различные степени сопротивления правонарушителя законным требованиям сотрудника полиции. В частности, они предлагают разделять противодействия правонарушителя на пять уровней:

1. Ненасильственное сопротивление пассивного характера.
2. Ненасильственное сопротивление активного характера.
3. Защитные действия (оборона).
4. Атакующие действия (противоборство).
5. Противодействие с применением специальных средств, оружия в составе группы.

Необходимо отметить, что уровень сопротивления правонарушителей качественно возрастает от 1 до 5 уровней, и поэтому характер действий сотрудников полиции будет приобретать более жесткий характер соответственно. Если, например, правонарушитель осуществляет ненасильственное сопротивление пассивного характера, выраженное в нерешительном (т. е. неэффективном, недейственном) сопротивлении силовым действиям сотрудника полиции без намерения побега. Или, если при применении сотрудником полиции

силы неповиновение правонарушителя выражается в попытках выскользнуть из его хватов или в сопротивлении его действиям умеренным мышечным напряжением, то сотрудник полиции при проведении приема задержания имеет право лишь создать у правонарушителя обманчивое впечатление о моменте, способе, направлении и цели захвата путем выведения правонарушителя из равновесия. Подобные действия должны применяться почти в 100 % случаев неповиновения от 1 до 3 уровня включительно. Исключения должны составлять лишь случаи уровня 3, выраженные в неожесточенном противодействии оборонительного характера с самоочевидным умыслом избегания причинения вреда полицейскому или в защитных действиях и приемах, посредством которых атакующая конечность (или часть тела) сотрудника полиции останавливается или сковывается, отводится в сторону или подавляется ее атакующий эффект. В таких ситуациях сотрудник полиции вправе выполнить и «расслабляющий удар» непосредственно перед выполнением приема задержания, который на мгновение «расслабит» хват или мышечное сопротивление правонарушителя. Эти действия станут достаточной и необходимой степенью причинения вреда задерживаемому.

Несколько иным образом должны быть построены действия полицейского, который проводит задержание правонарушителя, оказывающего сопротивление, определяемое уровнями 4 и 5 (атакующие действия — противоборство); противодействие с применением специальных средств, оружия, в составе группы). В этих случаях сотрудник полиции обязан применять весь свой арсенал приемов задержания в совокупности с применением ударной и бросковой техники, болевыми и удушающими приемами, позволяющими остановить натиск правонарушителя (ст. 20 закона «О полиции») в зависимости от разворачивающегося противодействия, вплоть до применения специальных средств и огнестрельного оружия (ст. 21 ч. 1, ст. 23 ч. 1 закона «О полиции»). Это объясняется степенью общественной опасности правонарушителя, так как атакующие действия (противоборство) выражаются в ожесточенном наступательном противоборстве действиям сотрудника полиции, быстрых и решительных формах нападения на сотрудника ОВД наступательного характера, с самоочевидным умыслом причинения ему вреда.

Еще более жесткие меры со стороны сотрудников ОВД во время задержания, вплоть до применения огнестрельного оружия на поражение, могут быть применены в отношении преступников, оказывающих противодействие с применением оружия (холодного или огнестрельного) или без него в составе группы (ст. 18, 20, ч. 1 ст. 21, ст. 23 закона «О полиции»).

Возможность причинения существенного вреда сотруднику полиции, окружающим гражданам, их имуществу, а кроме этого и повышенная общественная опасность действий правонарушителя, установленная уголовным законодательством, — все это определяет характер и способ применения боевых приемов борьбы, специальных средств и огнестрельного оружия.

© А. И. Медведев, 2012

* * *

В. А. Ручкин

СОВРЕМЕННЫЕ БОЕПРИПАСЫ В КРИМИНАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ: ТЕНДЕНЦИИ ИХ РАЗВИТИЯ

В статье отмечается увеличение числа преступлений, совершаемых с использованием современных боеприпасов к огнестрельному оружию, отсутствие сведений о которых затрудняет расследование. Раскрываются тенденции развития таких боеприпасов. Внимание акцентируется на разработке специальных патронов (СП) и их отличительных характеристиках.

Ключевые слова: боеприпасы, стрелковое огнестрельное оружие, патроны, патроны специального назначения, пули, тенденции развития.

V. A. Ruchkin

UP-TO-DATE AMMUNITION IN CRIMINAL PRACTICE: DEVELOPMENT TRENDS

The author points out the growth of crimes being committed with the use of up-to-date firearms ammunition the lack of data about which hinders the investigation. The ammunition development trends are found out. The attention is paid to the development of special cartridges and their distinctive characteristics.

Keywords: ammunition, small firearms, cartridges, special purpose cartridges, bullets, development trends.

В последние годы в России хотя и удалось несколько снизить количество преступлений, совершаемых с использованием огнестрельного оружия и боеприпасов к нему, однако степень вооруженности преступной среды продолжает оставаться высокой. Причем правоохранительным органам сегодня приходится часто сталкиваться с фактами использования преступниками в криминальных целях, особенно при совершении террористических актов, современных боеприпасов к ручному стрелковому огнестрельному оружию. В подобных случаях сотрудники и, прежде всего, специалисты-криминалисты испытывают значительные сложности в установлении обстоятельств их применения на месте происшествия. В немалой степени это обусловлено отсутствием необходимой справочной литературы, незнанием современных тенденций развития стрелкового огнестрельного оружия и боеприпасов к нему.

Сейчас, на наш взгляд, можно выделить две таких тенденции, носящие взаимоисключающий характер. Во-первых, наблюдается унификация и стандартизация современного стрелкового огнестрельного оружия и боеприпасов к нему; во-вторых, — их специализация. Первая из названных прежде всего вызвана действием экономических и организационно-эксплуатационных факторов, вторая — необходимостью эффективного решения специфических военных задач, когда новому виду стрелкового огнестрельного оружия должен соответствовать свой боеприпас.

Унификация и стандартизация приводит к тому, что при создании стрелкового огнестрельного оружия предусматривается использование в нем уже известного боеприпаса. «За последние 70 лет в России, — отмечают Г. А. Данилин, В. П. Огородников и А. Б. Заволокин, — лишь четыре раза принимался на вооружение новый патрон (исключая пистолетные патроны): в конце прошлого века — 12,7-мм, в 30-х гг. — 14,5-мм, во время Великой Отечественной войны — патрон 7,62-мм обр. 1943 г., 5,45-мм обр. 1974 г. Новые патроны разрабатываются и принимаются на вооружение редко не из-за отсутствия потребности в их совершенствовании, а из-за ограниченности условий для этого… Поэтому патрон оказывается наиболее устойчивым «консервативным» элементом в системе стрелкового вооружения» [1].

Действие первой тенденции привело к тому, что сегодня установилась базовая номенклатура патронов ручного стрелкового огнестрельного оружия, которую составляют: 7,62-мм винтовочный и автоматный патроны; 5,45-мм автоматный патрон; 9,0-мм пистолетный патрон [1].

Однако постоянно возникающая потребность в решении узко целевых задач неизбежно приводит к специализации ручного стрелкового огнестрельного оружия и применяемых в нем боеприпасов и, как следствие, созданию принципиально новых образцов стрелкового огнестрельного оружия. Иногда возможен вариант модернизации только боеприпаса при неизменности штатного образца оружия.

Учитывая, что создание нового патрона всегда влечет качественные изменения в системе стрелкового вооружения, поэтому процесс его разработки обычно сопровождается глубокими теоретическими исследованиями, в ходе которых проводится тщательное обоснование его предполагаемых параметров и консультирование с военными специалистами, сформировавшими свои требования к используемому боеприпасу. По названной схеме идет разработка боеприпасов, выпускаемых в нашей стране с абревиатурой СП (специальный патрон), которые все чаще используются в криминальных целях. В предлагаемой статье дадим соответствующие сведения о них.

В последние годы в стране создано специальное бесшумное оружие (целостный комплекс «оружие — патрон»). Для использования в нем были предложены специальные патроны СП-3 и СП-4, пули которых имеют дозвуковую скорость. Главное же их отличие заключалось в том, что внутри гильз располагался поршень, выталкивавший при выстреле пулю и одновременно отсекавший выход из гильзы пороховых газов. Этим и обеспечивалось гашение звука при выстреле.

Первым серийным патроном был патрон СП-3 (7,62х62,8 мм), предназначеннй для стрельбы из 7,62-мм малогабаритного специального пистолета «Гроза». Конструкция этого патрона исключала возможность его использования в другом оружии по причине того, что поршень, выталкивающий пулю, после выстрела выходил за край среза гильзы почти наполовину своей длины. Исключалась разработка под такой патрон и автоматического оружия [2]. Указанный выше недостаток устранили в патроне СП-4 (7,62х42 мм), созданном для использования в самозарядном бесшумном пистолете ПСС.

В середине 1980-х гг. началась разработка патронов с дозвуковой скоростью полета пули. В частности, были предложены специальные патроны СП-5 и СП-6 (9х39 мм). Они предназначены для стрельбы из бесшумной снайперской винтовки ВСС «Винторез», автомата «Вал» и пистолета-пулемета А-91 [2]. Патрон СП-5 с улучшенной аэродинамикой пули и повышенным поражающим действием рекомендуется для снайперской винтовки, а для стрельбы из автомата и пистолета-пулемета — патрон СП-6 с повышенным пробивным действием и полуоболочечной пулей с бронебойным сердечником. Аналогом СП-6 является патрон ПАБ-9, отличительной конструктивной особенностью которого явилась более тяжелая по весу пуля.

Для эффективного использования мощных современных стрелковых комплексов разработаны и более мощные боеприпасы, например пистолет «Гюрза» и штатные под него патроны 9х21 мм, пули которых обладают высокой пробивной способностью. Так, на дальности до 70 м они способны пробивать бронежилет, состоящий из двух титановых пластин толщиной 1,2 мм. Это патрон СП-10 с бронебойной пулей. Также были созданы патроны СП-11 с пулей со свинцовым сердечником и пониженной рикошетирующей способностью. Разработаны и выпускаются патроны СП-12 с экспансивной пулей и СП-13 с трассирующей пулей.

Наряду со специальными патронами широко используются и модернизированные варианты существующих патронов. Она проводится в целях придания им требуемых свойств. Здесь «резервы» изыскиваются за счет конструктивной доработки отдельных элементов патронов, например, подбора пороха и изменения конструкции пули (патрон к модифицированному пистолету Макарова — ПММ). В патроне 9х18 мм ПММ путем подбора новых сортов пороха в сочетании с изменением головной части пули со сферической на коническую с плоской площадкой удалось повысить на-

чальную скорость полета пули на 100 м/с. Некоторые варианты этого патрона изготавливаются безоболочечными, для чего используется метод спекания порошковых материалов.

Для патрона ПМ 9х18 мм в целях повышения останавливающего действия был предложен целый ряд экспансивных пуль. Один из первых вариантов такого патрона имел пулю со свинцовым сердечником. На базе патрона 9х18 мм ПМ в 1990-е гг. разработали новые образцы патронов: СП-7 (с пулей повышенного останавливающего действия); СП-8 (с пулей с уменьшенным пробивным действием); ПТ (с трассирующей пулей); ПЭ (с экспансивной пулей).

Появление средств индивидуальной защиты (бронежилетов) существенно сказалось на совершенствовании патронов, направленном на повышение пробивной способности пули. Так, в процессе дальнейшей работы по модернизации 9-мм пистолетного патрона ПМ был разработан патрон РГО28 с повышенным пробивным действием пули, способной при стрельбе из пистолета ПМ пробивать 4-мм титановую броню бронежилета Ж3Т-71М. Армейский патрон аналогичного назначения получил название ПБМ (7Н25) [4].

Аналогичные работы проводились и в отношении автоматного патрона 5,45х39 мм (7Н6). Путем подбора материала сердечника, усовершенствования его формы и термообработки, а также заполнения свинцом пустоты в головной части пули удалось создать два новых типа пуль повышенной пробиваемости: 7Н10 и 7Н22. Также разработали бронебойные пули — 7Н23 и повышенной пробиваемости — 7Н13 для 7,62-мм автоматного и винтовочного патронов.

Список библиографических ссылок

1. Данилин Г. А., Огородников В. П., Заволокин А. Б. Основы проектирования патронов к стрелковому оружию: учебник. СПб., 2005. С. 32.

2. Федосеев С. Гроза // Оружие. Техника молодежи. 1995. № 12. С. 23.

3. Черные пули для черных операций // Солдат удачи. 1995. № 5. С. 37.

4. Кораблин В., Красников В. Пистолет-пулемет «Вереск» // Оружие. 2004. № 2. С. 30.

© В. А. Ручкин, 2012

* * *

А. Н. Гулевский

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР МИЛИЦИИ ДОРОХОВ ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Статья представляет собой изложение биографии генерал-майора милиции В. А. Дорохова, который был начальником Высшей следственной школы МВД СССР в период с 1988 по 1991 гг.

Ключевые слова: генерал-майор, Высшая следственная школа МВД СССР, милиция, Волгоград.

A. N. Gulevsky

VICTOR ALEXANDROVICH DOROKHOV, MAJOR GENERAL OF MILITIA

The article focuses on the biography of V.A. Dorokhov, major general of militia, who held the position of the chief of the High Investigative School of the Ministry of Interior of the USSR from 1988 to 1991.

Keywords: major general, the High Investigative School of the Ministry of Interior of the USSR, militia, Volgograd.

Виктор Александрович Дорохов родился 26 июля 1939 г. в городе Ужуре Красноярского края. Дед Дорохова, по словам Виктора Александровича, родился в 1874 г. в Тульской области. За свои революционные настроения он подвергался гонениям со стороны властей, поэтому уехал в Сибирь в Шарыповский район в село Линево, что в 60 км от г. Ужура. У деда В. А. Дорохова было семь детей: три дочери и четыре сына. Один из его сыновей по имени Егор, по словам Виктора Александровича, воевал с белогвардейцами адмирала А. В. Колчака. Будучи связным у партизан красноармейцев, Егор Дорохов был пойман белогвардейцами и замучен в присутствии жителей села. В наши дни в Шарыповском районе был установлен памятник с его изображением.

Отец Виктора Александровича Александр Григорьевич Дорохов умер, когда Виктору Александровичу было 12 лет. Шел 1946 г., едва закончилась война, страна была разрушена. В это непростое время Виктору Александровичу пришлось рано повзрослеть. В период обучения в Ужурской средней школе № 39 Виктору Александровичу постоянно приходилось зарабатывать на жизнь. Работая, он, тем не менее, хорошо успевал по всем предметам. В. А. Дорохов любил гуманитарные дисциплины. В школе он был секретарем комсомольской организации, участвовал в школьной художественной самодеятельности. В. А. Дорохов рос натурой романтической, о многом мечтал, ко многому стремился. Занимаясь в кружке юннатов, в 9-м классе проводил с Красноярским сельскохозяйственным институтом научную работу, решая проблему полегания хлебов. В. А. Дорохов совместно с другими юннатами засевал площади и потом их убирал, проявив себя хорошим механизатором. В результате этой работы В. А. Дорохов стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и получил на ней бронзовую медаль.

В 1958 г. В. А. Дорохов был призван в ряды Советской Армии. Служил он на Дальнем Востоке в г. Спасске-Дальнем в школе авиационных механиков, по окончании которой стал инструктором практического обучения самолетного цикла. В. А. Дорохов преподавал конструкцию самолета Миг-17, одного из первых реактивных самолетов советской авиации. По словам В. А. Дорохова, армия сделала его еще более самостоятельной, целеустремленной личностью. Высоко оценивая роль службы в вооруженных силах для формирования личности мужчины, В. А. Дорохов не станет впоследствии ограждать от службы в армии своего сына Андрея, который пройдет двухгодичную службу по охране общественного порядка в соста-

ве милицейского батальона в горячих точках Нагорного Карабаха. Андрей Викторович Дорохов 21 год проработал в ВСШ МВД СССР и ВА МВД России, пройдя путь от старшины до подполковника, начальника курса.

После демобилизации в 1961 г. В. А. Дорохов приехал в г. Барнаул, где устроился наладчиком на завод Транспортного машиностроения. Работая на заводе, В. А. Дорохов проявлял себя активно в общественной жизни, став членом комитета комсомольской организации.

В 1962 г. по путевке Барнаульского городского комитета комсомола В. А. Дорохов был направлен на учебу в Омскую специальную школу милиции оперативного направления. В. А. Дорохов специализировался по линии борьбы с хищениями социалистической собственности (БХСС). По окончании специальной школы милиции в 1964 г. он вернулся в г. Барнаул, где был назначен оперуполномоченным БХСС городского отдела УВД. С этого времени В. А. Дорохов начинает параллельно учиться на Барнаульском вечернем юридическом факультете Томского государственного университета имени В. В. Куйбышева.

В 1967 г. Виктор Александрович начал работать следователем, а в 1968 г. после окончания юридического факультета был назначен старшим следователем по особо важным делам по линии БХСС УВД Алтайского крайисполкома. Работая старшим следователем, В. А. Дорохов расследовал сложные, запутанные дела. На одном из таких дел можно остановиться подробнее. Это крупное дело, по которому проходила уроженка г. Бийска Андреева, совершившая 102 преступления в пяти республиках: РСФСР, Молдавия, Узбекистан, Казахстан, Грузия. Преступница совершала кражи, мошенничество, занималась незаконным врачеванием, скрываясь под 12 разными фамилиями. Имея на руках украденный диплом об окончании Барнаульского медицинского института, Андреева «гастролировала» по разным республикам СССР, работая терапевтом, фтизиатром, главным врачом во многих медицинских учреждениях, сумела войти в доверие к министру здравоохранения Узбекистана. В газете «Известия» за 1968 г. об этом громком деле была опубликована статья. За качественное расследование этого дела министр внутренних дел СССР генерал армии Н. А. Щелоков наградил В. А. Дорохова фотоаппаратом «Зенит 3 М».

С 1975 г. В. А. Дорохов работал старшим преподавателем цикла криминалистики Барнаульской школы по подготовке начальствующего состава МВД СССР. С 1977 по 1979 гг. — адъюнкт очной адъюнктуры Всесоюзного научно-исследовательского института МВД СССР в г. Москве. Диссертация была написана на основе обобщения накопленного эмпирического материала. В. А. Дорохов посетил множество колоний, тюрем, где проводил «анкетирование освобождаемых, интервьюирование работников ИТУ, органов милиции, а также осужденных, содержащихся в местах лишения свободы» [1, с. 6] .

Диссертация Виктора Александровича на соискание ученой степени кандидата юридических наук была посвящена теме «Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, и участие исправительно-трудовых учреждений в его установлении». Под влиянием диссертации В. А. Дорохова был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР об установлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Исправительно-трудовые учреждения начали решать вопрос необходимости установления надзора над бывшими заключенными. Раннее вопросами надзора ведали только территориальные органы милиции. Решение этого вопроса было связано с тем, что бывшие заключенные, как правило, не прописывались по месту жительства и не устраивались на работу, а вновь возвращались к преступной деятельности. Исходя из этого, по новому закону, как и считал в своей диссертации В. А. Дорохов, освобожденные были обязаны прибыть в указанное ими место жительства и сообщить о себе в территориальный орган, иначе в отношении них возбуждалось уголовное дело за нарушение административного надзора. Второй важный момент диссертации, актуальный и сегодня, заключался в осознании необходимости создания условий для социальной адаптации освобожденных из мест лишения свободы, создания для них социальных связей, которые помогут адаптироваться к общественной жизни. По этой причине В. А. Дорохов

предлагает обязать определенные категории организаций обеспечивать бывших заключенных хотя бы на один год общежитием и работой, что, по его мнению, должно уменьшить число рецидивных преступлений. Подобную практику можно внедрить в любом регионе страны, в том числе в Волгоградской области.

1 января 1980 г. подполковник милиции В. А. Дорохов был назначен заместителем начальника УВД Красноводского облисполкома в Туркмении. С 8 мая 1981 по 1983 гг. В. А. Дорохов был начальником УВД Красноводского облисполкома. При назначении на эту должность министр внутренних дел СССР Н. А. Щелоков присваивает В. А. Дорохову досрочно звание полковника милиции.

Еще со времен службы в Советской Армии, где В. А. Дорохов преподавал конструкцию самолета, его интересовала и влекла педагогическая деятельность. С 1983 г. Виктор Александрович работал начальником Новочеркасской школы усовершенствования начальствующего состава милиции МВД СССР, где занимался подготовкой офицеров уголовного розыска для народной милиции Афганистана.

В июне 1985 г. Виктор Александрович начинает создавать на базе школы по подготовке работников ГАИ Саратовские высшие курсы БХСС МВД СССР и становится их начальником. В октябре 1985 г. на курсы было набрано 800 слушателей, это были самые большие курсы в Советском Союзе. На базе курсов проводилось много разработок по усовершенствованию борьбы с хищениями социалистической собственности [2, с. 107]. В частности, была организована тотальная проверка на Энгельсском мясокомбинате с привлечением слушателей, которые за неделю отследили каждую операцию на комбинате, вплоть до того, что взяли под наблюдение канализацию, и в итоге добились того, что кражи мяса прекратились, а производительность комбината повысилась.

С 18 марта 1988 г. по 22 ноября 1991 г. В. А. Дорохов занимал должность начальника Высшей следственной школы МВД СССР, расположенной в г. Волгограде. Ф. М. Рудинский в своей книге вспоминает, что «назначенный министерством руководитель вуза В. А. Дорохов, кандидат наук, доцент, до своего назначения в Волгоград возглавлял ряд милицейских учебных заведений. Виктор Александрович проработал всего три года, но время его правления было чрезвычайно сложным» [3, с. 38]. В стране началась провозглашенная генсеком М. С. Горбачевым перестройка. Начиная с 1988 г., в СССР развиваются протестные настроения населения страны, связанные с недостатками в организации работы коммунистической партии и самое главное, с ухудшением экономического положения государства и граждан. Эти протестные настроения в более организованной форме, направленной против устройства государства, правового режима, привели к такому явлению, которое позже получило название «горячая точка». Сложный для всей страны этап коснулся и Высшей следственной школы МВД СССР.

В период межнациональных столкновений с 1988—1990 гг. в Азербайджане, Армении и Нагорном Карабахе офицеры и слушатели ВСШ МВД СССР были направлены в Азербайджан для обеспечения правопорядка и охраны прав граждан. Согласно воспоминаниям очевидца и участника этих событий, профессора П. В. Анисимова, у ВСШ МВД СССР был уже опыт несения службы по охране общественного порядка на Олимпийских играх в Москве в 1980 г., на 12-м Всемирном фестивале молодежи и студентов в 1985 г., на Играх доброй воли в 1986 г. Однако в Азербайджане речь шла о работе в специфических боевых условиях, с которыми ВСШ МВД СССР столкнулась впервые. Здесь, с одной стороны, с оружием в руках необходимо было защищать жизнь, здоровье и имущество граждан. С другой стороны, необходимо было в этих сложных условиях продолжать учебный процесс. Необходимо было обустраиваться на новом месте, организовывать боевое несение службы. Павел Викторович Анисимов, так комментирует эту ситуацию: «Необходимо было выполнять совершенно фантастические задачи. Феликс Михайлович Рудинский надевал на голову каску и шел в окопы читать слушателям, которые несли боевое дежурство, лекции по конституционному праву». Вся организационно-правовая работа, работа по обеспечению боеспособности подразделений, материально-техническое обеспечение подразделений лежали на плечах В. А. Дорохова.

В ВСШ МВД СССР велась активная подготовка слушателей для службы в Нагорном Карабахе. Слушатели активно занимались тактико-специальной, боевой, физической и правовой подготовкой для работы в специальных условиях «горячей точки» [4]. В Нагорном Карабахе был создан оперативный штаб, который возглавил начальник школы В. А. Дорохов. Вначале три батальона ВСШ МВД СССР базировались в г. Баку, а затем силы Высшей следственной школы были переброшены в г. Степанакерт. Батальоны ВСШ МВД СССР действовали во взаимодействии с внутренними войсками, армией, местной милицией и другими высшими учебными заведениями МВД, которые дислоцировались в Нагорном Карабахе. Один батальон в составе 250 человек высшей следственной школы должен был постоянно находиться в г. Степанакерте и через 2—4 месяца сменяться другим, отдохнувшим батальоном из г. Волгограда. Всего за период несения службы в Азербайджан было отправлено 12 батальонов офицеров и слушателей ВСШ МВД СССР. Переброска батальонов осуществлялась из г. Волгограда как по железной дороге, так и с помощью авиации.

Внутри самой ВСШ также настало сложное время. Начались митинги, борьба за плюрализм, свободу слова, гласность, критика КПСС. Офицеры ВСШ собирались в актовом зале и обсуждали все, что они думают как по вопросам руководства ВСШ, так и по вопросам политической ситуации в стране. Появились критические статьи в печати. В такой ситуации управлять коллективом и учебным процессом было крайне сложно. Доходило до того, что ряд офицеров предлагали осуществлять выборы начальника ВСШ демократически внутри ВСШ МВД СССР. В. А. Дорохов вынужден был напоминать своим подчиненным о данной ими присяге и принципе единоначалия. Коллектив ВСШ МВД СССР разбился в то время на четыре большие группы: демократы, коммунисты-новаторы, коммунисты-консерваторы и коммунисты-нейтралы, не знающие, кого слушать и что делать. Партийная организация ВСШ МВД СССР имела следующее устройство: партийная организация профессорско-преподавательского состава, партийные организации курсов и партийные группы во взводах. Всю партийную работу ВСШ МВД СССР возглавлял партийный комитет. Осенью 1989 г. в ВСШ МВД СССР началась внутренняя борьба за должность председателя партийного комитета, в результате которой победу одержал молодой прогрессивно мыслящий доктор наук Анатолий Яковлевич Рыженков, имевший большую популярность среди слушателей. В момент острой борьбы В. А. Дорохов сумел провести отчетно-выборное собрание, не нарушая устава партии. Эти выборы отчасти разрешили тяжелый конфликт внутри ВСШ МВД СССР, способный привести даже к ее развалу. В. А. Дорохову удалось достичь взаимопонимания со своими заместителями, которых тогда было семь человек, и в итоге он сумел стабилизировать работу ВСШ МВД СССР и не допустить ее развала. Виктору Александровичу приходилось разрываться между г. Волгоградом и Нагорным Карабахом, стремясь не потерять управления ВСШ и по возможности обеспечить в двух местах учебный процесс. Как правило, В. А. Дорохов лично сопровождал каждый отсылаемый в Нагорный Карабах батальон.

Часто приходилось вести диалог со слушателями, многие из которых не хотели ехать в командировку в Азербайджан. На прием к В. А. Дорохову приходили жены офицеров с просьбами не отправлять их мужей в г. Баку и г. Степанакерт. Многие в ВСШ ошибочно полагали, что служба в Азербайджане — личная прихоть самого В. А. Дорохова, а не приказ министра МВД СССР. В. А. Дорохов часами разъяснял офицерам и слушателям, что они давали присягу, и приказ о защите конституционного порядка следует выполнять, хотя сам В. А. Дорохов лично и не был сторонником участия слушателей в разгорающемся армяно-азербайджанском конфликте.

В сложное для ВСШ время В. А. Дорохов ежедневно осуществлял личный прием своих сотрудников, практически в любое время и по всем волнующим личным и служебным вопросам. Где бы ни работал В. А. Дорохов, его сотрудники всегда знали, что если у них есть проблемы, то В. А. Дорохов поможет.

Служба в Азербайджане проходила под пулями и камнями, несколько сотрудников ВСШ МВД СССР были ранены. Тем не менее офицеры и слушатели ВСШ продолжали достойно с оружи-

ем в руках нести службу по охране общественного порядка, пресекая экстремистские выступления и сдерживая массовые народные волнения. Во время частых демонстраций необходимо было стремиться избежать жертв. Следует отметить, что за время службы в Нагорном Карабахе работа была хорошо организована, и удалось избежать распрей между офицерами и слушателями, которые сплотились в решении сложной задачи. Однажды летом, находясь в г. Степанакерте, В. А. Дорохов получил сообщение от дежурного о том, что из г. Шуши в г. Степанакерт движется толпа демонстрантов численностью около 1 тыс. человек. По тревоге был поднят весь батальон ВСШ, подан транспорт и БМП. Пока офицеры и слушатели осуществляли погрузку на транспорт, Виктор Александрович решил самостоятельно с экипажем БМП встретить толпу, остановить ее, попробовать уговорить людей разойтись по домам, или, по крайней мере, выиграть время до прибытия слушателей. Рискуя попасть в заложники, Виктор Александрович задержал толпу до приезда основных сил батальона, которые прибыли на помощь к своему начальнику в самый критический момент, когда толпа едва не учинила над В. А. Дороховым и экипажем БМП расправу. Слушатели выстроились со щитами в руках и оттеснили толпу, окружившую В. А. Дорохова, назад.

Многие офицеры и слушатели ВСШ МВД СССР были награждены наградами за службу в Нагорном Карабахе. Все поставленные задачи ВСШ выполнила с достоинством, личный состав не понес потерь. В. А. Дорохов получил медаль за отличную службу по охране общественного порядка. 2 ноября 1990 г. постановлением Совета министров СССР полковник внутренней службы В. А. Дорохов получил звание генерал-майора милиции, став последним генералом, назначенным в СССР.

26 ноября 1989 г. под руководством В. А. Дорохова, по предложению профессора Ф. М. Рудинского, в Высшей следственной школе МВД СССР была создана первая в стране кафедра прав человека. Создание этой кафедры призвано было осуществить гуманитарный переворот в правосознании слушателей и преподавателей. По мнению профессора П. В. Анисимова, целью создания кафедры прав человека было проведение исследовательских работ в сфере общественных отношений, связанных с протестным настроением в республиках СССР. Необходимо было создать правовую подготовку слушателей, для того чтобы они как будущие следователи могли получить широкие знания в области международных норм права, связанных с защитой прав человека, и более осознанно оценивали ситуации с организованным протестным настроением в обществе. С учетом политической обстановки Ф. М. Рудинский сумел обосновать желательность появления первой в СССР кафедры прав человека. Согласно утверждению П. В. Анисимова, В. А. Дорохов рисковал, посылая в г. Москву обоснование на разрешение создать кафедру прав человека, так как мог быть уволен, однако, являясь человеком продвинутым, вдумчивым и рассудительным, поддержал эту идею. Из всех генералов, с которыми работал П. В. Анисимов, только В. А. Дорохов, по его мнению, мог рискнуть и пойти на это. Кроме того, министром внутренних дел СССР был тогда демократически настроенный В. В. Бакатин, что давало хороший шанс на успех. В итоге был получен положительный ответ, хотя многие и не верили в возможность случившегося. В 1991 г. была успешно проведена Всесоюзная научно-практическая конференция по правам человека. В конференции участвовали представители всех учебных заведений МВД СССР. Впервые на конференцию В. А. Дорохов пригласил представителя духовенства владыку Германа, выступившего с докладом.

После распада СССР в 1991 г. ВСШ МВД СССР стала возвращаться к мирной жизни. Появилась возможность больше заниматься наукой. Совместно с заместителем по научной работе Ф. В. Глазыриным В. А. Дорохов уже в 1989 г. впервые создает в ВСШ адъюнктуру по пяти специальностям заочной и очной формы обучения. Когда началась подготовка первых адъюнктов, появились тексты первых диссертаций, то возник вопрос о защитах. В 1991 г. по ходатайству В. А. Дорохова возник первый диссертационный совет по двум специальностям, председателем которого стал профессор Б. П. Смагоринский.

В руководстве ВСШ МВД СССР генерал-майор милиции В. А. Дорохов считал приоритетной задачей совершенствование учебной и воспитатель-

ной работы. Главная цель — соединить практику с теорией. В. А. Дорохов лично выезжал на места проверить, как идет процесс стажировки слушателей, как она организована, дает ли пользу. По утверждению Виктора Александровича, выпускник, окончивший Высшую следственную школу, должен быть после ее окончания приспособлен к работе в органах, быть психологом, уметь расследовать уголовные дела, а не просто иметь диплом и теоретические знания.

При В. А. Дорохове был создан оздоровительно-восстановительный центр, которым пользовались все сотрудники, отремонтированы тир и загородный учебный центр. Последний был создан в основном для иностранных слушателей, которые могли отдыхать там летом, если не имели возможности уехать домой на каникулы. Был достроен с участием личного состава лабораторный корпус, где расположился криминологический полигон, отремонтировано 58 аудиторий, оборудован кабинет психологической разгрузки, создан телецентр ВСШ, отремонтированы все помещения кафедр. Кроме того, были построены криминологические полигоны для осмотра места происшествия на улице, где можно было имитировать кражи, грабеж, убийства.

Как выяснилось позже, события в Нагорном Карабахе послужили первым тревожным звонком, предупреждающим о гибели советского государства. Именно с событий в Нагорном Карабахе начался разрушительный парад национальных суверенитетов, ведущих страну обратно в прошлое. ВСШ МВД СССР сыграла свою историческую роль, оказавшись в авангарде сил, противостоящих межнациональному раздору.

В период событий ГКЧП в 1991 г. генерал-майор милиции В. А. Дорохов не отправил слушателей и офицеров ВСШ МВД СССР поддержать Б. Н. Ельцина. Сегодня В. А. Дорохов так комментирует свою позицию по этой ситуации: «Даже если бы личный состав не был в отпусках, я бы этого никогда не сделал, так как понимал, что нельзя разбрасываться личным составом в политических играх. Милиция или полиция не должны быть политизированы».

За долгий период своей нелегкой службы Виктор Александрович подорвал свое здоровье, появилась гипертония, возникла угроза инфаркта. В конце 1991 г. В. А. Дорохов оказался в госпитале. Высшая врачебная комиссия предложила В. А. Дорохову уйти на заслуженный отдых по состоянию здоровья. В этой ситуации Виктор Александрович вынужден был прислушаться к доводам врачей.

После ухода на пенсию В. А. Дорохов занимался восстановлением здоровья, а затем вновь почувствовал в себе силы к активной работе. В 1996 г. руководство Волгоградского специального центра государственной технической комиссии при Президенте России предложило В. А. Дорохову возглавить Центр по защите информации от утечки по техническим каналам. Виктор Александрович энергично взялся за новое дело. Так как Центр был связан с техническими вопросами, то за помощью по его созданию решено было обратиться к ректору Волгоградского государственного технического университета академику РАН И. А. Новакову. В результате совместного сотрудничества был создан учебный региональный центр по повышению квалификации и переподготовке специалистов в области защиты информации при Волгоградском государственном техническом университете (ЦЗИ). Через некоторое время был также создан Центр режимно-секретных органов. Сегодня в этих центрах готовят специалистов в области защиты информации и защиты информации режимно-секретных органов. По заданию ректора ВолГТУ академика РАН И. А. Новакова в 2002 г. В. А. Дорохов создал Институт переподготовки и повышения квалификации (ИПиПК) руководящих работников и специалистов и был его первым директором до 2006 г. За последние два года работы Центр защиты информации под руководством В. А. Дорохова достиг своего расцвета [5, с. 6].

В. А. Дорохов всегда поддерживал авторитет следователей, и считает, что в стране должен быть единый Следственный комитет. Только единый орган, не зависимый от ведомств, может обеспечить чистоту следствия. «Следственный комитет должен подчиняться только главе государства», — заявляет В. А. Дорохов. Находясь в 1990 г. на встрече с министром внутренних дел СССР В. В. Бакатиным, В. А. Дорохов отстаивал идею независимого следствия и увеличения окла-

дов и потолка званий следователей. В. В. Бакатин тогда прислушался к доводам Виктора Александровича и увеличил зарплату и потолки званий следователям. По словам В. А. Дорохова, «следователь — это очень трудная работа! Она не дает ему право на ошибку, поскольку в его руках судьба человека».

В подчиненных Дорохов ценит главным образом ответственность, умение своевременно выполнить все служебные задания, мероприятия, стремление к достижению цели, преданность своему делу, крепость внутренних убеждений, но прежде всего высокий профессионализм, без которого невозможно бороться с преступностью, вести активную профилактику преступлений. Хотя при сложившемся общественном строе, по мнению В. А. Дорохова, помимо моральных качеств и убеждений, работник должен иметь соответствующее потребностям материальное вознаграждение.

Курсанты и слушатели должны, по утверждению В. А. Дорохова, прежде всего добросовестно учиться, постигать те знания, которые они смогут использовать на практике, становиться высокопрофессиональными специалистами, строго соблюдать требования присяги, служить народу, Родине, что является не простым делом, а тяжелой ношей. С другой стороны, курсант не должен забывать и о своей карьере. «Плох тот курсант, который не мечтает стать генералом», — отмечает шутливо Виктор Александрович в беседе. Никогда нельзя останавливаться на достигнутом. «Я всегда добросовестно работал, меня замечали, назначали, и мне приходилось быть своего рода «пожарным», если надо что-то создавать или наводить порядок, то на эту работу отправляли меня, и я никогда не возражал, а старался оправдать возложенное на меня доверие», — рассказывает Виктор Александрович.

Работа в милиции В. А. Дорохову была всегда интересна. «Заниматься оперативной работой, раскрывать преступления, расследовать дело, участвовать в судьбе людей — очень интересное, — утверждает В. А. Дорохов, — занятие». В. А. Дорохов говорит о том, что обладает особой способностью входить в доверительные отношения с людьми, даже с осужденными. В этом ему помогало убеждение, что даже в закоренелых преступниках нужно всегда видеть человека.

Находясь на оперативной работе, Виктору Александровичу много раз приходилось задерживать опасных преступников. На вопрос о том, почему люди совершают преступления, В. А. Дорохов ответил, что преступное поведение, скорее всего, заложено в человека генетически, что социальные условия могут снизить, но не искоренить преступность, поэтому пока существует человечество, будут совершаться и преступления.

Мудрость человека выражается в способности не допустить зло, а ум в том, чтобы найти способ его победить. В. А. Дорохов считает, что мудрость проявляется в интуиции, которая помогает предвидеть и не допустить любые неприятности. По словам В. А. Дорохова, такая интуиция ему помогала в жизни не один раз. Смысл жизни каждого человека, по словам Виктора Александровича, заключается в том, чтобы посредством своей активной деятельности, в том числе профессиональной, служить на благо обществу. Добросовестное служение обществу возвращается обратно к человеку «сторицей».

В настоящее время Виктор Александрович имеет 13 наград, среди которых заслуженный работник МВД СССР, имеет знак «Отличник милиции», знак «За отличную службу в МВД», медали «За отличную службу по охране общественного порядка» 1, 2, 3 степеней. Вспоминая своих сотрудников, В. И. Дорохов выражает глубокую благодарность всему коллективу ВСШ МВД СССР за годы успешной совместной работы.

В. А. Дорохов и в настоящее время является активным участником общественной жизни. Он член совета Волгоградской региональной общественной организации «Генералы Волгограда», член ветеранской организации и выступает перед курсантами ВА МВД РФ факультета следователей.

Несмотря на свой солидный возраст этот человек поражает своим жизнелюбием и остроумием. Уже с первой встречи он производит впечатление человека вдумчивого, рассудительного, внимательного, делового, глубокого. Листая страницы диссертации, тома обвинительных заключений, просматривая фильм о службе в Нагорном

Карабахе, общаясь с очевидцами, понимаешь, что за историей этой жизни скрывается упорный, кропотливый труд человека, обладающего творческой инициативой и смекалкой. Прекрасный профессионал, он продолжает переживать за судьбу России, служить государству и народу, приносить пользу обществу, оправдывая свое предназначение.

Список библиографических ссылок

1. Дорохов В. А. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, и участие исправительно-трудовых учреждений в его установлении: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1979.

2. Саратовский юридический институт МВД России — 80 лет. Саратов: СЮИ МВД России, 2005.

3. Рудинский Ф. М. Как создавался юридический вуз. Из истории ВСШ МВД СССР — Волгоградской академии МВД России. Волгоград: ВА МВД России, 2004.

4. Действия специальных батальонов ВСШ МВД СССР по охране общественного порядка в НКО Азербайджанской ССР. Учебный видеофильм. (Видеоархив Волгоградской академии МВД РФ).

5. Шеховцов В. В. ИПиПК — крупнейший в регионе // Политехник. 2012. № 4 (1339).

© А. Н. Гулевский, 2012

* * *

А. А. Лихолетов

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА АЗАРТНЫХ ИГР В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ ДО ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Азартные игры и их негативные последствия пресекались российским законодателем на протяжении длительного времени. Однако по сей день в нашей стране нет действенного механизма уголовно-правового регулирования данного явления. В целях построения законодательных конструкций, обеспечивающих уголовно-правовую охрану общественной нравственности, необходимо изучение исторического опыта регламентации ответственности за деяния, связанные с азартными играми.

Ключевые слова: азартные игры, уголовно-правовой запрет азартных игр, игорный бизнес, уголовная ответственность, история уголовного права России.

A. A. Likholetov

HISTORICAL DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW PROHIBITION OF GAMBLING GAMES IN THE RUSSIAN LEGISLATION BEFORE THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917

Gambling games and their negative consequences were repressed by Russian legislators over a long period of time. However, even nowadays there is no effective mechanism of criminal law regulation of this phenomenon. In order to create legislative structures providing criminal law protection of public morality it is necessary to study historical experience of regulation of responsibility for actions related to gambling games.

Keywords: gambling games, criminal law prohibition of gambling games, gambling industry, criminal responsibility, history of the Russian criminal law.

Негативные последствия азартных игр были очевидны для нашего законодателя на протяжении длительного времени, в связи с чем постоянно предпринимались попытки пресечения таких игр путем установления наказаний за их организацию, проведение и даже участие в них.

Так, уже в XVI в. в одном из немногих сохранившихся до наших дней источников отечественного права — Стоглаве, при регламентации отношений, связанных с азартными играми, царь Иоанн IV ссылался на правила святого шестого вселенского Собора, созванного в Константинополе в 680—681 гг. при императоре Константине IV Погонате. Продолжением этого собора явился Трулльский собор, который состоялся в 692 г. На нем были сформулированы 102 правила, ставшие основой свода действующих источников православного церковного права после крещения Руси в X в. [1]. В пункте 50 данных Правил указано: «Никто из мирян и клириков впредь да не предается предосудительной игре. Если же кто усмотрен будет творящим сие: то клирик да будет извержен, а мирянин да будет отлучен от общения церковнаго» [1]. Кроме того, в пункте 24 Правил содержался адресованный священнослужителям прямой запрет посещать соревнования по конским скачкам и ипподромы.

В Стоглаве уделялось внимание проблеме языческих развлечений, в том числе азартных игр, и сопутствующим им антиобщественным явлениям. В главе 41 этого документа указывалось: «Да дети боярские и люди боярские и всякие бражники зернью играют и пропиваются. Ни службы служат, ни промышляют, и от них всякое зло чинится: крадут и разбивают и души губят. И то бы зло искоренити» [2]. В этой же части документа царю предлагается установить запрет, чтобы «дети боярские и люди боярские и всякие бражники зернью не играли и по корчмам не пили, и прочего зла не творили, и жили бы покрестьянски и были бы довольни своими оброки» [2]. В главе 92 отражено отрицательное отношение царя к перечисленным явлениям.

Дальнейшее развитие законодательная регламентация ответственности за азартные игры получила в Соборном уложении 1649 г., в котором также прослеживается негативное отношение государства к играм в карты и зернь. В 15 пункте главы XXI «О розбойных и о татиных делех а в ней 104 статьи» указано: «А которые воры на Москве и в городех воруют, карты и зернью играют, и проигрався воруют, ходя по улицам, людей режут, и грабят, и шапки срывают, и о таких ворах на Москве и в городех и в уездех учинити заказ крепкой и биричем кликати по многия дни, будет где такие воры обявятся, и их всяких чинов людем имая приводити в приказ. Да кто таких воров, изымав, в приказ приведет и в приказе, таких воров роспрашивая, сыскивати про них всякими сыски накрепко, да будет про воровство их сыщется допряма, что они зернью и карты играют, и ходя по улицам воруют, людей режут, и грабят, и шапки срывают, и тем вором чинити указ тот же, как писано выше сего о татех» [3].

В данном случае, исходя из представленного текста, можно предположить, что само по себе участие в азартных играх не образовывало отдельного состава преступления, но являлось его неотъемлемым признаком или, скорее, отягчающим обстоятельством при совершении других преступлений против личности и собственности. Кроме того, законодателем отмечалась неразрывная связь между проигрышем и совершением в связи с этим новых преступлений. Лицам, совершившим данные преступления, равно как и татям, назначались суровые наказания, в том числе телесные.

Во времена царствования императора Петра I в России было принято много законодательных актов, регламентирующих отдельные сферы государственной политики, среди которых также можно найти ряд документов, устанавливающих запрет азартных игр. Например, в главе VI круп-

нейшего источника военно-уголовного права — Артикула воинского 1715 г. говорится: «Есть ли кто свой мундир, ружье проиграет… оный имеет в первые и вдругоредь жестоко шпицрутенами, и заплатою утраченнаго наказан, а в третие розстрелян быть» [4]. Таким образом, опять предусматривается уголовная ответственность за действия, связанные с участием в азартных играх, и их последствия (в данном случае — в виде проигрыша).

В 1717 г. Указом № 3127 был введен законодательный запрет азартных игр, за нарушение которого предусматривался штраф в троекратном размере от выигрыша. Эта идея нашла свое отражение и в более позднем законодательном акте Петра Великого — Морском уставе 1720 г., которым перечень видов наказаний за содеянное был расширен. В п. 19 главы I книги IV устава указано: «Запрещается играть в карты, в кости и прочие игры на деньги, под штрафом; ежели Офицер, под платежей денежным, а рядовым за первое и второе преступление биением у машты, а за третие спускать с райны» [5].

Во времена царствования Анны Иоанновны проблеме распространения азартных игр также уделялось внимание. Анализируя положение в обществе и отмечая неэффективность указа Петра I о запрете «играния», императрица в 1733 г. ужесточила законодательство, предусмотрев применение более строгих наказаний пропорционально выявленным фактам участия одного и того же лица в играх. Так, если за совершение преступления впервые предусматривался штраф в троекратном размере от выигрыша, за повторное совершение преступления, помимо указанного штрафа — лишение свободы на месячный срок либо битье батогами, за продолжение участия в играх — размер наказания удваивался, при выявлении дальнейших фактов конкретное наказание не предусматривалось, но указывалось, что оно должно быть жестким, с учетом обстоятельств дела.

Некоторое смягчение законодательства об азартных играх коснулось высших сословий российского общества, которым в период правления императрицы Елизаветы Петровны в 1761 г. было разрешено играть на небольшие суммы в целях времяпровождения. Данное положение закреплено в указе 11.275, где впервые вводится понятие «азардные игры», используемое в качестве определения различного вида игр, в том числе карточных, на деньги, имущество и другие ценности, результат которых зависит от случайного стечения обстоятельств.

В этом же документе сказано: «А ежели кто и за сим публикованным указом, явно или скрытно, под каким видом, в большие суммы на деньги и в долг, или же на какие вещи, в цену ставя, играть станет, и в том изобличен будет, то как с таковых игроков, так и с хозяина, где такие игры будут, также и с тех кои игрокам ссудою денег, закладом или другими случаями на игры вспомогать будет, брать штрафу против рангов их утвержденного годового жалования вдвое» [6]. Данным указом был существенно расширен круг субъектов преступления. Теперь, помимо непосредственных «игроков», уголовной ответственности подлежали лица, содержавшие места для проведения игр, а также лица, выдающие займы для лиц, участвующих в азартных играх.

Екатерина II неоднократно издавала указы, запрещающие азартные игры (№ 11877, 12263, 12560), а также о недействительности карточных долгов и, как следствие, об отказе в уплате денег кредиторам, если те давали денежные средства заведомо для игры (№ 12593, 13677). В 1765 г. указом императрицы № 12530 было принято решение о наложении таможенных пошлин в отношении зарубежных производителей игорных карт. Данная мера позволила ограничить ввоз иностранных игорных карт на территорию России и одновременно стала поводом «к умножению в государстве своих карточных фабрик» [7]. Этим же указом введен налог на игры, проводимые для забавы и провождения времени, в пользу воспитательных домов.

8 апреля 1782 г. был принят документ, устанавливающий перечень деяний, наказуемых полицией — «Устав благочиния или полицейский», отдельные нормы которого также запрещали азартные игры. Статья 67 устанавливает перечень дозволенных игр (игры, основанные на физической силе, на случае) и разрешает азартные игры, целью которых является забава, отдых с семьей или друзьями. Кроме того, здесь же указывается: «Буде же игра играку служит единственным уп-

ражнением и промыслом, или дом в коем происходила игра, открыт день и ночь для всех людей без разбора, и что тут же, и от того происходит прибыток запрещенной, то о том изследовав учинить по законам» [8].

Санкции за перечисленные преступления в виде содержания в смирительном доме, а также под стражей предусмотрены в ст. 257 Устава. Кроме того, в этой статье установлена ответственность за пособничество по организации и проведению азартных игр.

Государственное ограничение азартных игр во времена правления императора Александра I продолжило направление в сторону ужесточения ответственности за такие виды поведения. Указом 1806 г. император вменял в обязанности московскому военному генерал-губернатору выявлять и пресекать распространение азартных игр на территории Москвы, с личным докладом императору о каждом таковом случае [9].

Николай I продолжил дело своих предшественников по кодификации законодательства Российской империи. Систематизация законодательства в начале XIX в. осуществлялась под руководством М. М. Сперанского и велась в двух направлениях: сведение всех действующих правовых актов воедино с разделением по отраслевому принципу и подготовка хронологического собрания всех законов. «Создание Полного собрания законов было необходимо для работы над составлением Свода законов и стало подготовительным этапом к его созданию» [10].

В т. XIV Свода законов был помещен Устав о пресечении и предупреждении преступлений, в ст. 260 которого указано: «Запрещаются азартные игры в карты и всякие другие, запрещается участвовать в азартных играх и способствовать им» [11]. В примечании к указанной статье был установлен перечень запретов, в том числе на предоставление помещения для игр в любое время суток, использование выигрыша в качестве единственного источника дохода, использовать обман в любой игре. Однако в ст. 264 закреплено исключение, согласно которому играть в неазартные игры в кругу семьи или друзей разрешалось.

В 1845 г. был принят новый кодифицированный акт — Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, вошедший в XV том Свода законов Российской империи. Вопросам регламентации азартных игр уделялось внимание в III главе Уложения, называемой «О нарушении общественного спокойствия, порядка и ограждающих оный постановлений». В отделении десятом «О запрещенных играх, содержании мест для игры сего рода и недозволенных лотереях» содержится статья 1329, предусматривающая наказание за участие в запрещенных играх в карты, кости и т. п. в виде штрафа от ста до пятисот рублей за совершение преступления впервые, за повторное — сумма указанного штрафа увеличивалась вдвое. За троекратное нарушение закона установлена санкция, кроме штрафа в двойном размере суммы от ста до пятисот рублей, арест на срок от семи дней до трех недель [12].

Статья 1330 устанавливала запрет государственным крестьянам на «участие во всякой игре на деньги, хотя и незапрещенной, игре в карты или кости», за несоблюдение которого в первый раз виновный подлежал аресту на срок от одного до двух дней и при вторичном совершении преступления подвергался телесному наказанию в виде ударов розгами в количестве от пяти до десяти, причем, обнаруженный выигрыш изымался и обращался в пользу «хозяйственного капитала государственных имуществ» [12].

В статье 1331 устанавливалась ответственность за организацию или пособничество в устройстве в своем жилище или ином месте притона для проведения азартных игр в виде штрафа от пятисот до трех тысяч рублей за совершение данного деяния впервые, штрафа в вышеуказанном размере и ареста на срок от трех недель до трех месяцев при повторении преступления и тюремного заключения на срок от четырех до восьми месяцев, помимо штрафа, за несоблюдение запрета в третий раз. В ст. 1132 установлена ответственность за подлоги и другого рода обманы как в азартной, так и в неазартной игре, в виде ареста [12].

В статье 851 устанавливалась ответственность за ввоз из-за границы игральных карт иностранного производства, а равно их приобретение, в виде денежного взыскания по пятнадцать рублей за каждые 12 колод наряду с конфискацией незакон-

но ввезенного товара [12]. Создание фабрик по изготовлению игральных карт также преследовалось уголовным законодательством. К лицам, признанным виновными в совершении данного преступления, помимо конфискации всех средств производства и готовой продукции, применялось наказание в виде штрафа в размере от 100 до 500 рублей, в зависимости от длительности функционирования фабрики и количества изготовленных карт (ст. 1860).

Статьей 2259 Уложения вводилась ответственность за использование в запрещенных или разрешенных играх заведомо поддельных карт, костей и т. п. Преступлением также признавался игорный обман, то есть любой обман, использованный в игре в целях выигрыша. Санкция данной статьи предусматривала наказание в виде лишения всех особенных, как лично, так и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ и ссылки в Сибирские губернии с заключением на время от трех до шести месяцев [12].

В ноябре 1864 г. вступили в законную силу основные акты судебной реформы, одним из которых был Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, определивший категории уголовных дел, подсудных мировому суду, среди которых были дела о преступлениях, связанных с азартными играми. Согласно ст. 41 Устава за «открытие трактиров, харчевен, питейных и других сего рода заведений в недозволенное время, а равно за допущение недозволенных увеселений или игр, или же бесчинств и беспорядков» [13] предусматривалось наказание в виде штрафа в размере до 50 рублей. Наказание в виде ареста сроком до одного месяца или денежного взыскания не свыше ста рублей назначалось за устройство запрещенных игр в карты, кости и т. п., однако не в виде игорного дома» [13].

В последующих редакциях Уложения о наказаниях уголовных и исправительных подход законодателя к определению круга деяний, связанных с азартными играми, в значительной мере изменился. Так, участие в запрещенной азартной игре было декриминализовано, а уголовно наказуемым признавались только устройство или открытие игорного дома. В редакции Уложения 1885 г. внесена новая ст. 1351.1, которая устанавливала ответственность за реализацию запрещенных игральных карт и предусматривала наказание в виде конфискации данного товара и сверх того денежному взысканию в размере 15 руб. за каждую дюжину колод в пользу «открывателей и уличителей виновнаго» [14].

В Уголовном уложении 1903 г. также устанавливалась ответственность за азартные игры, кроме того, был несколько увеличен перечень деяний, признаваемых уголовно наказуемыми. Статьей 343 регламентировалась ответственность за нарушение правил торговли игральными картами, в качестве наказания был предусмотрен денежный штраф в размере до 300 руб. Статья 344 содержала санкцию в виде тюремного заключения сроком до полугода за изготовление игральных карт в целях их сбыта. Аналогичное наказание устанавливалось за переделку, промывку или чистку с той же целью бывших уже в употреблении карт, а равно хранение таковых. Кроме того, применялось дополнительное наказание в виде штрафа в размере 500 руб. за каждые 12 колод таких карт. Такая же санкция предусматривалась за незаконное изготовление акцизных бандеролей на игральные карты, а равно за их употребление и наложение бывших в употреблении бандеролей на игральные карты. Наказание за перечисленные деяния ужесточалось в случае, если они являлись единственным промыслом виновного. Орудия производства, а также незаконно изготовленные карты и бандероли подлежали конфискации.

На основании изложенного можно прийти к выводу, что российский законодатель постоянно стремился противодействовать азартным играм и связанным с ними негативным явлениям уголовно-правовыми средствами. На протяжении нескольких веков изменялась система уголовно наказуемых деяний, связанных с азартными играми. Но, несмотря на все усилия власти, такие игры получили большое распространение среди разных слоев населения страны, оказав отрицательное влияние на общественную нравственность.

Изучение отечественного опыта уголовно-правовой регламентации преступлений, связанных с азартными играми, необходимо для разработки современным законодателем оптимальных норм об ответственности за организацию и ведение незаконного игорного бизнеса.

Список библиографических ссылок

1. Правила вселенских соборов [Электронный ресурс]. URL: http://www.magister.msk.ru/library/bible/comment/sobor/vselsob.htm (дата обращения: 11.10.2011).

2. Стоглав. Собор 1551 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sidashtaras.ru/img/dejania_stoglava_1551. pdf (дата обращения: 11.10.2011).

3. Соборное Уложение 1649 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649 (дата обращения: 12.10.2011).

4. Артикул воинский 1715 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm (дата обращения: 12.10.2011).

5. Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. СПб., 1830. С. 51.

6. Полное собрание законов Российской империи. Т. XV. СПб., 1830. С. 731.

7. Полное собрание законов Российской империи. Т. XVII. СПб., 1830. С. 467.

8. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. Т. V / под ред. проф. О. И. Чистякова. М., 1987. С. 340.

9. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIX. СПб., 1830. С. 207.

10. Исаев И. А. История государства и права России: учеб. пособие. М., 2009. С. 138.

11. Устав о пресечении и предупреждении преступлений [Электронный ресурс]. URL: http://civil.consultant.ru/reprint/books/226/118.html (дата обращения: 17.10.2011).

12. Свод законов Российской империи. Т. XV. СПб., 1857. С. 236, 349, 581.

13. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXIX. Отделение второе. СПб., 1867. С. 405.

14. Таганцев С. Н. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. 7-е, пересмотр. и доп. СПб., 1892. С. 541.

© А. А. Лихолетов, 2012

* * *

И. А. Кибак

ПСИХОЛОГИЯ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

Рассматриваются проблемы и пути развития психологии законотворчества. Проведен анализ исследований отечественных и зарубежных ученых-правоведов и психологов в этой области. Особое внимание уделено исследованиям психологических закономерностей (общих и частных) на разных этапах законотворчества. Раскрывается предмет и содержание психологии законотворчества как теоретико-прикладного направления правовой психологии. Вводится понятие «психология законотворчества» и аргументируется целесообразность выделения его в теоретико-прикладное направление (частная теория) исследований правовой психологии. Отмечается, что психология законотворчества ставит перед собой определенные задачи, обеспечивающие развитие научных концепций и разработку психотехнологий, рекомендаций по повышению эффективности данной деятельности.

Ключевые слова: психологии законотворчества, правовая психология, теоретико-прикладное направление, депутат, психологические закономерности, предмет, задачи.

I. A. Kibak

LAW-MAKING PSYCHOLOGY: PROBLEMS AND WAYS OF DEVELOPMENT

The article focuses on the problems and ways of development of law-making psychology. The author analyzes research works of Russian and foreign scientists, legal scholars and psychologists in this sphere. The special attention is paid to the research of psychological principles (general and special) at different stages of law-making. The author determines the subject matter and content of law-making psychology as theoretically applied direction of legal psychology, introduces the concept of «law-making psychology» and gives reasons for advisability of distinguishing it as theoretically applied direction (restricted theory) of legal psychology research. In the author's opinion, law-making psychology has certain objectives providing the development of scientific conceptions and psychotechnologies as well as recommendations on improving the efficiency of these activities.

Keywords: law-making psychology, legal psychology, theoretically applied direction, deputy, psychological principles, subject matter, objectives.

Правовое регулирование законотворческой деятельности нельзя понять только с позиции юридической науки. Необходим комплексный подход, который позволяет в полной мере использовать достижения социологии, философии, политической психологии, управления и в особенности правовой психологии.

Анализ содержания научных работ, посвященных законотворчеству, психологии парламентского право- и законотворчества, психологическим проблемам правового регулирования, профессиональной дисциплины парламентской деятельности, нормотворческой технике, качеству закона и эффективности законодательства, позволяет говорить о практической значимости данного вопроса.

Проблемы психологии законотворчества нашли отражение в научных трудах таких ученых, как С. С. Алексеев, Л. М. Бойко, С. В. Бошно, О. Н. Булаков, В. Л. Васильев, Н. А. Власенко, О. А. Гаврилов, В. М. Герасимов, А. В. Грошев, А. А. Денисов, В. П. Казимирчук, Т. В. Кашанина, Д. А. Керимов, А. С. Косопкин, М. М. Коченов, В. Е. Коновалова, Н. Б. Крылов, В. В. Лазарев, Е. А. Лукашева, А. В. Матусевич, М. Ф. Орзих, Р. К. Надеев, А. Нашиц, В. С. Нерсесянц, Ю. И. Новик, А. С. Пиголкин,

С. В. Поленина, Г. Г. Почепцов, Е. А. Прянишников, А. Р. Ратинов, Т. С. Рахманина, В. В. Романов, Р. М. Романов, И. С. Савченко, Г. Спенсер, М. М. Сперанский, А. М. Столяренко, Ю. А. Тихомиров, Р. О. Халфина, А. М. Шадже, В. П. Шупленков и др. Однако, несмотря на определенные успехи в этой области, приходится констатировать, что указанная проблема, оставаясь одной из самых главных, является наименее разработанной в правовой психологии. Большое место в работах занимает схоластический и декларативный материал, немало положений не согласуются и даже вступают в противоречие с общепризнанными данными психологической науки и отечественной законотворческой практикой. Указанные авторы хотя и затрагивают общие методологические вопросы, но в основном рассматривают более узкие проблемы, включая разработку теоретико-правового исследования психологии законодательной деятельности (А. С. Косопкин) [1, с. 7], психологические особенности парламентской деятельности (В. Г. Герасимов, А. А. Деркач и Т. И. Нефедова), исследование правил и элементов законодательной техники, в частности языка закона (Д. А. Керимов, А. С. Пиголкин), проблемы подготовки проектов нормативных правовых актов (Ю. А. Тихомиров, А. С. Пиголкин, Т. С. Рахманина). В ряде случаев выявлялись слабые места, нерешенные вопросы либо положения, нуждающиеся в детальной, углубленной проработке. В связи с этим представляется весьма актуальным скорейшее внедрение специальных психотехнологий и психологических разработок в законотворческую деятельность.

Отсутствие научной дисциплины, которая непосредственно занималась бы психологическим обеспечением законотворчества и имела бы дело с синтезом субъективного и объективного, который уже давно существует, но не в полной мере учитывается законотворческой практикой, создает простор для многообразия различных, подчас взаимоисключающих точек зрения. Одна из них — позиция полностью отрицающих или постепенно сводящих «на нет» роль психологических моментов в законотворчестве. Такая «объективистская» точка зрения, в конечном счете, приводит к усилению внутренней законотворческой напряженности. Еще князь М. М. Щербатов, историк и философ, автор «Истории российской с древних времен», указывал на необходимость знания законодателем «человеческого сердца» и создания законов с учетом психологии народа [2, с. 7]. Кроме того, А. М. Столяренко считает, что современная юридическая психология, какой она начала складываться с рубежа 70-х гг. XX в. и ускоряющимся темпом развивается сегодня, представляет собой богатую и разветвленную систему научного знания. Ее макроструктура состоит из пяти основных частей, каждая из которых включает многообразные разделы (направления) юридико-психологического знания и исследования. В часть вторую «Психология законности и правопорядка» входит и психология права и законотворчества, а также правовая психология, психология правосознания, социально-юридическая психология [3, с. 34].

Процесс законотворчества имеет психологическую сторону [4, с. 97; 5, с. 26—30; 6, с. 171]. Объективная реальность показала, что поскольку законотворчество является одним из видов человеческой деятельности, постольку нельзя игнорировать и ее психологическую основу — сознание, переживания, установки, мотивацию, настроения субъектов права, участников законотворческого процесса. Созданию правовых норм всегда предшествует отражение в общественном правосознании тех социальных потребностей, на которые эти нормы призваны отозваться. Результатом отражения является осознание таких потребностей в качестве общественных интересов, оценка возможных последствий принятия конкретных правовых норм, их соотношения с целями, стоящими перед обществом или отдельными его институтами. Эти процессы происходят в общественном мнении, умонастроениях, отношениях, убеждениях и установках, а также в других социально-психологических явлениях, которые активно влияют на принятие тех или иных правовых норм. Психологические явления опосредуют законотворческую деятельность и на уровне индивидуального сознания лиц, которые непосредственно ею занимаются. Их изучение тем более необходимо, что здесь возможны различного рода искажения из-за неверных оценок, предубеждений, стереотипных мнений, недостаточного предвидения последствий и т. д. В результате нормы могут неполно или неверно выражать в пра-

вовой форме регулируемые общественные отношения. Влияние психологии законотворчества на создание законов постоянно возрастает в связи с углубляющейся гуманизацией и психологизацией процессов законотворчества, включением во всестороннее обсуждение проектов законов трудовых коллективов и общественных организаций. Общеобязательную силу может приобрести лишь та правовая норма, которая способна выполнять функцию социальной нормы, то есть отвечать социальным потребностям общества и личности, соответствовать социально-психологическим механизмам человеческого поведения. Особенно важно четкое представление целей, на достижение которых направлена вводимая норма, четкое осознание того, какие формы человеческого поведения требуют расширения, например, репрессий, а какие — их осуждения, каковы психологические механизмы общепревентивного воздействия норм права. Таким образом, можно утверждать, что формирование и создание правовых норм — это не только юридический, но и социально-психологический процесс. Однако научная теория о праве и законотворчестве по-прежнему отсутствует» [7, с. 5]. Видное место в этом ряду должна занять и психология законотворчества.

Психология законотворчества, на наш взгляд, должна изучать влияние различных социально-психологических факторов на процесс создания правовых норм, психологические аспекты законотворческого процесса, исследовать проблему социально-психологических последствий действия правовых норм в обществе, раскрывать процессы трансформации правовых норм в социальное поведение личности, освещать перевод социальных отношений на язык правовых норм, а также психолого-правовую эффективность предлагаемых правовых норм (новаций), законопроектов, их трактовку, точность изложения и применения. Изучение всех этих вопросов обусловило появление нового направления правовой психологии — психологии законотворчества. Важнейшая особенность психологии законотворчества заключается в том, что каждый принятый закон должен учитывать социально-психологические аспекты эффективного законотворчества в содержании нормы. Таким образом, законотворческий процесс должен состоять из ряда этапов, а на последнем этапе — признания этой нормы как обязательной.

Депутат, подвергая анализу законопроект, должен, *во-первых*, корректировать рассматривающиеся законопроекты и, с точки зрения их психологической грамотности, следить за тем, чтобы в них не было заложено нереалистических ожиданий, ошибочных представлений о причинно-следственных связях в человеческом поведении, чтобы они не провоцировали людей на деструктивные действия или не способствовали депрессивным реакциям. *Во-вторых,* нормы всех видов (дозволяющие, обязывающие, запрещающие и др.) должны быть направлены на человека, для того чтобы подсказать ему разумные, адекватные, оптимальные и одобряемые варианты поведения, тем самым предотвращая хаос и стабилизируя социальные связи. *В-третьих*, не менее важной задачей депутата является психологизация самого законотворческого процесса, принятия законодательных решений. Общеобязательную силу может приобрести лишь та правовая норма, которая способна выполнять функцию социально-психологической нормы, то есть отвечать психологической культуре законотворчества и социальным потребностям личности, общества и государства, соответствовать социально-психологическим механизмам человеческого поведения. Все это имеет положительное психологическое значение в плане уменьшения стрессов, депрессий, развития способностей личности и ее реализации.

Знание психологических закономерностей взаимоотношений личности и коллектива имеет большое значение для правильного выполнения депутатами своих полномочий. Психическая жизнь депутата, связанная с законотворческой деятельностью, обладает особенностями, характер которых предопределен выполнением множества разнообразных социально-психологических, правовых и иных депутатских полномочий. Именно данное обстоятельство способствовало выделению из правовой психологии и формированию такого направления, которое исследует закономерности психики человека, проявляющиеся в сфере действия законотворчества.

Психология законотворчества призвана разрабатывать общие и частные закономерности пси-

хологической науки в их специфическом преломлении — с точки зрения законотворчества. Естественная цельность названного направления является отражением глубокой интегративности базовых наук (социологии, политической психологии, правовой психологии, теории государства и права), развитие которых создало предпосылки для возникновения психологии законотворчества. Каждая наука обладает закономерностями, специфика и теоретическая значимость которых возводят систему знаний до уровня научной самостоятельности. Такие закономерности могут быть обозначены и в психологии законотворчества. Разумеется, что их комплекс, содержание, система и роль со временем будут модифицироваться, что связано с тенденциями развития, накопления эмпирического материала, формирования абстракций, отражающих становление теории науки.

Приведенные закономерности относятся к таким сторонам человеческих проявлений и законотворческой деятельности, которые преимущественно связаны с изменениями, дополнениями в действующие законы либо участвуют в создании новых законов и регулируются, с одной стороны, нормами права, а с другой — мерами социально-психологического воздействия. В соответствии с изложенным психология законотворчества изучает психические явления и свойства, относящиеся к формированию правовой и социальной установки, ее истокам, предпосылкам и факторам, влияющим на ее развитие и предупреждение, формам возможного проявления этой установки, а следовательно, и ее ранней психолого-законотворческой диагностики. В число закономерностей, исследуемых психологией законотворчества, входят и психологическая сторона мотивации, стадий осуществления, влияния правовых норм на психические свойства личности в периоды, связанные с его отношением к проекту закона, его последствиям, а также оценка социальной и личностной значимости своей роли.

Если объектом всех психологических наук прежде всего выступают индивидуальные и групповые социальные субъекты, их психические процессы, состояния, свойства и другие характеристики, то психология законотворчества рассматривает объект в той мере, в какой он связан с его функционированием в системе законотворческих отношений.

Наиболее детально в психологии законотворчества должны изучаться психические свойства личности депутата при осуществлении различных функций в законотворчестве, а также психологизация законопроектов. Как известно, указанные свойства весьма многообразны и определяются требованиями и положением лица, его ролью и функциями, выполняемыми в процессе законотворчества. В этом отношении роли и полномочия депутата неравнозначны как по государственному, так и по психологическому статусу. К объекту психологии законотворчества относятся лица, участвующие и осуществляющие законотворческую деятельность: а) участники, осуществляющие его (субъекты права: Президент, депутаты Палаты представителей, Совет Министров, Совет Республики); б) лица, содействующие законотворческому процессу (эксперты, специалисты, консультанты и др.); в) лица, государственные структуры и общественные организации, способствующие подготовке законопроектов. Можно отметить, что объект науки — «человек в законотворчестве» — является общим для психологии законотворчества и ряда смежных дисциплин (социальная психология, политическая психология, правовая психология, юридическая социология и т. п.). Для психологии законотворчества в предметном поле прежде всего выделяются психологические закономерности и механизмы участия депутата в законотворческом процессе. Так, выполнение депутатом своих депутатских полномочий может развивать у него нравственные и волевые качества, способность к аналитическим и познавательным действиям. Это позволяет депутату делать правильные выводы, заключения, прогнозировать последствия, связанные с принятием и введением в общественную жизнь будущего закона, давать точную оценку степени социально-психологической остроты поднятой правовой нормы и иным проявлениям.

Анализ приведенных закономерностей, которые изучает психология законотворчества, позволяет определить ее предмет в узком и широком смыслах. В первом случае это наука, которая изучает психологические аспекты законотворческой

деятельности, поведения и отношений как специфической сферы социальной жизни и особенности лиц, непосредственно участвующих в законотворческой деятельности. Во втором случае наука рассматривает психологические явления общественной и индивидуальной психики, сопряженные с законотворчеством во всех ее проявлениях.

Предметом психологии законотворчества являются различные психические явления, индивидуально-психологические особенности личности субъектов права (депутатов), вовлеченных в сферу законотворческой деятельности, социально-психологические закономерности этой деятельности, воздействующей на психику и поведение участвующих в ней.

В сложном комплексе психических явлений законотворческой деятельности следует особо выделить: психические процессы — субъективные ориентировочно-регулирующие компоненты (познавательные, эмоциональные и волевые) законотворческой деятельности; психические состояния — мотивационные, эмоциональные, волевые, функциональные формы психической активности, детерминированные условиями законотворческой деятельности; психические свойства личности, являющейся субъектом права, и формы их проявления в указанной деятельности; совокупность устойчивых психологических межличностных взаимосвязей, существующих в рамках институциональных и не институциональных структур как коллективных субъектов права.

Психология законотворчества может характеризоваться разным уровнем развития, что объясняется, с одной стороны, потребностями законотворческой практики, а с другой — неравномерностью формирования отдельных сторон исследуемых законотворческих проблем, ограниченностью экспериментальных данных, недостаточно широким привлечением пограничных отраслей знаний, позволяющих комплексно изучать закономерности психики депутата, участников законотворческого процесса и органов, разрабатывающих законопроекты.

Становление психологии законотворчества в качестве самостоятельного направления правовой психологии предопределено тем, что проблемы, относящиеся к ее предмету, не могли быть решены с использованием данных правовой психологии, а требовали выяснения специфических закономерностей, разрешение которых возможно только на стыке правовой психологии и законотворчества. Новая система знаний, позволяющая углубленно исследовать проблемы, которые связаны с закономерностями функционирования психики в законотворческой сфере, создала предпосылки для самостоятельного развития психологии законотворчества. В отличие от закономерностей правовой психологии для закономерностей психологии законотворчества характерно то, что изучаемые ею психические явления выступают следствием принятия законопроектов, специфики их исполнения в условиях правового регулирования, использования их в разнообразных сферах человеческой деятельности и ситуациях, вынуждающих разрабатывать и применять законопроекты.

Одно из основных препятствий на пути психологических исследований в законотворчестве заключается в том, что до настоящего времени в психолого-юридической науке присутствует боязнь «психологизма» — своеобразная реакция на концепции психологической природы права и обусловленность его происхождения психологическими факторами.

Таким образом, исходя из приведенного выше анализа, психология законотворчества — это теоретико-прикладное направление (частная теория) исследований правовой психологии, которое обслуживает субъекта права (депутата), участников законотворческого процесса и изучает психологические закономерности и механизмы законотворческой деятельности (подготовка и принятие законопроекта), разрабатывает психотехнологии и рекомендации, направленные на повышение эффективности этой деятельности.

Если говорить ***о содержании психологии законотворчества*** как теоретико-прикладном направлении правовой психологии, то она включает в себя, помимо разработки общих для нее вопросов (предмет, система, методы и методика и т. п.), проблематику, относящуюся к психологическому обеспечению законотворчества и нормативно-правовой регуляции, правовому сознанию. Психологические аспекты правосознания выполняют в психологии законотворчества концептуальную роль и являют-

ся стержнем для нее в целом и для отдельных ее разделов.

Задачей любой науки является конкретизация, суммирование потребностей теории и практики в направленности исследований. Следовательно, определяя задачи психологии законотворчества, необходимо основываться на конкретных задачах законотворческой деятельности, на задачах, которые решают субъекты права в своей профессиональной парламентской деятельности. Среди основных задач можно выделить следующие: изучение истории развития и становления психологического знания и его использования в законотворческой деятельности; разработка методологии, психологических принципов и методов законотворческого познания, а также исследование психологических закономерностей и механизмов различных форм законодательной деятельности (субъект права — депутат, участники законотворческого процесса — эксперт, консультант и др.), в том числе и адаптированных методик, а также разработанных новых целей психологии законотворчества; создание научной картины психологической реальности, которая присуща системе законотворчества, ее парадигмы и понятийно-категориального аппарата; разработка основных направлений и методов работы психологической службы (психолога) в парламенте и психологической характеристики законотворческой деятельности; раскрытие психологических особенностей личности депутата как субъекта права (профессионально-психологические качества личности депутата; профессиональное мастерство и профессионально-психологическая подготовка и подготовленность депутата; парламентское мышление в законотворческой деятельности; имидж депутата; психологические механизмы парламентского лидерства); проведение психологических исследований по актуальным проблемам парламентской деятельности; установление особых психологических условий законотворческой деятельности как профессии и истолкование психологических факторов в парламентской деятельности и их стрессово-кризисный потенциал; проведение психологических экспертиз законопроектов и их влияние на качество и эффективность подготовки и принятия законопроектов; участие в создании системы психологического обеспечения законотворческой деятельности депутатов. Разработка форм, методов и инновационных психотехнологий его осуществления (психолого-профессиональное сопровождение законопроекта, субъективные аспекты влияния парламентских структур на процесс принятия законотворческих решений; психологическое консультирование, психологическая помощь депутатам в повышении эффективности подготовки законопроектов в кратчайшие сроки, психолого-законотворческая поддержка, психолого-законотворческая коррекция субъектов права и др.); использование психологического прогнозирования и планирования в законотворчестве для формирования и создания новой психологической модели законотворчества; проведение психологических исследований по проблемам парламентского лоббизма и лидерства; проведение исследований психологии принятия законопроекта и выявление психологических причин и ошибок в законотворческой деятельности; исследование и установление взаимосвязи и взаимодействия профессионально-психологической культуры и законотворчества и их влияние на качество и результативность разрабатываемого и принимаемого проекта закона (соблюдение специальных и психологических принципов в законотворчестве; профилактика психолого-профессиональной дезадаптации личности депутата; психология парламентского общения депутатов; психологическое воздействие в парламентской деятельности; психология и культура парламентской речи; психотехника и этика взаимоотношений в законотворческой деятельности); разработка психологической системы профессионально-психологической подготовки субъектов права (депутатов); профессиограмм и психограмм субъектов права (депутатов), участников законотворческого процесса; психологической системы подготовки психологов, специалистов, консультантов и экспертов по законотворчеству, а также оказание научно-практической и методической помощи тем из них, кто непосредственно работает в государственных органах, разрабатывающих законы; обеспечение вузовского и послевузовского образования и подготовки научно обоснованного заказа психологических кадров, дипломированных специалистов по право- и законотворчеству, работников секретариата и других структур; теоретическая и прикладная разработка многоступенчатой и развернутой системы психолого-правового воспитания субъектов права и участников законотворческого процес-

са; создание рекомендаций по обучению депутатов, участников законотворческого процесса, работников по обеспечению деятельности комиссий в Палате представителей, направленных на формирование профессионально важных личностных качеств; разработка и совершенствование методик преподавания спецкурса «Психология законотворчества», методики психолого-законотворческого тестирования, научных основ использования компьютерной техники и дистанционного образования при подготовке юридических психологов; внедрение научно обоснованной психотехнологии по совершенствованию законотворческой деятельности на основе анализа теоретико-методологического, психолого-правового материала и законотворческой практики; оценка эффективности предложенной инновационной психотехнологии и психологической модели законотворческой деятельности; изучение зарубежного опыта решения психолого-законотворческих проблем, а также возможных путей его использования в условиях современной Беларуси.

Выполнение этих задач призвано способствовать дальнейшему совершенствованию законотворческой деятельности, обеспечить субъектов права (депутатов), участников законотворческого процесса, научно обоснованными рекомендациями по овладению значимыми психолого-профессиональными качествами.

В целом анализ основных направлений психологии законотворчества позволил установить, что совершенствование законотворчества требует не только изучения личности депутата, проведения психологической экспертизы законопроектов, психологического прогнозирования законопроекта, но и исследования основных психологических явлений, процессов, состояний, их особенностей в законотворческой сфере, а также создания инновационной психотехнологии законотворчества, научно обоснованного единого психологического подхода к законотворческому процессу.

Опираясь на современный высокий уровень развития психологических наук, принимая во внимание социально-психологический заказ общества, можно констатировать, что в настоящее время созрели все необходимые условия для разработки психологии законотворчества как теоретико-прикладного направления правовой психологи, а на ее основе — инновационной психотехнологической модели законотворчества. Использование данной психотехнологии позволит значительно повысить эффективность профессиональной парламентской деятельности депутатов.

Список библиографических ссылок

1. Косопкин А. С. Психология парламентского законотворчества. М., 2006. С. 4.
2. Юдина Е. В. Юридическая психология для студентов вузов / под ред. Л. Д. Столяренко. Сер. Шпаргалки [и др.]. Ростов н/Д, 2005. С. 7.
3. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А. М. Столяренко [и др.]. М., 2003. С. 34.
4. Керимов Д. А. Потребность, интерес, право // Правоведение. 1971. № 4. С. 97.
5. Новик Ю. И. Психологические проблемы правового регулирования. Минск, 1989. С. 26—30.
6. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1909. Т. 1. С. 171.
7. Noll P. Theorie ter Gesetzgebung. Berlin, 1973. S. 5.

© И. А. Кибак, 2012

* * *

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахмедова Сания Шахимардановна
заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин ВФ МЮИ, кандидат юридических наук

Аширбекова Мадина Таукеновна
доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
E-mail: madina.55@mail.ru

Балконский Александр Георгиевич
федеральный судья Аскизского районного суда Республики Хакассия,
аспирант Волгоградской академии МВД России

Белокобыльская Ольга Ивановна
старший преподаватель кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук
E-mail: belokobylskaya-olga@yandex.ru

Белокобыльский Максим Евгеньевич
заместитель начальника кафедры уголовного права Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук
E-mail: belok-maksim@yandex.ru

Бугера Михаил Александрович
старший преподаватель кафедры уголовного права Волгоградской академии МВД России
Тел.: (8442) 54-76-81, E-mail: knn.76@mail.ru

Булгакова Елена Валерьевна
докторант Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Koordinator-proekta@mail.ru

Вехов Виталий Борисович
профессор кафедры организации следственной работы Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
Тел.: (8442) 24-18-54, E-mail: v-vehov@mail.ru

Винокурова Светлана Александровна
старший преподаватель Волгоградского филиала
Московского финансово-юридического университета
E-mail: svetlana-v79@mail.ru

Герасименко Наталья Сергеевна
аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Волгоградский филиал,
кафедра конституционного и административного права
Тел.: 8-902-385-17-35

Глазунов Вадим Юрьевич
начальник Центра по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Волгоградской области
Тел.: (8442) 30-40-20

Гулевский Алексей Николаевич
преподаватель кафедры философии Волгоградской академии МВД России,
кандидат философских наук
E-mail: gylewski@rambler.ru

Гусев Владимир Александрович
заместитель начальника Дальневосточного юридического института МВД России по научной работе,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: GusevVA@mail.ru

Дмитриенко Сергей Александрович
Федеральный судья Волгоградского областного суда, кандидат юридических наук

Долинко Василий Иванович
начальник редакционно-издательского отдела Академии управления МВД России,
адъюнкт заочной формы обучения Академии управления МВД России
Тел.: 8 (905) 785-62-19, E-mail: dol1111111@rambler.ru

Еремин Сергей Германович
профессор кафедры предварительного расследования Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент
Тел.: (8442) 54-76-79

Ермакова Анастасия Александровна
старший преподаватель кафедры прикладной математики
Волгоградского государственного технического университета, кандидат педагогических наук
Тел.: 8-927-50-48-759

Закатов Александр Алексеевич
профессор кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России,
заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор
Тел. (8442) 54-76-59

Замылин Евгений Иванович
профессор кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: efrommm@mail.ru

Катаргулов Альберт Нурисович
аспирант кафедры математики Тюменской государственной сельскохозяйственной академии,
соискатель Московского финансово-юридического университета
E-mail: katargulov-65@mail.ru

Кибак Иван Алексеевич
доцент кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат психологических наук, доцент
Тел.: 8-0296-40-51-40, E-mail: ivankibak@list.ru

Коломок Оксана Ивановна
директор Волгоградского филиала Московского финансово-юридического университета,
доктор педагогических наук, профессор
Тел.: 8-987-650-16-42, E-mail: oksana_kolomok@mail.ru

Колосович Марина Сергеевна
старший преподаватель кафедры организации следственной работы,
кандидат юридических наук
E-mail: 270619@mail.ru

Колотушкин Сергей Михайлович
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Московского государственного университета путей сообщения, доктор юридических наук, профессор
E-mail: kolotushkinsm@mail.ru

Кривошеин Петр Кузьмич
профессор кафедры уголовного права Волгоградской академии МВД России,
заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор
Тел.: (8442) 54-76-81

Лихолетов Александр Александрович
преподаватель кафедры предварительного расследования Волгоградской академии МВД России,
E-mail: alex198208@rambler.ru

Луговик Виктор Федорович
заместитель начальника НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

Мартынов Александр Николаевич
начальник ГСУ ГУ МВД России по Волгоградской области
Тел.: (8442) 30-44-70

Медведев Александр Игоревич
старший преподаватель кафедры боевой и физической подготовки
Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент
Тел. (8442) 54-77-23

Назаров Сергей Дмитриевич
профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист России
Тел.: (8442) 54-76-59

Овсянников Игорь Владимирович
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России

Огородникова Евгения Григорьевна
адъюнкт адъюнктуры (докторантуры) Волгоградской академии МВД России
E-mail: evgeniagrigorievna@mail.ru

Павленко Илья Александрович
адъюнкт адъюнктуры (докторантуры) Волгоградской академии МВД России
E-mail: ilia-pav@mail.ru

Печников Геннадий Алексеевич
профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент
Тел.: (8442) 54-76-52

Прокуров Евгений Витальевич
старший эксперт ЭКО УМВД России на комплексе «Байконур»,
соискатель ФПНПК Волгоградской академии МВД России
Тел.: 8-705-143-34-72, E-mail: eprokurov@mail.ru

Резван Александр Павлович
профессор кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор
Тел.: (8442) 54-76-59

Ручкин Виталий Анатольевич
профессор Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор
Тел.: (8442) 23-57-10

Сазонова Ольга Алексеевна
старший следователь Следственного Управления Управления МВД России по г. Волгограду
E-mail: Olka.sa@inbox.ru

Симоненко Александр Викторович
Начальник Воронежского института МВД России
E-mail: chiefvimvd@yandex.ru

Серый Федор Георгиевич
ученый секретарь ВНИИ МВД России,
кандидат экономических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Ингушетия

Смагоринский Борис Павлович
профессор кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: smagvolg@rambler.ru

Тарасова Ирина Александровна
доцент кафедры прикладной математики
Волгоградского государственного технического университета,
кандидат педагогических наук
Тел.: 8-927-25-81-659

Третьяков Владимир Иванович
начальник Волгоградской академии МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент
Тел.: (8442) 54-50-63

Феофанова Людмила Николаевна
доцент кафедры прикладной математики
Волгоградского государственного технического университета,
доцент, кандидат педагогических наук
E-mail: feo73@inbox.ru

Ходарева Татьяна Васильевна
преподаватель кафедры теории права и прав человека Волгоградской академии МВД России
Тел. 8-927-516-47-66

Шаова Татьяна Григорьевна
доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
Тел.: 8-904-770-16-92, E-mail: eprokurov@mail.ru

Широ Станислав Викторович
заведующий кафедрой права
Волгоградского государственного социально-педагогического университета,
кандидат педагогических наук, доцент
Тел.: 8-927-524-26-97, E-mail: stanislav_shiro@mail.ru

Шматов Михаил Андреевич
заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России
Тел: (8442) 54-76-52

Щербакова Марина Викторовна
доцент, зам. декана по воспитательной работе факультета романо-германской филологии
Воронежского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: scherbakova_mari@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Akhmedova Sania Shahimardanovna
Head of the Chair of Criminal Law Studies of the Volgograd Branch of the Moscow Law Institute, Candidate of Science (Law)

Ashirbekova Madina Taukenovna
Doctor of Science (Law), Professor of the Chair of Criminal Law Studies of the Volgograd Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the Jurisdiction of the President of the Russian Federation
E-mail: madina.55@mail.ru

Balkonsky Alexander Georgievich
Federal Judge of the Askiz District Court of the Republic of Khakassia, Postgraduate Student of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia

Belokobylskaya Olga Ivanovna
Senior Lecturer of the Chair of Criminalistics of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Candidate of Science (Law)
E-mail: belokobylskaya-olga@yandex.ru

Belokobylsky Maksim Eugenievich
Deputy Head of the Chair of Criminal Law of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Candidate of Science (Law)
E-mail: belok-maksim@yandex.ru

Bugera Mikhail Alexandrovich
Senior Lecturer of the Chair of Criminal Law of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia Tel. (8442) 54-76-81
E-mail: knn.76@mail.ru

Bulgakova Elena Valerievna
Doctoral Candidate of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor
E-mail: Koordinator-proekta@mail.ru

Dmitrienko Sergey Alexandrovich
Federal Judge of the Volgograd Regional Court, Candidate of Science (Law)

Dolinko Vasily Ivanovich
Head of the Printing and Publication Department of the Academy of Administration of the Ministry of Interior of Russia, Extra-Mural Adjunct of the Academy of Administration of the Ministry of Interior of Russia
Tel. 8 (905) 785-62-19 E-mail: dol1111111@rambler.ru

Eremin Sergey Germanovich
Professor of the Chair of Preliminary Investigation of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Science (Law), Associate Professor
Tel. (8442) 54-76-79

Ermakova Anastasia Alexandrovna
Senior Lecturer of the Chair of Applied Mathematics of the Volgograd State Technical University, Candidate of Science (Pedagogy)
Tel. 8-927-50-48-759

Feofanova Liudmila Nickolaevna
Associate Professor of the Chair of Applied Mathematics of the Volgograd State Technical University, Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor
E-mail: feo73@inbox.ru

Gerasimenko Natalia Sergeevna
Postgraduate Student of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the Jurisdiction of the President of the Russian Federation
Tel. 8-902-385-17-35

Glazunov Vadim Yurievich
Head of the Center for Combating Extremism of the Main Department of the Ministry of Interior of Russia of the Volgograd Region
Tel. (8442) 30-40-20

Gulevsky Aleksey Nickolaevich
Lecturer of the Chair of Philosophy of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Candidate of Science (Philosophy)
E-mail: gylewski@rambler.ru

Gusev Vladimir Alexandrovich
Deputy Chief of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Interior of Russia for Scientific Work, Candidate of Science (Law), Associate Professor
E-mail: GusevVA@mail.ru

Katargulov Albert Nurisovich
Postgraduate Student of the Chair of Mathematics of the Tyumen State Agricultural Academy, Degree-Seeking Student of the Moscow Finance and Law University
E-mail: katargulov-65@mail.ru

Khodareva Tatiana Vasilievna
Lecturer of the Chair of Theory of Law and Human Rights of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia
Tel. 8-927-516-47-66

Kibak Ivan Alekseevich
Associate Professor of the Chair of Psychology and Pedagogy of the Academy
of the Ministry of Interior of the Republic of Belarus, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor
Tel. 8-0296-40-51-40 E-mail: ivankibak@list.ru

Kolomok Oksana Ivanovna
Director of the Volgograd Branch of the Moscow Finance and Law University,
Doctor of Science (Pedagogy), Professor
Tel. 8-987-650-16-42 E-mail: oksana_kolomok@mail.ru

Kolosovich Marina Sergeevna
Senior Lecturer of the Chair of Investigative Activities Organization, Candidate of Science (Law)
E-mail: 270619@mail.ru

Kolotushkin Sergey Mikhailovich
Head of the Chair of Criminal Law Studies of the Moscow State University of Communication Lines,
Doctor of Science (Law), Professor
E-mail: kolotushkinsm@mail.ru

Krivoshein Peter Kuzmich
Professor of the Chair of Criminal Law of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Honored Lawyer of Russia, Doctor of Science (Law), Professor
Tel. (8442) 54-76-81

Likholetov Alexander Alexandrovich
Lecturer of the Chair of Preliminary Investigation of the Volgograd Academy
of the Ministry of Interior of Russia
E-mail: alex198208@rambler.ru

Lugovik Victor Fedorovich
Deputy Chief of the Research Institute of the Federal Service for Execution of Punishment of Russia,
Doctor of Science (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Martynov Alexander Nickolaevich
Chief of the Main Investigation Department of the Main Department
of the Ministry of Interior of Russia of the Volgograd Region
Tel. (8442) 30-44-70

Medvedev Alexander Igorevich
Senior Lecturer of the Chair of Combat and Physical Training
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Law), Associate Professor
Tel. (8442) 54-77-23

Nazarov Sergey Dmitrievich
Professor of the Chair of Operational Search Activities and Special Equipment
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Candidate of Science (Law),
Professor, Honored Lawyer of Russia
Tel. (8442) 54-76-59

Ogorodnikova Eugenia Grigorievna
Adjunct of the Postgraduate Course of the Volgograd Academy
of the Ministry of Interior of Russia
E-mail: evgeniagrigorievna@mail.ru

Ovsyannikov Igor Vladimirovich
Doctor of Science (Law), Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure
of the Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia

Pavlenko Ilya Alexandrovich
Adjunct of the Postgraduate Course of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia
E-mail: ilia-pav@mail.ru

Pechnikov Gennady Alekseevich
Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Doctor of Science (Law), Associate Professor
Tel. (8442) 54-76-52

Prokurov Eugeny Vitalievich
Senior Expert of the Expert Criminalistic Department of the Department
of the Ministry of Interior of Russia of the Baikonur Complex, Degree-Seeking Student
of the Postgraduate Course of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia
Tel. 8-705-143-34-72 E-mail: eprokurov@mail.ru

Rezvan Alexander Pavlovich
Professor of the Chair of Criminalistics of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Doctor of Science (Law), Professor
E-mail: krimkol@yandex.ru

Ruchkin Vitaly Anatolievich
Professor of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Doctor of Science (Law), Professor

Sazonova Olga Alekseevna
Senior Investigator of the Investigation Department of the Department of the Ministry of Interior of Russia
of the City of Volgograd
E-mail: Olka.sa@inbox.ru

Simonenko Alexander Victorovich
Chief of the Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia
E-mail: chiefvimvd@yandex.ru

Scherbakova Marina Victorovna
Associate Professor, Vice Dean for Educational Work of the Department of Romano-Germanic Philology of the Voronezh State University, Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor
E-mail: scherbakova_mari@mail.ru

Sery Fedor Georgievich
Academic Secretary of the All-Russia Research Institute of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Ingushetia

Shaova Tatiana Grigorievna
Associate Professor of the Chair of Forensic Examination and Criminalistics
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Law), Associate Professor
Tel. 8-904-770-16-92 E-mail: eprokurov@mail.ru

Shiro Stanislav Victorovich
Head of the Chair of Law of the Volgograd State Social and Pedagogical University,
Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor
Tel. 8-927-524-26-97 E-mail: stanislav_shiro@mail.ru

Shmatov Mikhail Andreevich
Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor
Tel. (8442) 54-76-52

Smagorinsky Boris Pavlovich
Professor of the Chair of Criminalistics of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Doctor of Science (Law), Professor
E-mail: smagvolg@rambler.ru

Tarasova Irina Alexandrovna
Associate Professor of the Chair of Applied Mathematics of the Volgograd State Technical University,
Candidate of Science (Pedagogy)
Tel. 8-927-25-81-659

Tretyakov Vladimir Ivanovich
Chief of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Associate Professor
Tel. (8442) 54-50-63

Vekhov Vitaly Borisovich
Professor of the Chair of Investigative Activities Organization of the Volgograd Academy
of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Science (Law), Associate Professor
Tel. (8442) 24-18-54 E-mail: v-vehov@mail.ru

Vinokurova Svetlana Alexandrovna
Senior Lecturer of the Volgograd Branch of the Moscow Finance and Law University
E-mail: svetlana-v79@mail.ru

Zakatov Alexander Alekseevich
Professor of the Chair of Criminalistics of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor
Tel. (8442) 54-76-59

Zamylin Eugeny Ivanovich
Professor of the Chair of Criminalistics of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Law), Associate Professor
E-mail: efrommm@mail.ru

400089, Волгоград, ул. Историческая, 130,
Волгоградская академия МВД России,
Журнал «Вестник ВА МВД России».
E-mail: rio-vamvd@yandex.ru
Тел. (8442) 24-18-57, 58-46-08

Научно-методический журнал **«Вестник Волгоградской академии МВД России»** является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров.

Регистрационный номер в Нижневолжском управлении Росохранкультуры — ПИ № ФС9 — 0869 от 9 июня 2006 г.

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» — 22761

ISSN 2074-8183

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем рассылки, подписки по каталогу «Роспечать» и розничной продажи через торговый отдел ВА МВД России.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Аннотации статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Главный редактор журнала — заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, начальник Волгоградской академии МВД России генерал-майор милиции В. И. Третьяков.

Заместитель главного редактора — заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России по научной работе полковник милиции П. В. Анисимов.

Приоритетными задачами издания являются:

— представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;

— информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;

— анализ актуальных проблем обучения и воспитания в ведомственных вузах МВД и поиск оптимальных путей их решения;

— представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;

— обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных учреждений;

— аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В ЖУРНАЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РУБРИКИ:

1. Современные проблемы государства и права.
2. Конституционное и административное право.
3. Частное право.

4. Уголовное право и криминология.
5. Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-разыскная деятельность.
6. Актуальные проблемы высшей школы.
7. Информационные технологии в обучении.
8. Профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел.
9. Страницы истории.
10. Научная дискуссия.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ»

Представляемая к изданию рукопись должна:

— по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;

— содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;

— предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен превышать 10-ти машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста, подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер — 14. Поля на странице: слева и снизу — 25 мм, сверху — 20 мм, справа — 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат — TIFF или JPEG, режим — градиент серого или битовый, разрешение — 300 dpi). Обязательно наличие подрисуночных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008.

Каждая статья должна содержать:

— заголовок на русском и английском языке;

— аннотацию[1] на русском и английском языке (не более 450 знаков, включая пробелы);

— ключевые слова[2] на русском и английском языке;

— сведения об авторе на русском и английском языке (Ф.И.О. полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);

— пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5—2008;

— коды библиотечно-библиографической классификации (ББК) и универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов. Для подписчиков журнала перевод осуществляется сотрудниками академии бесплатно.

[1] **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

[2] **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, Ф. И. О. руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

— заявка (бланк на сайте);

— идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте;

— рецензия из источника, внешнего по отношению к ВА МВД России, с оригинальной подписью и печатью (рецензент должен обладать ученой степенью кандидат или доктор наук и научным званием доцент или профессор соответствующего научного профиля);

— подписанный авторский договор в двух экземплярах (договоры на одного и на нескольких авторов размещены на сайте академии. Договор подписывают все авторы статьи);

— копия подписной квитанции.

Все документы можно представить лично, либо отправить одновременно в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) по адресу:

400089, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Волгоградская академия МВД России.

Редакционно-издательский отдел.

Журнал «Вестник ВА МВД России».

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета ВА МВД России по следующим критериям:

— актуальность;

— научная новизна;

— теоретическая и прикладная значимость;

— исследовательский характер;

— логичность и последовательность изложения;

— аргументированность основных положений;

— достоверность и обоснованность выводов.

По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования редакционная коллегия принимает окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Редакция рекомендует авторам проверять рукописи на сайте *antiplagiat.ru*

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ЗАЯВКА
на публикацию статьи в журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России»

1. Сведения об авторе

1.1. ФИО полностью	
1.2. Ученая степень	
1.3. Ученое звание	
1.4. Место работы	
1.5. Должность	

2. Контактная информация

2.1. Почтовый индекс, адрес места работы, рабочие телефоны	
2.2. Почтовый индекс, домашний адрес, домашний телефон	
2.3. Мобильный телефон	
2.4. E-mail*	
2.5. Контактная информация для опубликования в журнале (телефон или e-mail)	

3. Информация о статье

3.1. Название статьи	
3.2. Аннотация (не более 450 знаков, включая пробелы)	
3.3. Ключевые слова	
3.4 Рубрика**	

4. Другие сведения

4.1. Подпись автора	Я не возражаю против того, чтобы указанные мною в пп. 1.1—1.5 и 2.5 сведения были опубликованы в открытом доступе «____» _____ 20___г. _____ (подпись)

* Наличие e-mail обязательно.

** Указать желаемую рубрику в соответствии с рубрикацией журнала.

Внимание! При неправильно заполненной заявке и предоставлении неполной информации вопрос о публикации статьи рассматриваться не будет.